Альберт ПАЙК

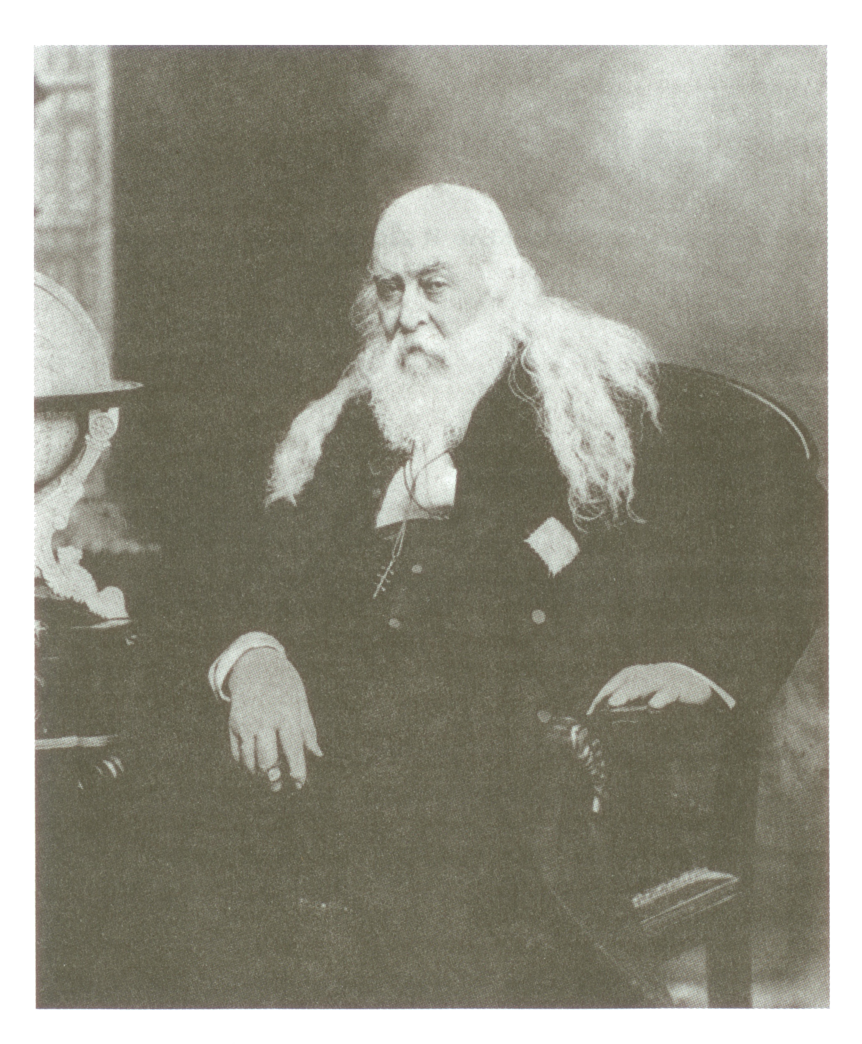
МОРАЛЬ И ДОГМА

ДРЕВНЕГО И ПРИНЯТОГО ШОТЛАНДСКОГО УСТАВА ВОЛЬНОГО КАМЕНЩИЧЕСТВА

II

Энциклопедия масонства

Мораль и Догма

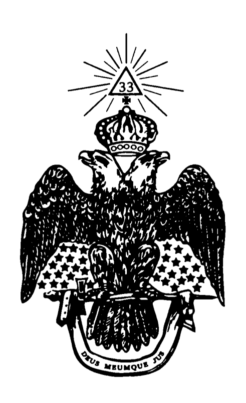

⌗ ALBERT PIKE, Grand Commander 33°

Альберт Пайк

Мораль и Догма

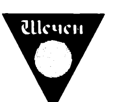
Древнего и Принятого Шотландского Устава
Вольного Каменщичества

Том II

**Подготовлено для Верховного Совета
Тридцать Третьего и Последнего Градуса
Южной Юрисдикции
Древнего и Принятого Шотландского Устава
для Соединенных Штатов Америки
и публикуется его властью**

A.·.M.·. 5768 2008 E.V.

УДК 1/14
ББК 76.42
П 12

Альберт Пайк
Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава /
Альберт Пайк / Пер. с англ. Е.Л. Кузьмишина. –
М.: Издательство «Ганга», 2008. – 360 с.
ISBN 978-5-98882-054-3

MORALS AND DOGMA
OF THE ANCIENT AND ACCEPTED SCOTTISH RITE OF FREEMASONRY
Charleston, A∴M∴ 5632

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» – основополагающий труд по истории и философии масонства как посвятительного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк – один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава. Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень. «Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исиды до современных Пайку неотамплиеров. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

Мораль и Догма

Morals & Dogma

АРЕОПАГ РЫЦАРЕЙ КАДОШ

Council of Kadosh

Ареопаг Рыцарей Кадош

Grand Pontiff

19

Великий Понтифик (Великий Первосвященник)

Истинный Вольный Каменщик трудится на благо тех, кто придет после него и ради прогресса и процветания своего народа. Низменны и бедны те амбиции, которые охватывают только одну человеческую жизнь. Все, кто вообще заслуживает земной жизни, надеются пережить собственные похороны и продолжить жить скорее в тех добрых делах, которые они сотворили человечеству, чем в бледных и недолговечных буквах своего имени, столь скоро стирающегося в памяти людской. Большинство людей надеются оставить после себя плоды своих деяний, дабы в действительности пережить краткий срок, отпущенный для их собственной земной жизни и земной жизни всего их смертного поколения. Это врожденный инстинкт, заложенный в наши души – даже самые грубые и приземленные,– Самим Богом; это одно из ярчайших доказательств бессмертия души и явных различий между Человеком и даже самым образованным из подлецов. Сажать деревья, в тени которых будут отдыхать наши дети, так же естественно, как и наслаждаться тенью деревьев, посаженных нашими отцами. Неграмотный и опустившийся крестьянин, болезненно переживающий свою ущербность, самая бедная вдова, отдающая свою кровь и жизнь тем, кто платит только за работу иглы в ее руках,– непременно будут трудиться, не покладая рук, во всем себе отказывать, только бы дать своим детям образование, чтобы они заняли в обществе положение более высокое, чем их собственное,– таковы все благодетели человечества.

Только в своих делах и свершениях человек становится истинно бессмертен до всеобщего воскресения и Страшного Суда. Спартанка, которая, подавая сыну щит, приказала: «С ним или на нем!», – впоследствии стала правительницей Лакедемонии совместно с законодателем Ликургом, потому что она провозгласила закон, которому суждено было намного пережить ее саму; она вдохновляла на бой спартанских воинов, которые вскоре разрушили стены Афин, а потом вместе с Александром Великим покоряли Восток. Вдова, давшая Марион лук с пылающими стрелами для того, чтобы та подожгла ее собственный дом и в нем не могли укрыться враги ее молодой страны, тот дом, в котором она возлежала в объятиях своего супруга, в котором она родила своих детей, – эта вдова создала для своей страны более важный и мудрый закон, чем все Локки и Шефтсбери и чем все остальные законодатели после того, как ее страна обрела независимость.

Египетского фараона и монархов Ассирии и Финикии оставило совершенно равнодушными известие о том, что некий сын иудейки, принятый и воспитанный дочерью фараона Сезостриса-Рамзеса, убил египтянина, избивавшего раба-иудея, и бежал в пустыню, где оставался в течение сорока лет. Но Моисей, которому в противном случае суждено было стать правителем Нижнего Египта и о котором нам сейчас не было бы известно практически ничего, кроме его имени на пьедестале полуразрушенного памятника, стал спасителем народа Израиля, выведшим его из Египта и приведшим к границам Палестины, даровавшим ему Закон, из которого впоследствии выросла христианская вера, и тем самым определившим пути развития всего мира. И он, и законодатели древнего Рима, и Альфред Английский, и древние саксонские таны, и норманнские бароны, и судьи и писцы Средневековья, и создатели старинных кодексов, имена которых затерялись в мутном тумане прошлого, – все они наши законодатели, и мы верны их законам.

Наполеон умер в изгнании на голых скалах острова Св. Елены. Его останки, перевезенные во Францию сыном короля, покоятся в Госпитале Инвалидов в великом городе Сиене. Но мысли его до сих пор правят Францией. Он, а не народ, сверг с престола Бурбонов и отправил последнего монарха из Орлеанского правящего Дома в изгнание. Он из своего гроба, а не народ, возвел на престол Наполеона III путем всенародного голосования; и именно он, а не

генералы Франции и Англии, направил объединенные силы против Северной диктатуры.

Магомет объявил арабским кочевникам-идолопоклонникам новую веру: *«Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет* [*как и Моисей, и Христос*] *– Пророк Его»*. Многие годы, сначала один, позже – с помощью своей семьи и новых друзей, еще позже – многочисленных учеников, и наконец огромной армии, он проповедовал учение Корана. Религия пламенного арабского проповедника, привлекавшая на свою сторону даже самые дикие племена великой пустыни, распространилась по всей Азии, возвела на престол сарацинские династии, завоевала Персию и Индию, Греческую империю, Северную Африку и Испанию, затем направив охваченные религиозным огнем полчища на завоевание великого христианского соседа – Европы. Закон Магомета до сих пор правит четвертой частью человечества, и турки, мавры, арабы, персы и индийцы почитают Пророка и совместно молятся, обратившись в сторону Мекки, и именно Пророк, который давно умер, а не правительства живых людей правит на Востоке.

Конфуций до сих пор властвует над умами в Китае, а в России – Петр Великий. Платон и великие учителя древности до сих пор восседают на троне правителей в царстве Философии, подданными которого являются все высокоученые люди. Великие государственные деятели прошлого до сих пор председательствуют в правящих советах наций. Дух Берка все еще витает в Палате Общин, а громовые раскаты речей Беррье еще долго не умолкнут в стенах французского Законодательного Собрания. Противоречащие друг другу мысли и противоборствующие влияния Уэбстера и Калхауна до сих пор раздирают на части Соединенные Штаты, и для сторонников каждого из этих деятелей его слова – это оракул, вещающий из Святая Святых, и истина в последней инстанции, освященная пушечным громом и пролитыми потоками крови.

В свое время было мудро сказано, что, когда Тамерлан возвел свою знаменитую пирамиду из пятидесяти тысяч человеческих черепов и выехал во главе неисчислимых полчищ из ворот Дамаска на поиски новых завоеваний, чтобы возводить новые и новые пирамиды из человеческих черепов, на улице города Майнца играл маленький мальчик, сын бедного ремесленника, значение личности которого по сравнению с Тамерланом казалось в то время подобным песчинке по сравнению с земным шаром; но Тамерлан и

все его кровожадные полчища, точно буря, пронеслись по Востоку, повсюду сея смерть и разрушение, и пропали, точно их никогда и не было, в то время как печатный станок Иоганна Фауста[1] – тогда еще маленького мальчика – оказал большее влияние на судьбы человечества и опрокинул больше тронов, чем все кровопролитные войны всех завоевателей от Нимврода до Наполеона.

Много веков назад великий Храм, возведенный в Иерусалиме Царем Соломоном и нашими древними братьями, был разрушен, когда город захватили ассирийские войска. Святой город ныне представляет собой горы руин под знаменем Полумесяца, Святая Земля – голую пустыню. Правители Египта и Ассирии, правившие одновременно с Соломоном, исчезли со страниц истории, и все рассказы о них сводятся к народным сказкам и преданиям. Древний Восток сейчас представляет собой поле археологических раскопок, развалины на окраине великой временной шкалы. Волки и шакалы воют среди развалин Фив и Тира, а изображения вавилонских и ниневийских правителей вырубают из стен храмов и дворцов и увозят в иные страны, где выставляют в музеях. Но в то же время незаметный и мирный Орден, Великим Мастером которого – совместно с Царями Израильским и Тирским – в свое время был сын нищей финикийской вдовы, продолжает развиваться и наращивать свое влияние в мире, невзирая на бурные волны океана Времени и жестокие преследования. Время не сотрясло его прочный фундамент, не сломило его колонны, не исказило гармонию его величественных пропорций. Там, где во времена Соломона грубые варвары осваивали враждебные и негостеприимные леса и долины Франции и Англии, и даже в Новом Свете, неизвестном в древности ни иудеям, ни язычникам, когда слава древнего Востока угасла, этот Орден возвел новые Храмы и с тех пор наставляет тысячи своих новых посвященных в тех же законах мира, доброй воли и терпимости, доверия Божественному Провидению и своему ближнему, в которых наставляли Мастера Учеников, когда иудей совместно с гиблемитом трудились на склонах горы Ливанской, а верующий в Иегову и верующий в финикийского Бэла сидели бок о бок в Совете Иерусалимском.

Миром правят мертвые. Живые лишь повинуются им. И если душа способна после смерти человеческого тела видеть происходящее на Земле и следить за преуспеванием тех, кого она любила в земной жизни, наверное, самое большое счастье для нее – видеть,

что добрые дела, свершенные ей, растут и ширятся с течением времени, подобно ручьям, сливающимся в полноводную реку, и приводят к улучшению жизни отдельных людей, семей, государств и всего мира в целом; а самое большое горе для нее, наверное, – видеть, что злые ее поступки до сих пор приносят горе и беды живым спустя много лет после того, как сама плоть ее земного тела превратилась в прах, а имя и дела его стерлись из памяти людей.

Нам неведомо, кто из великих мертвецов управляет нашими судьбами. Вселенский род человеческий неразрывно связан этими влияниями и привязанностями, которые в высшей степени четко определяют его судьбы. Человечество – единое существо, а отдельный человек – всего лишь одна из его клеток. Все сказанное, сделанное, помысленное давно умершими людьми в прошлом создает некую модель, охватывающую нас своими принципами и управляющую нашим поведением. Мы действительно принимаем свою веру такой, какой завещали ее нам великие властители дум прошлого, и перед их авторитетом разум наш бессилен.

Мы были бы готовы заключить или расторгнуть практически любой договор, но между нами и нашими возможными поступками нерушимой стеной стоят законы, заповеданные нам древними английскими судьями и живущие и поныне, когда сами эти судьи уже много веков назад истлели в земле. Мы бы раскинули границы своих владений там, где это было бы угодно нам самим, однако законы, принятые английским парламентом при Первом или Втором Эдуарде и с тех пор прошедшие неизменными сквозь века, запрещают нам столь бесконтрольно претворять в жизнь свою эгоистичную волю. Мы бы с радостью воспользовались тем или иным своим преимуществом, но закон, установленный каким-то древним римским сенатором еще до Юстиниана или самим великим Цицероном, лишает нас этого преимущества или настолько ограничивает возможности воспользоваться им, что оно практически исчезает. То нам запрещает Моисей, это – Альфред. Мы бы с радостью продали свою землю; но заповедь нашего отца или деда, или еще какого-нибудь дальнего предка, зафиксированная на подверженной тлению бумаге, запрещает нам это, точно рука мертвеца высовывается из могилы и осуждающе грозит нам пальцем. Стоит нам только собраться согрешить или ошибиться, как тут же слова нашей давно умершей матери, сказанные нам в детстве и тут же растаявшие в воздухе, прочно забытые нами на долгие годы, неожиданно

всплывают в нашей памяти, с необоримой силой удерживая нас от необдуманного поступка.

Так мы повинуемся мертвым, и так живые будут повиноваться нам в печали и радости, когда нас не станет. Мысли прошлого – это законы настоящего и будущего. Все, что мы говорим и делаем, не имеет никакого значения, если плоды этих мыслей и деяний не переживут нас на Земле. Единственные мысли, достойные обдумывания, единственные деяния, достойные осуществления, – это те, которые будут жить и после нашей смерти, войдя, таким образом, в великий свод Законов Мертвых. Стремиться к тому, чтобы сделать нечто, воздаяния за что не будет при жизни, а только после смерти, когда нам уже все равно, – вот высочайшее стремление, на которое только может оказаться способен человек.

В этом должно быть стремление каждого истинного и верного масона. Зная неспешность, с которой Господь производит все великие перемены на Земле, он не может и не должен надеяться посеять семена и собрать урожай в течение одной своей земной жизни. Неизбежная судьба и высочайшее предназначение великих праведников мира сего, за редкими исключениями, состоит в том, чтобы сеять семена, всходы которых пожнут их далекие потомки. Творящий добро только ради того, чтобы быть за это вознагражденным, материальными ли благами, благодарностью ли, славой ли, – подобен ростовщику, отдающему деньги в долг, чтобы потом ему их вернули с процентами. А вот если «награда» за благие деяния состоит в клевете, насмешках, общественном порицании, ненависти или, в лучшем случае, тупом безразличии или холодной неблагодарности, – то это естественно, а посему не беда, ибо наверняка найдется хоть один человек, которому хватит ума оценить благое дело и поблагодарить и восславить благодетеля человечества, не сразу – так потом. Он останется в веках, будет великое и таинственное Будущее помнить его имя или забудет навеки.

Мильтиаду повезло именно потому, что его отправили в изгнание, а Аристиду – потому, что его подвергли остракизму, ибо согражданам его надоело именовать его Справедливым. Повезло и Спасителю; не повезло только тем, кто отплатил Ему за неоценимый Его дар всему человечеству и за жизнь Его, проведенную в трудах и наставлении народа ради его же блага, распятием на кресте вместе с разбойниками. Палач умирает и гниет в земле, и спустя много лет люди произносят его имя с отвращением, но самими

своими делами он делает славной и бессмертной память своих жертв.

Масон, принесший благо своей стране и своему народу, должен заранее рассчитывать если не на преследование и клевету, то на равнодушие и безразличие тех, чьего блага он взыскует и от кого ожидает такой же заботы о благе друг друга. Обычно Истина завоевывает сердца людские гораздо медленнее, чем растет дуб, кроме тех случаев, когда сознание людей претерпевает кардинальные изменения в назначенное время, когда приходит новый великий Пророк и Спаситель и сверхъестественные силы заставляют расти и бурно развиваться новую религию; посему всякий сеятель просто не может и не должен надеяться стать и жнецом. У Спасителя на момент Его земной смерти было двенадцать учеников, из которых один предал Его, а один отрекся от Него. Для всех нас достаточно должно быть того лишь точного знания, что плоды появятся в нужное время. Ни в коей мере не должно нас волновать, кто и когда соберет их. Наше дело – сеять семена добра. А уж дело Господа – наделять плодами тех, кого Он сочтет достойными их, и если не нас, то тем более славны наши дела.

Сеять, чтобы другие сжали, трудиться ради тех, кто будет населять Землю спустя века после нашей смерти, творить ради будущего, тем самым продлевая свою собственную жизнь, царить в умах еще не родившихся людей, благословлять дарами Истины, Свободы и Света тех, кто так никогда и не узнает имени дарителя, не заботиться о внешнем блеске усыпальницы своего бренного праха, – вот предназначение истинного масона и вообще любого праведного человека.

Все величайшие и благие процессы в природе протекают крайне медленно и почти незаметно, шаг за шагом. Только разрушение и уничтожение подобны бурям. Извержение вулкана и землетрясение, торнадо и лавина внезапно набирают полную и жестокую силу и наносят свои страшные удары. Везувий за одну ночь похоронил под слоем пепла Помпеи и Геркуланум; весь Лиссабон пал ниц пред Господом через миг после того, как земля сотряслась в первый раз; целые альпийские деревни лавины стирают с лица земли за один миг; целые огромные леса торнадо вырывает с корнем и переносит на многие мили. Эпидемии уничтожают тысячи людей за один день; шторм за один час покрывает побережье осколками погибших кораблей.

Посох пророка Ионы пророс и зацвел за одну ночь. Но много веков назад в Англии, задолго до того, как норманнский завоеватель наступил кованым сапогом на горло простертого на земле сакса, некий неизвестный странник-варвар, житель этого никому еще в мире не известного острова в Северном море, просто от нечего делать, закопал в землю желудь, – и пошел дальше, неведомо куда и зачем, чтобы навеки исчезнуть в таинственной пелене прошлого. Потом он умер и был всеми позабыт; а желудь, между тем, продолжал лежать в земле, и внутри него, во тьме, продолжала действовать огромная скрытая сила. Со временем из него выстрелил нежный побег, который питался светом и теплом Солнца и влагой утренней росы; потом появились первые тонкие листочки, которым суждено было выжить и вырасти, потому что так случилось, что ни олень, ни дикий бык не сжевали их и не смяли своими копытами. Шли годы, и побег превратился в молодое деревце, регулярно теряющее листья осенью и покрывающееся новыми листьями весной. А годы все шли и шли, и вот уже Вильгельм – норманнский бастард, завоевал Англию и разделил ее между своими баронами, а молодое деревце все так же росло и все так же питалось утренней росой, а птицы строили в его ветвях гнезда для своего потомства на протяжении многих своих недолговечных поколений. А годы все шли и шли, и в его тени прилег отдохнуть одинокий дикий охотник, и Ричард Львиное Сердце приступом взял Акру и Аскалон, и горделивые и отважные бароны вырвали у Иоанна Безземельного Великую Хартию Вольностей, но чу! наше деревце превратилось во взрослое дерево, и распростерло свои ветви далеко в стороны, и вознесло свою вершину еще выше, еще ближе к небесам; оно протянуло свои корни глубоко к центру земли, чтобы твердо и прочно стоять посреди всех бурь и штормов, бушующих в его ветвях; и когда Колумб бороздил неведомые просторы Западной Атлантики, и когда Кортес купал в крови святой крест, и когда гугеноты, пуритане, кавалеры и последователи Пенна искали мира и покоя за океаном, – великий дуб продолжал стоять, нависая над всем лесом, могучий, высокий, прочно укоренившийся, гордый, не замечающий века, с огромной скоростью проносящиеся мимо него с тех самых пор, как странник-варвар зарыл в землю один-единственный желудь; он превратился в гигантское старое дерево, покрывающее тенью своей кроны огромное пространство, а древесины его хватило бы для постройки целого флота, готового пронести пушки великой новой республи-

ки по всем морям мира в огне и дыму залпов. И тем не менее, если бы кто-нибудь уселся перед первым пробившимся из земли к свету побегом и непрерывно следил бы за его ростом вплоть до тех самых пор, когда орлы свили гнезда в недосягаемой дубовой кроне, – он не сумел бы заметить, как *растет* это дерево.

Много долгих веков назад, еще до того, как халдейские волхвы увидели в небе путеводную звезду, а Хуфу возвел величественные пирамиды, можно было проплыть в лодке среди всего лишь семидесяти четырех в то время островов, которых сейчас тысячи в Индийском океане, и казалось, что у океана там вообще нет дна. Однако в то же время под волнами океанической поверхности существовали мириады и мириады – количества, непостижимые для арифметики, – живых существ, каждое из которых было совершенно, каждое из которых было сотворено Всевышним для исполнения той задачи, которую Он предписал ему. Все эти существа неустанно трудились под водой над исполнением каждое – своей части великого труда, истинная цель которого была ведома только Богу, как и сроки его исполнения. И они трудились и умирали, неисчислимые по общему количеству и тем более – по числу поколений, каждое привнося свою долю в величайшее предприятие Господнего свершения. Ибо таким образом Он решил создавать континенты и острова, и именно так живут и умирают кораллы, из мертвых скелетов которых состоит платформа, на которой покоится долина Огайо.

Господь решил творить. Там, где сейчас суша, в свое время бурлил и ревел мировой океан. Многие тысячелетия в его глубинах жили и умирали мириады крошечных инфузорий, скелеты которых опускались после их смерти на дно и там, под давлением водных слоев, слеживались и превращались в известняк. Постепенно их залежи поднимались волей Всевышнего из неизмеримых глубин, ложась в основание всех континентов и островов, толщина основания которых составляет тысячи и тысячи футов, а мы на этих мириадах трупов древнейших инфузорий строим храмы и усыпальницы, как делали и египтяне, которых мы называем древними.

С поверхности всех морей и озер, на которые с одинаковыми любовью и заботой взирает Солнце, поднимаются ему навстречу невидимые водные пары. Ничей глаз, кроме Божьего, не способен разглядеть их. Там, в высших слоях атмосферы, они конденсируются в туман и собираются в облака, отправляющиеся в неизбежное

путешествие по небу. Они несутся по небу по воле ветра над бурными океанами и величественными горными склонами. Еще больше сжимаясь под действием перепадов температур, они изливаются на землю ласковым дождем, или обильным ливнем, или страшной экваториальной бурей. Дождь, ливень или буря проходят, и снова звезды загораются на безоблачном небе, освещая благодарную, утолившую жажду землю. Дождевые же капли собираются в подземные полости, вытекают подземными ручейками в подземные реки и изливаются на земную поверхность гейзерами или ключами; и с горных склонов и из плодородных долин они серебряными струями устремляются в свой долгий путь к океанам. Сливаясь с другими ручейками, они вырастают в ручьи и каналы, и наконец в реки, подобные Нилу, Амазонке, Гангe, Дунаю или Миссисипи, которые вальяжно и горделиво текут в своих руслах, питая плодородные долины, становящиеся житницами человечества, перенося на своих волнах тяжелые суда по торговым путям, или же служа естественными границами, непреодолимыми для враждующих народов; затем эти капли, которые океан отправил ввысь в виде капель пара, которые затем возвратились на землю в виде дождя или снега, выпавших на поля или горные долины, возвращаются в объятия океана, чей величественный прилив снова набухает ими, неустанно набегая волнами на берег.

Так же и с делами рук человеческих. Подобно тому, как соединяются между собой в туман капли невидимого водного пара, чтобы в виде дождя выпасть на жаждущие континенты, благословляя влагой и жизнью величественные зеленые леса, обширные травянистые прерии и колосящиеся поля – людские житницы; как сливаются воедино неисчислимые капли влаги, выпиваемые землей, для того чтобы образовать глубокие и широкие реки, разрушающие горы и возвышающие долины, питающие моря и океаны, – так и все мысли, слова и дела человеческие, все то, что человек думает, говорит, делает или испытывает на протяжении своей земной жизни, сливается воедино и одним глубоким и широким потоком течет вперед во времени, к той великой и единой цели, которая поставлена перед всем человеческим родом Творцом.

Мы строим медленно, но быстро разрушаем. Наши древние братья, строители Иерусалимского и других храмов, великими трудами и многократно повторенными усилиями валили, распиливали и разрубали ливанские кедры, вырубали, обрабатывали и шлифо-

вали камни в каменоломнях, вытачивали причудливые орнаменты, которым суждено было украсить эти храмы. Камень за камнем, совместными тяжкими трудами всех Учеников, Подмастерий и Мастеров, росли их стены; медленно, постепенно покрывали здание своды крыши; и только много лет спустя после начала строительства здания оказывались готовы, обставлены и должным образом украшены для вознесения в них молитв Господу, и сияли они неземным блеском под ярким Солнцем и голубым небом Палестины. Так их возводили. Но один лишь факел, брошенный невежественным и подлым ассирийским копейщиком или пьяным римлянином или готом – воином Тита – в силу сиюминутного порыва грубого разрушительного ража, – и вот уже без всякого дальнейшего участия человека, всего за несколько часов, прекрасный храм превращался в груду черных дымящихся развалин.

Будь поэтому терпелив, брат мой, и жди! *Человек предполагает, а Бог располагает.*

Посему никогда не уставай творить добро и не устраняйся от этого жребия! Никогда не обижайся на людское равнодушие, не злись на людскую суетность, не страдай от людского безразличия! Не беспокойся о собственном вознаграждении и о результатах своего труда; знай только, что нужно делать именно тебе, и делай это, а о результатах пусть заботится Бог! Воин Креста! Рыцарь Справедливости, Истины и Терпимости! Праведный, истинный Рыцарь! Будь же терпелив в своих трудах!

«Откровение» Иоанна, эта высшая каббалистическая и пророческая квинтэссенция всех мировых оккультных учений, подразделяет следующие чередой образы на три седмицы, в конце каждой из которых в Небесах воцаряется тишина. Снимаются семь печатей, познаются семь таинств, преодолеваются семь препятствий, звучат семь труб ангельских и осушаются семь чаш.

«Откровение...» предназначено для тех, кто посвящен в девятнадцатый градус, чья вера – только в Бога, это апофеоз Высшей Религии, отвергающей все дела и таинства Люциферовы. Люцифер – *Светоносец!* Странное и таинственное имя Духа Тьмы! Люцифер – сын утренней зари! *Он* ли – носитель *Света,* который слепит и отупляет слабых, чувственных эгоистов? И не сомневайся! Мировые традиции полны Откровений и Вдохновений, причем они не ограничиваются рамками какой-либо одной религии. И Платон, и Филон получили Откровение свыше.

«Откровение...» – книга, не менее сложная для понимания, чем «Зогар».

Она написана иероглифами цифр и образов, и апостол в ней не раз и не два призывает посвященных постигать ее внутренний смысл силой своего разума. «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя», – пишет он, подразумевая необходимость тщательного изучения и постижения таинственной аллегории. Св. Иоанн, возлюбленный из апостолов, хранитель всех секретов и таинств Спасителя, писал отнюдь не для толпы, не для основной массы своих современников.

«Сефер Йецира», «Зогар» и «Откровение...» являются наиболее характерными литературными образцами чистого оккультизма. В них больше смыслов, чем слов; их строки образны, как поэзия, и точны, как математика. «Откровение...» подводит итог, завершает и превосходит все науки Авраама и Соломона. Видения Иезекииля при реке Ховаре и видение нового символического Храма, выраженные в практически одинаковых мистических образах и окутанные числовым значением каббалистической доктрины, так же мало понятны комментаторам священных текстов, как и символизм масонства – непосвященным.

Седмица – это Венец всех чисел, поскольку в ней Триада, Треугольник Идеи, соединяется с Квадратом Формы.

Чем больше иерофанты древности прилагали усилий к тому, чтобы сокрыть от глаз непосвященных свою тайную Абсолютную Науку, тем больше они изобретали прекрасных и величественных символов. Их гигантские пирамиды с квадратными основаниями и треугольными стенами олицетворяли их метафизику, основанную на понимании законов Природы. Ключом к пониманию этого символизма, проистекающего из глубокого знания Природы, был Сфинкс, наполовину засыпанный песками пустыни и не отрывающий пристального взгляда каменных очей от подножия пирамид. Семь великих памятников древности, известные нам под названием Семи чудес света, – это самые полные и подробные комментарии на семь осей великих пирамид и семь фиванских врат.

Семеричная философия Посвящения у древних народов может быть сведена к следующим положениям.

Три великих Абсолютных Принципа суть Один Принцип; четыре изначальные формы суть одна форма; все они составляют Единое Целое, сочетающее в себе Идею и Форму.

Три великих Принципа суть следующие:

1° – Бытие есть.

В философском смысле, единство Идеи и Бытия, или Реальности; в религиозном смысле, первый принцип – Отец.

2° – Бытие реально.

В философском смысле, единство Познания и Бытия, или Реальности; в религиозном смысле, платоновский Логос, *Демиург,* Слово.

3° – Бытие логично.

В философском смысле, единство Разума и Реальности; в религиозном смысле, Провидение, Божественное действие, посредством которого реализуется Благо, именуемое в христианстве Святым Духом.

Единство всех семи цветов радуги в *белом* цвете является аналогическим символом Блага; их полное отсутствие в *черном* является аналогическим символом Зла. Первичных цветов существует три: *красный, желтый* и *синий;* вторичных – четыре: *оранжевый, зеленый, голубой и фиолетовый.* Все их Бог заключил в радугу, видимую человеческим глазом; аналогии их встречаются в нравственном и интеллектуальном мирах. То же самое число 7 постоянно встречается в тексте «Откровения…». Оно состоит из *трех* и *четырех.* Эти же числа встречаются в описании семи заключительных сефирот: их тоже три – Милость, Справедливость и Красота, – и четыре: Победа, Слава, Сила и Власть. Также число три соответствует трем *высшим* сефирот – *Кетер, Хохме* и *Бине,* то есть Воле, Мудрости и Пониманию, которые вместе с *Даат,* то есть Мыслью, также составляют число 4. *Даат* не считается ни сефирой, ни действующим, активным Божеством, ни силой, ни энергией, ни Божественным свойством, но лишь Божественным действием.

Сефирот в Каббале постоянно преподносятся как составляющие форму человека – Адама Кадмона – или Макрокосм. При такой подаче расположения Божественных эманаций трижды доказывается Божественный закон Равновесия. Таким образом, единство Божественной разумной, деятельной, мужской Энергии и пассивной Способности порождать Мысль порождает сам акт Мышления. Из единства Милости и Суровости проистекает Гармония; а из единства Победы, или вечного Преодоления, и Славы, которая своим также вечным характером, казалось бы, противостоит самой идее возникновения каких-либо препятствий и противоположностей, проистекает Сила, или Постоянство, которое является совершенной Властью бесконечной Воли.

Девять сефирот проистекают из десятой, точнее, первой – *Кетер,* или Венец, – и одновременно оказываются включенными в нее. И точно так же каждая последующая из сефирот проистекает из предыдущей, при этом оставаясь включенной в нее. Воля Господня *включает* в себя Его Мудрость, а Его Мудрость *является* развитием и действием Его Воли. Эта Мудрость и есть Логос, неверно понятый и персонифицированный Симоном Волхвом и его последователями-гностиками. Посредством произнесения его – Слова, а точнее, звука, выраженного буквой Йод, – Он творит миры, сперва в Своем разуме, в виде идей, которые затем приобретают форму, становясь материальным миром, материальной Вселенной. Йод и Хей – две буквы Неизрекаемого Имени Проявленного Божества – представляют собой символы Мужского и Женского, Активного и Пассивного Первопринципов, пребывающих в равновесии, а буква Вав венчает каббалистическую Троицу и троебуквенное Имя Господне יהו, Божественный Треугольник, который при удвоении буквы Хей превращается в священный Тетраграмматон.

Таким образом, в сефирот содержатся все священные числа – *три, пять, семь* и *девять,* а также число Совершенства – *десять.* Также они соотносятся с пифагорейским Тетрактисом.

Бытие есть бытие – אהיה אשר אהיה – «эхье ашер эхье», – это первый принцип – Начало.

В начале было – то есть было, есть и будет – Слово, то есть Разум *Говорящий.* Εν αρχή ην Ό Λόγος!

Слово является основанием веры, но оно также является выражением веры, пробуждающим к жизни науку. Слово, Логос – это источник логики. Иисус – это Слово Воплощенное. Равновесие и единство разума и веры, знания и верования, власти и свободы в наше время стало настоящей загадкой Сфинкса.

Именно Мудрость в каббалистической книге Притчей и у Екклесиаста именуется действующим орудием Божественного Творения. В других местах иудейского Писания она именуется דבר יהוה – «давар Яхве» – Слово Божье. Именно в Своем изреченном Слове Господь открывается нам, не только в видимом, но и в невидимом, но постижимом мире, в наших убеждениях, в нашей совести и наших инстинктах. Поэтому многие верования носят вселенский характер. Вера всех людей мира в благо Бога привела к зарождению веры в дьявола, в падшего *Люцифера-Светоносца,* Сатану (Шайтана)-Противника, Аримана и Тифона, чьи образы должны были помочь

человеку разобраться в причинах появления и существования Зла и соотнести их с понятиями Всемогущества и Беспредельных Мудрости и Милости Господа.

Ничто не сравнится и ничто не способно превзойти в качестве квинтэссенции и завершения всей философии древнего мира короткую фразу, начертанную Гермесом на камне, названном впоследствии *Изумрудной скрижалью:* единство бытия и единство гармоний, восходящих и нисходящих, последовательность и пропорциональность Слова; неизменный закон Равновесия и пропорциональное соотношение всех аналогий этого мира, соотношение Идей и Слова, мера и суть взаимоотношений между Творцом и Его тварным миром, математические измерения Бесконечности, проверяемые измерениями одного лишь угла в материальном, конечном мире, – все это нашло выражение в единственном тезисе великого египетского иерофанта:

«Что наверху, то и внизу; и что внизу, то и наверху, и в этом – чудо Единства».

20

Grand Master of All Symbolic Lodges

Великий Мастер Всех Символических Лож (Пожизненный Мастер, или Мастер Ad Vitam)

Истинный масон – это всегда практикующий философ, который при помощи религиозных символов, во все века служивших орудиями познания, вычерчивает на досках Природы и Разума контуры нравственного здания Мудрости. В симметричных соотношениях всех частей и элементов этого здания Мудрости он должен обнаружить принципы и правила всякого своего долга, каждой обязанности, источник всех своих удовольствий и радостей. Он совершенствует свою нравственную природу, становится лучшим человеком, чем был, а в воссоединении людей добродетельных, собравшихся с чистой душой и открытым сердцем, видит средство творить новые и новые добрые дела. Масонство и философия, хотя они суть не одно и то же, обладают одной и той же целью и видят свое предназначение в одном и том же: в поклонении Великому Архитектору Вселенной, познании и постижении чудес Природы и обретении человечеством счастья посредством творения ими самими блага и вспоможения также и другим его творить.

Твой долг в качестве Великого Мастера Всех Символических Лож состоит в том, чтобы возвратить масонство к идеалам его первоначальной чистоты. Ты стал наставником. Масонство долго блуждало во тьме заблуждений. Вместо того чтобы совершенствоваться, оно ушло от своей изначальной простоты, превратившись в систему, изуродованную человеческими глупостью и невежеством, которые – не в силах сотворить хорошую машину, – создали машину сложную и посчитали это достаточным. Менее двухсот лет назад

административная организация Ордена была проста и абсолютно нравственна, его символы, аллегории и ритуалы были просты для понимания, а цели и задачи находились буквально на виду у всех. В то время система его ограничивалась крайне немногим числом градусов. Конституции его были теми же, что и у сообщества ессеев в первом веке нашей эры. В то время масонство представляло собой, по сути, организационную структуру ранних христиан или пифагорейское сообщество, однако, лишенное всех несообразностей и противоречий, характерных для настоящей древней школы Пифагора; в то время масонство было значимым и простым, не требовавшим от своих посвященных излишне напрягать разум для того, чтобы обнаружить более или менее подходящее толкование для очередного символа или ритуала; это было масонство одновременно религиозное и философское, достойное доброго гражданина и просвещенного филантропа.

«Обновители» и «реформаторы» отринули эту изначальную простоту. Невежество немедленно приступило к созданию все новых и новых градусов, а суеверия и суетность, ложная таинственность, страшный абсурд бессмысленных церемоний силой заняли место масонской Истины. В мирном Масонском Храме начали рассказывать жуткие истории о страшной мести, среди его эмблем появились кинжал и окровавленная отсеченная голова, причем символическое их значение так и не было окончательно разъяснено всем и каждому. Страшные клятвы, до смешного не соответствовавшие раскрываемым тайнам, сначала повергали кандидатов в ужас, а затем становились для них смешными и ничего не значащими. Кандидата также подвергали испытаниям и ритуальным действиям, которые, происходи они в действительности, были бы просто отвратительны,– но поскольку все они происходили фигурально, символически, они впоследствии также вызывали у новопосвященных лишь оскорбительный смех и издевательства. В общей сложности, было изобретено более восьмисот градусов, в которых под маской масонства учили чему угодно – язычеству, иезуитству... Ритуалы даже самых уважаемых градусов, искаженные и перевранные невеждами, становились бессмысленными и пошлыми; их слова настолько искажались профанами в масонских запонах, что некоторые из них мы так никогда уже и не восстановим – просто не сумеем. Кандидаты обязаны были подвергать себя унижениям, с которыми никогда и ни за что не смирился бы никакой человек с душой и чувством долга.

Поэтому так и вышло, что практически большинство градусов Древнего и Принятого Шотландского Устава, а до него – Устава Усовершенствования, впали в ничтожество, – их просто передавали кандидатам путем коммуникации или ритуалы их были коротки и малозначительны, – и постепенно умерли. Эти Уставы напоминали так хорошо известные нам старинные графские и баронские замки, разные крылья и стены которых были построены в разное время, по различным архитектурным планам и в соответствии с различными вкусами архитекторов и заказчиков, так что здания целиком в настоящее время выглядят эклектичными и безвкусными. Иудаизм и рыцарство, суеверия и философия, филантропия и бессмысленная страшная ярость и жажда мести, чистая нравственность и возвышенные идеалы и жестокое беззаконное мщение, – все они, как ни странно, прекрасно сочетались в тогдашнем масонстве и стояли рука об руку в Храме Мира и Согласия; вся система тогдашнего масонства была громоздким сочетанием несочетаемого и совмещением несовместимого, контрастов и противоречий, фантастических, шокирующих преувеличений и передержек, отвратительных для хорошего вкуса, а также и отличных философских построений, искаженных и перекрытых, однако, абсурдной демагогией, порожденной невежеством, фанатизмом и отвлеченным мистицизмом.

Пустое и бесчувственное великолепие, которое не имело смысла поддерживать далее, не несшее и не могшее нести в себе никакого смысла; бесконечные отвлеченные толкования символов и ритуалов, или содержавшие одни лишь банальности, или наоборот, нуждающиеся сперва в переводчике на нормальный, понятный язык, а затем – в опытном толкователе; высокие титулы, присваивавшиеся людьми самим себе, причем изобретатели их отнюдь не снисходили до объяснения такой своей причуды – без всякого права присвоить себе титул, власть и права знатного дворянства, – все это вызывало смех и стыд посвященного за то, что он поддался искушению войти в такое сообщество.

Некоторые из этих титулов мы сохранили в нашем Ордене, однако, в нашем случае, они ни в чем не противоречат нашему всеобщему братскому духу равенства, являющегося основанием и неизменным законом масонства. *Рыцарь* в нашем понимании – это тот, кто готов, ни секунды не раздумывая, отдать руку свою, свое сердце, свой ум учению масонства и провозгласить себя воином, принесшим присягу Истине. *Князь* – это тот, кто желает стать *вождем,*

принцепсом, первым среди равных, *лидером* во всех благих и добродетельных делах. *Державным* считается среди нас тот, кто – среди равных ему Великих братьев – является Верховным, в силу того лишь, что он следит за соблюдением Конституции, которая одна для всех и которой он подчиняется наравне со всеми прочими. Титулование братьев *Весьма Могучими, Мудрыми, Великими* и *Досточтенными* указывает на необходимость обретения теми, кого доверие братьев облекло различными полномочиями, стремиться к обретению мощи, даруемой Мудростью, Разумом и Добродетелью. Остальные же наши титулы имеют эзотерическое значение, полностью соответствующее принципам равенства и скромности, каковые носящие их братья отлично и полностью понимают и разделяют. В качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты обязан наставлять ее братьев, ищущих высших градусов или избираемых или назначаемых на офицерские места в символической ложе, что эти принципы в действительности лежат в основе множества нравственных уроков, которые они должны преподать сами себе, а не являются просто пустым подражанием тем временам, когда знать и клир правили толпой безоговорочно подчинявшихся им рабов; что в масонстве и Рыцари, и Понтифики, и Князья, и Державный Командор, – это всего лишь первые среди равных; а лента, запон, прочие облачения – это символы и эмблемы добродетелей истинного доброго масона, – и более ничто.

Ныне масон не преклоняет колен ни для передачи прошения или получения ответа на него, ни перед другим масоном, который стоит якобы «выше» него в масонской иерархии, ибо сейчас в масонстве все снова равны и колени мы преклоняем пред одним лишь Господом, Чьего вспомоществования мы ищем во всех начинаниях наших и у Кого просим сил сдержать принесенные нами торжественные обязательства. Никого не может унизить преклонение колен пред алтарем при приношении клятвы Господу или при получении рыцарского посвящения: это не унизило в свое время ни Баярда, ни дю Гюсклена. Более никакие масонские обряды не требуют, чтобы кандидат становился на колени. Господь наделил человека головой, посаженной на плечи сверху и прямо, прямой и величественной походкой. Мы собираемся в Храмах для того, чтобы пестовать в своей душе высокие помыслы и чувства, соответствующие прямой и достойной походке праведного и уважаемого человека, и мы не желаем, чтобы ищущий быть принятым среди

нас униженно склонял перед нами голову. Наоборот, мы уважаем нового среди нас человека, как уважаем самих себя, чтобы и он проникся нашими высокими идеями и начал воспринимать себя по-новому, как личность возвышенную, свободную и независимую. Если скромность есть добродетель, то унижение и самопоругание противны человеческой природе и отвратительны, ибо справедливая и достойная гордость служит единственным настоящим и прочным основанием любой добродетели. Человек должен преклоняться пред Беспредельным Господом, но не перед своим несовершенным и заблуждающимся собратом-человеком.

Посему в качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты должен пристально следить за тем, чтобы никогда, ни в едином градусе ни один из твоих кандидатов не подвергался никакому унижению; слишком уж часто именно к этому сводились обряды посвящения во многих градусах. Прими за окончательное и безусловное правило, для которого не существует исключений: масонский Орден не вправе требовать от ищущего вступить в его ряды ничего, что могло бы показаться рыцарю и джентльмену недостойным или унизительным.

Верховный Совет Тридцать Третьего и Последнего Градуса Южной юрисдикции Древнего и Принятого Шотландского Устава для США в конце концов начал давно откладывавшуюся, но так необходимую работу над пересмотром ритуалов и наставлений ко всем тридцати градусам, находящимся в его ведении. Сохранив основу каждого градуса и все знаки и прочие средства, помогающие посвященным в них опознавать друг друга, он нашел и распространил основную идею каждого из них, сократил в них все ребячества и ничего не значащие глупости, выстроив градусы в последовательную систему нравственных, религиозных и философских уроков. Не являясь защитником ни одной из существующих религиозных конфессий, он посчитал необходимым удалить из них второстепенные детали, основанные на аллюзиях на священные книги иудеев и христиан, на мистические учения древних греков, вавилонян, египтян, персов, индийцев, друидов и ессеев, равно как и на легенды времен Крестовых походов и церемонии различных рыцарских орденов.

Более эти ритуалы не учат преступной и порочной мести. Более они не позволяют масонству выступать в роли наемного убийцы, мстящего за гибель Хирама, Карла I или Жака Де Моле и Рыцарей

Храма. Ныне Древний и Принятый Шотландский Устав стал тем, чем было первичное, изначальное масонство и чем оно и должно быть – наставником в великих Истинах, вдохновленным праведным и просвещенным Разумом, твердой и неизменной Мудростью и страстным и свободным Милосердием.

Более он не является системой, над составлением и сопоставлением различных элементов которой трудились в основном наиболее случайные, невежественные и, возможно, недостойные люди; системой, не отвечающей нашим обычаям, нашим взглядам и всемирным масонским принципам благотворения и терпимости, – но скорее он отвечает запросам малочисленных, но исполненных благого порыва групп людей, средства которых идут на вспоможение ближнему своему, а не на пустые торжества; более это не сложное и неоднородное собрание разнообразных церемоний и ритуалов, поражающее неисчислимыми анахронизмами и несоответствиями, не способное отделить свет, нравственные и философские истины от заблуждений и пустословия.

В качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты обязан наставлять всех избравших тебя на этот пост братьев, добровольно пошедших к тебе в подчинение, в том, что, в случае если не будет хватать средств на благотворение, помощь братьям и просто своим ближним, необходимо расстаться с любым, даже самым ценным украшением и убранством ложи; а также, что любое материальное вспомоществование ложе должно проистекать от тех лишь братьев, которые состоятельны и добровольно изъявили желание оказать это вспомоществование, и что оно никаким образом не окажется в тягость им самим и тем, кто находится на их иждивении. Основы каждого градуса можно преподать достойному посвящения в них брату практически даром; необходимо помнить, что братья только по доброй своей воле и без всякого к тому принуждения могут приобретать за собственный счет облачения всех градусов, кроме 14-го, 18-го, 30-го и 32-го.

Ни в одном из градусов, в которые мы проводим посвящение, мы не учим Истине. Для нас они только аллегории, притчи, облекающие и содержащие в себе масонское учение, а также средства передачи посвящаемому полезных и интересных знаний. Они представляют собой различные этапы развития человеческого сознания, его усилий постичь Природу, Бога, устройство и работу Вселенной, великую проблему Божественной Воли на существование в мире

горя и зла. Для того чтобы учиться мудрости и потакать себе в несбыточном желании постичь то, что постичь мы не способны, мы используем в своих трудах выдержки из учений философов древности, каббалистов, мистагогов и гностиков. Каждый имеет право так воспринимать и толковать предлагаемые нами для изучения Истины, как это в наибольшей степени соответствует его собственным нравственным принципам и учению его религии; поэтому сами эти Истины мы преподносим в форме максимально общей, готовой быть воспринятой всеми. В наши градусы могут посвящать кандидатов во Франции и Турции, в Пекине, Исфахане, Риме и Женеве, в Пенне и католической Луизиане, и кандидатами этими могут быть граждане абсолютистского государства или республики, сектанты или теисты. Наш Орден во всех градусах учит своих посвященных почитать Господа – Великого Строителя Вселенной, считать всех людей своими братьями, равными и равно любимыми Им чадами, служить обществу своим трудом и своими знаниями.

Проповедуя Свободу, Равенство и Братство, масонство учит тому, что человек обретет их, лишь доказав, что достоин их, а докажет он это, лишь обретя нравственную силу, разум и просвещение. Масонство не заключает никаких заговоров, не замышляет никаких переворотов. Оно не жаждет незрелых революций; оно не побуждает никакой народ выступать против законно учрежденной власти; однако, следуя старинной истине, заключающейся в том, что свобода приходит лишь к народу, готовому ее обрести, оно также принимает и следствие из этой аксиомы: необходимо *готовить* народы к обретению самоуправления.

Там, где существует рабство, масонство учит хозяев быть гуманными, улучшать условия жизни и труда своих рабов, поддерживать твердую, но не жестокую дисциплину; тому же оно учит мастера в отношении его учеников; работодателя – будь то в шахте, на фабрике, в мастерской – оно учит рассудительности и опять же гуманности в отношении тех, кто трудится на него, зарабатывая на кусок хлеба своими руками, для кого безработица означает голодную смерть, а труд на измор – смерть от лихорадки и изнурения.

В качестве Досточтимого Мастера своей ложи ты должен непрестанно напоминать об этом долге своим братьям. Наставляй работников в верности, трудолюбии и точности, равно как и в дисциплине и должном повиновении всем, в отношениях с кем это необходимо; но вместе с тем наставляй и работодателей в том, что

каждый мужчина и каждая женщина, ищущие работу, имеют право получить эту работу; что те, кто не в состоянии трудиться в силу болезни или немощи, потери конечности или важного телесного органа, в силу старости или чрезмерной молодости, имеют право на пищу, одежду и кров для защиты от буйства стихий; что смертный грех перед масонским Орденом и пред Богом совершает тот, кто закрывает свою фабрику или мастерскую, кто закрывает шахту, когда она перестает приносить ему ожидаемую прибыль, тем самым обрекая на голод рабочих и их семьи, или кто снижает заработную плату своих работников настолько, что им и их семьям перестает хватать на еду, одежду и кров, или кто заставляет их работать до изнурения, проливая пот, слезы и кровь, за те крохи, которые он горделиво именует их заработной платой; что долг его как масонского брата, наоборот, состоит в том, чтобы предоставлять постоянную работу тем, кто иначе погиб бы от голода и холода или же вступил бы на путь воровства и грабежа; что работникам ему следует платить достойную заработную плату, пусть даже это сократит его ежегодную прибыль, пусть даже это заставит уменьшиться его капиталы, – ибо Господь для того даровал ему богатство, чтобы он был Дародателем человечества и Божьим посланником-благодетелем.

Кроме символов нравственных добродетелей и свойств разума, практически все рабочие инструменты и прочие принадлежности масонства принадлежат исключительно градусам Символической Ложи. Они должны постоянно напоминать масону, который проследовал далее, что все его высокие градусы основаны на скромных трудах в первых трех символических степенях, хотя так они названы несколько неправильно – ведь все градусы символичны.

Так посвященные постигают величайшую истину масонства – труд, ибо наставлять в труде и трудиться самим, – значит постигать символизм масонства. Существуют три типа работы, необходимые для существования и процветания человека и общества: ручной труд (относящийся к ведению первых трех символических степеней), военный труд (символизируемый рыцарскими степенями масонства), умственный труд (которым ведают философские степени Ордена).

Мы сохранили и приумножили в ритуалах наших градусов символы и эмблемы, которые действительно обладают непреходящим глубоким значением. Мы отвергли часть их устаревших и бессмысленных толкований. Мы сумели оградить масонство от превращения

в сухую метафизику, не оставляющую места воображению. Люди невежественные, *недо*умки, которые, однако, в самовлюбленности своей, полагают себя *слишком* умными, могут сколько угодно потешаться над нашими символами; однако эти символы продолжают оставаться прекрасными покрывалами, окутывающими Истину, почитаемую всеми, кому ведомы пути к человеческим сердцу и чувствам. Многие великие учителя нравственности в древности прибегали к аллегориям для того, чтобы наставить людей, не отторгая их от себя чрезмерно сложными философскими построениями. Однако мы постарались, чтобы наши аллегории не были чрезмерно темными и сложными для понимания, чтобы толкователи их впоследствии не заходили слишком далеко в пустом умствовании над ними. В наше время и в нашей просвещенной стране нам больше не нужны такие уж причудливые и непроницаемые занавеси, которые скорее препятствуют учению, чем помогают ему, и которые, кстати, вызывают к жизни слухи о том, что у наших символов есть какое-то особенно сокровенное значение, которое мы открываем только самым надежным посвященным, потому, мол, что эти значения противны добрым нравам и благу общества.

Обязанности класса *Наставников,* то есть масонов с 4-го по 8-й градус посвящения, состоят, в первую очередь, в обучении и проверке у новопосвященных знания всех проходных слов, знаков, пожатий, шагов и прочих ритуальных навыков, которые они получили в процессе посвящения в тот или иной градус, разъяснении им смысла символов и эмблем, повторении с ними нравственных уроков градусов. Только по отчету и рекомендации этих братьев кандидаты могут продвигаться к повышению заработной платы.

Управители Работ, то есть братья с 9-го по 11-й градус, должны непременно делать в Капитуле сообщения о регулярности лож низших градусов, их трудах и направлениях их деятельности, а также о том, что необходимо предпринять для активизации и совершенствования работы в них. В символических ложах, например, они обязаны направлять и поощрять работу Каменщиков во благо Ордена, своей страны и человечества в целом, давать им братские советы, если они уклоняются от исполнения своего масонского долга, или же, в случае крайней необходимости, применять против них суровый масонский закон.

Архитекторы, или братья с 12-го по 14-й градус, должны избираться только из числа братьев, доказавших свое отличное знание

всех наставлений и учений предыдущих градусов; они должны быть усердны и ответственны, способны обсуждать с другими масонские символику и нравственные принципы, приводя должные примеры и иллюстрации, рассуждать о простейших проблемах нравственной философии.

Рыцари 15-го и 16-го градусов получают меч. Они обязаны предотвращать и исправлять – насколько это в их силах – любую несправедливость в окружающем профанском мире и в масонстве, защищать обездоленных и привлекать угнетателей к суду. В этом духе они должны трудиться сами и наставлять других. Они должны постоянно следить за тем, исполняет ли масонство свое основное предназначение: оказывать помощь несчастным, – и с должным ли усердием. С этой целью они должны разрабатывать предложения для голубых лож, как положить конец правонарушениям и угнетению и прекратить людские страдания. Посвященные в рыцарскую степень чаще всего должны занимать в символических ложах место Дародателя и отвечать, таким образом, за своевременное и достаточное оказание помощи всем нуждающимся – как братьям Ордена и их семьям и близким, так и профанам.

В более высокие градусы следует отбирать для посвящения только тех, кто способен разумно обсуждать великие философские проблемы, достаточно начитан и красноречив. Из их числа следует избирать Ораторов символических лож, капитулов и советов. В их обязанности входит предлагать ложам на рассмотрение различные меры, направленные на то, чтобы Орден оставался верен своим основополагающим принципам, как в благотворительности, так и в распространении среди людей Света и Знания; именно они должны исправлять ошибки и заблуждения, закравшиеся в философию и обычаи Ордена, вредящие его духу, который должен был сделать его величайшим нравственным наставником человечества.

В качестве Мастера своей ложи, своего капитула или совета ты обязан преподавать собратьям эти основополагающие принципы и фундамент организационной структуры Древнего и Принятого Шотландского Устава, его дух и форму, его гармонию и функции, обязанности офицеров и членов собраний и особенности уроков, преподаваемых в каждом из его градусов.

В особенности же ты должен следить, чтобы никакое собрание никакого из вверенных тебе масонских советов не завершалось, пока всем его членам не было напомнено о добродетелях, запечатленных

на табеле соответствующего градуса. Это твоя прямая обязанность. Помни, что более трех тысяч лет назад Зороастр сказал: *«Будь благ, будь добр, будь человечен и милостив; люби ближних своих; утоляй нужды жаждущих; прощай сотворивших тебе зло».* А две тысячи триста лет назад Конфуций повторил великую мысль тех, кто жил прежде него: *«Люби своего ближнего, как самого себя; не твори ближним своим того, чего не хотел бы, чтобы сотворили тебе; прощай обиды; прощай своих врагов; не испытывай к ним зла, помогай им и проси за них богов».*

Так не будет же нравственность в наших ложах ниже, чем в душах великих персидского и китайского философов!

Наставляй своих братьев в неукоснительном соблюдении принципов нравственности в отношении всех и каждого, вне зависимости от религии, расы или страны.

Наставляй их в любви друг к другу, в верности друг другу, своей стране и ее законному правительству, неукоснительном соблюдении своего долга перед своей страной.

Наставляй их в том, что их священный долг:

уважать все формы поклонения Господу, все возможные политические и религиозные взгляды; никогда не осуждать и ни в чем не обвинять никакие религиозные воззрения; не искать в брате прозелита для своей религии и довольствоваться, если он верует в то же, во что веровал Сократ: он почитал Творца, религию добрых дел и признавал Господне благословение;

почитать всех людей своими братьями; помогать всем, кто попал в беду; с радостью ставить интересы Ордена превыше своих собственных;

сделать правилом всей жизни своей: благие мысли, благие слова, благие дела;

ставить мудреца превыше воина, дворянина и даже князя; видеть в мудрецах своих наставников;

следить, чтобы убеждения всегда соответствовали делам, проповеди – образу жизни;

сделать еще одним девизом на всю жизнь фразу: «Делай что должен – и будь что будет!»

Вот, брат мой, некоторые из обязанностей, соответствующих тому великому посту, который ты искал занять. Да исполнишь ты их достойно и тем самым принесешь огромную пользу развитию масонства и всего человечества!

Noachite, or Prussian Knight **21**

Ноев Патриарх, или Прусский Рыцарь

В данном градусе в твои обязанности, в частности, входит быть скромным, а не самовлюбленным, не исполненным пустой гордыни и самолюбования. В мыслях своих ты не должен возноситься выше Всевышнего, не должен осуждать то, что и как Он сотворил, не стараться «исправить» сотворенное Им. Будь также скромен в общении со своими ближними, не торопись думать о них плохо или приписывать им недостойные намерения. Тысячи печатных изданий наводняют страну дурно пахнущей прессой, неустанно и активно заставляя людей плохо думать о ближнем своем, приписывая недостойные намерения людям и партиям, осуждая их поведение и политику, и вряд ли найдется хотя бы одно, которое заставляло бы любить ближнего своего, хотя бы иногда, хотя бы время от времени.

Никогда еще скандальность и клевета не были так популярны и безнаказанны, как в наше время. От их ядовитых стрел не защищает самое праведное поведение, самое незаметное существование. Высокий общественный пост делает газетчиков только наглее и беспардоннее, если занимающий его человек претендует на признание людей.

Зло распространено повсеместно. Ни один мужчина, ни одна женщина, ни одна семья не могут чувствовать себя в безопасности от этой новой Инквизиции. Никакой поступок в наше время не может быть настолько чист и бескорыстен, чтобы какой-нибудь профессиональный торговец ложью, живущий за счет удовлетворения

низменного аппетита толпы, не мог бы назвать его преступлением. Нет такого достойного и возвышенного побуждения, которое не могли бы счесть злодейским. Журналистика врывается под крышу частного дома, проникает под покровы внутренних, личных трагедий, грехов и стыда, целенаправленно собирает и трудолюбиво распространяет самые безосновательные и неправдоподобные выдумки ради денег самих журналистов или ради временного успеха тех или иных политических партий в борьбе между собой.

Об этом зле здесь не стоит распространяться далее. Оно очевидно для всех и оплакиваемо всеми, и долг каждого масона состоит в том, чтобы уменьшить, а если удастся, вовсе уничтожить его. Нам не пристало бороться с заблуждениями и грехами других людей, которые напрямую не вредят нам и не нуждаются в нашем осуждении для того, чтобы быть грехами и ошибками; но и журналисты не имеют права становиться цензорами и блюстителями нравственности. Мы не брали на себя обязательства громко трубить о каждой ошибке своего ближнего, лишь только заметим ее, или осуждать его за нее. Глупо и постыдно было бы стоять на перекрестке и за пенни грозно обличать грехи людские.

В идеале, никто и никогда не должен ничего говорить и писать против кого-либо другого. Дай Бог, чтобы хватило человеку времени на то, чтобы на протяжении всей жизни следить за самим собой! Каждый из нас – пациент в гигантском лазарете земной жизни, и журналистика напоминает мне сцену, увиденную однажды в переполненной больнице, где пациенты постоянно издевались друг над другом, споря, чья болезнь опаснее и отвратительнее: один пациент, страдающий от водянки, насмехался над больным оспой, тот, в свою очередь, издевался над раком лицевого нерва у своего соседа, тот – над параличом следующего страдальца, – и так до тех пор, пока один из них в горячечной ярости не вскочил и не сорвал с них всех простыни, обнажив одинаковые у всех язвы и следы разложения. Вот чем занимаются журналистика и политические партии в своей непрестанной борьбе, да и вообще полмира за стенами масонского Храма.

В самом общем смысле, ограничения, наложенные на человека в его действиях теми, кто сам себе присвоил права хранителей общественной нравственности, совершенно необоснованны. Мало того, зачастую место этих ограничений должна была занять похвала, и наоборот, когда похвала незаслуженна, она всегда несправедлива.

Какого духа исполнены те, кто без зазрения совести может приписать ближнему своему любой грех, любую степень падения? Будь их душа возвышенна и достойна, будь они просто человечны, и не жестокосердны, они вместо этого помогли бы ему устранить причины его заблуждения и ошибки, вместе с ним пролили бы слезы над свершенным. Природа сыграла с человеческим телом отвратительную шутку, наделив его порочной душой, которая добавляет новых пороков к тем, которые существуют во внешней Природе и которые и так терпеть уже нет никаких сил. Если масон слышит о каком-либо человеке, что репутация его пала в глазах общественного мнения, он должен приложить все усилия к тому, чтобы помочь несчастному в его горе, а не стараться уронить его достоинство еще ниже. Наслаивать клевету за клеветой на имени человека уже опороченного – это все равно что снова и снова бить железным прутом и так исполосованного бичами человека; каждому нормальному человеку с человеческим сердцем в груди такое видится бесчеловечным и недостойным.

У каждого сотворившего беззаконие и совершившего ошибку человека почти всегда есть тихий родной дом, уютный очаг, любящая жена и невинные дети, которые наверняка не подозревают о его прошлых заблуждениях и недостойных поступках – прошлых и давно оплаканных и искупленных; и даже если они знают о его недостойном поведении, они тем больше любят его, ибо, будучи человеком, он грешил, а будучи образом и подобием Божьим, он раскаялся. Но мысль о том, что каждый удар, нанесенный такому человеку, отзовется обжигающей болью в сердцах жены и нежных дочерей, не останавливает руку продажного журналиста; он снова и снова наносит удары в их трепетные, невинные, нежные груди, несмотря на их крики и мольбы о пощаде; а потом он отправляется в город, эту артерию общественной жизни, ходит там с высоко поднятой головой и требует к себе почтения, требует себе похвал и уважения за свой «рыцарский подвиг» – за удар кинжалом в невинное любящее сердце, не способное защищаться.

Если ты поставишь себе целью познать, что такое ложь и клевета, тебе не составит труда найти ее в сердцах недостойных людей. Лицемерие – это та трава, которая чаще всего произрастает на навозных кучах. Именно в этой почве оно пускает свои глубокие корни и выстреливает вверх ядовитые побеги. Долг наш состоит в том, чтобы быть скромными и хранить собственное достоинство

в отношениях с теми, кто стоит выше нас на общественной лестнице; с равными нам надлежит быть вежливыми; с теми же, кто является в обществе по отношению к нам нижестоящими, необходимо постоянно помнить о великодушии. Нет большего лицемерия, чем постоянно указывать своим ближним на их ошибки, не понимая и не желая при этом понимать их побудительные мотивы и цели их поступков, делая своей профессией очернение заслуживающих славы. Нанести оскорбление лицу, занимающему общественный пост, – это все равно что подстрелить старшего самца в стаде оленей: даже если он не истечет кровью от раны, его забьют насмерть остальные самцы для того, чтобы занять его место.

Работа шпиона во все времена считалась низкой и порочной, но чем, скажите, отличается от нее работа редакторов большинства печатных изданий, которые – за редким исключением – поставили перед собой задачу неустанно шпионить за нравственностью и действиями окружающих? Их злонамеренность придает силы их зрению, и они используют эту силу для того, чтобы находить у окружающих все новые и новые ошибки, приписывая им преступные намерения даже в тех случаях, когда в действительности устремления были самыми достойными. Подобно крокодилам, они поднимают со дна кучи ила, в которых оскальзываются и оступаются те, чьими живыми и трепетными плотью и кровью они потом с радостью насыщаются. Они выставляют грехи окружающих на обозрение всего мира, а добродетели прячут глубоко под землю, чтобы никто их никогда не увидел. Если им не удается кого-то обвинить на основе доказательств, они это делают на основе предположений, а если невозможно предоставить последние, они их просто выдумывают, как Господь сотворил мир – из ничего, – и все только ради того, чтобы очернить репутацию человека; и они отлично знают, что любой лжи толпа поверит скорее, чем ее последующим опровержениям, как бы тщательно обоснованны они ни были; что ложь летит на орлиных крыльях, а ее опровержение улиткой тащится вслед, и второму никогда не догнать первую. Да уж, наверное, самой «нравственности» журналистики претит мысль о том, что опровержение может и должно появиться на том же самом месте, где появилась ложь, вызвавшая его. Но даже если такое случается, изначальная ложь все равно продолжает жить в сердцах и умах слишком многих людей, и клевета надолго занимает место истины.

Этот век, в гораздо большей степени, чем все предыдущие, есть век лжи. В свое время малейшее подозрение общественного деятеля в сокрытии истины могло привести к полной утрате им репутации и потере поста; в наше же время среди политиков, представляющих разнообразные противоборствующие партии, становится редкой и практически никем не используемой добродетелью хоть раз в жизни сказать правду своему народу. Ложь превратилась в обычное орудие политической борьбы, используемое во время всех кампаний и общественных потрясений, и цена ее тем больше, чем она полезнее в данный исторический момент, чем она прибыльнее; ложь хранят, ее целенаправленно производят, ею торгуют; существует настоящий рынок лжи, как существует рынок свинца и серы, хотя она гораздо смертоноснее и опаснее их, вместе взятых.

Взвесь люди повнимательнее прегрешения человеческого рода, они поостереглись бы осуждать ближнего своего. Невежество дарует критиканству гораздо более длинный язык, чем может даровать знание. Умный знает, глупый – говорит. Столь частые в последнее время кампании очернения – всего лишь плоды жестокого рассудка; самые жесткие суждения о ближних выносят те, кто не в состоянии оценить и осудить сам себя; только дар самооценки придает вес суждению о других. Даже если нам ведомы пороки окружающих, добродетель наша скорее будет выражаться в желании сокрыть их, нежели придать общественному порицанию, если, конечно, сам носитель порока не воспримет это как комплимент, как побуждение к дальнейшему следованию путями греха. И нет греха более тяжкого, чем превратиться в очернителя достойного человека.

Для масона в этом смысле может существовать один лишь закон. Если он призван выступить с рассказом о добродетельном человеке и его добродетелях, он должен сделать это, беспристрастно и честно. А если среди добродетелей встречаются также и пороки, то пусть мир узнает о них от кого-нибудь другого. Ибо даже если творящий беззаконие не заслуживает пощады, ее заслуживают его жена, дети, родители, любые другие невинные люди, любящие его; а профессия бретера, наносящего беззащитному удар кинжалом в темном переулке по заказу отдельного лица или группы лиц, в наше время не более достойна, чем была сто лет назад в Венеции. Если мы чего-то не знаем, милосердие заставляет нас думать о человеке лучшее, а остальное пусть знает только Сам Великий Знаток

Сердец человеческих; ибо заблуждения, подозрения и зависть часто приносят огромный вред достойному человеку, а в милосердном и снисходительном неведении греха нет.

И что превыше всего, истинный масон должен со скромностью и почтением преклонять колени пред Великим Архитектором Вселенной, ни в коем случае не позволять себе усомниться в Его неисчерпаемой Мудрости, не пытаться применить свое собственное убогое понимание того, что правильно, а что – нет, к Его Провидению и Его делам, не торопиться изучать таинства бесконечной Божественной Сущности и Его непроницаемые для смертных планы на будущее, а равно и великую непостижимую Природу, которую ему также не дано никогда понять и объяснить полностью.

Да бежит он прочь от всех этих пустопорожних философствований, тщащихся объяснить все и вся и отказывающихся раз и навсегда признать существование Бога, единого и отдельного от Вселенной, которая есть всего лишь творение Его; признающих только Природу своим богом и только ей поклоняющихся; отрицающих Божественный Дух и ограничивающих человеческое познание только данными, полученными посредством наших пяти телесных чувств; они путем логических построений и бессмысленной словесной софистики пытаются заставить такого явного, живого, любящего и наставляющего Бога уйти в тень нереальности и абстракции, превратиться в очередную логическую формулу.

Да бежит он также и от всех тех теоретиков, кто не удовлетворен медленным, по их мнению, развитием событий на Земле в соответствии с Божественным Провидением, кто стремится «ускорить» их, кто пренебрегает практикой и стремится к неосуществимому, кто полагает себя мудрее Небес. Необходимо просто пристальнее всматриваться в природу вещей, – и тогда в ней непременно станут очевидными некие окольные пути, позволяющие добиться желаемого скорее и притом именно таким образом, какой в наибольшей степени соответствует Его предначертаниям и не внесет дисгармонии в величественное мироустройство, основополагающими принципами и законами которого являются равное распределение собственности, отсутствие власти одного человека над волей другого, отсутствие насильственного труда, отсутствие голода, нищеты и прозябания.

Да не проведет он свою жизнь так, как проводят свои жизни они – в строительстве новой Вавилонской башни, в попытках изменить

то, что навеки сотворено неизменным Божественным Провидением; но да удовлетворится он, отдавшись на милость Бесконечного Провидения Господня, верой в то, что весь ход исторических событий управляется Беспредельной Мудростью и ведет – пусть мы и не в состоянии этого увидеть и понять, – к великой и благой цели; да удовлетворится он следованием путем, указанным Провидением, и трудом на благо всего человечества теми средствами, какие указал для этого Господь; и наконец, да не строит он никогда Вавилонскую башню в слепой вере, что стоит ему подняться до Небес – и Бог исчезнет или будет подавлен огромной массой материальных сил или блистательных логических формулировок; да стоит он всегда твердо на земле в почтении пред Богом и с надеждой и священным ужасом взирает на Небеса в нерушимой вере, что существует реальный Бог – личность, а не формула, Отец и Защитник – любящий, сочувствующий и помогающий; что вечные пути, назначенные Им для развития всего мира, неизмеримо мудры, как бы непостижимы они ни были для ограниченного и слабого человеческого разума.

22

Knight of the Royal Axe, or Price of Libanus

Рыцарь Царственной Секиры, или Князь Ливанский

Сочувствие великим трудящимся классам, уважение к самому труду и стремление к *работе* во благо всего человечества на протяжении всей своей жизни, – вот некоторые из уроков данного градуса, и они носят истинно масонский характер. Масонство сделало рабочего человека героем своей основополагающей легенды, равным царям, другом царей. Эта идея настолько же проста, насколько истинна и возвышенна. От самого начала и до самого конца масонство – это *работа*. Масоны поклоняются Великому *Строителю* Вселенной. Они считают временем основания своего Ордена период *строительства* Соломонова Храма. Своими основными эмблемами они считают *орудия труда* каменщика, мастерового. Они хранят в памяти имя первого *мастера* обработки *меди* и *железа* в качестве одного из проходных слов. Мастер – это *надзиратель* за постройкой, следящий за тем, как *работают* каменщики, и наставляет их в *труде*. Масонство – это возвышенный апофеоз труда.

Именно руками не известных нам трудолюбцев этот мир был сделан для нас таким прекрасным и цивилизованным. *Все* это – их труд, труд людей, о которых никто *не помнит* и никто ничего не знает. *Истинные* завоеватели, преобразователи и истинные владетели любой процветающей и высококультурной страны – это все, кто когда-либо жил в ней и участвовал в ее развитии, каждый в своей степени; это каждый человек, кто когда-либо валил в ней деревья и осушал болота, рождал великие технические новации или говорил что-либо важное и нужное для всей страны. Только

самоотверженный и усердный труд вечен, вечен настолько же, насколько вечен Сам Великий Творец Мира и его Строитель. Только труд достоин похвалы: жизнь, исполненная лени и пустого времяпрепровождения недостойна ни человека, ни Бога. Великий Творец, когда-то, в незапамятные времена, сотворив эту величественную и отлично отлаженную машину Вселенной, отнюдь не сидит с тех пор в бездействии, лишь безучастно наблюдая за поворотами всех ее титанических шестеренок. Если верить в это, недалеко и до атеизма. А вот вера в Невидимого, Неизрекаемого, Неописуемого и Вечно Направляющего нас на наших путях Бога лежит в основе всего, что видит, делает и что ощущает каждый истинно верующий человек.

Жизнь любого бога зачастую предстает перед нами чередой чудес, свершаемых с одной только целью – избавить человечество от вечного непосильного труда. Но нашей истинной верой должно стать поклонение Богу Страданий. Для Сына Человеческого не могло быть иного венца – по доброй ли воле носимого, нет ли, – кроме тернового. Высшая доблесть человека не в том, чтобы быть счастливым, искать удовольствия и находить их. Единственным горем в его жизни должна стать невозможность трудиться и тем самым исполнять свой земной долг как человека. Быстро пролетает день, да что там – быстро пролетает вся наша жизнь, и наступает ночь, когда уже никто не может более работать. И когда приходит эта ночь, все наши радости и горести исчезают, испаряются, словно их никогда и не было. Но труды наши не прекращаются, и плоды их не исчезают. Плоды наших трудов остаются на Земле, где и пребудут вечно, на все грядущие времена.

Каким бы умом, какой бы нравственностью ни обладал человек, какими бы ни были его усердие, терпение, верность и методичность, озарение, изобретательность и энергия, – короче говоря, какова бы ни была его Сила, вся она отразится и навечно останется в плодах его труда. Трудиться – значит испытывать самого себя в столкновении и взаимодействии с Природой и ее неизменными и безошибочными законами; и по этим законам нам выносится справедливый приговор в конце всех трудов. Величайшим подвигом человеческой жизни должно стать медленное, постепенное построение царства его воли путем тягчайших трудов и медленного, постепенного одержания победы над всеобъемлющим Хаосом. Дела важнее и достойнее слов. Они живут своей собственной жизнью –

хотя никто их не слышит и не видит, – и растут. Они наполняют вакуум великого Времени и придают ему жизнь и достоинство.

Труд является главным символом Бога, Предвечного Строителя и Творца; возвышенный и достойный Труд, которому суждено воцариться на этой Земле и взойти на самый высокий ее престол. Человек, не имеющий долга, который надлежит исполнить, не трудящийся, подобен дереву, выросшему на обрывистом склоне: из-под его корней уходит земля. Природа ничем не обязана человеку, если он при этом сам добровольно не берет на себя крест мученика во имя своего ближнего. Она презирает человека праздного, бегущего от опасностей, трудностей, невзгод, горестей, которые все суть работа, и наоборот, гордящегося тем, что в жизни не проработал ни единой минуты, потому что всю жизнь за него работали другие. Но ведь этим может гордиться и свинья.

Лучший и достойнейший из людей всегда выходит вперед, для того чтобы грудью встретить опасность, угрожающую другим, выходит в тот момент, когда остальные в панике отступают, а опасность угрожает уничтожить всех и вся. Гераклу поклонялись за свершенные им двенадцать подвигов. Русский царь превратился в простого плотника и наравне с простолюдинами работал в доках Саардама, – и привел свою страну к победам. Трудились и Кромвель, и Наполеон, и свершения их остались на страницах истории навечно.

Работа несет в себе жертвенную честь и даже святость. Человек, который усердно и честно трудится, никогда не утратит надежду и никогда не забудет о своем высоком и исполненном достоинства предназначении; отчаяние приносит только постоянное бездействие. Человек совершенствуется только посредством труда. Человек вырубает джунгли, на их месте распахивает плодоносные поля и возводит кипящие жизнью города; посредством этого труда человек уничтожает в своем собственном сердце непроходимые джунгли и безжизненные пустыни порока. Даже когда человек приступает к самому неквалифицированному, «грязному» труду, в тот же миг душа его приходит в состояние истинной и высокой гармонии. Сомнения, отчаяние, горе, плотские страсти, угрызения совести, стыд, – все они со стонами бегут прочь и прячутся в свои грязные пещеры, как только человек склоняет спину, приступая к очередной работе. Труд – это жизнь. Из самого сердца трудолюбца проистекает Богом дарованная Сила, священная небесная жизненная суть, вдохновленная в него Господом Всемогущим, – и как только

тело его приступает к труду, душа устремляется вверх, к Небесам. Трудясь, человек учится терпению, отваге, усердию, открытости для Света, умению признавать свои ошибки, исправлять их и тем самым совершенствоваться. Только трудясь, человек постоянно учится добродетели. В лени и бездействии нет и не может быть религии, – она только в труде до потери сил. Величайшую истину содержит в себе высказывание средневековых монахов: «*Laborare est orare*»[1]. Сказано: «Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас»[2], – а как еще может человек показать свою любовь тем, кого любит, как не трудясь ради них и во имя них?

«Трудись, и трудом своим процветай!» – вот древнейшее Евангелие Истины, никем не написанное, не прочитанное, но, тем не менее, вечное, истинное и одинаково верное для всех и каждого. Считай беспорядок, где бы ты ни встретил его, своим вечным врагом; тигром бросайся на него и превращай в порядок, руководствующийся не Хаосом, а Богом, Разумом и тобой самим; тигром бросайся на невежество и глупость, на грубость и суеверие, где бы ты ни встретил их, недрогнувшей рукой уничтожай их во имя Мудрости, вечно воюй с ними, ибо или им, или тебе не место на Земле: она слишком мала для всех вас вместе, побивай их во Имя Господа, – вот священный долг истинного масона, преподанный ему Всемогущим Творцом. Он говорит с нами Своим голосом, который ужаснее громов над горой Синайской и разрывающего уши рева урагана. С нами говорят грядущие века и древние гробницы, наполненные тончайшей пылью истлевших веков Прошлого. Руины древних империй и звезды, свершающие свой неизменный и бесконечный путь по ночному небу, все время и все пространство неустанно наставляют нас в том, что первейшей нашей обязанностью является трудиться именно «сегодня», как мы это называем. Труд простирается вширь до самого края земли, а ввысь достигает Небес. Работа – ручной ли труд, в поте лица своего, или труд умственный, или труд душевный, – это настоящая молитва, а молитва Богу – это пока самое святое, истинное и возвышенное, что сумело придумать живущее под Небесами существо. Да не помыслит утомленный трудами, что работа – это проклятие рода человеческого, произнесенное Богом раз и навсегда. Без труда человеческая природа никогда бы не сумела достичь истинного просветления и совершенства. Без труда, без боли, без горя откуда бы появились добродетели: терпение,

усердие, покорность, благой порыв, выдержка, отвага, смелость, справедливость, самопожертвование, остальные достойнейшие душевные качества?

Да не жалуется и не чувствует себя труженик униженным и обделенным! Пусть он только поднимет взор – и тут же увидит, что его сотрудники уже давно на Небесах, в обители Господа нашего; *только* им суждено пребывать там. Даже в слабой и недолговечной людской памяти они живут как святые, герои, даже как боги; только они продолжают жить после телесной смерти, и *именно* они населяют невыразимые просторы одиночества в бескрайнем Времени.

Первобытному человеку казалось, что всякое благо ниспослано ему (да так и есть в действительности) напрямую Богом; какой бы ему ни предстояло исполнить долг, он рассматривал его как прямое предписание Бога. Для первобытного человека, разум которого еще глубоко спал, вся необъятная Вселенная была Храмом, а каждое его действие – актом поклонения Всевышнему Богу.

Наш долг всегда с нами; он запрещает нам лениться. Трудиться руками или мозгом, трудиться, используя все способности и все доступные средства, исполнять предназначенное и предначертанное, – это жизнь гораздо более достойная, чем жизнь носителя высоких титулов и званий. Пахари, токари и строители, изобретатели и ученые, поэты, адвокаты и писатели, – все они находятся на одном уровне, стоят рядом в шеренгах колоссальной армии тружеников всего мира и вместе идут вперед и вперед с самого основания мира, и каждый из них достоин нашего понимания и нашей любви, каждый из них – наш брат.

Хорошо, что Господь даровал человеку Землю в виде темной необработанной массы, над обустройством которой тому суждено трудиться всю жизнь. Хорошо, что материалы для этого Господь также предоставил человеку в изобилии в шахтах и в лесах, предоставил для того, чтобы именно человек превращал их в богатство и красоту Земли, на которой живет. Это было благо, но не в силу самих богатства и красоты, а в силу того, что сам акт переработки грубых материалов неизмеримо важен для человека; потому что труд на пределе усилий достойнее наслаждения радостями жизни; потому что труженик достойнее и важнее для Земли, чем лентяй. Масонство всеми доступными ему средствами отстаивает идею высокого предназначения труда. Это величайшее испытание, назначенное человеку Небесами для его совершенствования. Достоинство труда

многие века было втоптано в землю, и теперь масонство стремится восстановить его. Было же оно втоптано в землю потому, что люди в основном трудятся только в силу прямой необходимости, подчиняясь этой необходимости и считая ее тяжким бременем, ни о чем на свете так не мечтая, как об избавлении от этого долга и от этой необходимости. Такие люди исполняют букву высшего закона Труда, но нарушают его дух; они исполняют его руками, но нарушают в сердце своем.

Масонство же учит тому, что каждый бездельник немедленно должен броситься на поиски какой-либо работы для себя – ручной или умственной, – ибо только так ему станет доступно нравственное совершенство, в то время как наша несовершенная цивилизация никогда и ни за что не преподаст ему такого урока. Наоборот, в объятиях современной цивилизации человек сидит сложа руки, наслаждается всеми ее благами, а также своим бездельем, в котором видит свою славу и свое благополучие. Настало время избавиться от этого предубеждения, даже презрения к труду. Стыдиться труда, душных мастерских и пыльных копей, стыдиться трудовых мозолей, более славных, чем мозоли от эфеса сабли на руке военного, стыдиться пропитанной потом и перепачканной землей одежды, на которую мать-земля наложила свою гербовую печать палящим солнцем и пронизывающими ливнями, огнем и паром; стыдиться этих высоких природных титулов и низменно завидовать блестящим побрякушкам и алым мантиям ленивых и тщеславных недоумков, – это предательство по отношению к Природе, это презрение Небес, уклонение от величайшего испытания, предначертанного ими. Труд – ручной, умственный, душевный, – вот единственное высшее проявление мужества и чести.

Труд – это в гораздо большей степени служение Богу, чем может постигнуть невежественный разум такого человека и чем могут ему позволить предположить его бесконечные жалобы на тяжесть труда. Даже если плоды его скрыты от человека, который его свершает, это все равно не просто тягостная лямка, которую нужно всего лишь бессмысленно тянуть. Это обучение, наставление, развитие всех человеческих энергий, средство испытания всех его добродетелей, школа совершенствования. От маленького мальчика, собирающего хворост для домашнего очага, до взрослого мужа, валящего вековой дуб или недрогнувшей рукой направляющего корабль по бурному морю, а паровоз – по извилистым железнодорожным

путям, – каждый труженик каждым шагом своих уставших ног, каждым новым завершенным делом повинуется той Мудрости, которая гораздо превыше его собственной и исполняет великий План, постигнуть который он сам просто не в состоянии в силу несовершенства своего разума.

Великий закон человеческого труда таков: в основе человеческого совершенства лежит труд, и только труд – ручной, умственный, душевный, – труд ради какой-либо цели, какого-либо ощутимого результата. Мы, в отличие от животных, посланы в этот мир не для того, чтобы насыщаться случайно выросшими на нашем пути травами, а потом валиться на бок и отдыхать в полном бездействии и бесчувствии; мы посланы в этот мир для того, чтобы вспахивать землю и бороздить моря, заставлять вращаться шестеренки фабрик и наводнять жизнью шумные города. Весь мир – это великая и возвышенная школа труда. В искусственной атмосфере человеческого общества все люди делятся на классы тружеников и бездельников, но не таков был изначальный Великий План Мироустройства.

Труд – это величайшее предназначение человека, его отличие от всех прочих тварей Господних, его преимущество перед ними. Перестать быть животным, удел которого – только есть, пить и спать, и стать тружеником, собственной рукой вливающим свои мысли в горнило Природы, превращающим их в материи красоты и заготовки величия, приспосабливающим их к нуждам человеческого счастья и удобства, – только так способен человек возвыситься.

И Земля, и атмосфера – это лаборатории для человека. Лопатой и плугом, отбойным молотком, киркой и ломом, огнем и паром, в шуме и пыли современных станков или в тишине полей, – всегда и везде должен человек трудиться и экспериментировать. И даже когда он – вместе со всеми своими заботами и земными трудами – устремляется мыслью к сияющим Небесам, когда его окружает их неземное великолепие, когда все мысли его погружены в их неисчерпаемую глубину, – все равно во всех мирах философии, во всех интеллектуальных вселенных он должен оставаться тружеником. Без труда он ничто, он не может быть ничем, не может ничего исполнить, ничего достигнуть. Без труда он не может достигнуть высшего совершенства и даже относительного земного счастья. Лентяю суждено вечно хвататься за часы своей земной жизни, которые убегают от него прочь. Время для него – неизменный и отлично вооруженный враг; вопрос здесь стоит так: кто кого. И все равно,

даже если человек в жизни своей ни разу не трудился, это отнюдь не значит, что он будет навечно освобожден от всех сопровождающих труд явлений: горестей, забот, усилий, – и только и будет делать, что гулять и прохлаждаться, бездельничать и наслаждаться жизнью. Так никто не может прожить жизнь. У Бога на этот случай есть особый закон, который не сокрушить никакой человеческой силой, не обойти никакой человеческой хитростью.

«Закон», будто в течение десяти–двадцати лет можно нарастить капитал, приобрести собственность, а затем всю оставшуюся жизнь прекрасно жить на проценты; будто путем какой-то гениальной спекуляции или просто единовременной выгодной сделки возможно завершить весь труд, предназначенный для исполнения на протяжении всей жизни; будто путем разумного и успешного управления финансовыми мероприятиями возможно на большую часть жизни избавить себя от самоотверженного и неустанного труда, – основан на грубой ошибке, проистекающей из неверного понимания самой идеи, самой сути бизнеса и природы человеческого материального процветания. Идея наращивания и сбережения капитала только ради продления спокойной и бездеятельной жизни, избавления от всяческих усилий, самоотречения и всякого труда вообще, совершенно, в корне неверна, хотя и довольно широко распространена.

Истинному масону лучше всего жить там, где он живет, и наслаждаться жизнью и всеми дарами ее; жить побогаче и умирать победнее. Лучше всего ему выкинуть из ума пустую мечту о том, что в Жизни Грядущей не будет ни труда, ни забот; к земной жизни и ее заботам ему следует относиться как к школе, готовящей к жизни новой, неземной; важнее всего понять и глубоко осознать, что обретение материальной независимости ни в коем случае не должно вести к безделию и самоудовлетворенности. Масону необходимо осознать, что для обретения счастья ему необходимо быть вечным тружеником, трудиться руками или головой, или и тем и другим сразу; что разумное напряжение телесных или умственных сил ему следует воспринимать не как бессмысленную обузу, а как необходимую школу, исполнение мудрого предназначения, тренировку ради великих достижений в будущем, в высших сферах, где также невозможно существовать, не трудясь.

Конечно, существуют причины, по которым истинный масон может законно, и даже по совести, желать богатства. Если он при его помощи сможет наполнить величественный дворец, сам по себе

являющийся продуктом деятельности талантливых архитектора и строителей, трудами возвышенного человеческого гения; если он сможет больше и активнее помогать терпящим нужду; если он сможет выискивать, где недуг или удары судьбы наиболее жестоко ранят его ближнего, и смягчить или устранить наносимый ими урон, облегчить часы жизни человеку, неуклонно скатывающемуся в бездну безумия или в могилу; если он сможет встать между угнетателем и угнетенным и заставить кандалы или тюремную башню вернуть свою жертву на свет, к радостям жизни; если он сможет построить школу, или училище, или Академию искусств; если он сможет открыть для людей живительные родники науки и направить их воды по правильным каналам; если он сможет сделать для сирых больше, нежели просто подавать им милостыню (например, постоянно будет думать о них и о повышении их социального и образовательного уровня, учить их добродетели, а не просто вновь и вновь раскрывать для них кошелек, что само по себе не плохо, но недостаточно); если ему хватит ума и душевных сил сделать все это или хотя бы часть этого; если богатство пришло к нему в результате тяжкого труда, усилий, стремлений и только в последнюю очередь – удачи (хотя обычно она сопутствует только труженикам), – только тогда он может (не забывая о скромности и трудолюбии) желать богатства. Но если богатство для него означает только освобождение от труда и растительную жизнь, а также обучение его детей в той же порочной школе одних только радостей и безделия, – он ни в коем случае не имеет права этого богатства желать и к нему стремиться.

Есть ли в природе нечто, что не являлось бы плодами труда – ручного или умственного? Что такое история человечества, как не летописи этого труда? Что такое все наши достижения, открытия и изобретения, как не его свидетельства? Оживленные рынки, кипящие жизнью города, богатейшие империи мира, – все это сокровищницы труда человеческого. Пирамиды Египта, храмы, башни и замки Европы, руины римских городов, потаенные дворцы древней Мексики, каналы и железные дороги всего христианского мира, – это опоясывающие весь мир пути, ведущие человечество вперед и ввысь, ступени его возвышающего труда. Без труда у нас не было бы ни памяти о прошлом, ни надежды на будущее.

Даже самое закоренелое безделье покоится на плодах некогда свершенного труда. Даже тот, кто не трудится и, тем не менее, не

умирает от голода, исполняет свою роль в мироустройстве, ведь он служит наглядным доказательством того, что ради его безделия кто-то в свое время изрядно потрудился. Но не таким людям воздает высшие почести масонство. Оно почитает Работника, Труженика, того, кто производит, а не только потребляет, того, кто трудами рук своих наращивает богатства сокровищницы людских радостей и удобств, а не только полной горстью черпает из нее. Оно почитает того, кто вступает в борьбу с неумолимыми стихиями и сражается с ними, а не прячется трусливо под подушками безделия и покоя. Оно почитает сильную мышцу, железные нервы настоящего мужчины, отважное и верное сердце, вспотевший лоб, напряженно работающий мозг. Оно почитает величайшие и прекраснейшие свершения человечества, работу, выполняемую как мужчинами, так и женщинами; труд отца и заботу матери; наставляющую Мудрость и впитывающее знания Терпение; напряжение ума тех, кто стоит во главе государства, и самоотверженный труд тех, кто под его благой эгидой работает в цехах, полях и учебных классах.

Господь устроил так, что мир в основном состоит не из богачей, а из бедняков, или, по крайней мере, из тех, кто должен трудиться для того, чтобы заработать на пропитание себе и своим близким. Таким образом, это положение вещей является оптимальным для человека и одновременно величайшим условием его совершенствования. Если бы все люди мира в одночасье обогатились (а ведь все люди при рождении обладают равными правами, в том числе, и на все богатства мира); если бы наше поколение смогло обеспечить грядущее поколение всеми материальными средствами на всю жизнь (как многие стремятся обеспечить своих детей), – мир немедленно обрушился бы и исчез. Остановилось бы производство – ведь в нем больше не было бы необходимости; любое усовершенствование, изобретение стали бы невозможны в силу отсутствия необходимости в них; несправедливое распределение собственности, отчасти уравновешиваемое ныне оздоровляющим дуновением общественной мысли, привело бы к повсеместному распространению страшных общественных болезней и в конечном итоге – к полной и ужасной анархии; и мир рухнул бы – сгнивший от проказы, как Ирод, – в могилу собственных отвратительных пороков.

Практически все величайшие достижения человечества были осуществлены бедняками: нищими учеными, нищими художниками и скульпторами, нищими мастеровыми, нищими поэтами и

философами, нищими гениями. Человеку полезны некоторая бедность, некоторая стесненность в средствах, умеренность, давление обстоятельств. Тело его было сотворено не для одних лишь удовольствий и радостей. Ему суждено страдать, болеть и в конце концов умереть. Разум его был сотворен не для безделия. В безделии он слабеет, сжимается и деградирует. Тот же, кто купается в роскоши и безделии, не упражняя ни свое тело, ни свой ум, передает потомкам болезни своего тела и своего разума, и никакие унаследованные ими богатства не покроют такой ужасный ущерб. Ибо богатство, приобретенное и хранимое в обход извечного закона Труда, не способно не только приумножить, но и сохранить само себя. Оно утекает из рук недоумка. И уж третье поколение точно оказывается на мели, и ему снова приходится крутить колесо фортуны, и только так оно снова обретает качества, необходимые для возрождения, если только ему вообще суждено их обрести; ибо это поколение наследует все пороки тела и души первого поколения сластолюбцев и лентяев, не наследуя при этом их богатств. И, тем не менее, практически все мы стремимся направить своих детей – в надежде, что они направят наших внуков, – по этому пути лености, роскошества, порока, разложения и упадка, по пути вечного в веках наследования телесных и душевных болезней, духовной проказы.

Если бы целью обретения богатства было распространение духовной культуры внутри и широкая благотворительность вовне; если бы оно служило строительству образовательных и культурных учреждений вокруг нас; если бы оно служило только нравственному оздоровлению и интеллектуальному росту окружающего нас мира, – то чем большее богатство было бы обретено, тем было бы лучше. Но если единственной целью, единственным побуждающим к накоплению богатства мотивом служит последующее приобретение красивой и дорогой мебели, участие в дорогостоящих и безнравственных развлечениях, строительство шикарных домов и всяческие упражнения в расточительстве, тщеславии и суетности, – то чем меньше такого богатства, тем лучше. До некоторой степени оно может с честью служить источником красоты и удобств человеческой жизни, телесных радостей и призрения неимущих; но как только богатство лишается идеи, высокого и человечного побудительного мотива, оно непременно ведет своего обладателя к падению и злу.

Это падение суждено не только отдельным людям или семьям. Оно стоит тягостным и пугающим видением на пути развития всех

богатых городов, республик, империй. Уроки прошлого на эту тему возвышенны и жестоки. История обретения богатства, как ни грустно и ни страшно, всегда была историей гниения и краха. Пока еще не было в истории людей, которые сумели бы выдержать это испытание. К сожалению, беспредельное богатство пока еще не позволило никому сохранить мужественную энергию, жесткое самоотречение и возвышенную добродетель. Среди богатых и порочных бездельников бесполезно искать плоть и кровь общества, его костяк, его высшие таланты и добродетели, мучеников и патриотов, религиозных и общественных вождей, которые готовы были бы разделить со своей страной не только дни радости, но и дни горя и испытаний.

На протяжении всего великого пути различных народов единого человечества по лицу Земли мы всегда видели, как роскошь и излишества бегут под напором бедности, труда и жестокой нужды. Это еще один великий закон построения и роста человеческого общества. Сидон и Тир, купцы которых владели сокровищами, которым позавидовали бы и князья; Вавилон и Пальмира – престолы азиатского роскошества; Рим – исполненный всеми пороками мира, осаждаемый ими гораздо более жестоко, чем внешними врагами,– все это примеры разрушительной направленности избыточного и неестественного накопления богатств; и современным людям необходимо постепенно становиться, по мере обретения все новых богатств, все более щедрыми и милосердными, а отнюдь не все далее погрязать в самовлюбленности, дабы и наша цивилизация не пошла по стопам давно павших и погребенных под пеплом Истории империй.

Всем людям свойственно стремиться выделиться из общей массы и обрести возвышенную цель в жизни. Те, чьи цели наиболее высоки и достойны, обычно и бывают счастливее и удовлетвореннее всех прочих. Артисты, инженеры, изобретатели,– все, кто исследует основы красоты этого мира и стремится создать собственные ее образцы, больше всех наслаждаются земным существованием. Земледелец, трудящийся ради украшения земли и научного землепользования, гораздо счастливее того бедолаги, который пашет свой надел только ради куска хлеба. В этом одно из самых наглядных свидетельств того долга, который все мы – всеми своими радостями и удовольствиями – обязаны постоянно отдавать породившей нас Природе. Никакое вновь обретенное богатство не дает такой

радости, как собственноручно отлаженная до совершенства новая машина, по крайней мере, если это богатство обретается только для того, чтобы объедаться, одеваться в шелка и расточительствовать, а не для того, чтобы участвовать в благотворительности, облегчать жизнь ближним своим, тем самым платя свой человеческий долг, или для достижения какой-либо иной высокой и благой цели.

С трудом у большинства людей зачастую связана безрадостная убежденность в том, что у него нет ни достаточно высокой цели, ни же способен он принести труженикам соответствующие их работе почести. Зачем трудиться, если пройдет всего лишь несколько лет – и мир забудет о том, что труженик этот вообще когда-то существовал, если только он не увековечил свое имя в мраморе, на холсте, в книгах, законах или исторических афоризмах?

Ответ на этот вопрос прост: каждый из нас должен свершить великую работу внутри самого себя, работу, гораздо более значительную и возвышенную, чем любой «внешний» наш труд в этом мире; это обработка более благородного материала, чем дерево или мрамор, – наших собственных разума и души, и работа над ними принесет нам высшие почести, как на Земле, так и в Небесах; нам необходимо стать настоящими Мастерами обработки грубого камня наших душ, и такое дело будет говорить за нас гораздо красноречивее любых слов.

Любой великий писатель или художник только описывает, каким может и должен *быть* человек. Он *описывает* то, что мы должны *делать*. Он воспринимает свыше и претворяет в свои работы нравственную красоту, великодушие, отвагу, любовь, верность, всепрощение и возвышенность принципов. Он описывает добродетели, чтобы мы восхищались ими и старались следовать им. Основной целью существования великих произведений искусства является наше следование описанным ими великим идеям на практике. Великие свершения героев прошлого на страницах летописей или эпоса; неизменность веры мучеников за Истину; любовь и истинная Вера, которыми лучатся холсты великих художников; слова Истины и Справедливости, слетающие с уст великих ораторов, – вот единственная суть всего, что человеку надлежит предпринимать в реальной жизни, на всем ее протяжении. Добродетельный труд ценнее любого гениального произведения искусства, ибо гораздо достойнее *быть* героем, чем *описывать* его, достойнее *быть* мучеником, чем *воспевать* его, достойнее *творить* благо, чем *призы-*

вать к его творению. Дела величественнее слов. Добродетельный труженик в большей степени достоин всяческого возвеличивания, чем гениальный писатель. Существуют две великие цели, ради которых стоит жить: делать нечто достойное того, чтобы о нем написали в книге, и писать книги о том, что достойно того, чтобы быть прочитанным, – но достойнее всего все же *делать* нечто важное и благое.

Каждый человек должен стремиться сотворить нечто, достойное самого возвышенного описания. Жизнь человеческая – необъятное поле для трудов Отваги, Трудолюбия и Радости. Да не опустится ни единый масон до мыслей о том, что жизнь его суетна и бесполезна, наполнена тягостным и бессмысленным трудом; да не считает он цель своей жизни ничем хотя бы отчасти меньшим, чем обретение бессмертия. Никто не вправе говорить, что все радости в этой жизни предназначены не для него, а для других, а он сам ничего не может с этим поделать. Как бы велик ни был образ героя, созданный писателем или художником, как бы велики ни были его подвиги, гораздо достойнее и величественнее поступишь ты, если просто пойдешь и *совершишь* то же, что этот герой, или *послужишь* прототипом нового героя, описанного новыми писателем и художником.

Возвышеннейшие подвиги, которые мы привыкли встречать только в книгах, тем не менее, с невероятной легкостью можно совершить и в обыденной жизни, в быту, – нужно просто видеть возможность совершить их, искать ее повсюду, среди повседневных искушений, горестей, страданий, в медленном, но неуклонном приближении телесной смерти. Самим Провидением Господним во всех великих испытаниях, предначертанных Им для нас, открываются неисчерпаемые возможности для самых благих и возвышенных наших поступков. Даже не в чрезвычайных обстоятельствах, когда все глаза обращены к нам, когда силы наши на пределе, когда все наше внимание сконцентрировано в одной точке, когда от нас требуется все напряжение, неизменно пробуждающее лучшие добродетели, которыми мы обладаем, – отнюдь нет, скорее, напротив – в уединении, в тишине, посреди ежедневных трудов и мыслей, или в измождающей болезни, на которую некому даже пожаловаться, или в честности и бескорыстии, за которые не ждешь награды, или в беспристрастности, когда удерживаешь свою руку, чтобы преимущество перешло в руки другого, более его заслуживающего.

Масонство всегда стремилось наполнить обычную жизнь достоинством и значением. Оно и ныне стремится проникнуть в темные и неисследованные области быта, наших обыденных чувств и дел, и вечно воспевать скорее не обычную доблесть необычной жизни, а необычную доблесть в жизни обычной. То, что думается и делается в тени обыденной жизни, в уединении, на проторенных тропах бытовых трудов и забот, исполненных таких же обыденных, но от этого не менее тяжких, ежедневных жертв, в страданиях, зачастую несправедливых, наполняющих горем некогда счастливые глаза, в вечной борьбе духа с болью и жестоко поражающими в самое сердце оскорблениями, – все, что делается, думается, выносится и вытерпливается там, – это высшая доблесть, высшее предназначение человека, и вознаграждено это будет блистательнейшим из всех венцов.

В Книге жизни истинного масона начертано одно-единственное слово, сияющие лучи, проистекающие от которого, озаряют все вокруг. Слово это – Долг.

Помогать каждому человеку обрести постоянную работу за соответствующую плату; стараться приблизить то счастливое время, когда никто более не будет страдать от нищеты и голода в силу того, что, пусть и желая честно трудиться, он никак не может устроиться на работу, или в силу того, что труды его прервал внезапный тяжкий недуг, – вот часть долга Рыцаря Царственной Секиры. И если нам удастся сделать хотя бы одно из творений Господних счастливее и богаче, хотя бы немного лучше и достойнее звания образа и подобия Его; если нам удастся вселить хотя бы в одно сердце человеческое немного мудрости, мужества, надежды и счастья, – значит, мы свершили *работу,* достойную истинных масонов и угодную Отцу Небесному.

Chief of the Tabernacle

23

Начальник Скинии

У большинства народов древности, кроме общепринятого религиозного культа, обычно существовал и другой, скрытый, известный под названием Мистерий; в него допускались только избранные, прошедшие особое посвящение, известное под названием инициации.

Шире всего в древнем мире были распространены культы Исиды, Орфея, Диониса, Цереры и Митры. Многие варварские народы обрели посвящение в Мистерии этих богов от египтян, и только потом Мистерии попали в Грецию; даже в древней Британии друиды определенно были посвящены в Мистерии Диониса, и именно египтянами.

Элевсинские Мистерии, свершаемые в пригороде Афин во имя Цереры, со временем поглотили все прочие. Все окрестные народы позабыли собственные Мистерии, обратившись к таинствам Элевсина; вскоре посвященные в них наводнили всю Грецию и Малую Азию. Эти Мистерии охватили всю Римскую империю и распространились далеко за ее пределы. «В священные и возвышенные Мистерии Элевсина, – говорил Цицерон, – бывали посвящены жители самых отдаленных земель». Зосима писал, что они охватили все человечество, а Аристид называл их Храмом всего рода человеческого.

Элевсинские Мистерии подразделялись на два круга посвящения – Великий и Малый. Второй из них служил приуготовительным этапом для посвящения в первый, и в него допускались практически все без ограничений. Ученический срок в Малых Мистериях обычно составлял три–четыре года.

Клемент Александрийский пишет, что учение Великих Мистерий включало в себя описание Вселенной и служило своего рода вершиной и итогом всех предшествовавших наставлений; обретший посвящение в них постигал истинную природу вещей, их образ действия и суть всего окружающего мира.

Древние говорили, что после смерти посвященные обретут гораздо большее счастье, чем все остальные люди; что, в то время как души профанов после их телесной смерти погрузятся в великое Ничто, во мрак и безысходность, души посвященных вознесутся на Счастливые Острова, в обитель богов.

Платон утверждал, что целью Мистерий являлось восстановление человеческой души в ее изначальной чистоте, в давно утраченном совершенстве. Эпиктет писал: «Все, чему там учат, было утверждено нашими Мастерами и нацелено на совершенствование нравственности».

Прокл считал, что путем инициации душа возносится от материальной, чувственной, чисто человеческой жизни к союзу и небесному взаимодействию с богами, что посвященные во время церемонии инициации наблюдают длинную череду форм, образов и сущностей, которые должны символизировать для них первое поколение богов.

Нравственная чистота и возвышенность душевных порывов были необходимыми требованиями, предъявлявшимися к посвящаемым. Кандидаты отбирались исключительно из людей безупречной репутации и неоспоримых нравственных достоинств. Нерон после убийства матери не рискнул предложить свою кандидатуру для посвящения, а Антоний предложил свою кандидатуру в значительной степени во имя того, чтобы представить всему миру неопровержимое доказательство своей непричастности к убийству Гая Авидия Кассия.

Посвященные считались единственными счастливыми людьми на Земле. «Лишь нам, – писал Аристофан, – светит милостивое дневное светило. Лишь мы вбираем в себя благо, ниспосылаемое его лучами, лишь мы, к каждому на Земле относящиеся справедливо и по-божески». И ничего удивительного нет в том, что впоследствии посвящение в Мистерии стали считать таким же необходимым актом, как затем – крещение; всякий же, кого сочли недостойным посвящения в Мистерии, покрывал свое имя позором.

«Мне кажется, – писал величайший оратор, философ и моралист Цицерон, – что Афины среди всего множества нововведений, бо-

жественных и крайне полезных для всего человеческого рода, не сумели изобрести ничего даже отдаленно подобного по значению Мистериям, которые грубой животной жизни противопоставили человечность и учтивые манеры. Слово *«инициация»*[1] наполнено высоким смыслом, поскольку именно посредством ее мы постигаем основы, начала жизни; она не только наставляет нас в жизни, исполненной человечности и приятности в общежитии, но также и помогает смириться с неизбежными страданиями и смертью в ожидании грядущей лучшей жизни».

Корни и происхождение Мистерий продолжают оставаться для нас неизвестными. Считается, что они впервые появились в Индии, затем через Халдею проникли в Египет, а оттуда посвященные принесли их в Грецию. Вне зависимости от того, где в действительности они возникли, практиковали их все народы древности, и, как водится, и фракийцы, и критяне, и афиняне заявляли о своих правах на «авторство», утверждая, что ничего не заимствовали у окрестных народов.

В Египте и во всей Азии религия даже в самых поэтичных своих формах всегда в той или иной степени носила характер мистериального посвящения; и основная причина, почему в Греции Мистерии заняли свое собственное, отдельное от всего прочего, место и удостоились особого наименования, состоит в том, что, в большинстве случаев, так называемая «народная», общедоступная вера оставляла открытыми множество вопросов, ответы на которые можно было получить только в рамках Религии в гораздо более общем смысле слова. Мистерии явились наглядным свидетельством неспособности общедоступной религии достойно удовлетворить все растущие запросы развивающегося разума и возвышающейся к Небесам души народа. Неясность и многозначность мистериального символизма, скорее всего, достигла результата, которого не способна была достичь более материальная, «осязаемая» религия. Этот символизм своей неопределенностью подчеркивал мимолетность, неуловимость науки, преподаваемой посредством него; он толковал мистические предметы мистическими средствами; он стремился отобразить то, что невозможно было объяснить; создать у посвящаемого определенное ощущение, если невозможно было снабдить его четкими понятиями; он делал образ вспомогательным средством выражения концепции, пусть она сама так и оставалась в большинстве случаев неведомой посвященному.

Те наставления, которые в наше время передаются из поколения в поколение через книги и письма, в былые времена передавались через символы; и каждый посвященный жрец должен был самостоятельно разрабатывать череду за чередой посвятительных образов и действий, которые были не только гораздо приятнее глазу, чем слова, но зачастую несли в себе и гораздо более разноплановое и глубокое значение.

Впоследствии институт Мистерий преобразился и стал скорее нравственным и политическим, нежели религиозным. Гражданские чиновники изменили его церемонии, приспособив их к различным общественным процессам; мудрецы, принесшие Мистерии из Египта в Грецию, Азию и Северную Европу, в основном были царями и великими законодателями. Во главе Элевсинского культа стоял государственный чиновник, фигурировавший в нем под титулом *Царя,* и лишь вспомогательную роль при нем играли жрецы.

Силы, которым поклонялись посвященные в Мистерии, в действительности были богами Природы, потому что никого из них нельзя рассматривать просто как героев эпоса: силы и способности их превосходили человеческие. Мистерии, являвшиеся более возвышенным отражением религии, нашедшей, в свою очередь, отражение в древней эпической поэзии, наставляли в священной теократии, то есть единстве и верховной власти Божества, каковую концепцию не могли скрыть даже поэтические метафоры и разночтения. Мистерии вроде бы никогда, по крайней мере, внешне, не враждовали с общепринятой религией, – только более полно и глубоко толковали ее символы и метафизику; скорее они считали ее своей составной частью, только более явно выраженной. Сущностью всех Мистерий, как и любой формы политеизма, является именно это: понятие недостижимой, единой, вечной и неизменной Сущности, Бога Природы, неисчерпаемые и разнообразные силы Которой раскрываются человеческим чувствам в непрерывном круге сменяющих друг друга жизни и смерти, а жрецы раскладывают их на отдельные проявления и выражают последовательностями аллегорических образов. Эти символы постоянно возбуждали воображение посвященных, питая тем самым их глубокое религиозное чувство, поскольку, не находя утоления своим духовным запросам среди простого и понятного символического аппарата общедоступной религии, они в почтении простирались пред неясным и сокровенным.

Природа совершенно свободна от догматизма и тирании; и первые наставники человечества не только отлично восприняли и поняли ее уроки, но и, насколько представлялось возможным, старались следовать ее педагогическому методу. Они стремились достигнуть понимания через зрение; и большая и лучшая часть учений древности передавалась из поколения в поколение посредством впечатляющих художественных представлений. Мистерии были священными игровыми представлениями, иллюстрирующими те или иные легенды, объясняющие причины перемен в Природе и вообще всей зримой Вселенной, в которой обретает откровение незримый и непостижимый Бог, блага, даруемые Которым, были в значительной степени настолько же доступны для язычников, насколько и для христиан много веков спустя. После ритуальных игр и чтений в храмах посвященным обычно почти не предлагали никаких толкований увиденного и услышанного: они оставались одни и должны были делать выводы сами, как это всегда происходит с человеком в великой школе Природы.

Метод непрямого наставления гораздо эффективнее при передаче учения из уст в уста, чем целенаправленная дидактическая «атака», потому что мы обычно остаемся равнодушны к тому, что нам достается без всяких усилий с нашей стороны: «Настоящих посвященных мало, хотя многие носят тирс». И вряд ли возможно было бы преподать уроки, одинаково подходящие людям всевозможных уровней образования и внутренней культуры, если бы они не были построены по образу и подобию Природы, а точнее, не представляли бы собой одну из форм самой Природы, пользуясь ее универсальным символизмом вместо несовершенной техники человеческого языка, требуя от посвященного постоянных раздумий и бесконечных самостоятельных исследований, но тем не менее, вознаграждая самые скромные усилия по раскрытию тайн Вселенной, каждому посвященному отмеривая ровно столько знаний, сколько он достоин получить, соразмерно затраченным усилиям и достигнутому уровню духовного и интеллектуального развития.

Даже при отсутствии какого-либо формального, официозного признания этих важнейших истин, знание которых даже в более просвещенные века их обладатели полагали неразумным распространять, кроме как под плотным покровом символов и аллегорий, и которые теряют свое значение и смысл ровно настолько, насколько их активно превращают в пустые догмы, заучиваемые механически, –

мистериальные таинства несомненно содержали в себе намеки, если не прямые наставления, которые, по мнению не только тех, кто бывал в них посвящен, но и большинства народа вообще, были способны возвысить души даже простых зрителей, позволяя им прозревать цель и смысл собственного существования, равно как и средства улучшить его, сделать собственную жизнь красивее и счастливее.

В отличие от обычных религиозных практик, традиционно основанных на книгах и устном слове, эти мистериальные ритуалы и представления были отнюдь не чтением лекций, дающих ответы на все вопросы, а наоборот – постановкой проблемы и призванием на помощь в ее решении философии, ибо сама по себе философия – величайший мистагог и мудрейший толкователь символов; даже если принимать во внимание, что классическая греческая философия во многих случаях ошибалась, пытаясь истолковать древние мифы и аллегории, в не меньшем числе случаев она впоследствии оказывалась совершенно права.

Не было и не могло быть никакого более эффективного способа пробудить и растормозить человеческий разум, чем эти театрализованные мистериальные представления, воздействовавшие на человеческий интеллект через воображение, которое вместо того, чтобы привычно уложить все вновь познанное в рамки уже существующей веры, напротив, стремилось искать, сравнивать и судить обо всем по-новому. Переход от символа к догме так же губителен для красоты и доходчивости изложения учебного материала, как переход от веры к догме – для истины и здравого смысла.

Первые мировые философские системы то и дело возвращались к этому естественному методу преподавания; в особенности часто говорят в этом контексте о Сократе, который стремился избегать догматизма, скорее стремясь, подобно иерофантам Мистерий, развивать в умах своих слушателей те мысли, которые уже были заложены в них и не могли развиться самостоятельно, чем наполнять их уже готовыми, разработанными концепциями, понятиями и мнениями.

Масонство также следует древним методам наставления. Его символизм – это и есть уроки, преподаваемые им своим посвященным; а собственно наставники зачастую являются односторонними и несовершенными толкователями этого многогранного и неисчерпаемого символизма. Всякий стремящийся стать истинным

и высокообразованным масоном должен быть готов не только и не столько выслушивать и понимать преподаваемые ему уроки, но и, держа эти уроки в голове и в сердце своем, сделав их маяками на своем пути, самостоятельно изучать и толковать символы.

Первые философы стремились объяснить гораздо больше, чем были в состоянии сами понять, и смутные образы, порождавшиеся их разумом, нашли самое адекватное и яркое выражение именно в таинственных аналогиях феноменов окружающей действительности, которые как раз и служили основным дидактическим аппаратом Мистерий. Мистерии, как и масонство в наши дни, были образом, красноречивым отражением Природы; и ни Мистерии, ни масонство никогда не предлагали и не предлагают никому символов, которые тот или иной кандидат не готов или просто не в состоянии воспринять и должным образом истолковать.

Повсюду, во всех Мистериях древности и во всех символах и ритуалах иерофантов, встречается один и тот же персонаж, который, подобно Гермесу Трисмегисту или Зороастру, объединяет человеческие свойства с Божественной Сущностью, сам по себе отчасти являясь богом, веру в которого он приносит народам, обучая их – грубых, пещерных, первобытных – основам цивилизации, а затем своей символической смертью, уподобляющейся временной гибели всей Природы, – основам религии и приносимому ею душевному покою.

Мистерии включали в себя три великих учения древнейшей теософии. Они учили сущности Бога, Человека и Природы. Дионис, Мистерии которого были, по легенде, основаны Орфеем, был богом Природы, или влаги, которая есть основа существования Природы, богом, готовящим, пребывая в непроницаемой тьме, возвращение света и пробуждение к жизни растений, или являющимся Светом и Носителем Перемен, от которого происходит все разнообразие в природе. Теологически он был един с Гермесом, Прометеем и Посейдоном. На островах Эгейского моря его называли Бутом, Дарданом, Химером или Имбром. На Крите – Иасием и Зевсом, и там вера в него не была сокрыта под обычными покровами Мистерий, вскоре предоставив любопытству непосвященных символы, которые, превратно понятые и неверно истолкованные, определенно привели к непоправимым ошибкам и заблуждениям. В Азии он стал долгополым Басарием, соответствующим Сабазию религии фригийских корибантов; то же самое с таинственным Иакхом –

молочным или родным сыном Цереры – и с разрубленным на части Загревсом, сыном Персефоны.

Мистерии в символической форме всегда повествовали о Едином, существование Которого многогранно иллюстрировало Множество богов и героев. И тем самым душа посвященного получала наставления в том, как следует жить и как свыкнуться с мыслью о смерти и радоваться ее приходу. Особенным значением обладало повествование о Дионисе. Он выступал в роли не только творца мира, но и великого наставника, освободителя и спасителя души. Этот бог в многоцветном плаще был всеобщей персонификацией, высшим личностным воплощением, всем в одном, целым годом развития Природы в одном лице, всей Природой во всем многообразии ее внешних проявлений.

Духовное возрождение человека представлялось в Мистериях воскресением, вторым рождением Диониса как порождения Всевышнего; символами и средствами этого воскресения становились стихии, обычно задействованные в периодическом отмирании и внутреннем очищении Природы: воздух, представленный ритуальным веером или воздуходувной трубой; огонь, представленный факелом; вода – символ крещения, не только очистительный эликсир, но и источник всей и всяческой жизни, всеобщая мать.

Эти понятия, сокрытые пеленой ритуала, предполагали перестройку души кандидата и ее обучение, нравственное очищение, официально являвшееся основополагающим принципом Элевсинских Мистерий. Допускались же к посвящению в них только те, кто обладал «чистыми руками и разумной речью, свободой от всякого порока и чистой совестью». «Счастлив тот, – говорят посвященные у Еврипида и Аристофана, – кто очистил свою жизнь от порока и кто освятил свою душу во время тиаса[2] в честь Бога. Да замкнет он уста, дабы не слетело с них нечестивое слово; да будет он справедлив и милосерд и к ближнему, и к дальнему; да не отдастся он никакому грешному удовольствию, иначе дух его обленится и отяжелеет. Да пребудут вдали от священного танца в тиасе и нечистый сердцем, и клеветник, и трусливый гражданин, и самолюбец, и охотник за нечестивой выгодой, и изменник, – все, чья жизнь более напоминает неразумный бунт титанов, чем размеренную жизнь орфиков или критского ордена жрецов Зевса Идейского».

Допущенный к посвящению кандидат оказывался далеко за пределами сферы привычных для него понятий и представлений,

он более был не в состоянии объяснить сам себе причины своего экстатического возбуждения и постепенно обретал божественную природу – ровно в той степени, в какой расставался с природой человеческой, – он превращался в демона или в бога. Посвященные, – пускай только в собственном воображении, – автоматически причислялись к небожителям. Лишь они одни наслаждались истинной жизнью, впитывали лучи истинного Солнца, воспевая своих богов под сенью таинственных зарослей мистического Элизия, внутренне обновляясь и возрождаясь к новой жизни под живительным воздействием ритуальных танцев.

«Те, кого Прозерпина ведет по пути посвящения в свои таинства, – гласит наука Таинств, – кто усвоил ее наставления и духовную пищу, даруемую ей, смогут отдохнуть от трудов и более никогда не познают тягот. Счастливы те, кто видел и усвоил эти священные церемонии! Они познали загадку существования всего на свете, поскольку им дано было узреть конец всех вещей и смысл их краткого бытия, как оно было предначертано Зевсом; они обрели дар, более долговечный и драгоценный, чем зерно земное, даруемое Церерой, ибо они возвысились в области духовного бытия и обрели сладостные надежды, которые успокоят их в час смерти».

Вне всякого сомнения, мистериальные таинства изначально были немногочисленны и просты. Но по мере того, как великие и простые изначальные истины постепенно стирались из умов людских, а в мире воцарялись зло и грех, потребовалось изобретать более сложные ритуалы, выдерживать большие сроки для отделения достойных посвящения от его недостойных и подвергать кандидатов более серьезным и многочисленным испытаниям; потребовалось окружить эти еще не полноценные Мистерии, а скорее, начальные школы мистериального посвящения, таинственностью, чтобы окружающие народы прониклись их высоким предназначением и непреходящим глубоким смыслом.

В каком бы свете ни представляли Мистерии позднейшие, в особенности христианские, авторы, они многие века, а не только в самом начале, хранили нравственную чистоту, и учение природной, естественной религии и сопутствующие ей нравственные принципы обладали гигантским влиянием на умы всех народов древности, ведь действительно, самые мудрые и самые добродетельные древние философы говорят о них только в превосходной степени. Нам, тем не менее, отлично известно, что, в конце концов, как бы

то ни было, они все же утратили это значение и ужасно деградировали.

Ритуалы посвящения в мистериальные таинства со временем постоянно усложнялись. Были разработаны знаки и эмблемы, при помощи которых Дети Света могли с легкостью опознать друг друга. По мере увеличения числа посвященных были разработаны различные степени посвящения, чтобы во главе Храма Мистерий всегда стояло ограниченное число высших посвященных во все возможные таинства, которым и только которым открывались самые глубокие тайны, которые составляли внутренний круг святилища, которые олицетворяли силу Ордена и могли оказывать на него влияние изнутри.

Изначально Мистерии были задуманы как начало новой жизни для посвященных, жизни в обители Разума и Добродетели. Посвященных, или Учеников, наставляли в существовании Единого Всевышнего Бога, им рассказывали о смерти и бессмертии, о сокровенных таинствах Природы, о возрождении души в конце времен во всем изначальном совершенстве, которое она утратила во время грехопадения, о вечном блаженстве или вечной каре после физической смерти. Непосвященных наградили званием «профанов», недостойных ни личного доверия людей, ни высокого общественного положения, некоторых даже объявили атеистами, а всех вместе – определенно заслуживающими жестокой посмертной кары.

В Малые Мистерии мог быть посвящен практически каждый; но лишь очень немногие могли обрести посвящение в Великие Мистерии, в которых, собственно, и раскрывалось большинство священных символов и сообщалось истинное их значение. Завеса тайны была непроницаема, запечатана клятвами и обещанием ужасных и жестоких наказаний за их преступление. Знание иерофантов могло передаваться кандидатам только путем инициации, именно это знание было запечатлено в форме символов и эмблем на колоннах, потолках и стенах храмов, именно оно было, по легендам, передано жрецам небесными божествами в форме Откровения и именно оно было столь желанной целью столь многих кандидатов, стремившихся расшифровать потаенные символы храмовых строителей.

Церемонии обычно проходили под покровом ночи, чаще всего в обширных подземных пещерах, но иногда и в центре огромных пирамид, и сложные механизмы использовались для того, чтобы внушить кандидату священный ужас и наполнить его сознанием

значительности момента. Бесчисленные новые церемонии, дикие и романтичные, ужасные и отвратительные, с течением времени все добавлялись и добавлялись к изначальным немногим простым ритуалам, и нередки бывали случаи, когда несчастный кандидат действительно умирал от ужаса в ходе посвящения.

Для посвящения в Мистерии иерофанты пользовались пирамидами, пещерами, пагодами и лабиринтами, потому что для исполнения всех ритуалов необходимо было большое количество по-разному убранных помещений с длинными проходами между ними и многочисленными глубокими колодцами. В Египте основным местом проведения церемоний посвящения в Мистерии стал остров Филы на Ниле, и именно там был построен величественный Храм Осириса, в котором хранились, по легенде, его мощи.

В силу своих природных склонностей жрецы древних Египта, Индии, Финикии, Иудеи и Греции, Британии и Рима, эта избранная и возвышенная каста, которой были ведомы Великие Мистерии, пользовалась ими для укрепления и расширения границ собственной светской власти. Никакая религия не способна вечно хранить первозданную чистоту. За изначальной простотой и скромностью неизбежно следуют чрезмерные почести и излишняя роскошь. Беспринципные, суетные, грубые, порочные и жестокие люди со временем неизменно надевают личины богов, чтобы служить под ними демонам; роскошество, порок, нетерпимость и гордыня повергают ниц умеренность, добродетель, доброту и терпимость, превращая алтарь, у подножия которого они должны были, по идее, стоять смиренными служителями, в престол и средоточие своей неправедной власти.

Однако философам, царям и прочим государственным деятелям, мудрым, могущественным и благим, посвященным в мистериальные таинства, на протяжении долгого времени удавалось отдалять самоуничтожение жрецов вследствие такого рода разрушительной деятельности и возвращать их в границы разумного служения Богу. Так, Зосима полагал, что пренебрежение Мистериями правителей после отречения Диоклетиана в конечном счете привело к падению Западной Римской империи; а в 364 г. н. э. проконсул Греции отказался запретить Мистерии и закрыть их храмы во исполнение указа императора Валентиниана, потому что, поступи он как законопослушный гражданин Рима, народ, лишенный возможности отправлять свой древний культ, впал бы в отчаяние и начал роптать, –

ведь именно от регулярности свершения Мистерий, верили люди, зависели их благополучие и даже сама жизнь. В Афинах Мистерии продолжали свершаться вплоть до VII века, в других городах Греции и в Риме – тоже на протяжении нескольких веков по Рождеству Христову, в Уэльсе и Шотландии – вплоть до XII века.

Население Индии испокон веков исповедовало религию Патриархов. Даже развившийся несколько позднее вишнуизм на деле оказался веселой и истинно народной религией; отправление культа Вишну сопровождали веселые песни и ритуальные танцы, бряцание цимбалов, возлияния молока и меда, цветочные гирлянды и чарующий дым ароматического дерева и дурманящих трав.

Именно там, вероятно, и зародились Мистерии, и именно там начали наставлять в примитивных, изначальных истинах, сокрытых под пеленой аллегорий. Рамки данной лекции не позволяют нам углубляться в подробное описание практиковавшихся там в то время церемоний посвящения, а поэтому мы будем говорить о них лишь в самых общих чертах, кроме тех случаев, когда их следы можно обнаружить в традициях и ритуалах современного масонства.

Посвященного обвивали ритуальным шнуром таким образом, чтобы тело его охватывали три раза по три витка; шнур этот назывался *джанеу*. От него и произошло наше вервие, служащее, как и *джанеу*, эмблемой единого и триединого Божества, тройственность Которого также отражается в троих старших офицерах Символической Ложи, восседающих каждый на своем месте, олицетворяя три из четырех частей света, Вселенной, эмблемой которой является все помещение ложи, а также в трех Великих и трех Малых светочах ложи, трех ее движимых и трех недвижимых сокровищах, равно как и в трех колоннах, поддерживающих свод ложи.

Посвящение в древнеиндийские Мистерии проходило в глубоких подземных пещерах и гротах, вырубленных в монолитных скалах; посвященные поклонялись там Божеству в образе солнечного пламени. Кандидат, долгое время блуждая действительно в полной тьме, действительно желал света, и только света, и вера, в которой его наставляли, действительно была верой в Бога как Источник Света. Например, церемонии посвящения определенно проходили в огромном храме Элефантина, наверное, древнейшем в мире, вырубленном в скале, высотой около 70 метров, а также в обширном подземном лабиринте острова Сальсетта, состоящем из более чем 300 пещер.

Время проведения церемонии посвящения определялось в соответствии с фазами Луны. Мистерии подразделялись на четыре этапа, или степени, посвящения. В первый градус человек мог быть посвящен в восемь лет, одновременно с первым препоясанием джанеу. С каждым новым посвящением он впоследствии приближался к истинному совершенству. «Пусть человек, обуянный пороком, – сказано в Хитопадеше, – практикует добродетель хотя бы в трех или четырех степенях религиозного посвящения; пусть он постигнет равенство всех творений Бога, – и это осознание станет для него источником всяческой добродетели».

После многочисленных обрядов, в основном посвященных наставлению в единственной и тройственной природе Божества, кандидата облачали в льняную рубаху без единого шва и оставляли на попечение брамина, который воспитывал юношу в строгости и добродетели и обучал различным наукам вплоть до двадцатилетнего возраста. После этого молодого человека подвергали серьезнейшим и суровейшим испытаниям для того, чтобы определить, готов ли он к посвящению во второй градус, в котором его осеняли знаком креста, ибо этот знак указывает на все четыре стороны света, являясь одним из самых явных и красноречивых символов Вселенной в культурах многих древних народов Земли; например, крестообразны в плане храмы древних индейцев.

Затем посвященного допускали в священную пещеру, озаренную слепящим светом, где на Востоке, Западе и Юге восседали высшие иерофанты в прекрасных одеждах, которые олицетворяли триединое индийское Божество. Церемония в священной пещере открывалась торжественным исполнением гимна великому Богу Природы, после которого произносилась следующая ритуальная формула: «О Ты, могучее Существо, Которое выше Брахмы, мы склоняемся пред Тобой – Первотворцом всего сущего! О Предвечный Бог Богов! О Оплот мира! Ты единственный неизменен среди тлена! Ты существовал раньше всех богов, Ты – Древнее Наивысшее Существо и Верховный Предержитель Вселенной! Ты наш высший оплот, Тобой, о Беспредельное Существо, порождена Вселенная!»

После того как кандидату преподавали эту первую и важнейшую из всех изначальных истин, от него требовали формального подтверждения того, что он будет во всем повиноваться и во всем слушаться старших посвященных; что он будет блюсти свое тело в чистоте и покорно и молча изучать все наставления и традиции

Ордена посвященных; что он навсегда сохранит в совершенной тайне скрытый смысл тайных наставлений, полученных им в стенах Храма Мистерий. Затем его опрыскивали водой (отсюда произошел обряд *крещения*); на ухо ему сообщали некоторые тайные слова, которые он, впрочем, знал и раньше, но не придавал им никакого особенного значения; а потом он должен был босиком три раза обойти всю пещеру по периметру. Отсюда произошли наши три символических странствия, отсюда и наш обычай оставлять кандидата не обутым и не разутым перед вводом в Храм. Слова, сообщавшиеся индийскому посвященному, сродни нашим проходным словам.

Индийские философы-гимнософисты пришли в эту страну с берегов Евфрата и из Эфиопии, принеся с собой тамошние науки и искусства. Главное святилище их Мистерий было в Меру, в Храме Амона, знаменитом своим оракулом. Эфиопия в те времена была высокоразвитым теократическим государством, цивилизация которого предшествовала египетской. В этом государстве царь был подотчетен старшему жрецу, который имел право умертвить неправедного царя именем Бога. Египет в то время состоял практически из одной только Фиванской области, а на месте Среднего Египта и Дельты плескались воды залива Средиземного моря. Постепенно дельта Нила превратилась в зацветшее болото, впоследствии осушенное трудом множества людей, создавших на очистившейся территории государство Нижнего Египта, которым на протяжении многих веков правила священная эфиопская каста жрецов, в основном арабского происхождения, которую затем сменила у кормила власти каста профессиональных воинов. Величественные руины и обелиски Аксума, испещренные иероглифами, бесчисленные храмы, гробницы и пирамиды в окрестностях древней горы Меру гораздо старше пирамид Мемфиса.

Жрецы, наученные Гермесом, запечатлели в своих тайных книгах оккультные и герметические знания, дополнив их собственными открытиями и откровениями сивилл. Они в частностях изучали самые общие науки, открывали и доказывали сложнейшие теоремы, которые потом передали Пифагору, вычисляли сроки солнечных и лунных затмений, составили – за девятнадцать веков до Цезаря – Юлианский календарь. Повинуясь велению жестокой необходимости, они также иногда снисходили до практически значимых открытий и изобретений, немедленно передавая вновь обретенные знания в той или иной области простому народу; они

развивали различные искусства и вдохновляли простой народ своей увлеченностью, своей страстью, тем самым вызывая к жизни такие величественные творения рук человеческих, как широкие проспекты Фив, великий Лабиринт, храмы Карнака, Дендеры, Филы и Эдфу, гигантские кромлехи и обелиски, необъятное озеро Мери, питающее и удобряющее всю страну.

Мудрость египетских посвященных, высокая наука и возвышенная нравственность, которым они учили, необъятные их знания побуждали совершенствоваться также и многих выдающихся их современников, вне зависимости от занимаемого ими общественного положения и уровня достатка; они заставляли выдающихся политиков и философов презреть ужасы и опасности долгого и сложного пути посвящения и стать инициированными учениками Мистерий Осириса и Исиды.

Из Египта Мистерии переместились в Финикию, где их центром стал Тир. Осирис сменил имя и стал Адонисом, или Дионисом – также олицетворяя Солнце; а потом Мистерии последовательно проникли в Ассирию, Вавилон, Персию, Грецию, Италию и на Сицилию. В Греции и на Сицилии Осириса стали называть Вакхом, а Исиду – Церерой, Кибелой, Реей, или Венерой.

Бар Иегуда пишет: «Енох первым изобрел книги и различные виды письменности… Греки утверждают, что Енох – это тот же самый человек, что и Меркурий Трисмегист [Гермес], что именно он научил сынов человеческих строить города и преподал им некоторые важнейшие законы… Он открыл науку Зодиака, движения планет по ночному небосклону; и он научил сынов человеческих поклоняться Богу, и поститься, и молиться, и раздавать милостыню, и приносить жертвы всесожжения, и платить десятину. Он осуждал пьяниц и едящих запрещенную пищу. Он учредил празднества в честь Солнца и каждого из знаков Зодиака…»

Манефон написал свою историю, использовав в качестве источника некие колонны, обнаруженные им среди египетских руин, которые были возведены Тотом, первым Гермесом (Меркурием), и покрыты древними письменами священного первоначального языка, с которого они после Потопа были переведены на греческий, а сами колонны тогда же были спрятаны в самых глубоких подземельях египетских храмов. Эти колонны были обнаружены недалеко от Фив Египетских в подземных пещерах значительно ниже уровня Нила, вблизи от титанической статуи Мемнона, в местечке,

называемом Ключи; по легенде, пещеры эти составляли – вместе с проходами между ними – гигантский запутанный подземный лабиринт; построили его люди, несомненно сведущие в древнейших обрядах, которые, предвидя начало Потопа и опасаясь, что память об их священных церемониях навсегда сотрется в умах последующих поколений, вырыли подобные пещеры, прорубив их в скальном монолите и твердом песчанике в нескольких областях Египта.

Именно в самом сердце Египта родился человек – носитель наивысшей, предельной мудрости, посвященный во все тайны знаний Индии, Персии и Эфиопии. Соотечественники называли его Тотом или Пта; финикийцы – Таутом; греки – Гермесом Трисмегистом; иудейские раввины – Идрисом. Казалось, сама Природа избрала его своим возлюбленным детищем и наградила всеми качествами, которые позволяли изучать ее и в конце концов познать. Господь вдохнул в него, кроме души, все науки и искусства, дабы впоследствии он научил им весь остальной мир.

Он изобрел многие полезные для человечества вещи и ремесла и дал им соответствующие названия; он научил людей формулировать мысли и записывать их различными системами символических значков; он разработал специальные церемонии для поклонения каждому из богов; он наблюдал за звездами; ему принадлежит заслуга изобретения музыки, различных упражнений для развития тела, арифметики, медицины, обработки металлов; он придумал и сделал трехструнную лиру; он разделил мелодику человеческого голоса на три тона: *пронзительный* – осенний, *низкий* – зимний, и *средний* – весенний, ибо в то время египтяне делили год на три сезона. Это он научил греков познавать природу вещей и давать всему верное толкование, поэтому они и назвали его Ἑρμῆς, то есть *«Толкователь»*.

Египтянам он даровал иероглифы; потом он избрал нескольких египтян, которых счел достойными стать хранителями его тайн, которые и только которые стали с тех пор достойными трона и посвящения в высшие таинства Мистерий; он объединил их в подобие ордена, даровав им титул *Жрецов Бога Живого,* и научил их всем наукам и искусствам, а также объяснил им значение символов, под которыми скрывались все тайны мира. Мистерии Египта еще за 1500 лет до Моисея проповедовали религию Единого Всевышнего Бога, который почитался посвященными под именем Единственного Несотворенного. Кроме Него, посвященные поклонялись се-

мерым низшим богам. Гермес *сокрыл* под изобретенными им символами древнюю индийскую веру, которую Моисей впоследствии *открыл* людям, ничего не изменив в законах Гермеса, кроме того, что касалось очевидного политеизма Мистерий.

Египетские жрецы утверждали, что, умирая, Гермес произнес: «Всю жизнь я прожил вдали от своей родной страны; ныне же в нее возвращаюсь. Не плачьте обо мне: я ухожу в небесные чертоги, куда все возвратятся в положенное время. Бог есть. А эта жизнь – не что иное, как смерть». Это символ веры древних буддистов, или саманеян, которые веровали в то, что время от времени Бог посылает на Землю будд, чтобы они просвещали людей, заставляя их отринуть порок и снова вступить на пути праведной жизни.

Среди наук, преподанных Гермесом жрецам, были и некоторые священные таинства, в которых он мог наставить избранных только после того, как те приносили страшную и нерушимую клятву не раскрывать вновь узнанные таинства никому, кроме тех, кого они после долгих и тяжких испытаний сочтут достойными в будущем занять их собственное место среди высших посвященных. Царям раз и навсегда было запрещено – под страхом смерти – искать посвящения в эти таинства. Эти таинства получили название Священного Искусства. Они включали в себя алхимию, астрологию, магию, духознатство и так далее. Гермес даровал посвященным в них ключ к толкованию иероглифов всех священных наук, секреты которых хранились в самых глубоких храмовых подземельях.

Глубочайшую эту тайну египетские жрецы хранили много лет, а обретенные ими высшие и обширнейшие знания заставляли всех остальных египтян почитать их и повиноваться им во всем, а сам Египет все окрестные народы почитали как хранителя таинственнейших и высших знаний, кладезь всех наук и искусств. Окружавшая эту страну тайна вызывала во всех народах живейший интерес. Орфей даже, если можно так выразиться, преобразился для того только, чтобы стать египтянином и получить посвящение в таинства жрецов, которые научили его теологии и физике. И наставления учителей настолько хорошо были им усвоены, впитаны его душой, что написанные им гимны скорее являются произведениями египетского жреца, чем греческого поэта; именно Орфей первым принес в Грецию египетские притчи.

Пифагор, всю жизнь впитывавший все новые и новые знания, даже позволил свершить над собой обряд обрезания, чтобы стать

одним из посвященных; и тогда его отвели в Святая Святых Храма и открыли ему там оккультное знание священных истин.

Посвященные в таинства той или иной науки обретали знание в форме аллегорий, мифов, притч и иероглифов, а впоследствии в своих научных трудах всегда переходили на тот же загадочный язык, когда касались тех таинств, в которые погрузились во время мистериального посвящения.

Когда Камбиз в 528 г. до н. э. разрушил многие египетские города, когда его армия пронеслась всеуничтожающим потоком чуть ли не по всей стране, большинство жрецов были рассеяны по Греции и другим соседним странам, унося с собой знания, которые продолжали распространять в форме притч и мифов, чтобы необразованная толпа, даже слыша и видя то, что они говорят и показывают, не понимала ничего. Все писатели древности черпали свои образы из этого живительного ручья; однако таинственные знания Египта были сокрыты под столь многочисленными слоями аллегорического истолкования, что зачастую даже самым проницательным из новопосвященных было нелегко добраться до их истинной сути, следствием чего стало возникновение множества абсурдных концепций и ложных посылок, которые затем распространились из Греции по всей земле.

В греческих Мистериях, учрежденных Пифагором, было три степени посвящения. Перед посвящением в них кандидат обязан был пять лет провести в воздержании и полном молчании. Если иерофанты выясняли, что кандидат невоздержан или неуравновешен, высокомерен или стремится только к земным благам и почестям, его безжалостно отвергали.

В своих наставлениях Пифагор учил посвященных математике, которую полагал наилучшим средством доказательства бытия Божия путем наблюдения и размышления, грамматике, риторике и логике – как средствам совершенствования разума, арифметике – потому что полагал, что только наука о числах способна принести человеку наивысшую пользу, геометрии, музыке и астрономии – потому что считал, что, изучая их, человек лучше всего начинает понимать, что есть добро, а что – зло.

Он наставлял в самых действенных способах познания Божественных законов очищения души от всех ее пороков, поиска Истины и ведения добродетельной жизни, а следовательно, подражания Божественному совершенству. Он считал, что учение его ничего не

принесло человеку, если тот не очистился от греха и не начал вести добродетельную жизнь. Он учил, что нет ничего лучшего и достойнейшего для человека, чем говорить правду и приносить пользу ближнему своему. В особенности он отмечал живительную силу науки, умеренности, отваги, усердия и справедливости. Он учил бессмертию души, всемогуществу Бога и необходимости для человека обрести личную святость для того, чтобы удостоиться быть принятым в сонм богов.

Следовательно, именно Пифагору мы обязаны особенностями ритуала посвящения в степень Подмастерья, а сам этот ритуал является отдаленным эхом церемонии посвящения в пифагорейские таинства. Многие толкования наших символов также являются отзвуками наставлений Пифагора. Места собраний учеников Пифагора располагались на оси Восток – Запад, потому что он учил, что всякое движение начинается на Востоке и заканчивается на Западе. Наши ложи также имеют протяженность от Востока до Запада, потому что Мастер олицетворяет восходящее Солнце и, конечно, должен располагаться на Востоке. Великие пирамиды также были построены с учетом ориентации по сторонам света. А наше описание ложи как достигающей в высоту небес происходит от древних Мистерий персов и друидов, которые утверждали, что их лишенные потолков храмы были покрыты вместо крыш небом.

Платону принадлежит заслуга одухотворения и развития Мистерий Пифагора. Даже христианский философ Евсевий признает, что Платон достиг преддверия Истины, но остался, правда, стоять на пороге.

Церемонии друидов совершенно определенно также имеют индийское происхождение; друиды были носителями буддистского вероучения. Словом *«друид»*, как и словом *«маг»*, называли человека просвещенного, мудрого; в древней Индии так называли философов, жрецов и гражданских судей.

Поражает сходство между организацией храмов, положением жрецов, учениями и церемониями персидских магов и буддистских друидов. Боги древней Британии удивительно похожи на самофракийских кабиров. Осирис и Исида у них именовались Ху и Серидвен (Сив); как и у древних персов, храмы их были сложены из огромных необработанных валунов, многие из которых и сейчас можно видеть в Англии, где их почитают и даже боятся. Обычно храмы были в плане круглыми или овальными. Иногда к круглому

храму вела спиральная дорожка. Круг на древнем Востоке был символом Вселенной, управляемой Единым Всемогущим Богом, центр Которого – повсюду, а периферия – нигде; овал, то есть яйцо, также служил символом мира. К некоторым храмам друиды пристраивали крылья, придавая им форму креста; такие храмы были посвящены Кнефу – египетскому богу-змею; от этого имени происходит и название местности, где находится один из них – *Нейвсток* (Navestock). Храмы, крестообразные в плане, можно встретить также в Шотландии и Ирландии. Длина спиралевидной дорожки, ведущей к одному из них, превышает три мили.

Посвящения в мистериальные таинства друидов проходили четыре раза в год, в дни равноденствий и солнцестояний. В древности это были 13 февраля, 1 мая, 19 августа и 1 ноября. Главное празднество года начиналось в ночь на 1 мая, а приготовления к нему – в ночь на 30 апреля. По окончании церемонии посвящения на всех кромлехах и дольменах загорались огни, которые освещали ночь в течение всех майских праздничных игр в честь Солнца. Сами церемонии проходили в полночь, и там также было три степени посвящения.

Один распространил готические Мистерии с Востока на Север; этот великий воин изменил их так, чтобы они стали понятными тамошним народам и отвечали его целям в их просвещении. Он поставил во главе мистериального культа двенадцать иерофантов, которые стали и жрецами, и государственными советниками, и судьями, решение которых было окончательным и не подлежало изменению.

Один, который, вероятно, был одним из индийских будд, научил посвященных особому почтению к числам 3 и 9. Каждые трижды три месяца они приносили триединому Богу трижды три жертвы.

У готов в древности было три великих праздника, главный из которых начинался в день зимнего солнцестояния и был посвящен богу Тору – князю сил Воздуха. Поскольку праздновался он в самую долгую ночь года, после которой Солнце отправлялось в путь на Север, он символизировал сотворение мира, а саму ночь они называли Ночью-Матерью, потому что именно в эту ночь из первобытной тьмы родился Свет и материальный мир. Это был праздник *Юла* (*Йуула, Йела*), который позднее переняли христиане и назвали Рождеством. В эту ночь и осуществлялось посвящение в Мистерии. Тор был солнечным богом, то есть египетским Осирисом, или Кнефом, финикийским Белом, или Ваалом. Посвящение проходило в глубоких подземных пещерах и лабиринтах, которые, как и в пер-

сидских Мистериях Митры, заканчивались огромным подземным залом, где кандидаты *обретали свет*.

Иосиф тоже определенно был посвященным. После того как он сумел истолковать сон фараона, тот назначил его своим первым советником, наместником над всем Египтом, и отныне Иосиф ездил во второй колеснице вслед за самим фараоном, а перед ней шли служители и возглашали: «Аврех!», – что означало «Преклоняйтесь!». Кроме того, фараон дал ему новое имя – Цапанат-Паанах – и дал ему в жены Ашанат, дочь Потай-Парана, жреца Онского (Иеропольского) из Храма Атума-Ра, верховного бога Египта3, то есть, пользуясь современным термином, Иосиф совершенно натурализовался в Египте. Однако он не мог вступить в такой брак и занять столь высокое положение в обществе, не будучи сначала посвящен в Мистерии жрецов. Когда братья Иосифа во второй раз пришли в Египет, его придворные не могли есть вместе с ними, потому что это было бы преступлением против их богов, в то время как они преспокойно ели вместе с Иосифом, следовательно, они считали его не чужестранцем, а соплеменником; когда же он послал слуг за своими братьями и вернул их с полпути, а потом обвинил в краже чаши, он сказал им: «Что это вы сделали? Разве вы не знали, что такой человек, как я, конечно угадает?»[4], – то есть намекнул на свой дар провидения, подтверждая, что египтянин столь высокого общественного положения не мог не быть посвящен в оккультные жреческие таинства.

Точно так же просто не мог не быть посвященным и Моисей; он не только воспитывался и до сорокалетнего возраста при дворе, будучи приемным сыном дочери фараона, но и получил отличное образование в жреческой школе и впоследствии женился на дочери Йетру, также жреца из Она[5]. Страбон и Диодор склоняются к мысли, что и сам он был жрецом в Гелиополе. До того, как он удалился в пустыню, его многое связывало со жречеством; он даже, по заверениям Иосифа Флавия, командовал армией фараона во время войны с эфиоплянами. Симплиций утверждает, что учение, впоследствии преподанное Моисеем иудеям, он усвоил во время мистериального посвящения в египетские жрецы; а Клемент Александрийский и Филон пишут, что он был теологом и пророком, толкователем Священного Закона. Манефон, которого цитирует Иосиф Флавий, также утверждает, что Моисей был жрецом в городе Оне и его настоящее (египетское) имя было Асерсаф, или Хозарсиф.

Косвенное подтверждение этой теории мы находим в учрежденном им институте священства, в привилегиях и отличиях священников, в их власти и окружавшем их ореоле святости, которые были в высшей степени сходны с привилегиями и отличиями египетских жрецов; главное отличие учения Моисея состоит в том, что он сделал общедоступной веру, которую египетские жрецы хранили в тесном кругу посвященных; таким образом стремясь предотвратить скатывание народа Израиля к своей старой вере, представлявшей собой причудливую смесь халдейских и египетских языческих обычаев, ибо они были готовы совершить это в любой момент; во время их первого скандального отпадения от Бога Истинного Ахаруну (Аарону) даже пришлось восстановить для них культ египетского бога Аписа, идол которого и был отлит в виде золотого тельца.

Жрецы древнего Египта учили во время посвящения в свои Мистерии тому, что существует Один, Единый и Недосягаемый Бог, Который сначала *зачал* Вселенную Своей Мудростью, а затем *сотворил* ее своей Волей и своей Силой. Они не были ни материалистами, ни пантеистами; они учили тому, что материя не вечна и не сосуществует с Великой Первопричиной, но наоборот – сотворена Ею.

Первые христиане, воспринявшие наставления великого Основателя своей веры, то есть изначальные истины, перешедшие от древних египтян к иудеям, только в более совершенной форме, в которой им учили последние ессеи, также прошли мистериальное посвящение; своей целью они полагали возведение духовного, символического Храма; они сохранили Священное Писание иудеев и сделали его своей священной Книгой и основным законом жизни, окутанным уже новой символической пеленой – пеленой еврейского языка и еврейских сакральных формул, которые – в ужасно искаженном виде – часто встречаются и в наших ритуалах различных градусов.

Таково, брат мой, учение первого градуса Мистерий, то есть степени Начальника Скинии, в которую ты ныне был посвящен, и нравственный урок ее состоит в том, что ты должен посвятить себя служению Богу и неустанно и бесстрастно трудиться ради блага всего человечества. Пока тебе были сообщены только самые общие, начальные положения учения Мистерий. Если тебя сочтут достойным того, чтобы следовать далее, ты узнаешь о них больше и постигнешь возвышенную суть их учения. Пока же довольствуйся тем, что уже видел и слышал, и терпеливо жди откровения великого света.

Prince of the Tabernacle

24

Князь Скинии

Символы были практически вселенски распространенным языком теологии. При помощи символов лучше и удобнее всего было обучать практически всем наукам того времени, потому что, как и сама Природа, они обращались к разуму человека через зрение; древнейшие выражения, которыми в языках народов мира обозначается религиозное знание, древнейшие символы этого знания в письменности различных народов буквально означают именно зрительное представление об этих знаниях. Этим методом наглядного преподавания пользовались первые великие учителя человечества: именно они создали систему иероглифов, обладавших неисчислимыми оттенками значения на каждом уровне восприятия. Каждый из этих иероглифов был своего рода загадкой Сфинкса, искушающей любознательного своей кажущейся простотой, но грозящей оказавшемуся неспособным разгадать ее страшными карами. «Боги сами раскрывают свои знания мудрецам, – пишет древний автор, – но для глупца они остаются непонятными». По легенде, Царский, или Дельфийский, оракул не *говорил* и не *скрывал*, а *являл символы*.

Древние мудрецы – и греческие, и варварские – учили своим идеям только посредством аллегорий и притч; уроки их состояли или в передаче ученикам видимых символов или в тех самых символических текстах, которые учителя Израиля посчитали своим священным долгом в неизменном виде передавать всем последующим поколениям. Потаенные знаки, изобретенные людьми, будь

то видимые эмблемы или действия, символы или таинственные церемонии, уподоблялись для них таинственным видениям и откровениям, являвшимся во сне или в час религиозного экстаза, которые раскрывали волю и предначертания богов; в обоих случаях толкователю необходимы были острый ум и глубокие знания для того, чтобы понять их скрытое значение. Только обладая даром правильной оценки и аналогического толкования природных феноменов, предсказатель мог понять волю богов, а мудрец – извлечь из нее важные уроки.

Мистерии состояли из череды преподаваемых посвященному символов; единственное, что произносилось *вслух* во время посвящения, – это вспомогательные толкования тех или иных действий или зримых символов; некоторые посвятительные традиции предусматривали воплощение жрецами-актерами физических или нравственных понятий, стихий и планет, которые участвовали в разыгрываемых представлениях, символизирующих сотворение мира и его последующее развитие, а также различные события древней истории человечества; однако в основе Мистерий все равно продолжала оставаться Природа, которая сама становилась наставницей нового посвященного, используя в его обучении многоуровневую систему изобретенного людьми символизма, при помощи которого все новые и новые поколения посвященных обретали знания о природе человеческого и Божественного, а также об их взаимодействии.

Между двумя системами Знания – символизмом и философией – всегда существовала теснейшая связь, нашедшая отражение в величественных памятниках всех времен, в трудах жрецов и философов всех народов мира, в ритуалах всех тайных обществ, – существовала неразрывная цепь посвящения, основанная на единых для всего мира принципах, общих, понятных для всех, великих, истинных и изначальных, которые вместе составляли единую гармоничную научную систему.

Традиция преподавания мистериальных таинств в форме символов и аллегорий освящена седой древностью; она сохраняла свое влияние на протяжении всех прошедших веков человеческой истории. Сам Бог использовал систему материальных образов для Откровения человечеству Своих вечных Истин; Христос также учил притчами и символами. В символах и аллегориях были воплощены и таинственные знания друидов. Талиесин, описывая свое посвя-

щение, говорил: «Тайну мне сообщила древняя Великанша (*Серидвен,* то есть *Исида*), не говоря ни слова». И далее: «Я постиг *безмолвную* тайну».

Инициация была школой, в которой изучали истины первого Откровения, постигали единоличную природу и свойства Божества, бессмертие души, перспективу вознаграждения или кары после физической смерти, природные явления, искусства, науки, этику, философию и филантропию, законодательство и метафизику, включавшую в себя науку о животном магнетизме и прочие оккультные дисциплины.

Все идеи жрецов Индостана, Персии, Сирии, Аравии, Халдеи и Финикии были ведомы египетским жрецам. Именно рациональная философия Индии, проникнув в Египет через Халдею и Персию, породила Мистерии. Известно, что до иероглифов жрецы египетских Мистерий пользовались немногими простыми и понятными эмблемами, взятыми их растительного, животного и минерального миров, которые задолго до них использовали для выражения своих мыслей и индийцы, и персы, и халдеи; их примитивная философия легла впоследствии в основу учения Пифагора и Платона.

Все философы и законодатели, прославившие древние народы, были учениками посвященных, и все благие преобразования религиозных верований, проведенные ими, обязаны своим успехом только и исключительно существованию и широкому распространению Мистерий. Среди хаоса общепринятых народных языческих заблуждений и предрассудков только Мистерии спасли человечество от падения в пропасть полного безверия и низменных страстей. Из Мистерий извлекли свои основные идеи Зороастр и Конфуций. Клемент Александрийский пишет о Великих Мистериях: «Здесь закачивается всякое обучение. Теперь ты видел и познал Природу и все вещи ее». Если бы Мистерии обучали только нравственным истинам, они не заслуживали бы и не удостоились всех тех восхвалений, которые возносили им величайшие и образованнейшие люди того времени – Пиндар, Плутарх, Изократ, Диодор, Платон, Еврипид, Сократ, Аристофан, Цицерон, Эпиктет, Марк Аврелий и другие философы, враждебно писавшие о лицемерии общедоступных религиозных предрассудков, и историки, искавшие в прошлом Богооткровенную Истину. Мистерии обучали всем наукам; в предельно краткой и сжатой форме они наставляли в устных и письменных священных традициях мира.

Сократ говорит в платоновском диалоге «Федон»: «Ясно, что учредившие Мистерии, или тайные собрания посвященных, отнюдь не были людьми, достойными презрения, но напротив – людьми высшего гения, стремившимися в древности научить нас посредством загадок тому, что всякий осмелившийся вступить в обитель незримого без предварительного очищения будет низринут в бездну, а тот, кто вступает в нее, сперва очистившись от грязи этого мира и будучи совершенен в добродетели, будет допущен в обитель Бога... Посвященные, без сомнения, будут допущены в сонм богов...»

Претекстат, проконсул Ахеи, человек, наделенный всеми возможными добродетелями, писал в IV в., что лишить греков священных Мистерий, связывавших воедино весь человеческий род, значило бы сделать земную жизнь невыносимой.

Инициация означала мистическую смерть посвящаемого; это было его нисхождение в подземный мир, где огонь и вода очищали его от всей грязи, от всего несовершенства порочной и нечистой земной жизни; после этого считалось, что он стал истинным *эпоптом, воскресшим* и *заново рожденным,* восставшим из мира теней для *новой жизни, света* и *чистоты;* отныне он находился под защитой и опекой Всевышнего Бога.

Для осуществления наставлений в этих Мистериях был изобретен новый иероглифический язык, ведомый только посвященным в высшие таинства. Только они являлись хранителями знания в его полном объеме, и в их руках была духовная и политическая власть над теми народами, в среде которых были распространены Мистерии. Знание потаенного смысла иероглифов настолько тщательно скрывалось жрецами высшего посвящения от основной массы народа и даже посвященных низших степеней, что с течением времени это знание было утрачено, просто умерло вместе с посвященными, и иероглифы более уже не были понятны никому. Даже если одни и те же иероглифы использовались для изложения знания низших и высших степеней, в высших степенях у них было более глубокое, иное, чем в низших, значение. В более поздние времена родилось предание о том, что священный язык иероглифов был тем же самым языком, на котором разговаривали небесные боги. К рассказам о посвящении в Мистерии добавлялись все новые и новые подробности, так что со временем они обросли целым пластом легенд, которые одновременно окружали посвящение ореолом таинственной притягательности и отпугивали от него обещанием ужасных, букваль-

но леденящих кровь испытаний. Вскоре посвящение в Мистерии и самую мучительную смерть стали называть одним и тем же словом.

Жрецам принадлежала треть всего Египта. Мистерии помогли им обрести все эти богатства и влияние, и они не жалели никаких средств на то, чтобы всех убедить в своей значительности. Они внушали всем мысль о том, что Мистерии служат началом новой жизни в обители Разума и Истины; посвященные, эзотерические Ученики, получали знания, которые наполняли их самыми радостными надеждами на жизнь после физической смерти, на Жизнь Вечную, на познание всех таинств Природы, на возрождение души в первоначальной чистоте, утраченной ею во время Грехопадения, на вознесение после смерти тела в обитель небесных богов и вечное пребывание там впредь. Особое место в учении Мистерий занимало положение о посмертных вознаграждении или каре; также они учили пути обретения огромного счастья во время земной жизни и спасения от всевозможных напастей на суше и на море. Отказавшиеся от посвящения подвергались всеобщему осуждению. Их считали профанами, не заслуживающими высокого общественного поста и личного доверия людей; зачастую их даже подвергали наказанию как безбожников. Предать огласке тайны Мистерий, играть на сцене в облачении посвященного или подвергнуть ритуалы посвящения осмеянию значило обречь себя на мучительную смерть от руки палача или народного мстителя.

Мистерии даже ко времени Цицерона еще определенно сохранили отчасти свои первозданные чистоту и святость. И даже значительно позже, как нам известно, Нерон, совершив ужасное преступление, не решился принять участие в очередном празднестве посвященных в Мистерии; а еще позже в участии в Мистериях было отказано христианскому императору Константину, который был виновен в убийстве родственников.

Практически повсеместно и во всех разнообразных формах Мистерии носили погребальный характер и были посвящены торжеству мистической смерти и последующего воскресения того или иного легендарного персонажа к новой жизни, только обстоятельства смерти и подробности легенды были разными в разных странах, где практиковались Мистерии.

Толкование этих легенд относится к области астрономии и мифологии, и легенда степени Мастера является одним из вариантов этих бесчисленных легенд, берущих начало в седой древности.

Уже невозможно со всей определенностькказать, родилась ли эта начальная легенда в Египте или тамошнжрецы позаимствовали ее из Индии. Но ясно, что древние иуд восприняли свою мудрость из Египта, и легенду они обрели *в й форме,* в которой она была ведома египетским жрецам и их посценным ученикам – Иосифу и Моисею. Это была притча (а скор *истина,* сокрытая под аллегориями и иносказаниями) об Осире – Солнце, Источнике Света и Первопринципе Добра, и Тифс – Первопринципе Тьмы и Зла. Во всех преданиях о богах и герс можно найти описание принципов устройства Вселенной и ее іений, а они, в свою очередь, являются символами явлений и прoдниками истин гораздо более высокого порядка. Только самырубые и недалекие умы могут считать реальные Солнце и звездсилами Божественной природы, достойными поклонения челова; *они* до скончания веков будут полагать таковыми простые прoдные явления; им никогда не узнать и не усвоить те великие иизменные истины, эмблемами и аллегориями которых вышеупянутые феномены в действительности являются.

Краткое изложение первичной египетской тенды поможет тебе разобраться в учении, легшем в основу Мистей древних иудеев.

По легенде, Осирис – олицетворение Солн– был древнейшим царем Египта, а Исида – Луна – его супругой. Іория жизни Осириса представляет собой поэтическое, аллегорикое повествование о небесном прохождении Солнцем поочереднсех знаков Зодиака.

В отсутствие Осириса Тифон, его брат, исгнившись зависти и злобы, хотел захватить его власть и занять е престол, но Исида расстроила его планы. И тогда он решил убиОсириса. Он уговорил брата лечь в гроб, или саркофаг, которыпосле этого заколотил и бросил в Нил. После долгих поисков Ида нашла тело возлюбленного мужа и спрятала его глубоко в лой чаще, но Тифон нашел его там и разрубил на четырнадцатьсков, которые разбросал по всему миру. После новых долгих п:ков Исида собрала тринадцать из них, а четырнадцатый – детоpный орган – к тому времени уже успели съесть рыбы; тогда она ленила отсутствующую часть деревянной и погребла тело в Фих, а над гробницей воздвигла поражающий своим величием хра

С помощью своего сына Гора (Ора, Хар-ериИсида повела войну с Тифоном, умертвила его и начала правитьма, а после смерти воссоединилась с мужем в небесном чертоге.

Тифон, по легенде, родился и жил на Земле; головой он достигал неба, верхняя часть его тела была покрыта перьями, а руки и ноги – чешуей, во все стороны от него расползались змеи, а изо рта полыхало пламя. Гор, помогший убить его, стал богом Солнца, именуемым греками Аполлоном, а имя убитого Аполлоном змея – Пифон (Python), – это анаграмма имени Тифона (Typhon).

Имя Тифона, как и имя Евы, означает и *«змей»,* и *«жизнь».*[1] Символом жизни змея заставляет быть форма его тела, потому что жизнь так же пронизывает всю Природу, как змея, извиваясь, ползет в траве. Когда в конце осени Женщина (созвездие Девы) на халдейском изображении небесной сферы раздавливает ногой голову Змея, это означает скорый приход зимы, когда все живое словно лишается жизни и сама жизнь перестает циркулировать во Вселенной. Поэтому Змей также символизирует Тифона и зиму; в католических храмах Змей кольцом обвивает земной шар, а над ним царит небесный крест – эмблема искупления грехов. Если принять версию, что имя Тифон происходит от слова *«тупол»,* то значит, оно определяет также яблоню, рождающую яблоки, то есть символы порока, приведшего, по иудейской легенде, к грехопадению первых людей. Также имя Тифона означает «тот, кто сдался» и символизирует наши страсти, отдаваясь на милость которых, мы изгоняем из своих ума и сердца уроки мудрости. Древнеегипетская легенда гласит, что Исида в свое время начертала на камне священное слово, содержавшее в себе всю мудрость мира, для того чтобы люди постигли ее, но не успела она это сделать, как Тифон стер его. С точки зрения эзотерической этики, его имя также означает *гордыню, невежество* и *ложь.*

Исида сумела найти тело супруга в первый раз потому только, что, когда оно проплывало по Нилу мимо города Библоса, на берегу в мгновение ока вырос побег *эрики,* или тамариска, который зацепился за ковчег с телом, и его вынесло на берег; от этого побега произошел наш символ акациевой ветви. В поисках Исиде помогал Анубис, бог в образе пса. Он олицетворял Сириус, Звезду Пса, и был другом и советником Осириса, изобретателем человеческого языка, грамматики, астрономии, землемерного искусства, арифметики, музыки и медицины, первым законодателем; он научил людей вере в богов и строительству храмов.

В Мистериях заключение тела Осириса в саркофаг, или ковчег, называлось *афания,* то есть «исчезновение» (имелось в виду исчез-

новение Солнца за тропиком Козерога в день зимнего солнцестояния), а обретение Исидой тринадцати частей его тела – *эурез,* то есть «находка». Во всех Мистериях практически всех стран древнего мира кандидат во время посвящения повторял путь солнечного бога во всех подробностях. Основные события притчи ничем не отличались одно от другого в разных странах, а главные боги повсюду составляли супружескую пару – муж и жена.

В Египте это были Осирис и Исида, в Индии – Махадэва и Бхавани, в Финикии – Таммуз (или Адонис) и Астарта, во Фригии – Аттис и Кибела, в Персии – Митра и Асис, в Самофракии и Греции – Дионис (или Сабазий) и Рея, в Британии – Ху и Серидвен, в Скандинавии – Вотан и Фрея; во всех вышеперечисленных случаях супружеская пара богов олицетворяла союз Солнца и Луны.

Мистерии Осириса, Исиды и Гора, без сомнения, послужили образцом, согласно которому учреждались все остальные Мистерии в различных странах древнего мира. Их в точности копировали Мистерии Аттиса и Кибелы во Фригии, Цереры и Прозерпины – в Элевсине и множестве других областей Греции. Об этом пишут Плутарх, Диодор Сицилийский, Лактанций и другие авторы, а в отсутствие прямых свидетельств нам следует обратить внимание на сходство легендарных похождений и трагических кончин всех мистериальных богов; древние учили тому, что греческая Церера – это та же самая богиня, что и египетская Исида, а Дионис (или Вакх) – тот же самый бог, что и Осирис.

Излагая легенду об Осирисе и Исиде, Плутарх приводит множество незначительных подробностей и косвенных обстоятельств происходивших в ней событий, которые нам не имеет смысла приводить в данном труде, за исключением некоторых наиболее значимых. Осирис женился на своей сестре Исиде и совместно с ней трудился во имя улучшения жизни и облегчения удела людей. Осирис обучил их сельскому хозяйству, а Исида придумала для них законы. Осирис построил первые храмы и научил людей вере в богов. Оба они покровительствовали ученым и всем плодам их раздумий. Осирис также научил людей обрабатывать железо и делать из него оружие для защиты и орудия труда – для обработки земли, а из золота – украшения для храмов богов. Потом он возглавил египетскую армию, которая завоевывала новые земли и покоряла окрестные народы, неся им цивилизацию, а он повсюду учил людей растить виноград и пшеницу и питаться ими.

Тифон, брат его, убил Осириса, когда Солнце пребывало в знаке Скорпиона, то есть в период осеннего равноденствия. Синезий пишет, что двое братьев боролись за трон Египта точь-в-точь так же, как Свет и Тьма борются за власть над миром. Плутарх добавляет, что Осирис был убит в полнолуние, а это значит, что Луна тогда пребывала в знаке Зодиака, противоположном Скорпиону, то есть в Тельце, знаке весеннего равноденствия.

Плутарх утверждает, что именно для увековечения этих событий Исида учредила Мистерии, в которых все происшедшее было представлено в виде символов, аллегорий и религиозных церемоний, посредством которых и проходило обучение посвященных всем таинствам, вселявшим в их сердца надежду на лучшую жизнь после физической смерти, а также умиротворение и силы выдержать все испытания, которые Небеса посылают нам на протяжении нашего земного существования. Жрецы, учредившие эти Мистерии, стремились вдохнуть в своих учеников надежды на более достойный и счастливый удел в Жизни Грядущей в противовес полной горестей земной жизни, и наставления в божественной науке проходили в форме торжественных религиозных церемоний, зримых символов и словесных аллегорий.

Диодор пишет о знаменитых колоннах у города Низы в Аравии, о которых говорили, что двумя из них обозначены могилы Осириса и Исиды. На одной из них было начертано: «Я Исида, царица сей страны. Я училась у Меркурия. Никому не под силу уничтожить законы, утвержденные мной. Я старшая дочь Сатурна, старейшего из богов. Я жена и сестра царя Осириса. Я первой научила смертных растить пшеницу. Я мать царя Гора. В мою честь возведен город Бубаст. Радуйся, Египет, радуйся, земля, давшая мне жизнь!» А на другой колонне было начертано: «Я царь Осирис, проведший свои армии по всем странам света, дошедший с ними до густонаселенной страны Индии, до Севера, до Дуная и до Океана. Я старший сын Сатурна, я родился из сияющего огромного яйца, и тело мое состоит из того же, из чего состоит свет. Нет такого места во Вселенной, где я не явился бы и куда я не рассеял бы своей милости, и где бы я не учил своей мудрости…» Остальное прочесть не удалось.

Для того чтобы он помог ей в поисках останков Осириса и в ее отсутствие присматривал за младенцем Гором, Исида пригласила Анубиса, сына Осириса и его сестры Нефтиды. Как мы уже говорили, он олицетворял Сириус, самую яркую звезду на небосклоне.

Заручившись его помощью, она отправилась в Библос, где уселась у ручья и стала ждать знамения свыше, и оно не замедлило явиться, сообщив, что тело ее возлюбленного мужа находится в саркофаге, который течение выбросило на берег Нила. Она пошла на берег и склонилась над ковчегом в молчании и горе, проливая нескончаемые потоки слез. Вскоре на берег пришли служанки царицы Астарты, и Исида говорила с ними, и причесывала им волосы, поливая их ароматной амброзией. Когда царица узнала о горе Исиды, она взяла ее в свой дворец, где несчастная вдова стала ухаживать за царским сыном. Одна из колонн царского дворца была сделана из эрики, или тамариска, который вырос из того побега, благодаря которому тело Осириса было вынесено на берег Нила. С тех пор тамариск разросся, обволакивая ковчег с телом, так что совершенно скрыл его, а потом дерево срубили слуги царя, который ничего не знал о смерти Осириса и потому приказал сделать из ствола дерева колонну. Так саркофаг Осириса оказался внутри колонны царского дворца. Некоторое время спустя Исида выпросила у царя эту колонну, вынула из нее ковчег с телом супруга, извлекла Осириса из него, обернула тонкими материями и, умастив благовониями, унесла с собой.

Голубое масонство, не подозревая о потаенном символизме этой картины, до сих пор считает одной из своих эмблем изображение женщины с побегом акации, мирта или тамариска в руке, рыдающей над разбитой колонной, в то время как фигура, которую принято называть Временем, стоит у нее за спиной и вычесывает щепки из ее волос. Не будем приводить здесь высосанные из пальца толкования этой аллегории, которые обычно предлагаются братьям символических градусов, а прямо скажем, что на этой картине изображена *Исида,* рыдающая в Библосе над колонной из царского дворца, в которой спрятано тело мужа ее Осириса, а за спиной ее стоит Гор, ее сын, действительно воплощение Времени, поливающий ее волосы амброзией.

Ни одно из описанных здесь событий не является историческим; напротив, все они суть части притчи, или образного священного повествования, тайный смысл которого известен только прошедшим посвящение в Мистерии. Все описанные события имели также и второе, еще более тайное, астрономическое значение, которое таким образом оказывалось скрыто за двойной символической пеленой. Мистерии, в которых рассказывали об этих событиях и

толковали их, своими целями напоминали Элевсинские Мистерии, о которых Павсаний, также бывший посвященным в них, писал, что с древнейших времен греки считали их лучшим из всего, что изобрело человечество для обучения истинной вере; Аристотель называет Мистерии наилучшими и самыми совершенными религиозными учреждениями всех времен; Элевсинский Храм Мистерий в свое время действительно был общим храмом для всех народов Земли, объединив все самое лучшее, возвышенное и достойное, что было в религиозной мысли того времени.

Главной целью всех мистерий было научить людей истинной вере и примирить их с тяготами земного существования. Это примирение и умиротворение было связано у посвященных с надеждами на лучшую, светлую Жизнь Грядущую в обители вечного счастья, куда они перенесутся сразу после физической смерти.

Цицерон пишет, что посвященные не только получали знания, делавшие жизнь гораздо более терпимой и легкой, но также и извлекали из них уроки примирения с самой смертью. Сократ пишет, что счастливцы, допущенные к посвящению в Мистерии, в момент смерти согревались счастливыми надеждами на бессмертие. Аристотель пишет, что Мистерии не только даровали посвященным успокоение на всю земную жизнь и способ избавления от бремени всяческого зла и всех грехов, но и надежды на перемещение после смерти в мир вечного счастья.

Исида была богиней города Саиса, и знаменитый Праздник Огней был посвящен там именно ей. Там существовали Мистерии, в которых обыгрывались смерть Осириса и его последующее возрождении к новой жизни. Тайные Мистерии, повествующие о страданиях Осириса, назывались Мистериями Ночи.

Цари Египта часто исполняли жреческие обязанности; они бывали посвящены в таинства Мистерий, как только вступали на престол. Так, гражданский правитель Афин – судья-архонт – также возглавлял отправление мистериального культа. В те времена существовало неразрывное единство жречества и гражданской власти, а цари и законодатели искали поддержки жрецов, которых считали огромной силы политическим орудием.

Геродот пишет, рассуждая о том, почему египтяне обожествляли животных: «Собирайся я разъяснить причины этого, мне пришлось бы раскрыть священные тайны, которые я всячески избегаю раскрывать и о которых мне вообще не следовало упоминать, не

будь я побужден к этому острой необходимостью». И далее: «В Саисе у египтян пользуется большим почитанием могила одного лица, имя которого мне, наверное, не позволено раскрыть. Она находится за храмом Минервы». (Эта богиня в действительности была Исидой, которой принадлежит известное высказывание: «Я та, что была, есть и будет. Никто еще не посмел разоблачить меня».) И еще он пишет: «В этом озере в видимых образах представлены те несчастья, которые пришлось претерпеть тому, кого я не имею права назвать по имени. Египтяне называют их Мистериями. О них я могу сказать, что, признавая, что я достаточно много знаю о них, я обязан вместе с тем хранить полное молчание. Также и о церемониях в честь Цереры я не могу сказать больше, чем позволяет мне клятва религиозной преданности».

Легко понять, какова была основная цель мистериального посвящения в то время: все историки древности свидетельствуют, что их первой и главной целью было принести цивилизацию диким племенам, смягчить их жестокие и грубые нравы, научить их устройству общества и позволить им вступить на путь, более приличествующий человеку. Цицерон считает учреждение Элевсинских Мистерий величайшим из всех даров цивилизации, принесенных народам мира Афинами, потому что, по его мнению, Мистерии несли людям благородство нравов, смягчали их жестокость и грубость, учили их принципам истинной нравственности, *наставляющей* человека в том образе жизни, который и только который достоин его. Тот же философ и оратор в речи, посвященной Церере и Прозерпине, утверждает, что человечество именно этим богиням обязано первыми уроками праведной жизни и средствами продления жизни земной, уроками законов, общественной морали и самой цивилизации, которая значительно улучшила жизнь как отдельных людей, так и целых городов.

У Еврипида Вакх говорит Пенфею, что его новое предприятие (учреждение Дионисийских Мистерий) заслуживает внимания потому, что участие в нем подразумевает очищение человека от всякой нечистоты, что это настоящие Мистерии Мудрости, говорить о сути которых с непосвященным негоже, что учреждены они были среди варваров, которые, пройдя посвящение, определенно стали даже мудрее и образованнее греков.

Также двойную цель – политическую и религиозную,– то есть обучение исполнению долга перед своими ближними и перед Бо-

гом, а точнее, обучение почитанию богов, которое неизменно приведет к почитанию людских законов, – преследовал Вергилий в своем стихотворении, которое он совершенно очевидно позаимствовал из культа Мистерий: «Научи меня почитать справедливость и богов!» Этот великий урок, преподававшийся иерофантом посвященным после того, как им показали в ходе инициации Царство Теней, поэт помещает в своем произведении после описания страшных мук, которым подвергаются души умерших в темном Тартаре, сразу после повествования о Сизифе.

Это же соображение приводит и Павсаний сразу после описания страданий Сизифа и дочерей Даная в дельфийском храме; примечательно, что он определяет грех безверия, за который они были так наказаны, как презрение к Элевсинским Мистериям. Из этого утверждения Павсания, который сам был посвященным, становится ясно, что жрецы Мистерий, учившие вечным посмертным мукам грешников в Тартаре, считали сами и заставляли своих учеников считать одним из самых страшных прегрешений именно неуважение к Мистериям, которое, с их точки зрения, было равно безверию; целью же Мистерий было привести человека к вере в богов, а следовательно, к почтению к законам общества и понятию о справедливости; этой цели были подчинены все Мистерии, и к ней же были приспособлены их религиозные учения и соответствующие церемонии, ибо религия здесь находилась в полном подчинении у нравственного закона и интересов общества; ведь пока религиозные воззрения народа находятся в руках мудрых законодателей, созданные ими законы остаются нерушимы и уважаемы всеми гражданами.

Мистерии были не просто бездумным воспроизведением тех или иных мифологических событий в ходе раз и навсегда установленных и неизменных церемоний; они не стремились воскресить в памяти народа жизнь человеческого рода до обретения им цивилизации; наоборот, они вели человечество вперед по пути веры в богов и надежды на жизнь после физической смерти; именно эти идеи лежали в основе мистериальных церемоний чуть ли не с самого начала их развития.

В ходе мистериального посвящения часто использовались символы, относящиеся к области сельского хозяйства. Так и масонство сохранило среди своих символов и проходных слов пшеничный колос. Но в основном эти символы имели астрономический смысл.

Без сомнения, в Мистериях много говорилось о том, в какой бездне невежества и грубости пребывало человечество до учреждения культа Мистерий, но здесь, скорее всего, метафизически имелось в виду невежество непосвященного в сакральные таинства, а не общая грубость нравов первобытных людей.

Главная цель посвящения в Мистерии Исиды, да, в сущности, и во все остальные Мистерии, была великой, важной и строго политической. Она состояла в совершенствовании человеческих нравов и нравственности в целом и установлении в людском обществе взаимных связей, более прочных, чем позволяют установить изобретенные людьми законы. Они были изобретены древней наукой и политической мудростью, которые исчерпали свои силы в бесплодных попытках сделать совершенными общественное законодательство, а также философией, вечно стремящейся сделать жизнь человека счастливой, очистив его душу от страстей, томящих ее, приводя в конечном счете к общественным беспорядкам. А то, что изобретены они были истинным гением, становится очевидным из того, что они включили в себя все науки и все искусства, тонкое знание и понимание человеческой души и средства ее наставления и подчинения высшей цели.

Огромной ошибкой стало бы считать, что Мистерии были изобретены какими-то шарлатанами, для того чтобы обманывать простодушных. Со временем, конечно, они могли деградировать и превратиться в школы ложных идей, преподаваемых самозванцами; но не таковы они были вначале; иначе придется считать величайших и достойнейших мудрецов античности бессовестными лжецами. Со временем образы Мистерий – Тартар и муки грешников после смерти, Минос и остальные судьи мертвых, – стали толковаться неверно, а в силу этого перешли в разряд ложных идей; но в период зарождения Мистерий-то они были истинны, потому что тогда их толковали только как формы откровения Истины!

Целью Мистерий было убедить человека в возможности обретения счастья в земной жизни посредством сохранения верности принципам добродетели; поэтому его учили, что душа его бессмертна, что ошибки, грехи, заблуждения и пороки, по незыблемому и неизменному природному закону, не могут не привести к наказанию в будущем. Грубые зримые образы физических мучений души в Тартаре были лишь символическим повествованием о неизбежном наказании, которое, несмотря ни на что, обязательно

воспоследует в силу Божественного провиденциального закона за каждым свершенным человеком грехом, за каждой его уступкой пороку. Поэты и мистагоги учили своих последователей бессмертию души и посмертным наказанию за прегрешения или награде за добродетель: первые – в поэмах, вторые – в храмовых наставлениях; и они скрывали свои наставления: первые – в поэтических иносказаниях, вторые – в символических представлениях и магических иллюзиях.

Они средствами всех видов изобразительного и литературного искусства рисовали своим ученикам красочные картины счастливой жизни праведников после физической смерти в Мире Грядущем и ужасных мук грешников в Тартаре. Во тьме святилищ эти картины счастья и мук бывали представлены в виде разыгрываемых жрецами драматических сцен, которые, собственно, и назывались *мистериями*. Интерес к посвящению в эти таинства постоянно подпитывался таинственностью, окружавшей его, строгим отбором кандидатов на посвящение и множеством тяжких и страшных испытаний, которые предстояло им претерпеть для того, чтобы обрести желанный Свет. Кандидата поражало богатство убранства храма Мистерий, торжественность проводимых там церемоний, действие потайных магических машин. Уважение к церемониям внушали и сами участники Мистерий, которые хранили торжественность и мрачность на протяжении всего посвящения; каждое новое чувство, охватывавшее посвящаемого – страх, надежда, умиление, счастье, горе, – было предельно сильным и внушало священный ужас перед всей церемонией в целом.

Иерофанты, люди мудрые, отлично знающие эмоциональную природу человека и обладающие навыками управления ею, не упускали ни единой возможности сделать свои церемонии еще более торжественными и впечатляющими. Поскольку они предпочитали окутывать свои церемонии пеленой таинственности, обычно посвящение в Мистерии происходило по ночам, когда тьма покрывала своими крылами весь мир. Тьма усиливает впечатление от любой церемонии и способствует возникновению иллюзий, и иерофанты активно пользовались ею для внушения священного ужаса в сердца пораженных кандидатов. Церемонии посвящения проходили в освещенных лишь тусклым светом лучины пещерах; вокруг храмов сажали густые рощи, которые давали таинственный и пугающий полумрак.

Само слово *«мистерии»*, по мнению Деметрия Фалернского, изначально метафорически означало именно страх, внушаемый человеку темнотой. Практически повсеместно и во все времена посвящения в таинства осуществлялись по ночам; эти церемонии так и назывались – *ноктурнии*[2]. По ночам проходило посвящение в самофракийские Мистерии и в Мистерии Исиды, о которых писал Апулей. Еврипид заставляет Вакха сказать, что и в *его* Мистерии посвящают ночью, потому что в ночи есть нечто возвышенное и величественное.

Ничто так не возбуждает любопытство человека, как тайна, окружающая нечто, что он стремится узнать; а также ничто так не возбуждает его любопытство, как препятствия на пути к удовлетворению этого стремления к познанию. Этим свойством человеческой природы активно пользовались иерофанты и жрецы Мистерий, чтобы привлекать людей в свои святилища и заставлять их жаждать наставления в тех истинах, от которых те наверняка отвернулись бы равнодушно, если бы их изучение им навязывали. Этим они стремились уподобиться Богу, Который остается недоступен для нашего понимания посредством пяти физических чувств, скрывая от нас средства управления Вселенной и всеми вещами в ней. Они признавали, что хранят вечные истины и раскрывают их только в форме неявных символов и аллегорий, чтобы еще больше возбудить любопытство посвященных и побудить их к самостоятельным размышлениям и исследованиям. Именно с этой целью они окружали свои Мистерии тайной. Те, кому эта тайна была известна, приносили страшную и торжественную клятву никогда не раскрывать ее непосвященным. Им даже не разрешалось ни с кем, кроме посвященных, говорить об этих материях; смертной казнью грозило преступнику раскрытие тайн Мистерий профану или основание храма Мистерий без разрешения, выданного посвященными, и предварительного посвящения самого основателя; преступника изгоняли из общества, подвергнув всеобщему порицанию; более никто не имел права даже вступать с ним в разговор.

Иерофант Эвримедон обвинил Аристотеля в безбожии за то, что тот принес жертву манам своей жены по обряду Мистерий Цереры. Философ был вынужден бежать в Халкиду, а уже умирая, он, дабы очистить память о себе от этого грязного пятна, приказал душеприказчикам возвести статую этой богини. Сократ перед смертью просил принести петуха в жертву Асклепию, чтобы очистить па-

мять о себе от обвинения в атеизме. На лбу Диагора вывели его цену за то лишь, что он раскрыл профану таинства Мистерий. В этом же преступлении обвинялись Алкивиад и Андокид, и оба они предстали перед религиозным судом в Афинах, где их судил народ. Автор великих трагедий Эсхил обвинялся в том, что вывел мистериальные таинства в своих пьесах; оправдаться он сумел только тем, что не был посвящен в них.

Сенека, сравнивая философию с инициацией, писал, что только посвященные могут быть допущены к самым священным церемониям, в то время как основы менее значимых ритуалов могут быть известны и народным массам. Он имел в виду, например, учение о Жизни Грядущей и посмертных вознаграждении или каре. Древние законодатели скрывали это учение под пеленой торжественных церемоний, загадочных слов и магических представлений, воздействовавших, в первую очередь, на чувства и воображение, чтобы ученики лучше усваивали преподаваемые им истины.

Точно так же они обучали происхождению человеческой души, ее падению на Землю сквозь небесные сферы и стихии и возвращению в конце времен в обитель своего рождения, когда священный огонь, составляющий ее суть, не разрушая союза с земными материями, очистит ее от всей грязи и всех посторонних элементов, которые пачкают ее и притягивают к Земле, откладывая тем самым ее вознесение ввысь. Эти метафизические концепции, которые посвященные лишь с огромным трудом смогли бы понять в словесном выражении, обычно представлялись им в зримой форме аналогических сопоставлений, аллегорий и символов, ведь никакая идея не может быть настолько абстрактна, чтобы человек не сумел приспособить ее к своим пяти чувствам и выразить в зримых образах.

Тайные Мистерии были тем более привлекательны для непосвященных, чем строже был отбор кандидатов. Тягостное ожидание приема и страшные препоны на пути только удваивали их стремление обрести доступ к таинствам. Многим предварительным испытаниям подвергались искавшие посвящения в персидские солнечные Мистерии Митры. Начинались они со сравнительно легких, но заканчивались такими жестокими и страшными, что сама жизнь кандидатов часто подвергалась нешуточной опасности. Григорий Назианский называет их *пытками* и мистическими *карами*. Свидас пишет, что никто не мог быть посвящен в Мистерии, предварительно не пройдя жестокие испытания и не доказав, что душа его

добродетельна и свободна от всех низменных страстей; в противном случае посвящение было совершенно невозможно. Основных испытаний было двенадцать, но многие авторы приводят другое их число.

Испытания, которым приходилось подвергаться кандидатам на посвящение в Элевсинские Мистерии, были менее жестокими, но все же достаточно суровыми; одним из основных было испытание томительным ожиданием посвящения в таинства после утверждения в звании кандидата, которое иногда длилось по несколько лет (что находит отражение в современном ритуальном *возрасте* каждого масона в том или ином градусе), а также – уже после посвящения в *низшие* таинства – ожиданием посвящения в таинства *высшие,* не менее продолжительным. Это ожидание неизменно заставляло любопытство кандидата все возрастать и возрастать. Так испытывали египетские жрецы и Пифагора, прежде чем посвятить его в таинства священной науки. Он преуспел – благодаря своему выдающемуся терпению и смелости, с которой он преодолел все испытания,– в постижении их наук и обрел истинное посвящение в их Мистерии. Ессеи в древней Иудее не допускали к своим таинствам никого, кто не прошел бы испытания нескольких степеней сложности.

Посредством инициации те, кто до нее были всего лишь *согражданами,* становились *братьями,* то есть после нее они оказывались соединены гораздо более крепкими связями, чем раньше, потому что отныне они были связаны членством в религиозном братстве, которое не только делало их ближе друг к другу, но и укрепляло связи между ними; состоящие в братстве слабые и бедные люди с большей надеждой могут обратиться за помощью к сильным и богатым, если их связывают между собой узы религиозного братства.

Посвященный считался избранником богов. Лишь ему Небеса открывали свои сокровища. Будучи счастливым при жизни, он и после смерти мог надеяться милостью Небес обрести вечное счастье.

Жрецы острова Самофракия обещали попутный ветер и высокие прибыли отплывавшим в дальние странствия купцам, если они прошли посвящение. Им было обещано, что кабиры вместе с Кастором и Поллуксом – близнецами Диоскурами – в случае шторма взойдут на небо и смирят стихию, а Схоласт из произведения Аристофана говорит, что всякий посвященный в Мистерии избежит всех трудностей и опасностей на жизненном пути.

Посвященный в Мистерии Орфея считался полностью избавившимся от пут, связывающих его с земным царством Зла и перешедшим в иное, лучшее, духовное состояние, дарующее ему надежды на вечное счастье. После посвящения он должен был произнести ритуальную фразу: «Я бежал от зла и обрел благо». Посвященные в Мистерии Элевсина пребывали в нерушимой уверенности, что лишь им одним Солнце светит истинным светом. И мы видим, хотя бы на примере Перикла, что они также считали своими помощницами Цереру и Прозерпину, помогавших им в случае необходимости мудрым советом.

Инициация помогала рассеять заблуждения всей предшествовавшей жизни и снять с человека бремя постоянных неудач; мало того, что она наполняла сердце человека радостью на протяжении всей земной жизни, – она еще и вселяла в него надежды на лучшее в момент смерти. Только богиням Элевсина, говорит Сократ, должны мы быть благодарны за то, что не живем так же, как жили грубые и жестокие первобытные люди; только им обязаны мы теми благими надеждами, которые посещают нас в миг смерти – надеждами на вечную жизнь и вечное же счастье. Эти величественные церемонии, пишет Аристид, не только приносят нам избавление и искупление всех ранее совершенных прегрешений и уступок разнообразным порокам, не только вселяют радость в наши сердца, но и внушают нам надежды на переход в более совершенное и счастливое состояние после смерти тела. Феон пишет, что посвящение в Мистерии – это не только самое лучшее, что только может сделать человек в своей жизни, но и источник его величайшего благословения свыше. Таким образом, обещанное посвященным счастье не ограничивалось земным существованием, но и распространялось далеко за пределы скорбной могилы. Там для посвященного должна была начаться новая жизнь, в которой он будет наслаждаться чистым и лишенным земных примесей благословением Небес. Это обещали корибанты посвященным в Мистерии Кибелы и Аттиса.

Луций у Апулея, еще будучи в образе осла, обращается с молитвой к Исиде, которая для него – та же самая богиня, что и Церера, Венера, Диана и Прозерпина, одновременно озаряющая отблесками своих женских чар стены многих городов, подменяя ими истинный свет Солнца. И она предстает перед ним в образе прекрасной женщины, «по чьей божественной шее изящными локонами ниспадали густые волосы». Обращаясь к нему, она говорит: «Мать

Вселенной и всей природы ее вняла твоим мольбам. Хозяйка стихий, прародительница поколений, Верховное Божество, Царица душ мертвых, первая жительница Небес, снизошла к твоим мольбам и ныне здесь. Одним кивком головы она управляет блистательными высотами небесной тверди, живительными океанскими бризами и молчаливыми неизмеримыми глубинами мира теней под нами; Единое Божество во множестве форм, почитаемое многими народами Земли под разными именами во время их разнообразных смехотворных церемоний».

Давая ему указания, как вернуть себе человеческий облик во время празднества в ее честь, она говорит: «На всю оставшуюся жизнь, до тех самых пор, пока последний вздох не слетит с твоих уст, ты теперь в моей власти... Под моей защитой жизнь твоя станет счастливой и славной, но потом, когда дни ее подойдут к концу, ты опустишься в мир теней, чтобы навечно остаться в Елисейских полях; но даже там, даже на подземном полушарии Земли, ты будешь часто воздавать мне хвалу и почести как своей щедрой покровительнице. И еще: если неизменными чистотой и воздержанием, нерушимой религиозной верой и верностью мне, неизменным повиновением моей воле ты докажешь, что достоин божественной милости, то тогда ты почувствуешь на себе действие сил, которыми лишь я одна обладаю. И тогда счет дней жизни твоей продлится намного дольше, чем положено судьбой простому человеку».

В праздничной процессии Луций видит статую Богини в окружении жриц «с гребнями слоновой кости в руках, которые движениями рук и изгибами пальцев создавали иллюзию, что расчесывают и умащивают царственные волосы Богини». Затем в белых льняных одеждах вышли посвященные. «Волосы женщин были умащены благовониями и покрыты прозрачной кисеей; а мужчины – истинные земные звезды великой небесной веры – были обриты наголо, и их головы сияли неземным светом».

Затем вышли жрецы, также в белых льняных одеждах. Первый из них нес в руках светильник в виде лодки, и свет исходил из отверстия в его центре; второй жрец нес небольшой жертвенник; третий – золотую пальмовую ветвь; четвертый же шел с пустыми руками, делая левой знак: ладонь раскрыта и пальцы разведены, «что означало равенство и честность, истинным символом которых является левая рука, действующая медленнее и менее умелая, чем правая».

После того как Луций, милостью Исиды, вновь обрел человеческий облик, жрец сказал ему: «Несчастья не имеют власти над теми, кого наша богиня избрала своими служителями и кто пребывает под защитой ее величия». И все люди провозгласили его счастливым, «потому что он родился заново и был сразу принят в число служителей Ее Священного Величества».

Когда он требовал у верховного жреца допустить его к посвящению, тот ответил: «Нет среди посвященных никого столь безумного или столь стремящегося к самоуничтожению, чтобы без особого повеления Исиды посметь поспешно и святотатственно свершить ее служение, свершая тем самым деяние, которое обязательно низвергнет на его голову страшную и смертоносную кару. Потому что врата в подземный мир теней, а также все труды и заботы нашей земной жизни – во власти Богини, и *церемония посвящения в Ее Мистерии* – это *смерть* в надежде на воскресение. А поэтому Богиня в Своей беспредельной неземной мудрости привыкла тщательно отбирать для посвящения тех только, кому Она может спокойно доверить тайны служения Себе, тех только, кто в последние мгновения своего земного существования, *могут так или иначе родиться заново Ее Провидением* для новой жизни в измененном, более высоком состоянии».

Потом уже избранного для посвящения Луция отвели в ближайшие бани и тщательно вымыли, после чего верховный жрец в первый раз испросил у богов прощения и обрызгал кандидата чистейшей и прозрачнейшей водой, после чего отвел обратно в храм; «и там, после некоторых наставлений, которые не смеет повторить язык смертного, он приказал мне на десять последующих дней умерить свой аппетит, не есть животной пищи и не пить вина».

По прошествии этих десяти дней жрец отвел его в самое далекое крыло святилища. «И ты, мой любознательный читатель, – продолжает Апулей, – конечно, хотел бы узнать все, что тогда делали со мной и что мне говорили, и я, без всякого сомнения, поведал бы тебе об этом, будь у меня на то право; ты бы все узнал, имей ты право услышать это. Но все равно, пусть даже раскрытие тайн навлечет как на язык, так и на уши мои неотвратимую и скорую кару, я расскажу тебе всю правду из опасения, что ты просто изойдешь страданиями в томительном и тягостном ожидании раскрытия религиозных таинств. Слушай же, что я тебе поведаю. *Я вошел в обитель смерти; ногой своей ступил я на порог чертога Прозерпины.*

Я прошел через все стихии, и меня возвратили вспять. В полночь увидел я яркое сияние Солнца. Я стоял пред богами, богами небесными и богами мира теней, да, стоял пред ними и поклонялся им. Вот, я рассказал тебе, что со мной было, но ты не в силах понять рассказанное мною, а посему, коль скоро профан не понимает меня, я могу продолжать, не совершая тем самым преступления».

Прошла ночь и взошла заря. Церемония посвящения подошла к концу. Луция облачили в двенадцать накидок, потом на его плечи набросили мантию, увенчали его голову пальмовыми ветвями и вывели к народу. Весь оставшийся день прошел в празднествах, посвященных его новому рождению; а на третий день торжеств все религиозные церемонии повторились, включая и ритуальный завтрак, *«за которым последовало окончание последней церемонии».*

Через год его известили о том, что пора готовиться к посвящению в Мистерии «Великого Бога, Всевышнего отца всех остальных богов, Непобедимого Осириса». «Ибо,– пишет Апулей,– хотя религии обоих божеств тесно связаны между собой и даже сущность обоих божеств едина, церемонии посвящения в их таинства – разные».

Сравните это утверждение с нижеследующей молитвой Луция Исиде, и тогда вы поймете, какие именно идеи о Божестве внушались посвященному в эти Мистерии: «О Святая и Неизменная Хранительница рода человеческого! О вечно готовая наделять сметных щедрыми Своими дарами и даровать страдающим от всевозможных напастей Свою материнскую любовь, щедрость Твоя безгранична и неусыпна ни днем, ни ночью, ни на секунду не прерывается она, Ты, протянувшая Свою животворящую длань над сушей и над морем для защиты и опеки человечества, смиряя жизненные бури, распутывая хитросплетения человеческих судеб, утихомиривая волны Судьбы и противоборствуя злоносному влиянию звезд,– *боги небесные превозносят Тебя, боги подземного мира теней повинуются Тебе, боги радуются Тебе, стихии и сменяющие друг друга времена года служат Тебе!* Повинуясь кивку Твоей головы, дуют ветры, летят облака, прорастают семена, распускаются почки; *повинуясь Твоей воле, вращается Земля* и Солнце дарит нам свет. Ты правишь всей Вселенной и попираешь ногами Тартар!»

Затем Луция посвятили в ночные Мистерии Осириса и Сераписа, а потом – уже в Риме – в Мистерии Цереры, но об этих посвящениях Апулей не пишет вообще ничего.

При верховном архонте Евклиде к посвящению не допускались незаконнорожденные и рабы; тот же запрет распространялся и на материалистов и эпикурейцев, которые отрицали власть Провидения, а поэтому сами не считали посвящение в Мистерии чем-то необходимым. Естественно, вскоре все уверовали в то, что радости жизни в Элизии доступны только тем, кто прошел посвящение в Мистерии и чьи души очистились и возродились к новой жизни в тени святилищ. Но с другой стороны, нигде не говорилось о том, что для достижения этого просветленного состояния достаточно одного посвящения. От Платона мы узнаем, что древние полагали столь же необходимым полное очищение души от всякой нечистоты, а также обретение посредством такого очищения добродетели, истины, мудрости, силы, справедливости и умеренности.

Вход в храмы Мистерий был запрещен всем совершившим убийство, пусть и непреднамеренно. Об этом говорят Изократ и Феон. Также запрещено было входить туда площадным шарлатанам и «кудесникам», превратившим дешевые фокусы в ремесло, а также притворяющимся одержимыми злыми духами. Не допускались к посвящению неверующие и преступники; Лампридий пишет, что перед началом празднования Мистерий на всех площадях во всеуслышание объявляли, что не следует приходить на торжества никому, кто чувствует угрызения совести и кто не уверен в своей полной и совершенной невинности.

От кандидата на посвящение требовалась абсолютная чистота рук и сердца. Порфирий пишет, что после смерти тела душа человека должна очиститься от всех и всяческих страстей, от ненависти и зависти, – короче говоря, *стать достаточно чистой, чтобы отвечать требованиям для посвящения в Мистерии*. Нет ничего удивительного в том, что к посвящению не допускались растратчики, лжесвидетели, воры и все остальные совершившие те или иные преступления против Бога или людей.

При посвящении в Мистерии Митры посвященному всегда преподавали урок того, что есть справедливость. Все нравственные уроки Мистерий, наставлению в которых были посвящены практически все их величественные церемонии, теоретически можно свести к одной-единственной строке Вергилия: *«Быть справедливым и чтить Бога»,* – поскольку так посвященному внушалась мысль о родстве человеческой справедливости и справедливости Божественной и о том, что боги ждут ее от людей и строго карают за преступления

против нее. Человек мог ожидать милости богов, только если и пока он был справедлив и уважал права человека и общества. «Солнце,– поет хор посвященных у Аристофана,– лишь для нас горит своим чистым огнем, мы допущены к Мистериям, мы блюдем закон чистоты и страх божий, и с согражданами, и с чужеземцами». Вознаграждение мистериальным посвящением следовало только за добродетельную жизнь в обществе. Одного посвящения было недостаточно. Необходимо было еще и жить по *законам,* которые посвящение налагало на человека по отношению ко всему человеческому роду. Вакх, например, не позволял участвовать в своих Мистериях никому из тех, кто не был верен законам религиозной веры и справедливости. Важными добродетелями, которые Мистерии стремились воспитать в своих посвященных, были чувствительность к заботам ближнего и сострадание. «Природа,– пишет Ювенал,– создала нас способными к состраданию, ибо наделила нас способностью плакать. Чувствительность к заботам ближнего – удивительнейшее из наших чувств. Разве истинно достоин человек держать в руке факел Мистерий, разве может жрец Цереры быть им доволен, если он считает страдания своего ближнего чужими?»

Те, кто ничего не предпринял, зная о готовящемся заговоре, кто напротив – участвовал в таковом, кто предал свою страну, кто отдал право занять высокий общественный пост врагу и передал в его руки бразды правления страной, кто снабжал врага своей страны деньгами,– вообще всякий пренебрегший своим долгом гражданина и просто честного человека мог навсегда забыть о посвящении в Элевсинские Мистерии. Чтобы обрести посвящение, человек должен был жить честно и достаточно счастливо, чтобы окружающие не считали его впавшим в немилость у богов.

Таким образом, сообщество посвященных было, в соответствии со своими принципами и целями учреждения, обществом добродетельных людей, трудившихся ради освобождения своих душ от деспотической власти страстей и выращивания и укрепления в душе зародившихся там добродетелей. И в этом был основной смысл той идеи, впоследствии значительно искаженной, что только посвященные достойны войти в вечно цветущий Элизий: ведь в святилище допускались только добродетельные люди, и только для добродетельных людей и был сотворен Элизий.

Природа и некоторые особенности учения Мистерий о Грядущей Жизни и посмертных карах или вознаграждении по сей день оста-

ются малоизученными. До нас дошло очень мало исторических данных о них. Без сомнения, во время церемоний кандидат наблюдал представленные в лицах муки грешников в Тартаре, как это описано у Вергилия, однако у нас остаются определенные сомнения относительно того, что аллегорическая природа этих представлений всегда подробно разъяснялась посвящаемому. Наверное, нам не следует здесь повторно приводить жреческие толкования Тартара и Элизия. Это выходит за рамки нашего исследования. Нас в данный момент интересует только тот простой и великий факт, что Мистерии наставляли в бессмертии души и вечном горе, муках и угрызениях совести как неизбежной каре за порочно прожитую жизнь.

Церемонии, устраиваемые людьми, – это достаточно несовершенные символы; и даже второе крещение человека огнем и водой, предназначенное для того, чтобы очистить его душу и принести бессмертие, обычно прерывается в тот самый миг, когда уже кажется, что цель достигнута. Жизнь человеческая – это зеркало, отражающее что-либо для того лишь, чтобы вводить смотрящего в него в заблуждение, тканая нить, вьющаяся для того лишь, чтобы обрываться и запутываться в узлы, кувшин, вечно наполняемый и никогда не становящийся полным.

Любое посвящение является всего лишь предварительной подготовкой к великой перемене бытийного состояния – смерти. Крещение, миропомазание, огненное крещение в некоторых погребальных обрядах (кремация), – все это приуготовительные символы, подобные мистериальному посвящению Геркулеса перед его нисхождением в мир теней, символизирующие изменения в разуме и чувствах человека, которые должны произойти прежде, нежели он возродится к новой жизни. Смерть – это великое посвящение, подготовка к которому осуществляется во время сна – малого посвящения. Это последний, заключительный обряд посвящения, который, как полагали древние египтяне, воссоединяет человека с богами и дарует одинаковые надежды всем тем, кто должным образом приуготовился к Великому переходу.

Тело считалось в древности застенком души; но заключение ее в этом плену не считалось вечным и неискупимым. Отец Миров мог разорвать эти цепи и приказать Природе избавить душу человека от тяжкого плена. Мысль о том, что смерть лучше жизни, пришла к нам из незапамятных времен; ее разделяли и египтяне, и пифагорейцы, и орфики, и самый знаменитый мудрец-вакханец Силен –

«тюремщик Души»; все они полагали, что настоящая смерть суждена только тем, кто уже во время земной жизни погружается в Лету низменных страстей и искушений, а истинная Жизнь начинается, только когда душа очищается от всего низменного и полностью перерождается.

И в этом смысле управляющий жизнью и смертью Дионис является Избавителем в высшем смысле этого слова, поскольку, подобно Осирису, он освобождает душу и указывает ей путь перерождения после физической смерти тела, помогая снова не угодить в тягостный плен материи или какой-либо низменной животной формы (то есть путем метемпсихоза возвратиться в земную форму для последующего очищения); он возвышает и совершенствует человеческую природу путем посвящения в очистительные таинства своих Мистерий. Сократ пишет, определенно цитируя гораздо более древние мистериальные источники: *«Смерть* – это вершина и заключение всей и всяческой философии. Всякий усердно изучающий философию *в действительности учится умирать»*.

Любая душа есть частица великой Вселенской Души, которая, в свою очередь, есть Дионис; и именно поэтому он – Дух Духов – помогает блуждающему в потемках духу возвратиться домой, ведя его путем постепенного очищения – материального и символического – от всех земных наслоений. Поэтому он также является верховным *мистом,* или иерофантом, великим духовным вождем древней греческой религии.

Душа человеческая – это δαιμόνιος, то есть Бог *внутри* сознания, своей собственной силой способный оспорить канонизацию мифологического героя или сделать себя самого бессмертным посредством добродетельной жизни и размышлений об Истине и красоте. Восхождение на Острова Счастливых следует толковать исключительно символически; все земное в человеке должно отмереть; человек, подобно Эдипу, с самого рождения несет невосполнимый ущерб и может восполнить его и достигнуть Элизия только после смерти тела. Дионис умер и снизошел в мир теней. Его страсть была великой тайной Мистерий, подобно тому, как смерть является Великими Мистериями жизни. Его смерть, в высшей степени подобная ежегодной смерти всей зримой Природы, за которой неизменно следует ежегодное возрождение, была одним из многочисленных символов *палингенеза,* то есть второго, мистического рождения человека.

Человек произошел от стихийных Сил, или гигантов (титанов, Элохим), питавшихся телом пантеистического Божества, творя Вселенную самопожертвованием, а потому он своими сакральными церемониями старается воспроизвести страсти этих мистериальных таинств глубокой древности; поэтому, питаясь сырым мясом жертвы, он впитывает в себя живительные токи Источника вселенской жизни, дабы обрести новый импульс возрождения на новом уровне бытия. Смерть неизменно предшествует жизни; семя умирает для того, чтобы зародилась новая растительная жизнь, а Земля разрывается на части, чтобы из нее родился Дионис. Отсюда происходит и символика *фаллоса* в несколько менее шокирующей общественную нравственность форме обелиска в Лерне или Саисе, устремленного ввысь как символ воскресения Божества из Его могилы.

Дионис-Орфей снизошел в мир теней, чтобы возвратить оттуда на небеса умершую Деву Зодиака – свою мать, Фиону, или же – что то же самое,– заключить мистический брачный союз с Персефоной, тем самым обеспечив – подобно тому, как его отец женился на Симиле (Данае),– вечное и непрерывное существование Природы. Его подземное путешествие символизирует зиму, исход года, зимнее чередование Тельца и Змея, вечное противоборство которых обеспечивает непрерывность Времени и которые – олицетворяя грубость и тьму,– выступают, тем не менее, в роли родителей света и красоты.

Эта мысль, мрачная в настоящем, но светлая и радостная в надеждах на будущее, предлагалась для размышления посвященным в Мистерии; страдалец-человек обретал некое успокоение, наблюдая за гораздо более тягостными страданиями богов; и картины жизни и смерти, представленные в виде соответствующих символов, например, жертвы и утопления тельца, тушения и повторного возжигания факела, вызывали у посвящаемого чередующиеся чувства горя и радости, игру стихийных страстей, породившую в начале времен Вселенную и сопровождавшую все ее изменения в будущем.

Великие Мистерии Элевсина праздновались в месяце бедромионе, когда сеют злаки, а год убывает, тем самым побуждая к самым мрачным и возвышенным мыслям. Первые дни церемонии проходили в исполненном печали молчании и горестном ожидании грядущих испытаний, в посте и умерщвлении плоти во имя возвышенной цели. И вдруг все менялось вокруг: горе и страдания плоти

испарялись, из уст в уста радостно передавали имя Иакха, и изображение бога, увенчанное миртом, с горящим факелом в руке, несли на руках во главе процессии, направлявшейся из Керамика в Элевсин, где Мистерии завершались возвышенным Откровением бога, являвшимся глубокой ночью. Сначала церемония проходила в πρόναος (пронаосе), то есть внешнем дворе сокровенного святилища, в непроницаемой тьме или при свете одного-единственного факела в руке погруженного в раздумия бога – этой единственной звезды, озаряющей ноктурнии, – и там кандидатов повергала в священный ужас феерия леденящих душу криков и шумов, пока они с трудом пробирались по запутанным пещерным лабиринтам, что должно было символизировать нелегкий путь души в подлунный мир теней, исполненное опасностей прохождение Долиной Смертной Тени. Ведь в соответствии с неизменным законом страданий Психеи человек обязан пройти через все ужасы подземного мира, прежде чем он будет допущен в Небесную обитель. Затем широко распахивались врата адитума, и все вокруг озарялось сверхъестественным светом, исходившим от статуи Богини, и раздавались чарующие песнопения, являлись поражающие воображения видения и начинались священные танцы, вдохновлявшие посвящаемых флюидами высшего, неземного счастья и предчувствия – насколько это может быть доступно пяти несовершенным человеческим чувствам, – воссоединения с богами.

В условиях нехватки прямых фактических данных о сущности, значении и формах проводившихся там священных церемоний, мы можем судить о них, только исходя из известных нам мифов о соответствующих богах и их символах и атрибутах, а также из прямых свидетельств очевидцев, посвященных в свое время в священные Мистерии.

Простое, на первый взгляд, явление растительной жизни, то есть смерть семени ради того, чтобы взошел росток, связывающее элементарный природный процесс с возвышеннейшими надеждами на вечную жизнь, являлось наипростейшей посвятительной формулой, использовавшейся всеми религиями мира и всеми священными книгами всех народов – от Зенд-Авесты до Евангелия. Подобно Прозерпине, божественная сила, как семя, разлагается и умирает; подобно Артемиде, она саморазрушается; но и Артемида, и Прозерпина – это Кора Сотера – Спасительница, возведшая души Геракла и Гиацинта на небо.

Мистерии также пользовались многими другими символами: оливой, миртом и т. д., – и все они символизировали жизнь, произрастающую из смерти, и двойственное состояние человека – одновременно умирающего и бессмертного.

Ужасы и страшные кары Тартара, как они описаны в «Федоне» и «Энеиде», и все церемонии суда при дворах Миноса, Эака и Радаманта были также представлены в мистериальных представлениях для того только, чтобы преподать посвященным великий и важный урок: нам следует всегда быть готовыми к Высшему Суду и быть чистыми и незапятнанными сердцем, – этому учил Горгия Сократ. Он говорил, что нечистый сердцем опустится в самые недостижимые глубины мира теней. Платон пишет, что долг человека состоит в том, чтобы быть мудрым и справедливым, и тогда со временем для него станет возможным вступить на тропу, ведущую к Небу, и тем самым избежать множества опасностей и препонов тысячелетнего странствия в подземном мире. Также в «Федоне» Сократ учит, что на протяжении всей земной жизни нам следует очищать души от страстей, чтобы постоянно быть готовыми предстать перед богами, – ведь никто не знает, когда именно мир теней призовет его к ответу.

Таким образом, Мистерии преподавали посвященным великую нравственную истину, сокрытую причудливой мифологической пеленой и представленную в тени святилищ впечатляющими зримыми образами – порождениями искусства и природной магии, для того, чтобы сама эта истина произвела на кандидатов наибольшее впечатление. Жрецы стремились избавить посвящаемых от вечного страха перед страданиями и смертью, боязни полного исчезновения. Автор диалога *«Аксиох»,* включенного в труды Платона, пишет, что смерть – это всего лишь переход в новое, лучшее состояние, но чтобы достичь счастья в конце этого нелегкого пути, человек должен прожить земную жизнь добродетельно. Поэтому учение о бессмертии души приносило успокоение только добродетельным и набожным людям; в то время как в сердца всех прочих оно вселяло страх и отчаяние, поскольку они оказывались в плену предчувствий ужасов и кар, которые не оставляли их на протяжении всей земной жизни.

Ибо муки и кары Тартара, символические для посвященного, были совершенно материальны и реальны для основной массы профанов; а позднее даже многие посвященные неверно и не до конца

понимали суть аллегории. Сначала осужденная на кары душа попадала в тюрьму с тройными стенами, окруженную вздувающимися и бушующими огненными волнами Флегетона, качающими и сталкивающими огромные обломки раскаленных добела скал; затем она проходила во врата, подпираемые гигантскими адамантовыми колоннами, разрушить которые были способны одни лишь боги; на страже у них стояла Тизифона в окровавленных одеждах; несчастная душа тонула в тягостных стонах осужденных на вечные муки, окровавленные и истерзанные тела которых валялись повсюду, а крики их сливались в ужасном гармоническом ассонансе с лязгом неснимаемых цепей; Фурии осыпали грешников ядовитыми гадами; под ними разверзалась бедна, на дне которой извивалась Гидра, готовая растерзать всякого, кто падал в ее вечно голодную пасть; там же лежал вечный страдалец Тит, внутренности которого непрестанно терзал и пожирал стервятник; Сизиф вечно закатывал на гору огромный валун; Иксион мучился на своем колесе; Тантал стоял по колено в воде, и над головой его зрели ароматные плоды, а он все равно страдал от вечных жажды и голода; дочери Даная наполняли водой бездонные кувшины; тени мертвых пожирали хищные звери и жалили ядовитые змеи; неугасающий огонь вечно пожирал их тела, снова и снова возрождающиеся и обновляющиеся для того лишь, чтобы претерпевать все новые и новые страдания, – это имело своей целью наглядно преподать посвященным урок неизменных последствий греха и порока и наставить их на путь добродетели и чести.

И в том случае, если все эти физические страдания истолковывались посвященным как лишь символы невообразимых страданий, раздирающих бессмертную душу и нематериальный дух, угрызений совести, они несомненно многое теряли в выразительности, потому что любые символы и аллегории недостаточны для человека, который с трудом воспринимает все недоступное его познанию посредством пяти примитивных чувств; мрачный взгляд иерофанта, картины, прочие зримые образы и разыгрываемые представления, погребальные жертвы, увенчивающие священные Мистерии, торжественная тишина святилищ, – все это нисколько не теряло значения и влияния на посвящаемого, если он знал, что это всего лишь символы и аллегории; наоборот, в этом случае он позволял своему интеллекту управлять чувствами при помощи аналогического сопоставления.

Также учение Мистерий гласило, что возможность покаяния и искупления существует практически для всех грехов, кроме, естественно, особо тяжких; искупление достигалось прохождением очищения *водой, воздухом* и *огнем;* очищаясь этими стихиями, душа со временем – часто лишь спустя много лет – могла достигнуть полного искупления грехов и вознестись в небесную обитель; и восхождение это было настолько тяжелым или легким, насколько была душа отягощена грузом забот, грехов и обязательств земного мира или наоборот – свободна от них. Здесь же посвященным преподавалось (насколько подробно, нам неизвестно) учение о том, что боль и горе, угрызения совести и неудачи являются неизбежными *последствиями* греха и порока, иначе говоря, великий закон причинно-следственной связи в области нравственности; их учили, что при совершении ими каждого прегрешения, при каждой их уступке пороку душа их отступает назад или в сторону с пути восшествия к совершенству; что в дальнейшем никогда уже нельзя будет сделать так, чтобы свершенного проступка как будто никогда не было, что он вечно останется в духовной памяти, как его ни искупай впоследствии; что на протяжении Вечности душа, даже достигнув своей извечной цели, будет хранить память обо всех прегрешениях и проступках, которые в прошлом так отдалили достижение ею вожделенного совершенства.

В учении Мистерий нас, в первую очередь, привлекает тот проблеск Истины, который указывает, что, несмотря на то, что небольшие и средние проступки против нравственности и Божественной воли возможно искупить покаянием, молитвами, человеколюбивыми поступками и духовным очищением, серьезные преступления – это смертные грехи, которые этими средствами не искупить. Доступ в Элевсин был закрыт для Нерона, а потом языческие жрецы сказали христианину Константину, что среди всех средств искупления не существует настолько могущественного, чтобы снять с *его* души грех женоубийства, не говоря уже обо всех прочих его преступлениях, среди которых немало было убийств и покушений на убийство.

Целью Мистерий древности было совершенствование человека и развитие его разума, изменение природы его души, ее путей и конечной цели, ее отношений с телом и вселенской природой, – все это составляло священную Науку, которой были посвящены тайные уроки посвященных древности. Считалось, что инициация

предназначена для совершенствования человеческой души и спасения ее Божественной составляющей, часто перегруженной грубыми, земными, материальными наслоениями, от погружения во мрак, препятствующий ее возвращению к Богу и воссоединению с Ним. Душа для мистов была не абстракцией, не пустой философской концепцией, а реальностью, включавшей в себя жизнь и мышление, или, точнее, жизнь и мышление были ее сутью. Душа для них была материальной – но не самóй грубой, инертной, пассивной, безжизненной, недвижимой, бесформенной и темной материей. Ее считали активной, действующей, думающей, размышляющей; она родилась в возвышеннейших небесных чертогах, откуда снизошла на Землю для того, чтобы оживлять, освещать, придавать форму и движение, одушевлять и развивать грубую и низменную материю; ей суждено снова воспарить в свои родные небесные чертоги, как только она окажется в состоянии избавиться от гнета материи и разорвать всякие связи с ней. Из этой первичной субстанции, Божественной, беспредельно тонкой и активной, несущей первозданный Свет, проистекли души всех людей, и только за их счет, когда они соединяются с материальными телами, *живут* люди.

Таково было учение Пифагора, который воспринял его от египетских иерофантов в ходе посвящения в Мистерии; таковы были учения и всех прочих мыслителей, которые путем прохождения церемониального посвящения в Мистерии очистили свои души. У Вергилия дух Анхиса наставляет в этом учении Энея, сообщая, что все ритуалы очищения и искупления, содержащиеся в Мистериях, являются аллегорическим отображением различных этапов духовного очищения, которое должна пройти душа, дабы избавиться от всех следов порока земного существования, дабы вырваться из земной тюрьмы и снова вознестись в те области, откуда она была низринута на Землю.

Отсюда происходит и учение о переселении душ, которое сам Пифагор преподавал тоже как аллегорию, а его последователи уже начали воспринимать буквально. Как и Пифагор, Платон создал свое учение на основе доктрин восточных Мистерий, предприняв попытку перевести использовавшийся иерофантами язык символов на язык философии и доказать посредством логических аргументов и философской дедукции то, что мисты, повинуясь своему *чувству*, преподавали посвященным как неоспоримый факт, а именно бессмертие души. К тому же стремился и Цицерон; он даже шел несколь-

ко дальше, утверждая, что боги – это всего лишь обычные смертные, своей добродетельной жизнью и верной службой Высшему Благу заслужившие того, чтобы их души вознеслись в небесную обитель.

Одновременно с преподаванием этого учения – или посредством аллегорий для немногих избранных, или же для всех посвященных по прошествии нескольких лет мистериального служения, но уже в форме наставления о буквальном посмертном переселении душ грешников в тех животных, с образами которых в наибольшей степени связаны совершенные ими при жизни прегрешения, – также преподавалась и способность души избавиться от этого нежелательного переселения, которое могло повторяться бесконечное число раз, через следование добродетели, способной очистить человека от грехов и вырвать его душу из непрерывного круга перевоплощений, возвратив ее к ее Истоку. Отсюда становится ясно, почему ни о чем другом так усердно не молили посвященные богов, если верить Проклу, как о спасении их из царства Зла и возвращении им Истинной Жизни, то есть возвращении в духовную обитель вечного покоя. Скорее всего, именно это учение иллюстрировали изображения животных и сказочных чудовищ, которые показывались посвященным перед тем, как допустить их к лицезрению священного Света, которого они так жаждали.

Платон пишет, что душам не суждено избавиться от своей порочной сущности, пока вечное вращение Земли само не возвратит им изначальную чистоту, утраченную ими в течение земной жизни под смертоносным влиянием огня, земли и воздуха. Также он утверждает, что душа не может быть допущена на Небеса, пока не доказала свою верность путям добродетели на протяжении пребывания, по крайней мере, в трех телах. Манихеи говорили о пяти телах; Пиндар – о трех, как Платон и иудеи.

Цицерон же говорит, что древние пророки и толкователи воли богов во время своих религиозных церемоний и посвящений в свои таинства учили, что в течение земной жизни мы обязательно должны искупить прегрешения жизни прошлой, и только ради этого мы рождаемся на свет. Мистерии учили тому, что человеческая душа обязательно должна пройти несколько стадий в своем развитии и что все горести и неудачи настоящей жизни даются нам во искупление грехов жизни прошлой.

Учение о переселении душ было широко распространено, как пишет Порфирий, среди персидских магов. Вообще оно было рас-

пространено и на Востоке, и на Западе с древнейших времен. Геродот пишет, что египтяне ограничивали время странствия души из одного человеческого тела через тела животных, птиц и рыб в другое человеческое тело тремя тысячами лет. Эмпедокл утверждает даже, что человеческая душа может вселиться в растение. Из растений для него самым достойным является лавр, а из зверей – лев; и лавр, и лев были посвящены Солнцу, а на Востоке считалось, что именно туда отправляются после смерти души праведников. То же самое учение исповедовали курды, китайцы и ученые каббалисты. Ориген писал, что епископ Синезий, посвященный в Мистерии, так молился Богу: «Отче, не допусти душу мою по воссоединении ее со Светом, возвернуться на греховную Землю!» Тому же учили гностики; и даже апостолы Христа вопрошали Учителя, не наказан ли слепец своей слепотой за грехи прошлой жизни[3].

Вергилий в своей знаменитой аллегории, где он развивает учение Мистерий, также исследует доктрину большинства философов древности о предсуществовании душ в вечном огне, породившем их, в том самом огне, который одухотворяет звезды и пронизывает всю Природу, а также о том, что очищение души огнем, водой и воздухом, практикуемое в Мистериях Вакха, было символом перевоплощения души в различные тела.

В основе учения Мистерий лежала наука о взаимоотношениях человеческой души и всей остальной Природы. Мир и окружающая его духовная сфера изображались на стенах храмов Мистерий в виде мифологического первояйца, расположенного рядом с образом солнечного бога. Во время посвящения в Мистерии Вакха этому богу посвящали знаменитое Орфическое яйцо. Платон утверждает, что оно было символом Вселенной, все порождающей и все содержащей в себе. «Спросите у посвященных в Мистерии Вакха,– пишет Макробий,– которые превыше всего чтут священное яйцо...» Округлая, почти сферическая его форма, окружающая содержимое со всех сторон и заключающая в себе зачаток жизни, полагает философ, служила символом мира, а мир – это вселенский Первопринцип всех содержащихся в нем вещей.

Этот символ был позаимствован народами древности у египтян, которые посвящали мировое яйцо Осирису, источнику Света, по утверждению Диодора, родившемуся из этого яйца. В Фивах, что в Верхнем Египте, сохранилось изображение Осириса, изо рта которого появляется это яйцо, одновременно само порождая перво-

принцип Света – Вулкана, или Пта. Изображение этого яйца можно встретить даже в Японии, где оно помещается между рогами великого митраистского Быка, атрибуты которого позаимствовали и Осирис, и Апис, и Вакх.

Орфей, основатель греческих Мистерий, которые он фактически перенес на новую почву из Египта, сделал этот символ воистину священным; он учил, что материя – безвидная и несотворенная – существовала еще до начала времен в неорганизованном хаосе; в ней содержались все изначальные принципы Бытия, но в перемешанном и нечистом виде – свет был смешан с тьмой, сухость – с жидкостью, жар – с холодом; со временем, однако, материя организовалась и приобрела облик гигантского яйца, таким образом, состоявшего из чистейшей материи, изначальной субстанции, а все остальное преобразовалось в четыре стихии, породившие, в свою очередь, небо, землю и все вещи между ними. Орфей наставлял своих посвященных в этом великом космогоническом учении во время своих Мистерий, и именно так разъясняли иерофанты кандидатам значение мистического яйца, которое те видели в святилище.

Посвященный лицезрел всю Вселенную в ее изначальной, первичной организации, и она сама должна была обучить его своим таинствам и посвятить в свои Мистерии; Клемент Александрийский так и пишет, что посвящение было чисто физиологическим актом.

Так и Пан, солнечный бог Мистерий неоорфиков, появился на свет из яйца – символа первичного хаоса; а персы верили в рождение из яйца Ормузда. А Санхониафон учит нас, что, в соответствии с учением финикийской теологии, первичный хаос приобрел форму яйца: «Вот урок сына Фавиона, первого иерофанта финикийского, претворенный в аллегорию, в которой смешались физика и астрономия, и преподанный им другим иерофантам, возглавлявшим, по долгу своему, оргии и посвящения; те же, в стремлении внушить народу елико возможно больший трепет и восхищение, усердно передавали усвоенные знания своим наследникам и другим посвященным».

Мистерии также учили тому, что Первопричина состоит из двух частей – Активной Причины и Пассивной Причины, и символами их являются Осирис и Исида, то есть Небо и Земля. Эти две великие Причины, на которые, по легенде, в начале времен сама по себе разделилась изначально единая Первопричина, были двумя великими богами, которым, по свидетельству Варрона, поклонялись

посвященные в Мистерии Самофракии. Он пишет: «Как учили посвященных в самофракийские таинства тамошние жрецы, Земля и Небо были двумя первыми и самыми великими богами. Этим великим богам до сих пор поклоняются на том острове, а имена их начертаны также в книгах наших авгуров. Одно из этих божеств мужского пола, а второе – женского, а между собой они находятся в тех же отношениях, что человеческая душа – с телом, а сухость – с влажностью». Критские жрецы-куреты возвели на своем острове жертвенник божествам Неба и Земли, Мистерии которых они праздновали в кипарисовой роще неподалеку от Кносса.

Этих первых богов – Активную и Пассивную изначальные Причины – часто изображали в виде мужских и женских детородных органов, изображать каковые в те времена не считалось постыдным или непристойным; так в Мистериях появились символы плодородия и зарождения жизни – *фаллос* и *ктеис*. Индийский лингам был символом их единения, как и корабль с мачтой, и точка внутри круга; все эти эмблемы отражали древнюю философскую концепцию единства двух великих Первопричин Природы, совместно участвующих, одна – пассивно, другая – активно, в порождении всего и вся; а их порождения символизировали образы, ныне известные нам как *Близнецы,* потому что в те отдаленные времена Солнце пребывало как раз в этом зодиакальном знаке, мифологически представлявшем тогда разнополую пару, в день весеннего равноденствия; а знак фаллоса как символ плодородия и зарождения новой жизни, скорее всего, был позаимствован древними у Тельца, открывшего в этот день за 25000 лет до начала христианской эры зодиакальный цикл.

По свидетельству Прокла, посвящение в Элевсинские Мистерии начиналось с призывания двух природных Первопричин – Неба и Земли, на последовательной смене которых друг другом посвященные и концентрировали свое внимание, к каждой из них обращаясь с молитвой. Они полагали это своим долгом, поскольку видели в них своих и всеобщих Отца и Мать. На языке теологии схождение этих двух первичных агенсов вселенского круговорота именовалось *браком*. Тертуллиан, обвиняя валентиниан в заимствовании этих символов из символики Элевсинских Мистерий, тем не менее, отмечает, что в этих Мистериях данные символы толковали в смысле, совместимом с понятиями нравственности, как природные силы. Сам он был настолько слаб в философии, что оказался не

в состоянии понять высшее эзотерическое значение этих эмблем, но тебе оно будет раскрыто позже, если и когда тебя допустят к посвящению в высшие градусы.

Святые отцы христианской церкви буквально соревновались между собой в очернении и осмеянии этих символов. Однако, поскольку в незапамятные времена они обладали совершенно пристойным и общеупотребительным значением и на груди их носили даже невинные дети и добродетельные матери семейства, нам видится более разумным приступить к тщательному и непредвзятому изучению их смысла. Диодор Сицилийский пишет, что отнюдь не только египтяне, но и все прочие народы, почитавшие этот символ (фаллос), полагали, что тем самым воздают хвалу Активной, производящей жизнь Силе Природы, порождающей все вещи в мире. От географа Птолемея мы узнаем, что по той же причине ему поклонялись в Персии и Ассирии. Прокл также замечает, что в древней астрологии двенадцать знаков Зодиака поровну – по шесть – распределялись между мужским и женским Первопринципами.

В Природе существует разделение и еще по одному признаку, который во все времена в высшей степени интересовал думающих людей и о котором просто не могли забыть жрецы Мистерий: это был принцип разделения света и тени, дня и ночи, Добра и Зла, которые перемешиваются между собой, бегут друг от друга и стремятся друг к другу на протяжении всего времени существования Вселенной. Великое символическое Яйцо определенно напоминало кандидатам об этом великом разделении мировых принципов. Плутарх, говоря о догматике Божественного Провидения и о Первопринципах Добра и Зла, лежащих, по его мнению, в основании всей древней теологии, учений оргий и Мистерий и у греков, и у варваров, учений, истоки которых, по его мнению, теряются в темных глубинах Времени,– в подтверждение своей теории приводил данные о поклонении мистическому яйцу учеников Зороастра и посвященных в Мистерии Митры.

Во время посвящения в Элевсинские Мистерии кандидатам демонстрировали вечную смену периодов владычества этих принципов в виде смены перед их глазами полной тьмы ослепительным светом и наоборот. Тьму, наполненную проносящимися мимо них с ужасными стонами и криками тенями, сменяло слепящее сияние, исходящее от статуи богини. Кандидат, пишет Дион Хризостом, входил в таинственный храм поражавших воображение красоты

и величия, где его взору представали многочисленные таинственные сцены, разыгрываемые жрецами; в уши его проникали пронзительные звуки множества голосов; свет и тьма постоянно сменяли друг друга перед его глазами. А Фемистий пишет, что, входя в ту часть святилища, где располагалось изображение богини, кандидат бывал исполнен священного ужаса и высшего почтения, особенно во время продолжительного блуждания в полной тьме по нескончаемым коридорам, ведшим к свету. Но потом иерофант открывал перед ним врата внутреннего святилища и совлекал со статуи богини покрывало, представляя ее посвященному во всем блеске нестерпимого сияния. Мрак и тягостная атмосфера, окружавшие кандидата, исчезали, точно их никогда не было, его наполняла живая и светлая жизненная энергия, и душа его возвышалась к Небу из адских глубин порока, в которые была погружена до этого; тьма в его душе сменялась неземным, вечным Светом.

Из отрывка сочинения того же автора, сохраненного для нас Стобием, мы узнаем, что до самого мига завершения посвящения перед кандидатом представали все более и более пугающие картины; его душа постоянно пребывала в плену священного ужаса; он дрожал; он истекал холодным потом, – и наконец его взору открывался истинный, слепящий священный Свет; перед ним представали картины Элизия с чарующими полянами под блистающим голубым небом; там царили веселье, радость, праздничные танцы, повсюду раздавалось гармоничное пение волшебных голосов иерофантов, взору рисовались волшебные, радостные картины всеобщего счастья. Затем, совершенно свободный и очистившийся от уз греха, кандидат смешивался с толпой счастливых посвященных, увенчанных гирляндами прекрасных цветов, чтобы вместе с ними принять участие в священной оргии в этом вольном мире чистого эфира, в царстве Ормузда.

В Мистериях Исиды кандидат сначала проходил мрачной долиной смертных теней; потом он попадал в зал, в котором содержались все основные стихии и составляющие подлунного мира, вечно сражающиеся и соревнующиеся между собой; и наконец он оказывался в помещении, ярко освещенном лучами вечного и могущественного Солнца, навсегда прогоняющего все тени и все ночные страхи. Его самого облачали в одежды солнечного бога, или видимого источника небесного Света, в посвященные которому Мистерии он проходил инициацию; он навечно покидал царство Тьмы,

чтобы вступить в царство Света. После того как нога его попирала порог царства Плутона, он возвышался в Эмпиреи, в царство Вечного Вселенского Принципа Света, породившего души всех людей и их разум.

Плутарх признает, что понятие об этих двух принципах лежало в основе всех Мистерий древности, особенно в Греции. Осирис и Тифон, Ормузд и Ариман, Вакх и титаны, или гиганты,– все они олицетворяли эти два принципа. Пан, сияющий бог, родившийся из священного Яйца, и Ночь держали в руках скипетры управления Мистериями Вакха. Ночь и День были среди восьми божеств, почитавшихся в Мистериях Осириса. Пребывание Прозерпины, равно как и Адониса, по полгода в верхнем мире – обители Света, и по полгода – в обители Тьмы, то есть в нижнем мире, аллегорически символизировало все тот же вселенский принцип разделения.

Связь различных церемоний мистериального посвящения с днями равноденствий, астрономически разделяющих царства Света и Тьмы и определяющих тот миг, когда одно из них одерживает победу над другим, наглядно демонстрирует, что в основе данного учения лежала идея постоянного противоборства этих двух царств, каждое из которых в течение года бывает и победителем, и побежденным. Сам мистериальный «символ веры» доказывает, что в ее основе лежало понятие о двух основополагающих принципах и их связи с человеческой душой. «Мы празднуем величественные Мистерии Цереры и Прозерпины,– пишет император Юлиан,– в день осеннего равноденствия, чтобы боги даровали нашим душам избавление от жестоких сил Тьмы, которые в этот день побеждают силы Света и вступают в права властителей всей Природы». Саллюст Философ пишет практически то же самое о связи человеческой души со сменой света тьмой, и наоборот, в течение астрономического года, напоминая, что именно с этим процессом были связаны в древней Греции всенародные празднества. А во всех толкованиях Макробия на священные солнечные мифы, в которых великое светило выступает в образах Осириса, Гора, Адониса, Аттиса, Вакха и др., мы неизменно видим, что здесь также имеется в виду теория о существовании двух Первопринципов – Света и Тьмы – и их вечном противоборстве с переменным успехом. В апреле обычно праздновалась победа дневного Света над ночной Тьмой; Макробий добавляет, что так, радуясь и плача, люди отмечали основные события годового цикла развития природы.

Таким образом, мы подходим к описанию трагических событий, происходивших, согласно легенде, с Принципом Света, ведущим постоянную войну с Принципом Тьмы и попеременно одерживающим в ней победу и терпящим поражение. Это самая таинственная часть посвящения в учение древних Мистерий, которая представляет неизменный интерес для всех масонов, оплакивающих гибель Великого Мастера Хир-Ома. Геродот набрасывает на эти события пелену величественной тайны и полного молчания. Говоря о храме Минервы, или Исиды, именуемой Матерью Бога Солнца, чьи Мистерии в Саисе называли *«Исидическими»,* он, тем не менее, упоминает о некоей гробнице, расположенной у задней стены часовни на задворках храма Мистерий, и пишет: «Это гробница человека, имя которого мое почтение к нему заставляет оставить нераскрытым. Внутри храма были высокие каменные обелиски [*фаллосы*] и обширное озеро, мощенное камнем и окруженное каменным парапетом. Мне оно показалось таким же большим, как озеро в Делосе [где праздновались Мистерии Аполлона]. В этом озере египтяне и проводят религиозные церемонии, именуемые ими Мистериями, в которых живыми картинами представлены приключения бога, упомянутого мной ранее». Этим богом был Осирис, умерщвленный Тифоном, спустившийся в мир теней, а затем воскресший к новой жизни.

Это описание неизменно напоминает нам о гробнице Мастера Хир-Ома, его гибели и восстании из мертвых, также символизирующем возрождение жизни вообще, равно как и о Медном море Иерусалимского Храма. Геродот добавляет: «Я накладываю на свои уста печать совершенного молчания обо всем, что относится к этим Мистериям, с большинством которых я знаком. Столь же немного я могу поведать о посвящении в таинства Цереры, именуемые греками Фесмофориями. То же, что я все-таки расскажу, не нарушит закон моего высшего почтения к этой вере».

Афинагор приводит этот отрывок для того, чтобы доказать, что египтяне показывали посвященным в их таинства не только статую, но и саму гробницу Осириса и разыгрывали для них трагические обстоятельства гибели бога; также он добавляет, что египетские жрецы проводили траурные церемонии в память о своих богах, чью смерть они оплакивали и которым приносили жертвы как вечным сущностям, достигшим совершенного бессмертия.

Таким образом, становится довольно легко сопоставить лучи света, исходящие от различных священных статуй и других объек-

тов поклонения в разных святилищах, чтобы понять, что цель всех посвящений и идея, лежащая в их основании, была одна и та же. Однако мы располагаем одними намеками: фактов и подробностей у нас в руках практически нет.

Нам известно, что египтяне поклонялись Солнцу под именем Осириса. Несчастья и трагическая гибель этого бога были аллегорическим отражением природы и небесного пути этого светила. Тифон, как и Ариман, олицетворял Тьму. Страдания и гибель Осириса в Мистериях Ночи символически отражали природные феномены и, в частности, противоборство двух великих Первопринципов Природы, сражающихся за владычество над миром, оказывая постоянное и сильное влияние на человеческие души. Солнце никогда не рождается, не умирает и не возрождается вновь, так что все эти представления имели своей целью сообщить кандидату некую высшую истину под аллегорическим покровом.

Гор, сын Исиды, и Аполлон, сын Солнца, также умирали, а потом возрождались к жизни и возвращались к матерям; жрецы Исиды отмечали эти два события последовательно траурными и праздничными церемониями.

Мистерии Финикии, учрежденные в честь Таммуза, или Адониса, также солнечных богов, посвященным также демонстрировали сцены смерти и воскресения и богов, и – в более широком смысле – великого светила. От Мерсиуса и Плутарха мы узнаем, что кандидатам там показывали статую мертвого молодого человека. Ее осыпали цветами, ее оплакивали прекрасные девушки; потом ее помещали в гробницу. Именно эти церемонии, утверждают Плутарх и Овидий, впоследствии проникли в Грецию.

В Мистериях солнечного бога Митры в Малой Азии, Армении и Персии посвященные отмечали смерть и последующее воскресение бога сначала бурным выражением горя, а потом – столь же бурной радостью. Фирмик Юлий пишет, что кандидатам показывали мертвое тело, называя его телом погибшего Митры, после чего громогласно возвещалось о его воскресении; потом жрецы призывали кандидатов возрадоваться воскресению бога вместе со всем народом, потому что своими смертью и воскресением он спас все человечество. За три месяца до этого широко праздновалось рождение Митры, и жрецы повсюду носили изображение младенца. Происходило это 25 декабря, то есть за восемь дней до Январских календ.

В Греции, в Мистериях того же самого бога, именовавшегося в этой стране Вакхом, жрецы разыгрывали в лицах его гибель от рук титанов, нисхождение в мир теней, а затем возрождение к жизни и вознесение к своему Изначальному Принципу, то есть в чистую Небесную обитель, откуда он ранее снизошел на Землю, дабы смешаться с материей. На островах Хиос и Тенедос смерть бога отмечалась человеческим жертвоприношением, обычно приговоренного к смерти преступника.

Страдания и гибель того же самого солнечного бога, известного во Фригии под именем Аттиса, как сообщает Диодор Сицилийский, ежегодно разыгрывались жрецами Мистерий Кибелы – Матери всех богов. Они носили по улицам городов изображение мертвого молодого человека, над могилой которого проливали горькие слезы и которому воздавали посмертные почести как величайшему из героев.

В самофракийских Мистериях великих богов кабиров жрецы также представляли смерть одного из них. Они присвоили Солнцу это имя, потому что древние астрономы называли Кабиром и Самофракием двух великих богов из созвездия Близнецов; греки называли их Аполлоном и Гераклом, а эти имена являются уже греческими названиями Солнца. Афинион пишет, что злодейски умерщвленный юный Кабир был тем же самым богом, что и Дионис, или Вакх, греков. Пеласги, древние обитатели Греции, впоследствии населившие Самофракию, праздновали Мистерии, происхождение которых неизвестно, в честь Кастора и Поллукса, считавшихся покровителями мореходов.

Гробница Аполлона находилась в Дельфах; его тело поместили туда после того, как Пифон – Полярный Змей, возвещающий приход осени, холода, тьмы и зимы, – убил его; 25 марта, в день весеннего равноденствия, солнечный бог, воскреснув из гроба и возвратившись в созвездие Овна, праздновал свою победу над Змеем. На Крите Юпитер-Амон, то есть Солнце в созвездии Овна, изображался с атрибутами этого зодиакального знака в день Равноденствия; этот Амон, по мнению Марциана Капеллы, был тем же самым богом, что Осирис, Адонай, Адонис, Аттис и прочие солнечные боги; у него также были собственная гробница и собственные Мистерии, при посвящении в которые одной из основных церемоний было облачение кандидата в шкуру белого ягненка. В этой церемонии мы видим первоисточник масонской церемонии облачения вновь принятого Ученика в белый запон из кожи ягненка.

Все эти смерти и воскресения, вся эта погребальная символика, эти празднества и оплакивания, эти гробницы, возведенные в память о солнечных богах, которых разные народы почитали под разными именами, в разных странах мира служили одной лишь цели: поведать посвященным о событиях, происходивших в этом земном, материальном мире с Природным Светом, тем духовным огнем, от которого, как считалось, произошли все наши души, который вечно сражается с царством Тьмы, обитающим в людских сердцах и враждебным Первопринципу Добра, проистекающему от Всевышнего Божества. Клемент Александрийский пишет, что все эти Мистерии, все эти религии, символами которых были ужасные трагедии смерти богов и их гробницы, в действительности имели одну основу, только представленную в различных формах; основой этой служило аллегорическое повествование о смерти и воскресении Солнца, Души Природы, принципа жизни и движения всего подлунного мира и источника нашего разума, являющегося всего лишь малой частью вечного Света, излучаемого этой величественной звездой.

По легенде, именно в солнечном огне проходят очищение человеческие души, и именно на Солнце они возносятся. Солнце, пишет Порфирий, – это своего рода врата, через которые души возносятся в обитель вечного Света и Добра. Поэтому в Мистериях Элевсина дадук (факелоносец), второй по значению жрец после иерофанта, олицетворяющего Демиурга, или Творца Вселенной, сам располагался в центре храмового святилища и олицетворял Солнце.

Также считалось, что все перипетии, происходящие с Отцом Света, солнечным богом, оказывают непосредственное влияние на все происходящее с душами людей; ведь они состоят из того же вещества, что и он, а посему должны претерпевать все выпадающее на его долю. Об этом пишут император Юлиан и философ Саллюст. Они страдают вместе с ним, они вместе с ним радуются очередной победе над Первопринципом Тьмы, вечно мешающим счастью человеческих душ, потому что для них не существует ничего страшнее тьмы. Мистерии позволяли посвященным насладиться плодами учения Отца Света, солнечного бога, его страданий, его убийства Первопринципом Тьмы и Зла и последующего воскресения. «Его смерть – твое спасение!» – возглашал старший жрец Митры. В этом была величайшая тайна всего религиозного представления и главный его результат – воскресение солнечного

бога, заново вернувшего себе победу над силами Тьмы и разделившего ее со всеми душами, праведная земная жизнь и очищение от всех земных пороков для заслуживших участия в этом торжестве сиятельной победы; он притягивал к себе эти души, а они не имели силы сопротивляться его властному призыву, да и помыслить о подобном не могли.

Посвященному также демонстрировали образы основных агентов Первопричины и распределение их по миру, перед ним представали образы мира, поражающего своей соразмерностью и высшим, Божественным порядком. Сама Вселенная является для человека прообразом первого Храма в честь и во Имя Верховного Божества. Расположение и измерения Храма Царя Соломона в Иерусалиме, его внутреннее убранство, символические орнаменты, облачение первосвященника, – все это, по мнению Клемента Александрийского, Иосифа Флавия и Филона, было аллегорическим образом мироустройства. Клемент пишет, что в Храме было множество символов сменяющих друг друга времен года, Солнца, Луны, планет, созвездий Большой и Малой Медведиц, знаков Зодиака, стихий и т. д.

Иосиф Флавий, описывая одеяние первосвященника, стремясь тем самым опровергнуть обвинение в богохульстве, выдвигаемое против иудеев окрестными народами в силу того, что народ Израиля презирал их языческие божества, утверждает, что обвинение это ложно, поскольку в символике устройства Скинии, облачения священников, приносивших в ней жертвы, священных сосудов в той или иной форме представлена вся Вселенная. Из трех составляющих частей Храма, утверждает он, две символизируют Землю и Море, открытые для всех людей, а третья – Небо, обитель Господа, в которой пребывает лишь Он один. Двенадцать хлебов предложения воплощают двенадцать месяцев астрономического года. Подсвечник символизирует двенадцать знаков Зодиака, через которые в течение космического цикла проходят семь планет, представленные семью светочами подсвечника; завесы четырех цветов символизируют четыре стихии; хитон первосвященника – Землю; голубая верхняя риза – Небо; четырехцветный ефод – всю Природу; золото – Свет; наперсник в середине груди – расположение Земли в центре Вселенной; два сердолика, крепящие наперсник к шнурам, – Солнце и Луну; двенадцать драгоценных камней, расположенные на наперснике в четыре ряда по три – по числу времен года – символизировали также двенадцать месяцев года и соответ-

ствующие им знаки Зодиака. Даже хлеба предложения были расположены на жертвеннике двумя горками, по шесть в каждой, как знаки Зодиака по обе стороны от экватора. Эти толкования признают и Клемент, в высшей степени образованный епископ Александрийский, и Филон.

Гермес называет Зодиак Великим Шатром – Скинией (Tabernaculum). В степени Царственного Свода Американского Устава[4] в Скинии присутствуют четыре завесы разных цветов, каждому из которых соответствует свое знамя. Эти цвета – белый, синий, лиловый и пурпурный, а на знаменах изображены бык, лев, человек и орел, символы созвездий, в которых пребывало Солнце в дни равноденствий и солнцестояний за 2500 лет до нашей эры; в них расположены также четыре звезды: Альдебаран, Регул, Фомальгот и Антарес. На каждой из четырех завес – по три слова, и каждому разделу Зодиака – в соответствии с вышеупомянутыми звездами – соответствуют три знака. Четыре знака: Телец, Лев, Скорпион и Водолей, – именовались *недвижимыми* знаками, раз и навсегда соотнесенными с четырьмя завесами.

Так и херувимы, по мнению Клемента и Филона, представляют собой два полушария, а их крылья – движение небесной тверди и времени, управляющего перемещением знаков Зодиака. «Ибо Небеса летят», – пишет Филон, рассуждая о херувимах, являвшихся изображениями крылатых быка, льва, человека и орла; между тем в Нимроде было найдено огромное количество изображений крылатых быков и львов; они считались символами блага и процветания, потому что в день весеннего равноденствия Солнце пребывало в знаке Тельца, а в день летнего солнцестояния – в знаке Льва; в день же осеннего равноденствия оно переходило в знак Скорпиона (символом которого был Орел), что считалось дурным предзнаменованием; знак Водолея же соответствует зимнему солнцестоянию.

Клемент пишет, что семь ветвей подсвечника символизировали семь планет, сохраняя во взаимном расположении величественную музыкальную гармонию, центром и основой которой было само Солнце. Они были расположены по три по обе стороны от центра, пишет Филон, подобно планетам по обе стороны от Солнца – посредника и дирижера всемирной гармонии, символом которого являлась центральная ветвь подсвечника. И Филон, и Марциан Капелла в своем «Гимне Солнцу» утверждают, что великое светило соответствует четвертой ноте музыкальной гаммы.

Рядом с подсвечником располагались также и другие символы земли и растительного мира, с поверхности которого испаряется, утекая в небо, вода. Храм являлся уменьшенной моделью мира. Там были подсвечники с четырьмя ветвями – символы четырех стихий и четырех времен года; с двенадцатью ветвями – символы знаков Зодиака; и даже с тремястами шестьюдесятью ветвями – по числу дней года без дополнительных. В подражание храмовым строителям города Тира, которые обычно ставили у входа в храм две бронзовые колонны, строители Иерусалимского Храма также возвели колонны в честь огня и ветров. Полусферическое Медное море, поддерживаемое четырьмя группами по три быка, смотрящими на четыре стороны света, символизировало великого Быка весеннего равноденствия и в Тире было посвящено Астарте, храм которой, по свидетельству Иосифа, был возведен Царем Хирамом. Богиня эта обычно изображалась в бронзовом шлеме с эмблемой быка. Трон Соломона, поддерживаемый львами и с поручнями в виде быков, также являлся символом весеннего равноденствия и летнего солнцестояния.

Макробий пишет, что солнцепоклонники Фракии возвели своему солнечному богу Саба-Зевсу (Сабазию) – греческому Вакху – храм на горе Салмидесской, который был круглым в плане – как Земля и Солнце. Круглое отверстие в крыше пропускало внутрь лучи света, таким образом обеспечивая присутствие солнечного бога в храме во время посвященных ему церемоний; и он сиял там точно так же, как в своей небесной обители, рассеивая тьму святилища, олицетворяющую земной мир. Там проходили Мистерии страстей, смерти и воскресения Вакха.

Через окно в крыше освещался и храм Элевсинских Мистерий. Освещенное таким образом святилище Дион уподобляет Вселенной, от которой он отличается, по его мнению, только размерами; во время празднования этих Мистерий огромное значение имели также аллегорические изображения великих светочей Природы. Там присутствовали изображения Солнца, Луны и Меркурия (который был тем же самым богом, что и Анубис, спутник Исиды); и в наше время они присутствуют в масонской ложе за тем только исключением, что Меркурий у нас заменяет, как это ни глупо, Досточтимый Мастер Ложи.

Евсевий называет главными служителями Элевсинских Мистерий, во-первых, *Иерофанта,* облаченного в одежды Демиурга, то

есть Великого Строителя Вселенной; во-вторых, *Дадука,* или факелоносца, олицетворявшего Солнце; и в-третьих, *Иерокерика,* олицетворявшего Меркурий и несшего в руке кадуцей. Посвященным строго воспрещалось сообщать какие-либо подробности посвящения в Мистерии и вообще религиозного служения профанам, а поэтому нам совершенно не известно, во что были облачены, какими другими атрибутами обладали и какие обязанности выполняли эти первосвященники. Даже Апулей и Павсаний не нашли в себе душевных сил написать об этом.

Нам известно только, что все церемонии мистериального культа поражали своим великолепием; все в них было нацелено на то, чтобы поразить, удивить и напугать профана, воздействуя на него через зрение и слух. Иерофант, огромного роста, с длинными волосами и благородными чертами лица, старый, мрачный и несколько не от мира сего, со звучным и мелодичным голосом, в царских одеждах восседал на троне, воплощая бога вечного движения Природы. От остальных его отгораживала завеса вечной тайны, которую никто из смертных не имел права приподнять. Даже имя его скрывалось от всех прочих, как Неизрекаемое Имя Демиурга.

Дадук также был облачен в длинные одежды, у него были длинные волосы, а на голове – ритуальная повязка. Каллия, занимавшего этот пост и захваченного в плен во время битвы при Марафоне, варвары приняли за царя, потому что он был облачен во все регалии своего титула. Дадук обычно возглавлял шествие кандидатов на посвящение и проводил их ритуальное очищение.

Нам неизвестно, какие функции выполнял *Эпибом,* или алтарный прислужник, воплощавший Луну. Эта планета считалась одной из обителей человеческих душ и одними из двух великих врат, через которые они восходили на Небо и нисходили обратно на Землю. За проход душ через великие врата обычно отвечал Меркурий, потому что он находился фактически прямо посредине их пути от Солнца к Луне. Он или пропускал их, или запрещал им следовать далее, в зависимости от степени их внутренней чистоты, поэтому Иерокерик, или священный Вестник, воплощавший Меркурий, обязан был следить за тем, чтобы в храм Мистерий не допускались профаны.

Те же самые должности исполняли жрецы Исиды, судя по описанию, представленному Апулеем. Облаченные в белые льняные одежды, тесно обтягивающие грудь и доходящие до самой земли,

все они выходили строго организованной процессией: первый нес светильник в форме корабля, второй – жертвенник, третий – золотую пальмовую ветвь и кадуцей. Они играли те же роли, что и жрецы Элевсинских Мистерий, следовавшие по должности за иерофантом. За ними шел четвертый жрец с поднятой вверх раскрытой ладонью левой руки, поливающий землю молоком из золотого сосуда в форме женской груди. Его раскрытая рука символизировала равенство и справедливость, а разлитое молоко – нашу галактику Млечный Путь, по которой восходили и нисходили души. Далее шли еще двое жрецов, у которых в руках были опахало и сосуд с водой, символизирующие очищение душ воздухом и водой; третье очищение – землей – символизировало обрабатывающее землю животное, то есть корова или бык, которых вел еще один жрец.

Затем шли носильщики, державшие на плечах ковчег с детородными органами Осириса, или, возможно, обоих полов – символами зачинающей и порождающей сил Природы. По египетской легенде, Тифон, разрубив тело Осириса на множество кусков, бросил его детородный орган в Нил, где его сожрали рыбы. Аттис оскопил сам себя, как поступали впоследствии и его жрецы; Адонис утратил орган размножения, будучи жестоко ранен диким вепрем,– и все это были символы утраты Солнцем его живительной и всепорождающей силы в день осеннего равноденствия и начала его нисхождения в область зимней тьмы. Здесь стоит вспомнить о скорпионе, на древних барельефах жалящего Быка весеннего равноденствия в детородный орган.

Затем шел, пишет Апулей, «жрец, несший, прижав к груди, нечто радовавшее душу несущего, достойное всяческого поклонения изображение Верховного Бога, не похожего своим видом ни на человека, ни на домашнюю скотину, ни на птицу, ни на дикого зверя,– ни на какое живое существо; возвышенное творение, достойное поклонения по своей новизне и непохожести ни на что в мире; чудесный, неописуемый символ религиозных Мистерий, созерцать который следовало в полной тишине. Был это небольшой сосуд червленого золота, искусной работы, круглый в основании, сплошь покрытый египетскими иероглифами. Горлышко его было вытянуто не вверх, а в сторону, напоминая очертаниями длинный желоб; на другой его стороне была рукоятка, также вытянутая в сторону и увенчанная изображением свернувшегося кольцами аспида, высоко поднявшего свою отвратительную морщинистую голову».

Священный василиск, эмблема царской власти фараонов, часто встречается среди украшений памятников древности именно в таком виде, то есть в виде змея, свернувшегося в кольца и поднявшего вверх голову. Василиск был Фениксом змеиного племени, а сосуд, скорее всего, представлял собой такую же точно вазу в форме огурца, с длинным горизонтальным носиком, из какой жрецы на древних египетских стенных росписях поливают фараонов *скипетрами* и тау-крестами (*crux ansata*).

Кандидатов на посвящение в Мистерии Митры принимали в пещере, также символизирующей мироздание. По свидетельству Евбула, первым начал проводить посвящения в пещерах Зороастр. На Крите пещеры освещали в честь Юпитера; в Аркадии – в честь Луны и Пана; на острове Наксосе – в честь Вакха. Персы устанавливали в пещерах, посвященных Митре, престол этого бога, Отца Порождающего, Демиурга, рядом с точкой, куда Солнце бросало свет в день весеннего равноденствия, так, чтобы север был от него по правую руку, а юг – по левую.

Порфирий пишет, что Митра управляет равноденствиями, восседая на быке – символическом атрибуте Демиурга – с мечом в руках. Равноденствия считались древними народами великими вратами, сквозь которые души проходят из полушария света в полушарие тьмы и обратно. Мимо этих врат также проходила дорога Млечного Пути, и древняя теология именовала его Дорогой Душ. По мнению Пифагора, именно из человеческих душ состоит эта сияющая небесная тропа.

Порфирий пишет также, что путь душ, их постепенное продвижение по мирам, пролегает через многие звезды и планеты; в пещере митраических посвящений были представлены не только символы зодиакальных и иных созвездий, четверо врат зодиакальных же равноденствий и солнцестояний, через которые души проникают в сотворенный мир и покидают его, странствуя между обителями света и тьмы, но и семь планетарных сфер, через которые душам необходимо было пройти во время нисхождения с небес, усыпанных недвижимыми звездами, в мир земных стихий; эти семь сфер были представлены в виде соответствующих им семи дополнительных врат, через которые души также обязательно должны были пройти.

Об этом, по свидетельству Оригена, писал Цельс, утверждавший, что аллегорическим изображением этого блуждания душ среди звезд и планет была лестница, стоявшая на земле, состоявшая из семи ступеней, представленных семью вратами, и достигавшая

небес своей верхней площадкой – восьмой ступенью, символизирующей звездное небо. Первыми вратами, говорит Цельс, были врата Сатурна – свинцовые, тяжесть которого символизировала медленное и тягостное прохождение душами своего небесного пути. Вторые – врата Венеры – были медными, что символизировало ее мягкость и подвижность. Третьи – врата Юпитера – бронзовыми, в знак стабильности и суровости. Четвертые – врата Меркурия – железными, в знак усердия и непрерывной активной деятельности. Пятые – врата Марса – жестяными, в знак неравенства и изменчивости. Шестые – врата Луны – серебряными, а седьмые – врата Солнца – золотыми. Этот порядок планет не соответствует их действительному астрономическому расположению: он носит символический, мистериальный характер, как и порядок дней недели, названных в честь этих планет, потому что открывается неделя субботой и *заканчивается* воскресеньем, а порядок, таким образом, становится обратным[5]. Это продиктовано, полагает Цельс, некими внутренними гармоническими межпланетными соотношениями.

Таким образом, становится очевидным существование глубокой внутренней связи между священной наукой Мистерий и древними астрономией и физикой; величественные храмовые церемонии являлись отображением процессов, происходящих в видимой Вселенной, то есть аллегориями самой Природы, которые обволакивали душу посвящаемого, как это происходило с ней во время прохождения через семь планетарных врат и врата солнцестояний и равноденствий при нисхождении по Млечному Пути в сферу материальных проявлений. Но вместе с тем Мистерии представляли кандидату в виде воспринимаемых его чувствами образов невидимые силы, управляющие движением Вселенной, а также добродетели, личные качества и силы материального характера, поддерживающие существование и функции мироустройства. Об этом также пишет Порфирий.

Мир, по мнению древних философов, был не просто материальной сущностью, чем-то вроде механизма или машины. Великая первичная Душа, пронизывающая все материальные вещи, одухотворяла все члены гигантского тела Вселенной; соответственно, столь же величественный Разум управлял всеми процессами в ней, повсеместно поддерживая высшую гармонию. Посему единство Вселенной, воплощенное в символическом Яйце, содержало в себе, строго говоря, два единства – Души и Разума, пронизывавших все

вселенские составляющие; для Вселенной, считавшейся древними живой и одухотворенной, они были тем же, чем являются для отдельно взятого человека его душа и разум.

Доктрину единства Бога, в этом смысле, проповедовал и Орфей. Доказательством этого являются его гимны – палиноды, – отрывки из которых часто цитируют Отцы Церкви, например, Юстин, Татиан, Клемент Александрийский, Кирилл и Феодорет, а Евсевий в своих трудах приводит их целиком со слов Аристовула. Учение о Логосе (Слове), или Нусе (Разуме), его воплощении, смерти и воскресении, о его соединении с материей и разделении в материальном мире, преодолев которое он возвращается в свой первичный Союз, – короче говоря, вся теория происхождения и странствий души проповедовалась Мистериями, лежа в основе их доктрин.

Император Юлиан толкует Мистерии Аттиса и Кибелы, исходя из того же метафизического принципа существования Разума Демиурга, Его нисхождения в материю и Его возвращения к Своему Истоку, – а потом переносит это объяснение также и на Мистерии Цереры. Точно так же поступает Саллюст, признающий в Боге вторую разумную силу, нисходящую в порождающую материю, чтобы организовать ее. Мистические идеи формировали органическую составную часть священной доктрины и церемоний посвящения, целью которых, как пишет Саллюст, было воссоединить человека со всем миром и Богом, а по Клементу Александрийскому, их окончательным итогом было достижение совершенства путем наблюдения и размышления над Природой, причинами и следствиями и живыми существами. Определение Саллюста верно. Мистерии считались средством совершенствования души, познания человеком собственного достоинства и высокого предназначения, а также собственного бессмертия и, следовательно, тесной связи со всем миром и с Богом.

Под *живыми* существами в действительности понимались существа *незримые,* то есть *гении,* природные *силы* или *вестники,* не принадлежащие к *зримому* миру, именуемому, напротив, миром *кажущимся.* Мысль о существовании гениев, или воплощенных природных сил, входила в священную науку посвященных, разыгрывавших в лицах сцены из мифов, посвященных этим стихиям, в своих святилищах. Она была основана на вере в провидение и опеку со стороны богов, которая была краеугольным камнем инициатического ритуала. Вселенная доверена Всевышним Богом

для управления низшим гениям-посредникам, распределяющим в ней Добро и Зло в соответствующих пропорциях: таково было учение, наставление в котором проводили жрецы Мистерий Митры, демонстрировавшие кандидату гигантское яйцо, битву за которое неустанно вели между собой Ормузд и Ариман, на службе у каждого из которых состояло по двадцать четыре гения, ответственных за распределение Добра и Зла и находящихся в подчинении у шести старших богов на стороне Добра и шести – на стороне Зла.

Учение о гениях – хранителях Всевышнего Провидения – было тесно связано с Мистериями древности и одинаково принято и греками, и варварами. Плутарх говорит, что боги приказывают своим гениям-посредникам помогать людям в церемониях, которые они сочли достойными своего участия, и отмерять соответствующей мерой награды и кары людям, проводящим их. Таким образом, по теологии древних, «изобретателями» греха и зла, страданий и пороков становились именно силы, или вторичные принципы, посредники и вестники Всевышнего Бога, а не Он Сам; а эти силы могли, как и люди, быть разными по характеру и природе, то есть как добрыми, так и злыми; кто-то из них принадлежал к небесным богам, архангелам и ангелам, а кто-то – к богам подземного мира, падшим ангелам и демонам.

Во главе последних стоял их князь – Ариман, Тифон, или Шайтан, – Первопринцип Зла, который вечно вносит беспорядок и горе в Природу, является главной причиной всех страданий и пороков человека на суше и на море, порождает болезни, и в конце времен понесет за все это заслуженную кару. Именно эти события, утверждает Плутарх, Исида желала видеть отраженными в Мистериях, учрежденных ею в память о своих странствиях и страданиях, проводимых ее жрецами в святилищах, одновременно поощряя посвящаемых к раздумиям и вселяя в их сердца мир и покой, несмотря на все жизненные трудности. Учение о Божественном Провидении, управляющем миром и человеком через природных гениев, или стихии, являющиеся также посредниками человека в его связи со Всевышним, было освящено Мистериями древних египтян, фригийцев, фракийцев, магов и учеников Зороастра, что явно следует из их инициатических ритуалов, в которых перемешивались праздничные и погребальные мотивы. Одним из главных уроков, который посвященные должны были извлечь из ритуала посвящения, было понятие о связи их собственных душ с Вселенской Природой;

это был высочайший урок, возвышавший самосознание человека и указывавший ему его истинное место в материальной Вселенной.

Таким образом, глазам инициированного представала вся Вселенная во всех своих материальных проявлениях, а пещера, являвшаяся ее символом, была украшена эмблемами всех вещей, содержащихся во Вселенной. В этот мир, столь мудро организованный, являющийся местом обитания двух сил – активной и пассивной, разделенный между Светом и Тьмой, движимый живой и разумной Силой, управляемый гениями, или ангелами, царящими каждый в своей области и обладающими большей или меньшей степенью приверженности низменным принципам в зависимости от степени присутствия в них материи, – в этот мир нисходит душа, эманация вечного огня, временно изгнанная из сияющей небесной обители. Она опускается в этот мир материи, в котором вечно воюют между собой два основополагающих принципа, каждый из которых окружают свои собственные гении, – нисходит для того только, чтобы принять одну или несколько более или менее организованных телесных форм, которым суждено стать для нее тюрьмой до тех самых пор, пока она не вернется наконец к своему Истоку, по отношению к которому она находится в изгнании на протяжении всей своей жизни на Земле.

Но одно в ней осталось неизменным, дабы обеспечить ей свободное прохождение через семь планетарных врат и возвращение к Истоку. Это небесный огонь, являющийся, как говорят философы, душой мира и огня материального, вселенский принцип, пронизывающий Небеса и всё выше них, в бесконечно сияющей и неимоверно чистой сфере, – принцип, сам по себе чистый, простой и лишенный всяческих примесей, возвышенный над всем миром в своем неземном сиянии. Если какая-либо его часть нисходит на Землю (скажем, человеческая душа), она поступает так вопреки своей природе, побуждаемая неисповедимым решением высшего Разума, бесконтрольной любовью к материи, которая, собственно, и побуждает ее снизойти с небес, чтобы обрести знание того, что именно происходит в материальном мире – месте вечного конфликта Добра со Злом. Душа, простая и неделимая субстанция, являющаяся в условиях отсутствия материальных проявлений лучом Божественного Огня, источник которого – в Небесах, даже пребывая в материальном теле, постоянно стремится возвратиться к этому Истоку, и в конце концов возвращается к Нему.

Наставляя в этой идее, жрецы Мистерий стремились вернуть человеку представление о его Божественном происхождении и указать путь к возвращению его души к небесному Истоку. Великая наука, в которой они наставляли посвященных, была, в первую очередь, наукой самопознания, высокого предназначения человека в этом мире, его величия и превосходства над животными, никогда не способными обрести подобное знание, но на которых он, между тем, становится так похож, если не размышляет над своим бытием и не погружается мысленным взором в глубины собственной души.

Страдая и действуя, практикуя добродетели, почитая Бога и творя добро, душа в конце концов освобождается от оков тела и восходит по Млечному Пути, через врата Козерога и семь сфер в те области, откуда она вследствие многих своих прегрешений, несовершенства и низменности, была в свое время низвергнута. Таким образом, вся теория об этих сферах, их знаках и правящих ими разумах, вся система древней астрономии неразрывно были связаны с учением о душе и ее странствиях; и в таком виде они преподавались жрецами Мистерий, в наставлениях которых и получили первое развитие основополагающие принципы физики и метафизики, касающиеся бессмертия души, ее положения здесь, в материальном мире, ее предназначения и ее будущего.

Греки утверждали, что Элевсинские Мистерии были учреждены в Афинах в 1423 г. до н.э. в правление Эрехтея. Некоторые авторы, между тем, полагают, что их учредила сама Церера; Диодор Сицилийский считает, что учредил их некий царь, пришедший в Грецию из Египта. По еще одной версии, в Греции их учредил Орфей, одновременно с Дионисийскими Мистериями, взяв за образец для вторых Мистерии Осириса, а для первых – Исиды.

Мистерии Исиды, «превращенной» здесь в Цереру, праздновались не в одних только Афинах. Беотийцы поклонялись Церере Великой, или Кабирийской, в священных пещерах, куда вход был закрыт для всех, кроме прошедших посвящение, а свершавшиеся там обряды и учение этих Мистерий теснейшим образом были связаны с ритуалами и учением самофракийских кабиров.

Точно так же и в Аргосе, Фокисе, Аркадии, Ахее, Мессине, Коринфе и многих других областях Греции праздновались разнообразные Мистерии, хотя во всех них отчетливо прослеживалось египетское происхождение, а основы учения и ритуалов были повсюду одина-

ковыми; Элевсинские Мистерии, пишет Павсаний, с древнейших времен во всей Греции считались настолько же превосходящими все прочие Мистерии, насколько боги превосходят героев.

Такими же были и Мистерии Доброй Богини (Bona Dea), истинное имя которой не было дозволено знать и произносить никому, как пишут и Цицерон, и Плутарх; их, по легенде, праздновали в Риме с самого дня его основания. В Мистериях этих принимали участие одни лишь женщины до тех пор, пока их тайну не нарушил Клодий. Празднества проводились в Майские календы, и Плутарх пишет, что многие их церемонии напоминали Мистерии Вакха.

Мистерии Венеры и Адониса праздновались практически только в Сирии и Финикии, откуда они и проникли в Грецию и на Сицилию. Венера и Астарта были великими женскими божествами Финикии, Верховным Богом которой был Геркулес, Малкарт, или Адонай. Адонай, которого греки именовали Адонисом, был возлюбленным Венеры. Когда он умер от раны в бедро, нанесенной диким вепрем во время охоты, из его крови вырос цветок анемон. Венера выпросила тело возлюбленного у Юпитера вместе с обещанием верховного бога позволить Адонису полгода проводить с Венерой на Земле, а вторые полгода – в царстве теней, обители Прозерпины; все это аллегории пребывания Солнца в течение полугода в одном полушарии и полугода – в другом. В этих Мистериях обыгрывалась и оплакивалась гибель Адониса, а завершались они празднеством по случаю его воскресения и возвращения на небо.

Иезекииль описывает празднества в честь Адониса, говоря о церемониях Таммуза (Фаммуза), ассирийского божества, которого каждый год оплакивали женщины, сидя у дверей своих жилищ. Эти Мистерии, как и другие, праздновались весной, в день весеннего равноденствия, когда, по легенде, воскресал молодой бог; в год их учреждения Солнце (Адон, то есть Господин, или Господь) пребывало в знаке Тельца – обители Венеры. Адонис изображался с рогами, а Орфей именует его в своем гимне не иначе как «двурогим богом»; в то же время в Аргосе Вакха изображали с ногами быка.

Плутарх пишет, что Адон и Вакх считались одним и тем же богом, основывая свое утверждение на многочисленных сходствах между учениями и церемониями Мистерий этих богов.

Мистерии Вакха также назывались празднествами Сабазия, Орфея и Диониса. Среди греков они были известны с незапамятных времен, и многие полагали их учредителями самих Вакха или Орфея.

Сходство церемоний, проводившихся в честь Осириса в Египте и в честь Вакха в Греции, единство мифологической традиции, повествующей об этих богах, и символы, использовавшиеся как в одной, так и в другой традиции, – все говорит в пользу общего их происхождения. И само имя Вакха, и слово *«оргия»,* которым именовались празднества в его честь, и священные слова церемоний, – все они не греческого, а иного происхождения. Вакх был восточным богом, и его Мистерии возникли на Востоке задолго до того, как были перенесены на греческую почву. Еще в незапамятные времена ему поклонялись в Индии, Аравии и Бактрии.

В Греции ему поклонялись во время всенародных празднеств, простых и более сложных мистериальных церемоний, которые различались в разных областях страны, что вполне естественно, если принимать во внимание, что в них эти Мистерии проникали из разных стран и в разное время. Участники сложных мистериальных церемоний зачастую не имели никакого представления о значении большинства употребляемых ими слов и большинства почитаемых ими зримых символов. Например, в Мистериях Сабазия (от «Саба-Зевс» – восточного имени Верховного Бога) широко употреблялись слова «эвоэ» и «сабоэ» – совершенно очевидно не греческие; на грудь посвященному бросали золотого змея, тем самым напоминая ему миф о том, что Зевс обратился в змея, дабы соединиться с Прозерпиной и породить Вакха-Тельца; отсюда происходит и загадочная фраза, сообщаемая посвященному, гласящая, что бык породил змея, или дракона, а тот, в свою очередь, породил быка, ставшего Вакхом. Смысл ее состоял в том, что Бык (Телец, открывавший в то время зодиакальный цикл в день весеннего равноденствия, в каковом знаке в тот день пребывало Солнце, изображавшееся в виде самого этого знака и бывшее Вакхом, Дионисом, Саба-Зевсом, Осирисом и т. д.) и Змей – другое созвездие – так взаимно расположены на небосклоне, что когда восходит один из них, другой опускается за горизонт, и *наоборот*.

Змей был одним из основных символов Мистерий Вакха. Посвящаемые брали их в руки, как на изображении Орфиука на земном шаре, одновременно с ними это делал орфеотелест, жрец, проводивший очищение кандидатов, и все восклицали, как Эсхин, возглавляющий в произведении Демосфена процессию женщин, которых его матери предстояло посвятить в Мистерии: «Эвоэ! Сабоэ! Хайе Аттэ, Аттэ Хайе!».

Посвященные в эти таинства сохранили церемонии и ритуал, которые, по всем признакам, относятся к древнейшим временам, к обычаям первых людей на Земле. Там следовали правилам, установленным Пифагором. Как и египтяне, полагавшие шерсть нечистой, посвященные в эти Мистерии не хоронили своих покойников в шерстяных одеждах. Они воздерживались от кровавых жертвоприношений; они даже питались только растительной и минеральной пищей. Всем своим поведением они подражали последователям медитативных сект Востока, тем самым стремясь приблизиться своей жизнью к первым людям Земли, жившим – кроме случаев совершения преступлений и природных катаклизмов, – в полном покое и совершенном мире. Одним из главных преимуществ, которые получал посвященный после инициации в эти Мистерии, было воссоединение с богами путем очищения души от всех страстей, лишающих радости, замутняющих потоки божественного Света, устремленные к каждой душе, готовой принять его. Одна из степеней посвящения в эти таинства требовала от посвященного сперва обрести божественное Откровение. Посвященные в Мистерии Агнца во фригийской Пепузе также должны были в обязательном порядке обретать божественное Откровение и пророчествовать; считалось, что посредством этих церемоний душа, очищенная от всякой нечистоты, обретала способность лицезреть богов не только в новой жизни после физической смерти, но и в земной жизни.

Священные врата храмов, в которых проходило посвящение в эти Мистерии, отворялись только раз в год и только для посвященных: ни один профан никогда не проникал в них. Ночь набрасывала свое покрывало на справление священных Мистерий, раскрыть таинства которых нельзя было никому в мире. Там разыгрывались живые картины страданий Вакха, который, подобно Осирису, погиб, снизошел в Ад, а потом воскрес к новой жизни; каждый посвященный получал кусок сырого мяса, которое съедал в память о гибели своего бога, растерзанного на куски титанами.

Эти Мистерии праздновались в день весеннего равноденствия. Главным их символом была эмблема плодородия, живительной энергии и порождающей силы Божества. Посвященные были увенчаны гирляндами из миртовых и лавровых листьев.

Перед посвящением в Мистерии аспирант в течение трех дней и трех ночей пребывал в полной тьме и страхе; после этого его заставляли принять участие в церемонии ἀφανισμός (афанизма),

символизировавшей смерть Вакха – того же самого мифологического персонажа, что и Осирис. Сначала его запирали в маленькой и темной келье, в которой ему предстояло серьезно поразмыслить над тем, что он собрался предпринять; он должен был внутренне приготовиться к обретению древнейших истин и откровений первобытных теологии и философии. Это была его символическая смерть, после которой он становился основным действующим лицом церемонии собственного воскресения к новой жизни, после которой его начинали именовать διφυής, то есть дважды рожденным. Еще пока он пребывал в запертой келье, до его слуха доносился звук разыгрываемых жрецами сцен погони Тифона за мертвым телом Осириса и спасения последнего Реей, или Исидой; посвященные громогласно выкликали древние санскритские имена божеств. Затем объявлялось, что тело найдено; и кандидата тут же выпускали на волю, окруженного танцующей и радостно поющей и кричащей толпой посвященных.

После этого его проводили по символическим Элизию и Аду. «Затем,– пишет древний автор,– их развлекали пением гимнов и танцами, им сообщали возвышенное учение священной науки и показывали удивительные и поучительные картины. Теперь, когда они были посвящены и тем обрели совершенство, они становились свободны, и ничто более не стесняло их волю; они бывали увенчаны венками триумфаторов, они ходили, где хотели, в обители чистых и совершенных, беседовали со святыми мудрецами и радовались священным Мистериям, сами будучи чисты и достойны участия в них». Их обучали происхождению и цели Мистерий, опознавательным знакам и словам. Они получали звание *эпоптов,* которым были ведомы истинная природа и свойства Божества и наука о Жизни Грядущей; их знакомили с учением о единстве и истинных свойствах Великого Строителя Вселенной и истинном значении древних мифов и притч, якобы повествующих о многочисленных языческих божествах; им помогали усвоить великую изначальную формулу: «Зевс есть изначальный Источник всех вещей; Он есть единый Бог, единый Сила и единый Закон для всех и вся». Затем им предлагали толкование всех окружавших их многочисленных символов и эмблем, а потом отпускали, напутствуя словами κογξ (конгс) и ομπαξ (омпакс), иначе говоря, варварски искаженной санскритской формулой *«Канкша Ом Пакша»,* то есть *«объект желаний, Бог, молчание»,* или *«Молитесь Богу в тишине».*

Среди множества символов этих Мистерий выделялся посох Вакха, который он, по легенде, однажды бросил на землю, и тот превратился в змея; в другой раз он ударил им в берега рек Оронт и Гидасп – и воды их расступились, а он прошел между ними сухим. Воду в ходе церемонии добывали, высекая ее этим посохом из скалы. Вакханцы увенчивали свои головы змеями, носили их в руках, в корзинах и вазах, а по обретении (ευρεσις – «эурез») тела Осириса бросали живую змею на грудь посвящаемому.

Фригийские Мистерии Аттиса и его возлюбленной Кибелы и внешне, и внутренне очень напоминали Мистерии Осириса и Исиды, Адониса, Вакха. Повсеместно признается их азиатское происхождение, хотя Фригия зачастую оспаривала эту версию, стремясь вырвать пальму первенства у Египта. Фригийцы в большей степени, чем все остальные народы, смешивали ритуальные аллегории с истинным учением мистериальной религии, порождая множество дополнительных мифов и притч; поэтому даже внутри одной страны традиции поклонения Аттису и Кибеле, по общему мнению, исконным божествам Фригии, различались кардинальным образом от области к области. Насколько можно судить по трудам Юлия Фирмика, в этих Мистериях в аллегорической форме представлялись природные явления, а их священная история была повествованием о природных силах и их взаимодействии в материальном мире.

Мистерии открывались в дни равноденствий жалобными криками, плачем, воплями и траурными церемониями в память о погибшем Аттисе, а венчали их торжества в честь его воскресения.

Мы не будем приводить здесь различные версии легенды о гибели и воскресении Аттиса и о его возлюбленной Кибеле, пересказываемые Юлием Фирмиком, Диодором, Арнобием, Лактанцием, Сервием, Блаженным Августином и Павсанием. Достаточно будет привести здесь основные события легенды.

Кибела, фригийская княжна, изобретшая музыкальные инструменты и танцы, влюбилась в молодого красавца Аттиса; впоследствии или он сам в припадке помешательства оскопил себя, или это сделала с ним она в припадке ревности; потом он умер, а затем воскрес, как Адонис. В общем и целом, это та же самая финикийская история о страданиях солнечного бога, только пересказанная другими словами, при помощи иных символов и иных имен.

Кибеле поклонялись в Сирии под именем Реи. Лукиан пишет, что сам лидийский Аттис построил первый храм в ее честь и учредил

ее Мистерии в Сирии. Имя Реи также можно обнаружить в трудах древнего финикийского философа-космолога Санхониафона. Именно Аттис Лидийский, продолжает Лукиан, учредил после своего оскопления Мистерии Реи и научил народы Сирии, Лидии и Самофракии соответствующим церемониям. Рея, как и Кибела, чаще всего изображалась на колеснице, влекомой львами, увенчанная цветами и с барабаном в руках. По Варрону, Кибела была богиней земли. Ее образ послужил основой для создания образов Венеры, Минервы и Селены (Луны), Дианы, Немезиды и фурий; она была украшена драгоценными камнями, а ее старший жрец облачался в пурпурную мантию и золотую тиару.

Также в день весеннего равноденствия устраивались великие празднества в честь сирийской Великой Богини и римской Матери Богов. Тогда же праздновались и Мистерии Аттиса, в ходе которых посвященных наставляли в обоснованности их надежд на вознаграждение после физической смерти; им рассказывали о бегстве Аттиса от ревнивого гнева Кибелы, о том, как он скрывался в пещере высоко в горах и как он в припадке безумия оскопил сам себя; жрецы Аттиса повторяли вслед за ним этот ужасный ритуал. Представление страстей Аттиса продолжалось в течение трех дней; первый проходил в стонах и плаче, а потом начиналось радостное празднество, во время которого, по словам Макробия, осуществлялось поклонение Солнцу под именем Аттиса. Все церемонии носили аллегорический характер, и некоторые из них, по мнению императора Юлиана, можно было как-то объяснить, а остальные навечно остались покрытыми пеленой таинственности. Таким образом, символы пережили свои толкования, как часто случалось и в масонстве; на место утраченных толкований Невежество и Суеверие не замедлили предложить новые, изобретенные самостоятельно.

По другой легенде, пересказанной Павсанием, Аттис, подобно Адонису, погибает от раны, нанесенной ему во время охоты диким вепрем в детородные органы. Что примечательно, практически все легенды о солнечном боге заканчиваются именно таким его ранением. Аттису была посвящена сосна, под которой, в соответствии с легендой, он умер; ее изображали на памятниках, посвященных этому богу, вместе с быком и бараном, первый из которых был знаком Солнца, а второй – Луны.

Поклонение Солнцу под именем Митры было также широко распространено в Персии, откуда, собственно, и происходит это имя

солнечного бога, как и многочисленные символы его культа. Огнепоклонники персы почитали Солнце как сиятельный Источник живительной энергии этой стихии, дарующей жизнь Земле и пронизывающей всю Природу, душой которой она является. Эти Мистерии проникли из Персии в Армению, Каппадокию и Киликию, и только потом – через много лет – в Рим. Но в имперской столице Мистерии Митры пользовались гораздо большей популярностью, чем все остальные. При императоре Траяне они даже стали претендовать на роль государственной религии. Адриан, напротив, запретил отправление этих Мистерий, потому что, по его мнению, в их церемонии входило разыгрывание слишком жестоких и кровавых сцен; действительно, в то время в этих Мистериях практиковались человеческие жертвоприношения, и жрецы предсказывали будущее по пульсирующим внутренностям жертвы. Мистерии Митры возобновились с еще большими торжественностью и блеском при императоре Коммоде, который самолично приносил Митре жертвы, и еще шире они распространились при Константине и его наследниках, когда жрецы Митры жили по всей Римской империи, а их храмы и монументы с изображением солнечного бога можно было встретить даже в Британии.

Митре посвящали пещеры, украшенные многочисленными астрономическими эмблемами, а кандидаты на посвящение подвергались жестоким и кровавым испытаниям.

Персы не возводили храмов: они поклонялись Солнцу на вершинах холмов, где строили некие сооружения без крыш из неотесанных камней. Они отвергали видимые изображения, считая воплощением своего бога только Солнце и огонь. Иудеи позаимствовали у персов эту идею, и их Бог являлся Аврааму в языках пламени, как и Моисею – на горах Хорив и Синай.

Митра, воплощенный в Солнце, был для персов незримым богом, Отцом Вселенной, Утешителем. В зороастрийских пещерах инициаций над головой кандидата висели изображения Солнца, планет и знаков Зодиака из золота и драгоценных камней. Солнце изображалось произрастающим из спины Тельца. Свод пещеры поддерживали три колонны – Вечность, Плодородие и Власть; вместе они служили символом Вселенной.

Зороастр, как и Моисей, утверждал, что беседовал с Богом лицом к лицу, как с человеком, что получил от Него наставление в отправлении чистого, истинного культа, передавать которое можно

было только достойным и добродетельным людям, посвятившим свою жизнь изучению философии. Слава его распространилась по всему миру, и к нему потянулись ученики из всех стран, даже Пифагор был его учеником.

После ритуального очищения и первых наставлений кандидата допускали в пещеру инициаций, где его встречал служитель, упиравший острие меча в левую сторону его груди, часто даже нанося легкую рану. Потом, увенчанный оливковыми ветвями и помазанный священным бальзамом, достаточным образом приуготовленный к таинству, кандидат претерпевал очищение водой и огнем на семи ступенях посвящения. Эти семь стадий посвящения символизировала винтовая лестница с семью пролетами ступеней. Проходя по ней, кандидат подвергался многочисленным испытаниям, из которых основным было испытание полной темнотой. Проходя по лестнице, он лицезрел страдания грешников в Гадесе, а потом выходил из тьмы на свет. Он оказывался в помещении, воплощавшем Элизий, где его встречали исполненные радости, сияющие посвященные во главе с архимагом, облаченным в голубые одежды, принимавшим у кандидата обязательство хранить тайну посвящения и доверявшим ему священные проходные слова, главным из которых было Священное Неизрекаемое Божественное Имя.

После этого ему истолковывали все происходившее с ним в ходе посвящения, объясняли, что посредством этих церемоний он приблизился к Божеству, что отныне главным объектом его поклонения должен стать священный Огонь, божественный дар и зримое обиталище Бога. Ему передавали священные знаки, ведомые только посвященным и рассказывали о сотворении мира и истинном философском смысле вульгарной народной мифологии, особенно мифа об Ормузде и Аримане, о священных Амешаспента, сотворенных Ормуздом. Это были *Баман* (Вохуман) – Господь Света, *Ардибехест* (Аша-Вахишта) – Гений Огня, *Шаривар* (Кшатра-Варью) – Господь Сияния и Металлов, *Стапандомад* (Спента-Армаити) – Источник Плодородия, *Хордад* (Хаурват) – Гений Воды и Времени и *Амердад* (Амертат) – Защитник Растительного Мира, первоисточник роста и плодоношения. И наконец, ему рассказывали о природе Верховного Божества, Творца Ормузда и Аримана, Абсолютной Первопричины, почитаемой под именем Зерван Ахерон.

В Мистериях Митры было несколько степеней посвящения. По Тертуллиану, первая из них называлась «Воин Митры». Посвяще-

ние в нее включало в себя показ кандидату венца на острие меча. Его подносили к лицу кандидата, а тот должен был отвергнуть его, говоря: «Митра – мой венец!» Затем его провозглашали истинным воином Митры, и он обретал право называть прочих посвященных товарищами (companions) по оружию или соратниками. Отсюда ведет свое происхождение такой же титул *«товарища»,* или *«компаньона»,* в степени Царственного Свода Американского Устава.

Затем, пишет Порфирий, кандидата допускали к посвящению во второй градус – степень Льва. На многих митраических монументах можно видеть изображение созвездия Льва, места пребывания Солнца и символа Митры. В Риме церемонии посвящения в эту степень называли «львиными» и «гелиотическими». Посвященного в Риме также зачастую именовали *корацием* или *иерокорацием,* то есть «вороном», потому что эта птица также была посвящена Солнцу, а зодиакальный знак Ворона располагался на митраических монументах под знаком Льва и рядом со знаком Гидры.

После этого посвященный бывал инициирован в следующую степень, адепты которой именовались *«персами»* и «детьми Солнца». Над ними стояли *«отцы»,* старший из которых титуловался «Отцом Усыновляющим» (*Pater Patratus*). Посвященные также именовались *«орлами»* или *«соколами»* – то есть птицами, посвященными Солнцу в мифологии Египта. Орел был символом бога Мендеса, а сокол – Солнца и царской власти.

На маленьком острове Самофракия долгое время праздновались собственные священные Мистерии, и греки со всех концов страны приходили туда, чтобы стать их адептами. Считалось, что Мистерии учредил древний народ пеласгов, первых азиатских колонистов в Греции. Боги, которым поклонялись посвященные в эти Мистерии, именовались КАБИРАМИ. Слово это восточного происхождения; оно происходит от корня *«кабар»,* означающего «величие». Варрон называет самофракийских богов *«могущественными»*. Имени Венеры в арабском языке соответствует имя *«Кабар»*. Варрон также пишет, что посвященные в эти Мистерии поклонялись великим богам неба и земли. Эти боги служили символами великих Активной и Пассивной Сил, или Первопринципов вселенского плодородия. Самофракийскими богами считались также близнецы Диоскуры – Кастор и Поллукс; а в «Схоласте» Аполлония приводятся слова Мнесия, который причисляет к числу этих богов Цереру, Прозерпину, Плутона и Меркурия, ставших самофра-

кийскими богами-кабирами под именами Аксиера, Аксиокерсы, Аксиокерса и Касмилла. Меркурий был – как и повсюду в древнем мире, – посланцем и вестником богов, поэтому детей – прислужников при жертвенниках и помощников в отправлении обрядов – называли «меркуриями», или «касмиллами», как называли их, например, в Тоскане этруски и пеласги, поклонявшиеся Великим Богам.

Тарквиний Этруск был посвящен в Самофракийские Мистерии; в Этрурии, как и в Самофракии, были свои собственные кабиры, потому что из своего истока эти Мистерии распространились по всей Этрурии, Фригии и Малой Азии. В Самофракию они пришли, скорее всего, из Финикии, потому что о кабирах упоминается даже у Санхониафона, а само слово *«кабир»* встречается в древнееврейском, финикийском и арабском языках.

В Мистериях Самофракии посвященные поклонялись Венере и Диоскурам – богам мореплавания. Их церемонии также включали в себя обряды поклонения созвездию Фаэтона. Во время путешествия аргонавтов Орфей как посвященный в эти Мистерии и даже их легендарный основатель при приближении бури посоветовал своим спутникам пристать к берегу Самофракии. Они сделали, как он посоветовал, и буря тут же прекратилась, а аргонавты прошли посвящение в Самофракийские Мистерии и отплыли далее, отныне убежденные в успехе своего предприятия, под эгидой Диоскуров – покровителей всех мореплавателей.

Но посвященным обычно обещали нечто гораздо большее. Самофракийские иерофанты полагали целью посвящения в свои таинства нечто неизмеримо большее, а именно совершенное самоотречение кандидата и посвящение им себя богу посредством ведения праведной и достойной жизни того ради, чтобы обрести после смерти физического тела обещанное богами вознаграждение в Жизни Грядущей. Именно это превыше всего остального делало их Мистерии величественными и божественными и вызывало к ним столь высокое повсеместное почтение и практически всенародное стремление к обретению посвящения в них. Именно из-за практиковавшихся там Мистерий остров Самофракия назвали *священным*. Таким считали его все народы древности. Даже римляне, уже управляя всем древним миром, оставили Самофракии некоторую автономию и ее законы. Она стала прибежищем всех обиженных и страдающих, нерушимой святыней и оплотом беженцев.

Бежавшие туда освобождались даже от обвинения в убийстве, если только оно не было совершено в храме.

Там проводили посвящения даже малых детей, которых облачали в священные пурпурные одежды и оливковые венки, после чего усаживали на престол рядом с остальными посвященными. Во время этих церемоний разыгрывались сцены гибели младшего из кабиров, умерщвленного братьями, затем бежавшими в Этрурию, унося с собой ковчежец с его отрезанными гениталиями; среди символов, которым поклонялись посвященные, были изображение священного фаллоса и ковчег. Геродот пишет, что посвященным в Самофракийские Мистерии было известно значение поклонения фаллосу и происхождение этого обычая. Клемент Александрийский утверждает, что это кабиры научили тосканцев поклоняться ему. Он был объектом поклонения также в Гелиополе Сирийском, где практиковались божественные Мистерии, во многом напоминавшие священные церемонии в честь Аттиса и Кибелы. Пеласги связывали этот символ с Меркурием; его изображение можно увидеть на монументах в честь Митры; повсюду он является символом всепорождающей силы Солнца и весеннего равноденствия.

В Мистериях Индии во время троекратного странствия кандидата вокруг места посвящения он каждый раз останавливался на Юге и произносил: «Я следую за Солнцем и повторяю его благословенный путь». В голубом масонстве сохранилась традиция троекратного странствия, но значение его давно утрачено, а состояло оно в воспроизведении кандидатом пути Солнца по небосклону и его захода на Юге в царство Злого Принципа – Аримана, Шивы[6], или Плутона (зимы и тьмы); там Солнце символически умерщвлялось, а через несколько дней воскресало из мертвых и начинало символическое странствие на Север.

Затем индийские посвященные оплакивали смерть Ситы[7] или гибель Камы, умерщвленного Ишварой и брошенного в реку в ковчеге, как Осирис и Вакх; во время этих церемоний кандидата пугали ужасными звуками и видениями.

После этого кандидат должен был воплотиться в Вишну и свершить аватары, или труды, или воплощения, этого бога. Ему в аллегорической форме сообщали легенду о Всемирном потопе: сначала он делал три шага, сводя ступни под прямым углом, что символизировало три огромных шага, сделанных Вишну в этой аватаре;

отсюда происходят три шага масонской степени Мастера, завершающиеся сведением ступней под прямым углом.

После прохождения девяти аватар посвященного наставляли в том, что вера превыше приношения жертв, что ему необходимо всегда творить добро, раздавать милостыню и умерщвлять плоть. После этого ему сообщали о пяти страшнейших преступлениях, и он брал на себя торжественное обязательство никогда не совершать их. После этого его допускали в помещение, представляющее собой Рай, где его встречали члены Ордена Посвященных в богатых одеждах, собравшиеся вокруг жертвенника с пылающим на нем огнем – символом Божества.

Ему давали новое орденское имя, облачали в белые одежды и тиару, сообщали ему опознавательные знаки, проходные слова и наставления соответствующего градуса. На лбу его рисовали крест, а на груди – перевернутый отвес, или тау-крест. Ему вручали священный шнур и многочисленные амулеты и талисманы. И наконец, ему сообщали Священное Слово, или Божественное Имя, известное только посвященным, – трехбуквенное А. У. М.

После этого посвященному объясняли все многочисленные эмблемы, которые он увидел во время инициации, а также сообщали тайны священных наук, скрытых за ними, равно как и различные добродетели, всего лишь воплощениями которых были разнообразные мифологические персонажи. Таким образом он познавал истинное значение обширной символики, которая для непосвященного оставалась всего лишь бессмысленным набором малопонятных фигур и плохо различимых звуков.

Третьей степенью посвящения становилось удаление от мира после того, как дети посвященного вырастали и становились способны сами зарабатывать себе на хлеб, а он уходил в лес и вел там жизнь отшельника, неустанно молясь и умерщвляя плоть, питаясь исключительно растительной пищей. Только тогда он, как считалось, воистину рождался заново.

Четвертая степень состояла в полном отрешении посвященного от этого мира, самосозерцании и самоистязании, посредством которых, в соответствии с учением этих Мистерий, достигалось полное совершенство и душа воссоединялась с Богом.

Теперь нам следует возвратиться ко второй степени, чтобы узнать, что при посвящении в нее кандидату рассказывали о единстве Бога, о познании Бога патриархами, уничтожении всего че-

ловечества во время Всемирного потопа, пустоте человеческого сердца в разлуке с Богом и необходимости самосозерцания для воссоединения с Ним, о нестабильности и шаткости людской жизни, конечном крахе всех тварей Божьих и их воскресении в этом мире, только в более совершенной форме. Им также рассказывали о бессмертии души, разъясняли суть учения о метемпсихозе, то есть переселении душ и вознаграждении или каре в будущей жизни; кроме того, ему сообщали, что грехи этой жизни возможно искупить только путем откровенного раскаяния, добровольного признания своих прегрешений и внутреннего изменения собственной природы, а не только путем совершения обрядов поклонения Богу и принесения Ему жертв.

Мистерии Китая и Японии имеют также индийское происхождение. Они были основаны на тех же самых принципах, и ритуалы их практически ничем не отличались от Мистерий Индии. Посвященным передавали священное слово «Амида-Фо», в котором легко узнать изначальное Слово А. У. М., впоследствии соединенное со словом «Фо», то есть китайским именем индийского Будды, чтобы стало ясно, что он и есть Верховный Бог.

Одним из основных символов этих Мистерий были равносторонний треугольник и таинственная литера Y; оба этих символа олицетворяли триединого Верховного Бога, а священная литера даже употреблялась вместо Неизрекаемого Имени Бога. Этот мир, вечно оберегаемый Силой и Мудростью Всевышнего, символизировал круг, поддерживаемый двумя змеями; отсюда происходят и две параллельные линии (в которые со временем превратились два змея) по сторонам круга с точкой в центре, украшающие наши ложи по сей день.

В японских Мистериях символический возраст посвященного в высшие степени мог составлять до двадцати лет.

Основные черты Мистерий друидов были теми же, что и на Востоке.

Церемония начиналась с исполнения гимна солнцу. Кандидатов располагали группами по *три, пять* и *семь* человек, в зависимости от их способностей и уровня развития, а потом девять раз обводили вокруг святилища, двигаясь с востока на запад. Кандидаты подвергались различным жестоким испытаниям, многие из которых вызывают в памяти легенду об Осирисе. Например, кандидата сажали одного в лодку и отпускали ее в открытое море на волю волн; ему

приходилось полагаться только на собственные силы, присутствие духа и Господню помощь, чтобы целым и невредимым добраться до противоположного берега. Потом он оказывался в полной темноте, а вокруг него посвященные разыгрывали смерть бога Ху со всеми сопутствующими криками и стонами, производившими на кандидата неизменно тягостное впечатление. На пути его встречались многочисленные препятствия, и ему необходимо было доказать свою отвагу, в одиночку встречаясь лицом к лицу с вооруженными противниками и дикими голодными зверями; и наконец, обретя истинный Свет, он представал перед старшим друидом, который посвящал его в тайны Мистерий и нравственное учение Ордена; его учили отважно сражаться, ему рассказывали о бессмертии души и счастливой жизни в Мире Грядущем, его призывали не пренебрегать служением Богу и вести праведную жизнь, избегать клеветы, расточительства, гнева, ненависти и лжи.

В первых двух степенях посвящения кандидат обретал только внешнее, экзотерическое знание. В третью степень посвящали лишь немногих избранных, взрослых, зрелых людей, занимавших высокое положение в обществе и почитавшихся, да и то только после прохождения в течение девяти месяцев полного духовного очищения и обучения всем известным друидам наукам и искусствам. Посвящение в эти Мистерии включало обряд смерти и воскресения.

Последним, венчающим испытанием инициации было путешествие по открытому морю в одиночку в маленькой лодке, обтянутой кожей, в ночь на 30-е апреля. Если аспирант отказывался пройти это испытание, его с позором и презрением прогоняли и больше не допускали к посвящению. Если же он соглашался и с успехом проходил испытание, его с тех пор именовали трижды рожденным, ему открывались все высшие посты в государстве и обществе, а также он обретал исчерпывающие знания о философском и религиозном учении друидов.

Греки тоже называли эпоптов трижды рожденными (τριγονος), а в Индии считалось, что только тот йогин достигает совершенства, кто претерпевает несколько рождений и смертей.

Точно такими же основными чертами, как в описанных выше случаях, обладали и Мистерии готов. Долгий период предварительной подготовки кандидатов, включавшей в себя строгий пост и умерщвление плоти, круговые странствия, символизировавшие прохождение небесными телами своего пути по небосклону, мно-

гочисленные суровые испытания, нисхождение в подземное царство теней, описание гибели бога *Бальдура* от руки Первопринципа Зла – *Локи,* положение его тела во гроб и отпускание лодки с этим гробом на волю волн,– короче говоря, все это была та же самая древняя восточная легенда, только с использованием других имен персонажей и несколько измененными обстоятельствами и новыми деталями.

Даже египетский Анубис появлялся в этой легенде, на этот раз приняв облик священного пса, стерегущего врата Смерти. Кандидата погребали в настоящей могиле, а потом выпускали на свет, где он приступал к розыскам тела Бальдура и, спустя продолжительное время, находил бога воскресшим и восседающим на троне. Кандидат приносил клятву на обнаженном мече (как это и сейчас принято в *Rite Moderne*[8]) и *скреплял* свое обязательство, выпивая мед *из человеческого черепа.*

После этого ему открывали все древнейшие, изначальные Истины в той степени, в которой им удалось выжить под напластованиями многих веков: кандидату рассказывали о рождении богов, о сотворении мира, о Потопе и возрождении человечества после него, о возможности воскресения после смерти, примером которого является Бальдур.

Посвященного отмечали знаком креста и вручали ему кольцо, которое становилось для него отныне знаком Божественной защиты, а также символом совершенства; отсюда происходит наш обычай вручать особое кольцо посвященному в 14-й градус.

Ему толковали символическое значение точки внутри круга и куба и наконец – природу Единого Верховного Бога, «Творца всего сущего, Вечного, Древнего и Живого, Ужасного Существа, Познающего сокрытое, Существа, неизменного в веках», с Которым только простая и необразованная толпа путала Одина Завоевателя. Его наставляли в природе Триединого Бога, Которому поклонялись в Индии, только при этом сообщали, что это триединство составляют Один – Всемогущий Отец, Фрея (*Рея, Фре*) – его супруга (олицетворяющая вселенскую *материю*), и Тор – их сын и посредник между ними и людьми. В этой троице легко узнаются *Осирис, Исида* и *Гор.* Вокруг головы Тора даже изображались двенадцать звезд, видимо, чтобы никто и никогда не забывал о его восточном происхождении.

Кандидату также сообщали о неизбежности конца света в последние времена и столь же неизбежном пришествии нового мира,

в котором добродетельные и отважные люди будут наслаждаться вечными счастьем и весельем; и чтобы заслужить эту награду после смерти, его наставляли в необходимости вести добродетельную, достойную жизнь, исполненную высокой нравственности.

Кандидат приуготовлялся воспринять главный великий урок Мистерий путем долгих и тяжелых испытаний, воздержания и очищения. Многие дни он постился, умерщвлял плоть и пил напитки, содержащие вещества, помогавшие ему сдерживать свои страсти и хранить тело в полной чистоте.

Также он должен был совершать символические ритуальные омовения, чтобы душе его легче было разорвать оковы плоти и покинуть материальный мир. Они практиковались практически во всех возможных видах: купание, погружение, обливание и опрыскивание. В Афинах кандидатов перед посвящением купали в Илиссе, который поэтому стал считаться священной рекой; перед тем как войти в Храм Мистерий в Элевсине, все имеющие на это право должны были омыть руки в стоявшей у входа вазе с освященной водой. Все без исключения кандидаты обязаны были быть чисты руками и сердцем. Апулея перед посвящением семь раз купали в море, что символизировало семь сфер, через которые должна пройти душа перед обретением покоя в небесной обители; в Индии кандидаты перед посвящением купались в священной Ганге.

Клемент Александрийский приводит в своей работе отрывок из сочинения Менандра, где говорится об освящении путем троекратного опрыскивания водой с солью. Наряду с водой, землей, огнем и воздухом практиковалось освящение серой, известью и лавром. По словам Лукиана, в Гелиополе Сирийском посвященные приносили в жертву священного агнца – символ созвездия Овна, в котором в те времена пребывало Солнце в день весеннего равноденствия; они съедали его мясо, как делают иудеи в свою Пасху, а потом прикасались его головой и ногами к своим головам и ногам и преклоняли колени на его руно. После этого они купались в теплой воде, пили ее и ложились спать на голой земле.

Существовало строгое различие между Великими и Малыми Мистериями. Перед тем как быть посвященным в первые, кандидат был обязан несколько лет пробыть адептом вторых, служивших своего рода приуготовительным периодом для великого посвящения, преддверием Храма, истинным святилищем которого были Элевсинские таинства. Малые Мистерии позволяли кандида-

там должным образом приуготовить свои души к принятию посвящения в высшие таинства. Посвященные в Малые Мистерии именовались просто *мистами,* или посвященными, а посвященные в Великие – *эпоптами,* Зрячими. Древний поэт писал, что Малые Мистерии являлись такими же слабыми отзвуками Великих, как сон – смерти. По посвящении в Малые Мистерии кандидат постигал уроки нравственности и некоторые основы священной науки, высшие, священнейшие и самые тайные положения которой мог узнать только эпопт, познавший Истину во всей наготе, в то время как мисты видели ее лишь под многими таинственными пеленами, которые не столько раскрывали ее, сколько возбуждали любознательность посвященных.

Перед тем как сообщить кандидату первые положения и начальные, еще поверхностные знания таинств священной науки, жрецы Мистерий требовали от него страшной клятвы никому и никогда не раскрывать ни единого из сообщенных им секретов. После этого он приносил второстепенные обязательства, молился и возжигал огонь на жертвеннике богов. Потом на полу святилища расстилали шкуры агнцев, принесенных в жертву Юпитеру, а посвящаемый должен был встать на них. Его обучали нескольким аллегорическим формулам, повторяя которые в качестве ответов на предложенные вопросы, посвященный мог впоследствии дать себя опознать своим собратьям по Мистериям. И наконец, его возводили и усаживали на трон, облачали в пурпурную мантию и увенчивали цветами или пальмовыми и оливковыми ветвями.

Нам не известно, сколько именно времени должно было в среднем пройти между посвящением одного человека в Малые и Великие Мистерии. Большинство авторов указывают пятилетний срок. Насколько известно, только Деметрий за свои неизмеримые заслуги был посвящен в степени миста и эпопта в течение одной церемонии.

Потом, получив право быть посвященным в Степень Совершенства, кандидат сталкивался лицом к лицу с Природой во всей ее полноте и узнавал, что душа есть весь человек в единстве всех составляющих его личности, что Земля – это место изгнания его души, ее ссылки, что истинная ее родина – в небесах, что смерть тела для души означает истинное рождение, что, умирая, человек не столько теряет эту жизнь, сколько обретает новую. После этого кандидат допускался в святилище, но это отнюдь не означало, что

ему тут же раскроют все возможные тайны. Наставление продолжалось в течение нескольких лет. Храм состоял из нескольких помещений, которые кандидат проходил поочередно, шаг за шагом; между собой эти помещения разделяли плотные завесы. Прокл пишет, что во внутреннем святилище было множество картин и статуй, отражающих различные формы, принимаемые богами. И наконец падала последняя завеса, и взору посвященного открывалось более не скрытое ничем изваяние богини во всем ее великолепии, окруженное неземным сиянием, которое, заполняя собой все помещение, слепило глаза и воспламеняло душу инициированного. Так он окончательно постигал Откровение учения об истинной природе Бога и души, а также об их связи между собой и с материей.

Этому предшествовали разыгрываемые жрецами ужасные сцены, попеременно горестные и радостные, светлые и темные, посвящаемый видел блеск молнии и слышал раскаты грома, вокруг него вились привидения, созданные магической иллюзией и воздействующие одновременно на зрение и слух. Клавдиан в своей поэме «Похищение Прозерпины» описывает некоторые ритуалы мистериального посвящения. «Вот сотрясается храм, – вопиет его герой, – молнии блещут зловеще; боги чрез молнии мне волю свою изъявят. Вновь сотрясется земля, и средь безумства стихии кровь холодят мою вопль и безутешнейший стон. Эхо отпрыгнет от стен храма Кекропского Солнца, и вознесет Элевсин свет своих факелов ввысь; змей трептолемов шипит, к удаленной взывая Гекате…»

По мнению еще одного автора, празднование Элевсинских Мистерий продолжалось девять дней.

В первый день кандидатов принимали у врат храма. Бывало это в полнолуние в месяц бедромион, когда полная Луна стояла около Плеяд, на границе созвездий Овна и Тельца.

На второй день кандидатов вели к морю, где все они претерпевали ритуальное омовение в его водах.

На третий день приносились очистительные жертвы и практиковались другие религиозные ритуалы, например, пост, воздержание, траурные песнопения и т. д. В жертву приносились как зерно, так и животные.

На четвертый день кандидаты снова выстраивались в процессию, а перед ними везли на колеснице, запряженной быками, цветочный венок, по ритуалу, точно такой же, как тот, что Прозерпина обронила, когда ее схватил Плутон, и венец небесной Ариадны.

За повозкой следовали женщины, несшие мистические ковчежцы, покрытые пурпурной тканью, в которых были зерна сезама, пирамидальные пирожки, соль, гранаты, Змей Мистерий и, возможно, священный фаллос.

На пятый день проходило знаменитое факельное шествие в память о поисках Прозерпины Церерой: кандидаты с факелами в руках шли колонной по трое во главе с дадуком.

Шестой день был посвящен Иакху, вечно юному богу Света, сыну Цереры, выросшему в храме Мистерий и хранящему огонь факела солнечного бога. Хор в драме Аристофана называет его сияющей звездой, освещающей ночные обряды посвящения. Его изображение, увенчанное миртовым венком, выносили из святилища и на руках несли по священной дороге из Керамика в Элевсин, непрестанно танцуя, сотрясая воздух радостными кликами, в основном, воззваниями к *Иакху,* праздничными песнопениями и веселым смехом.

В седьмой день проводились спортивные соревнования и показательные сражения, победителей которых увенчивали венками и щедро награждали.

На восьмой день устраивали всенародный пир во славу Эскулапа.

На девятый день совершали жертвоприношения и ритуальные омовения в память о душах умерших родственников и близких. Как пишет Афиней, жрецы наполняли вином две вазы, одну из которых устанавливали к Востоку, а вторую – к Западу от Врат Дня и Ночи, а потом переворачивали их вверх дном, произнося магические формулы священных молитв. Так они взывали к Свету и Тьме – двум великим Первопринципам Природы.

На протяжении всех девяти дней никого не имели права арестовывать, никто не имел права привлечь другого к суду под угрозой смертной казни, или, по крайней мере, очень сурового штрафа; также никто не смел хвастать своим богатством или выезжать на люди с излишней помпой, чтобы это не сочли попыткой соперничать с Мистериями в великолепии. В эти дни все служило только религиозной вере.

Таковы были Мистерии и великие мысли древних, в том, по крайней мере, виде, в каком они дошли до наших дней – пусть и разрозненными, искаженными переписчиками и толкователями отрывками. Разум человеческий до сих пор размышляет над великими таинствами Природы, и каждый раз, пораженный, узнает, что все

мысли, казавшиеся ему новыми, уже давно передуманы и высказаны древними мудрецами, однако искать их надлежит не в научных их трудах, а скорее в символах, которыми они пользовались, когда оказывались в тупике, не в силах претворить в слова великие явления, свидетелями которых являлись, как являемся и мы: рождение, жизнь, смерть, разложение и гниение, а потом – возрождение к новой, лучшей жизни, – что составляло для них величайшее из всех возможных таинств. Помни, изучая их символы, что все природные явления были ведомы мудрецам древности гораздо лучше, чем нам с тобой. Для них метаморфозы гусеницы были гораздо значительнее и чудеснее, чем движение звезд по небосклону, а посему их священными животными становились крошечный скарабей или отвратительный жук. Вера их сжималась в символы и распространялась в аллегории, которые они отлично понимали, но не всегда были в состоянии передать следующим поколениям средствами человеческого языка, ибо существует множество понятий и идей, которые не способен передать ни единый из ныне существующих или существовавших в прошлом человеческих языков.

Knight of the Brazen Serpent 25

Рыцарь Медного Змея

Этот градус – одновременно философский и нравственный. Он наставляет в необходимости перестройки внутреннего «я» и покаяния как средств обретения милости и прощения, но также он посвящен толкованию символов масонского Ордена, особенно тех из них, что относятся к древней и всемирно известной легенде, лишь одним из вариантов которой является повествование о Хир-Оме Аби, к легенде о смерти (или убийстве) и последующем воскресении к новой жизни, главными действующими лицами которой являются Осирис, Исида и Гор, Аттис и Кибела, Адонис и Венера, кабиры, Дионис и многие другие воплощения Активного и Пассивного Первопринципов Природы, внушающие посвященным в священные Мистерии, что власть Зла и Тьмы преходяща, а неизбежно грядущая в скором будущем власть Добра и Света будет вечной.

Маймонид пишет: «Во дни Еноса, сына Сифова, люди впали в отвратительное суеверие, и даже самого Еноса их заблуждения не обошли стороной. Люди говорили, что уж если Господь поместил в небе Солнце, Луну, звезды и планеты и сделал их Своими служителями и вестниками, то значит, такова Его воля, чтобы им поклонялись люди, как преклоняются подданные великого царя пред поставленными им над ними князьями и судьями. Верные таким убеждениям, они стали возводить храмы звездам и приносить им жертвы, и поклонялись им в слепой вере, что они потом передадут это поклонение Творцу всего сущего. Сперва они, правда, не считали звезды богами, а поклонялись им только как слугам

Всевышнего Господа Бога. Но со временем Великое и Святое Имя Его совершенно забылось, и не стало у рода человеческого другой веры, кроме языческого поклонения Хозяину Небес».

Первые знания, обретенные людьми, были представлены в виде символов. Мудрость халдеев, финикиян, египтян, иудеев, Зороастра, Санхониафона, Ферекида, Сира, Пифагора, Сократа, Платона и всех прочих великих мудрецов, имена которых приходят на ум в этой связи, также передавалась в форме символов. Это был традиционный для древних философов способ передачи своих знаний, как пишет Сократ об Академии Платона, посредством которого все знания для передачи их наследникам мудрости шифровались многозначными и многозначительными символами.

«Все, что можно сказать о богах, – говорит Страбон, – будет только пересказом и размышлением над древними притчами и мнениями, ибо древние всегда облекали в аллегории и загадки свои мысли и рассуждения о Природе; поэтому их обычно нелегко истолковать».

Как ты знаешь из наставлений 24-го градуса, брат мой, древние философы полагали, что душа человеческая порождена Небесами. Макробий пишет, что все они разделяли эту точку зрения; они также полагали единственной истиной то, что душа, пребывая в плену материального тела, тем не менее, постоянно мечтает о возвращении к своему Истоку и в конце земной жизни человека все же возвращается туда. Изначально души пребывали в небе среди звезд, пока, соблазненные мнимыми радостями земной жизни, не сошли на Землю и не попали в плен материальных тел. С тех пор они существуют исключительно за счет прекрасных воспоминаний о небесной обители и мечтаний возвратиться туда. Средства возвращения туда каждой душе приходится изыскивать самостоятельно. Дабы возвратиться в небо, ей необходимо прожить в теле целую жизнь, действовать и страдать.

Все Мистерии древности учили божественному происхождению души, ее стремлению к бессмертию, высокому ее предназначению, ее величию и превосходству человека над животными, лишенными стремления к Небу. Даже если люди впустую стремились найти выражение ее *природы,* сравнивая ее со светом и огнем, даже если они неверно определяли место ее изначального пребывания, способ и маршрут нисхождения и восхождения меж звезд и планет, – все это, тем не менее, служило им промежуточными остановками на пути к Высшей Истине, все это были только аллегории, создан-

ные для того только, чтобы сделать эти возвышенные идеи более впечатляющими и, так сказать, более осязаемыми для несовершенного человеческого разума.

Для того чтобы представить себе путь нисхождения души на Землю, давайте постараемся последовательно осмыслить эту древнюю идею. Небесный свод был для древних той самой святой Обителью, теми самыми Елисейскими Полями, на которых родилась душа и куда она снова вознесется, как только сможет полностью очиститься и обрести первичное состояние небесной невинности и простоты. Потом из этой области душа начинает свое нисхождение в земное тело; добраться туда она оказывается в состоянии, только претерпев три перевоплощения, именуемых смертями, и пройдя через все стихии и несколько сфер. Если душам хватает ума избегать влияния материи и любых контактов с ней, они в течение неограниченного времени могут пребывать в небесной обители вечного счастья. Но те души, которые из этой небесной обители вечного Света взирали с надеждой на земное тело и на то, что мы тут, внизу, привыкли называть *жизнью,* в то время как для души это в действительности истинная *смерть,* те души, которые втайне вожделели воплощения в этом теле, пав жертвами своих ложных устремлений и обманутые ими, постепенно нисходят в низшие области мироздания исключительно за счет отягчающих их мирских мыслей и желаний. Душа, по природе своей, абсолютно нематериальная, лишь постепенно обрастает тяжелой и твердой телесной оболочкой, шаг за шагом, слой за слоем, путем непрестанных частичных перевоплощений и в прямом соответствии с не менее постепенным удалением от первичной, простой, чистой и совершенной субстанции, породившей ее и служившей ей первоначальным пристанищем. Сначала душа окружает себя подобием телесной оболочки из звездной первоматерии, а потом, проходя на пути вниз через несколько сфер, – все более и более грубой эфирной материей, которая помогает ей со временем легко войти в человеческое тело; и число ступеней ее нисхождения, то есть смертей, равно числу сфер, через которые ей приходится проходить.

Галактика, по мнению Макробия, пересекает Зодиак в двух противостоящих одна другой точках – в знаках Рака и Козерога, являющихся точками пересечения Солнцем тропиков, чаще именуемых Солнечными Вратами. В древности тропики совпадали именно с этими знаками Зодиака, а во времена Макробия – уже

с Близнецами и Стрельцом, в силу прецессии равноденствий; но сами *знаки* Зодиака остались неизменными, и Млечный Путь все равно пересекал тропики в *знаках* Рака и Козерога,– пусть и не в этих *созвездиях*.

По легенде, именно через эти *врата* нисходили на Землю и снова возносились на Небеса души. Одни из них, как пишет Макробий в своем «Сне Сципиона», назывались Вратами Людей, а другие – Вратами Богов. Первые располагались в созвездии Рака, потому что именно через этот знак пролегает путь души в земное тело, а вторые – в созвездии Козерога, потому что через этот знак они восходили обратно на Небо, в бессмертие, и становились богами. По Пифагору, от Млечного Пути отходила также дорога, ведущая в царство Плутона. Души не считались вступившими на путь земного воплощения, пока не покидали галактику Млечного Пути. Сходя на Землю, они покидали ее, а после смерти в нее возвращались. Они продолжали оставаться богами вплоть до прохождения знака Рака и все это время считались пребывающими под сенью галактики. Проходя знак Льва, они начинали учиться бытию в новом состоянии; а пребывая в знаке Водолея, противоположном Льву, они находились на максимальном расстоянии от земной жизни.

Нисходя из небесной обители, где пересекаются галактика и Зодиак, души теряют сферическую форму, характерную для всех божественных сущностей, и вытягиваются в конус, как точке свойственно вытягиваться в отрезок; после этого монада души разделяется, превращаясь в диаду, то есть единство сменяется разделением, противоречием и борьбой. Душа начинает чувствовать противоречивость, свойственную материи, с которой она уже начала соединяться и которая уже начала отравлять ее первичную чистоту; вехой этого первого проникновения материи в духовную сущность является Чаша Вакха, расположенная между знаками Льва и Рака. Для души это символическая чаша Забвения. Платон пишет, что тогда души попадают на Поля Забвения, чтобы испить чашу воды из реки Ахерона и раз и навсегда забыть все минувшее. Эту мысль можно встретить и в трудах Вергилия. «Если бы душам,– пишет об этом Макробий,– было позволено сохранить и принести с собой в земные тела все знания, ранее обретенные ими о божественных материях во время пребывания на небесах, люди ничем бы духовно не отличались от богов; однако даже сейчас иные души забывают больше, а иные – меньше из того, что узнали раньше».

Мы сейчас улыбаемся, читая о таких представлениях древних, но нам, напротив, следует постараться проникнуть сквозь пелену видимых символов и аллегорий – к самим мыслям, ищущим и не находящим адекватного словесного воплощения, величественным невысказанным мыслям философов и мудрецов; следует поразмыслить, удалось ли нам самим в наше время найти *лучший,* мудрейший и более соответствующий обстоятельствам способ выражения мыслей столь огромного значения, мыслей о происхождении души, о ее нисхождении в тело, изначально ничем с ней не связанное,– думаем ли мы о подобном вообще или, отчаявшись, решили лучше не думать вовсе.

Высшая, чистейшая часть материи, составляющая и питающая божественные сущности,– это то, что поэты называют *нектаром,* напитком богов. Отравляла же души вторая, бо́льшая, низменная часть материи. Древние сделали ее символом Лету – темные воды реки Забвения. А как *мы* объясняем забвение душой всего, что было с ней до воплощения в нашем теле, как мы толкуем совершенное отсутствие у нее воспоминаний о ее предыдущем состоянии, о ее бессмертии? Ни для кого не секрет, что чаще всего мы просто боимся объяснить эти процессы сами себе, мы просто уходим от ответа.

Притягиваемая к земле невыразимой тяжестью проникшей в нее материи, душа в конце концов падает из сфер галактики и Зодиака в низшие сферы, в процессе падения и прохождения различных зодиакальных сфер не только обволакиваясь все новыми и новыми слоями сияющего вещества, составляющего звезды и планеты, но еще и приобретая новые способности, использовать которые окажется в состоянии после телесного воплощения.

Проходя сферу Сатурна, она обретает способность думать и рассуждать, то есть так называемую логическую и мыслительную силу. От Юпитера она получает способность к действию. Марс дарит ей смелость, предприимчивость и самоуверенность. Солнце – чувства и воображение, которые, в свою очередь, порождают ощущения, восприятие и мышление. Венера дарит ей желание. Меркурий – способность выражать доступными ей средствами все, что она думает и чувствует. Проходя сферу Луны, она обретает способность к росту и воспроизводству. Эта сфера, низшая и самая удаленная от Божественной обители, является первой и самой возвышенной для земных сущностей. Лунная оболочка, в которую облекается душа, проходя

эту сферу, является одновременно и низшим осадочным материалом небесной материи, и высшей формой материи земной, животной.

Небесные тела, небесный свод и звезды, все прочие Божественные творения вечно стремятся ввысь. Душа, опускаясь в земные сферы и, таким образом, устремляясь к смерти, все равно тяготеет к Небесам. Значит, не стоит и удивляться, пишет Макробий, что мы так часто говорим о *смерти* души, которую между тем полагаем бессмертной. Этой смертью она не уничтожается и не списывается со счетов, – она лишь ослабляется на время, не теряя при этом своего права на жизнь вечную, поскольку впоследствии, освободившись от телесных уз, претерпев полное очищение от пятен греха, в котором вывалялась за время существования в теле, она возвращает себе изначально чистое состояние и возвращается в обитель Бессмертия.

Возносясь туда, она возвращает каждой из сфер, сквозь которые ранее нисходила, полученные тогда от них земные способности и страсти: Луне – способность телесно расти и уменьшаться; Меркурию, отцу лжи, – способность лгать и лжесвидетельствовать; Венере – стремление к наслаждениям и похоть; Солнцу – стремление к власти и гордыню; Марсу – трусость и наглость; Юпитеру – алчность; Сатурну – способность к подлогу и клевете. И наконец, освободившись от всех страстей и пороков, она вступает, чистая и незапятнанная, в восьмую, высшую небесную сферу.

Все это находится в полном согласии с учением Платона о том, что душа не в состоянии возвратиться в небесное обиталище, пока Вселенная своим вращением не вернет ей изначальное состояние чистоты и свободы от всех пороков, привнесенных в нее влиянием четырех стихий.

Эта идея предсуществования душ, чистых небесных сущностей, и их последующего нисхождения с небес для того, чтобы одухотворить земные тела, зародилась в глубокой древности. Современный мыслитель Рав Манассия бен Исраэль полагает, что иудеи всегда исповедовали ее. Так считали все философы, признававшие бессмертие души. Поэтому в ней наставляли своих учеников и жрецы Мистерий, ибо, как свидетельствует Лактанций, они не могли представить себе, как это душа может существовать *после* смерти физического тела, если она не существовала *до* его рождения и если природа тела не отдельна от природы души. Эту же идею исповедовали большинство мудрецов древних Греции и Рима, и, наверное, она лежала бы в основе всех современных философских

течений, если бы люди просто дали себе труд поразмыслить над этим вопросом и, в частности, над проблемой неизбежного предсуществования души при условии признания ее бессмертия.

Некоторые философы утверждали, что нахождение души в плену у тела является наказанием за прегрешения в предшествовавшем существовании. Неясным остается, однако, насколько им удавалось увязывать это утверждение с понятием о полном забвении душой всех предыдущих воплощений и совершенных в них прегрешений. Другие утверждали, что это Бог Своим немотивированным волеизъявлением отправил душу в материальное тело. Каббалистам удавалось каким-то образом объединить эти два утверждения. Они говорили, что существуют четыре мира: *Ацилут, Бриа, Йецира* и *Асия,* то есть мир *эманации*, мир *творения,* мир *форм* и *материальный* мир, причем каждый следующий из них находился ниже предыдущего и был менее совершенен, чем он; это касалось и самих миров, и обитающих в них существ. Все души изначально пребывали в мире Ацилут, высших Небесах, обители Бога и чистых бессмертных духов. Те души, которые нисходят из этого мира не в силу своих прегрешений, а по одной только неисповедимой воле Господней, наделяются Божественным Огнем, предохраняющим их от гнилостного влияния материи, и возвращаются в высшие сферы сразу по завершении их миссии в нижних мирах. Те же, которые покинули верхний мир по своей вине, переходят из мира в мир, постепенно бессознательно теряя способность к самосозерцанию и любовь ко всему возвышенному и божественному; наконец, под давлением собственного веса они опускаются в мир Асия. В общем и целом, это чисто платоническое учение, лишь сверху прикрытое каббалистической терминологией. Это учение ессеев, которые, если положиться на слова Порфирия, «верили в то, что души нисходят из сиятельного прозрачного эфира, влекомые к материальным телам притяжением материи». Чем-то это учение напоминает доктрину Оригена, имеющую явно халдейское происхождение, потому что именно халдеи много времени посвящали изучению неба, сфер и влияния созвездий на жизнь человека.

По учению гностиков, души нисходят и восходят через восемь небес, управляемых теми или иными силами, противящимися их движению вверх и часто прогоняющими их обратно на Землю, если они недостаточно чисты. Последней из этих сил, управляющей

последним небом на пути к окончательной цели странствия души, является Великий Змей, или Дракон.

По учению древних, за странствие души по небесным сферам и ее вселение в предназначенное для нее земное тело, а также за своевременное покидание ею этого тела несли ответственность особые гении. Плутарх пишет, что это были Меркурий и Прозерпина. По Платону, дух-охранитель наблюдал за рождением человека в материальном теле, сопровождал его на протяжении всей жизни, а потом – после смерти – препровождал его душу на Последний Суд. Эти гении были посредниками в общении между человеком и богами; они никогда не оставляли душу без внимания. Этому учил в своих проповедях и Зороастр; эти гении были также и Разумами, управляющими различными планетами.

Следовательно, вся тайная наука и мистические эмблемы посвящения были связаны с небом, сферами и созвездиями, и эти связи необходимо тщательно изучать каждому стремящемуся проникнуть в образ мышления древних мудрецов и истолковать аллегории, понять смысл символов, используемых древними для того, чтобы выразить идеи, которые бурлили в их умах и не находили соответствующего их значению выражения в человеческом языке, способном лишь присвоить этим понятиям и идеям имена, воспринимаемые человеческими несовершенными чувствами.

Нам в наше время уже не суждено во всей полноте осознать чувства, обуревавшие древних при созерцании небесных тел, и мысли, посещавшие их во время наблюдения за протекающими в небе процессами, поскольку мы не в силах поставить себя на их место, смотреть на небо и звезды глазами человека времен зари существования этого мира, избавиться от груза знаний, которыми обладает даже самый необразованный из современных людей и которые заставляют нас считать звезды и планеты, всю великую Вселенную – вместилище неисчислимых звезд и миров – всего лишь бездушным механизмом, сплетением безжизненных орбит, не более удивительным, если не считать размера, чем, например, часы или паровая машина. Нас поражает и восхищает сила и мудрость (хотя большинству людей они видятся всего лишь бескрайней *властью*) Творца; а древние восхищались Его *творением* и наделяли *его* жизнью, силой и таинственной властью и влиянием на самих себя.

Мемфис Египетский находился на 29° 5' северной широты и 30° 18' восточной долготы. Фивы в Верхнем Египте – на 25° 45' северной

широты и 32°43' восточной долготы. Вавилон – на 32°30' северной широты и 44°23' восточной долготы. Сава – древняя столица Царства Савского в Эфиопии – на 15° северной широты.

Через Египетское царство с юга на север протекала великая река Нил, истоки которой в Эфиопии находились в совершенно неисследованных областях, в мире жары и огня. В ее дельте сформировались плодородные земли Верхнего и Нижнего Египта, которые продолжали разрастаться, в частности, усилиями людей, на них работавших. Каждый год происходили знаменитые разливы Нила, которые были катастрофами для населения страны, особенно на первом этапе ее развития и становления; затем при помощи обводных и осушительных каналов, резервуаров, искусственных озер и других средств ирригации они превратились в настоящее благословение для сельскохозяйственных работников; их начали ожидать с такими же радостью и нетерпением, с какими ужасом и отчаянием их ждали раньше. В плодородный слой, который оставался на заливных лугах после того, как великая река возвращалась в русло, люди сеяли зерно; плодородная почва и живительные солнечные лучи неизменно порождали богатый урожай.

Вавилон стоял на Евфрате, текшем с юго-востока на северо-запад, напаивая, как и все реки Востока, засушливые земли, но в то же время частыми и жестокими разливами принося им горе.

Для древних, еще не изобретших астрономические приборы и смотревших на небо чистыми глазами детей, наша Земля была плоскостью непостижимо огромного размера. Относительно ее границ строилось огромное множество предположений, но точных знаний не было. Неровности ее поверхности были для древних неровностями этой плоскости. Они не знали ни что она имеет форму шара, ни что под ее поверхностью также протекает жизнь, ни на чем она держится в пространстве. Каждое утро солнце неизменно вставало на востоке, совершало свой путь по небосклону, то выше, то ниже точки в небе прямо над головой наблюдателя, и столь же неизменно садилось на западе. С его восходом приходил свет, с его закатом наступала тьма.

Также каждые двадцать четыре часа появлялось и другое небесное тело, видимое в основном по ночам, но также иногда появляющееся и при ярко светящем солнце; оно также проходило по небосклону, на том или ином удалении от солнца; сначала оно представляло собой тонкую дугу, но со временем начинало расти и

в конце концов превращалось в серебряный круг сияющего в ночной темноте света; время от времени оно, подобно солнцу, также отклонялось к югу от орбиты своего движения, ровно настолько же, насколько отклонялось и солнце.

Ночью человек ощущал себя совершенно одиноким пред полной и непроницаемой тьмой, окутывавшей его со всех сторон, заставляя исчезать в небытие все ранее видимые предметы; наедине с чернотой ночи он начинал ощущать, что все его бытие – ничто, что все оно неразрывно связано с дневным светом, потому что только при нем способно протекать. Ночью для человека все умирало, как и он сам умирал для Природы. Как же ужасна, как отчаянна и безнадежна могла быть для него мысль, что эта тьма *может* продлиться вечно и солнце с его живительным светом может больше никогда не возвратиться на небо! Если она только приходила человеку в голову, каким же непроницаемым отчаянием охватывала она его! Что же, в таком случае, могло возродить его к жизни, вернуть ему энергию, деятельность, дружбу и любовь, рассеянные Богом для него по всему необъятному миру, коль скоро тьма – пусть временно, но кто знает? – убивает все это? Только Свет возвращал ему его собственную жизнь и все окружающее. Нет поэтому ничего удивительного в том, что древние считали свет источником собственного бытия, которое без света превратилось бы тягостное и исполненное отчаяния не-бытие. Нужду в свете и несомой им живительной энергии испытывали все люди без исключения, и ничто так не пугало их, как темнота. Свет стал их первым богом, единственный живительный луч которого в незапамятные времена пронзил темный и неорганизованный Хаос для того, чтобы зачать в его центре Вселенную и все вещи в ней. Такова была космогония всех великих поэтов древности; таковы были первые догмы учений Орфея, Моисея и прочих теологов. Свет – это Ормузд, которому поклонялись персы, в то время как Тьма – это Ариман, источник всякого зла. Свет для них был самой жизнью Вселенной, другом человека, субстанцией, из которой состоят боги и человеческие души.

Небо было для народов древности огромным твердым арочным сводом, полусферой из неизвестного материала, неизвестно на какую высоту приподнятой над плоскостью Земли, а по ней по своим раз и навсегда определенным орбитам передвигались Солнце, Луна, звезды и планеты. Солнце было для них гигантским огненным шаром; размеры его и расстояние от него до Земли были им также

неведомы. Луна была сгустком мягкого серебряного света; сиятельными телами были и звезды с планетами, имевшие на Землю и все живые существа на ней огромное таинственное влияние.

Очевидно, что вскоре люди должны были заметить: неизменно наступают дни, когда длины световых дня и ночи совпадают, что между такими днями проходит равное время, выпадающее обязательно на периоды разлива рек и сбора урожая. Так же очевидно и то, что от их внимания не ускользнуло и регулярное обновление луны; всегда одно и то же время проходило между появлением на западе ее тонкого серпа и восходом в тот же самый час на востоке ее полного сияющего круга; и то же самое время проходило снова до ее возвращения на запад в виде «старого» серпа.

Также было замечено, что солнце каждый день пересекает небосклон по новой орбите, причем дни становятся длиннее, а ночи – короче всего, именно когда солнце следует самой северной своей орбите, и наоборот – дни короче, а ночи – длиннее всего, когда оно следует по самой южной орбите; что чередование этих маршрутов следования солнца происходит регулярно и неизменно, таким образом разделяя год на четыре периода, или времени года: период равенства дня и ночи – дни весеннего и осеннего равноденствий; период самых долгих дней – летнее солнцестояние и период самых долгих ночей – зимнее солнцестояние.

В дни весеннего равноденствия, то есть приблизительно около 25-го марта по нашему календарю, люди стали со временем замечать неизменно приходящие ласковые ветры, возвращение тепла, приносимого солнцем, поднимающимся к северу от средней воображаемой отметки в небе, не говоря уже об обязательном всплеске репродуктивной активности животного мира и буйстве растительной жизни. В этот период обретали воспроизводительную силу бык и баран – самые ценные животные для скотоводческих народов Востока, сами являющиеся символами животворящей энергии, птицы формировали пары и вили гнезда, прорастали ранее посеянные семена, поднималась трава, и на деревьях распускались почки. В дни летнего равноденствия, когда солнце пребывало на максимальном удалении к северу от воображаемой центральной точки небосклона, наступала жара, приходили сухие враждебные ветры, несшие людским поселениям жажду, голод и разрушение; растительность засыхала, а люди мечтали о живительных прохладных ветрах весны и осени и о холодном разливе Нила или Евфрата, когда

на водопой к берегу собирались даже львы, приходящие из самых отдаленных областей пустыни.

Осеннее равноденствие приносило вызревание плодов полей и лозы, сбор урожая, листопад; вечером холодало, точно Природа стремилась подготовить людей к зимним морозам; мифологический Принцип Зла побеждал Принцип Добра, постепенно все дальше и дальше прогоняя солнце к югу от воображаемой центральной точки небосклона, и ночи становились длиннее дней. В период зимнего равноденствия земля пребывала в оковах мороза, деревья стояли голые, и солнце, достигнув крайней южной орбиты, словно колебалось, не зная, стоит ли ему навечно кануть за линию горизонта, оставив мир в темноте и отчаянии, или все-таки повернуть к северу и снова принести людям теплые ветры и весенний рост всходов, новые зеленые листья и цветы, радости любви.

Законным и закономерным следствием этого стало деление древними времени на дни, затем – на луны, или месяцы, и наконец – на годы; отмечавшие поочередное наступление основных времен года небесные тела постепенно стали ассоциироваться у людей с четырьмя основными периодами астрономического года. Жившие за счет сельского хозяйства и большую часть времени полностью зависимые от буйства стихий и сменяющихся времен года, народы древнего Востока полагали, что вся их жизнь определяется последовательной сменой времен года, определяемой, в свою очередь, посменным правлением в небе двух великих светил.

Внимательные наблюдатели вскоре заметили, что даже с большей точностью, чем два великих светила, смену времен года и сроки различных природных явлений, от которых полностью зависела человеческая жизнь, предвещали восходы и закаты меньших светил, движение которых отличалось большей регулярностью. Вскоре у людей возникла необходимость в определении отдельных звезд и их скоплений и присвоении им имен, чтобы впоследствии можно было понять друг друга, говоря о них. Необходимость породила классификацию небесных тел, одновременно естественную и искусственную. Начиная замечать, что ежегодный сбор урожая напрямую связан по времени не только с восходами и закатами солнца, но и с восходами и закатами определенной группы звезд и ее местоположением относительно Солнца, центра, вокруг которого группировались все небесные тела, человек в уме связал между собой небесные и земные явления, которые и *в действительности*

связаны; и первым делом люди назвали скопления звезд словами, описывающими соответствующие им земные процессы и понятия; если же для некоторых не хватало названий из сельскохозяйственной области, древние ради полноты системы описания окружающего мира взяли для них названия буквально с потолка и присвоили вне зависимости от реальной роли этих небесных тел в земной жизни.

Так, эфиопы Фив и Савы назвали звезды, при восходе которых начинались разливы Нила, созвездием Наводнения, или *Вылитой Воды* (Водолей).

Созвездие, в котором находилось Солнце, когда оно достигало Северного тропика и начинало свой путь *вспять,* на юг, получило вследствие такого движения великого светила имя Краба, или Рака.

Когда Солнце осенью достигало середины между северной и южной оконечностями своего пути, протяженность дней и ночей уравнивалась, и созвездие, в котором это происходило, получило имя Созвездия Равновесия, или Весов.

Созвездие, в котором пребывало Солнце, когда истомленный жаждой лев приходил из выжженной пустыни к берегам Нила на водопой, получило имя Льва.

Созвездие, в котором Солнце находилось в период сбора урожая, было названо Созвездием Девы-Жницы, держащей в руках пшеничный сноп (Дева).

Созвездие, в котором великое светило пребывало в феврале, когда ярки приносят ягнят, было названо созвездием Агнца – Овном.

Созвездие, в котором Солнце находилось в марте, когда наставало время пахоты, получило имя созвездия Быка – Тельца.

Когда же из пустыни начинали дуть сухие жаркие ветры, ядовитые, как укус смертоносного аспида или паука, Солнце пребывало в созвездии, так впоследствии и названном – Скорпион.

Со временем заметив, что разливы Нила ежегодно совпадают по времени с появлением в небе прекрасной звезды, восходящей как раз над истоками великой реки, словно для того, чтобы предупредить хлебороба о грядущем наводнении, люди тут же уподобили ее восход лаю домашней собаки, предупреждающей хозяина об опасности, а потому назвали ее Звездой Пса – Сириусом.

После такого начала люди стали уделять гораздо больше внимания и времени астрономическим исследованиям, в ходе которых заметили, что похожие образы животных и привычных земных предметов можно найти по всему небосклону, среди разных звезд.

Главные для них созвездия располагались вдоль пути восхождения Солнца на север и его же нисхождения на юг; они пребывали на равном удалении в одну и другую сторону от точки равенства длин дней и ночей. Это скопление созвездий, извивающееся, как змея, было названо Зодиаком и разделено на двенадцать основных знаков.

В день весеннего равноденствия в 2455 г. до н. э. Солнце пребывало в созвездии Тельца, или Быка; потом, к зимнему солнцестоянию, оно выходило из этого знака и начинало восхождение к северу через знаки Водолея, Рыб и Овна; входя в первый из которых, оно оказывалось в предельно низкой южной точке небосклона.

Из Тельца оно через Близнецов и Рака перемещалось во Льва, где завершалось его восхождение на север. Оттуда – через Льва, Деву и Весы – Солнце в день осеннего равноденствия переходило в знак Скорпиона, а потом направлялось на юг – через Скорпиона, Стрельца и Козерога – в Водолея, где его нисхождение на юг завершалось.

Путь Солнца через различные знаки Зодиака получил название *эклиптики*, а воображаемая линия, по которой оно продвигалось между двумя равноденствиями – *экватора*.

Древние ничего не знали о неизменных законах Природы, поэтому, когда Солнце достигало предельной точки своего нисхождения на юг, люди дрожали, опасаясь, как бы оно не продолжило свой путь дальше и навсегда не исчезло за линией горизонта, оставив Землю навеки во власти тьмы, холода и бурь.

В период же зимнего солнцестояния они радовались как дети тому, что Солнце снова начало восхождение к северу, борясь с негативным влиянием Рыб и Водолея, чтобы потом оказаться под эгидой Овна. Когда же оно впоследствии оказывалось в знаке Тельца, люди радовались еще больше, понимая, что это означает, что дни снова станут длиннее ночей, что настало время сева, а следовательно, снова придет время жатвы и обильного урожая.

В период осеннего равноденствия они горестно оплакивали враждебное влияние ядовитого Скорпиона, злобного Стрельца и мерзкого зловонного Козла-Козерога, которые неумолимо тянули Солнце вниз, к зимнему солнцестоянию.

Когда Солнце все же оказывалось там, люди говорили, что его убили и низвергли в мир теней. Однако пробыв там три дня, оно снова восходило на небо и начинало восхождение на север, неся Земле избавление от зимних тьмы и холода, вскоре ставших сим-

волами зла, порока и страданий, в то время как весна, лето и осень были символами счастья и бессмертия.

Потом люди персонифицировали Солнце и стали поклоняться ему под именем Осириса, превратив описание его зимнего нисхождения в область враждебных знаков Зодиака в повествование о гибели божества, его нисхождении в подземный мир теней и последующем воскресении.

Луна точно таким же образом превратилась в Исиду, супругу Осириса, а зима, пустыня и океан, в которые погружалось Солнце, зайдя за линию горизонта, – в Тифона, духа и Первопринцип Зла, вечно противоборствующего Осирису и умертвившего его.

Из странствия Солнца через двенадцать знаков Зодиака вырос и миф о двенадцати подвигах Геракла, и легенда о последовательных воплощениях Вишну и Будды. Отсюда происходит и легенда об умерщвлении Мастера Хурума, воплощающего Солнце, злыми Подмастерьями – символами трех зимних знаков Зодиака: Козерога, Водолея и Рыб, – которые преследовали его через трое небесных врат и наконец умертвили у врат зимнего солнцестояния. Отсюда же и легенда о поисках тела погибшего Мастера девятью Подмастерьями – остальными девятью знаками Зодиака, – его обнаружении, погребении и последующем воскресении.

Небесный Телец, открывая новый астрономический год, стал для индийцев и японцев символом Быка Первотворения, своими рогами разбившего первояйцо, из которого народился мир. Отсюда же происходит и поклонение египтян быку-богу Апису, а иудеев в пустыне – его изображению, Златому тельцу, отлитому по их требованию Аароном. Отсюда же и поклонение индусов священным коровам. Священные и несущие народам процветание знаки Тельца и Льва также породили изображения крылатых львов и быков с человеческими головами, украшавшие дворцы Куюнджика[1] и Нимрода, причем того же происхождения и херувимы, изображениями которых Соломон украсил великий Храм, и двенадцать бронзовых быков, на спинах которых покоилось храмовое Медное море.

Небесный Коршун, или Орел, восходящий и заходящий вместе со Скорпионом, вскоре полностью заменил его в силу общепризнанного дурного влияния самого Скорпиона; таким образом, получилось, что четыре основных времени года протекали под покровительством соответственно Быка (Тельца), Льва, Человека (Водолей) и Орла, – и именно эти изображения украсили знамена колен

Ефрема, Иуды, Рувима и Дана; они же до сих пор изображены на гербовом щите масонов Царственного Свода (Королевской Арки) Американского Устава.

Вскоре зародилось и поклонение Овну – Агнцу, также открывающему солнечный цикл после дня равноденствия, когда мир снова начинает избавляться от власти тьмы и холода.

Со временем простая и ясная легенда о ежегодной гибели Солнца, его нисхождении в царство теней и последующем неизменном воскресении обросла огромным количеством подробностей и символических дополнений. Некоторые из них произошли от иных астрономических явлений и процессов, в то время как другие были просто поэтическими фигурами и лирическими отступлениями.

Кроме Солнца и Луны, древние заметили в небе, в частности, одну прекрасную звезду, сияющую мягким серебряным светом, постоянно следующую за Солнцем на его пути нисхождения и предшествующую ему на пути восхождения. Другая яркая звезда была пугающего ярко-красного цвета. Третья, огромная и сияющая, привлекла внимание древних астрономов в основном тем, что совершенно свободно передвигалась между неподвижными небесными телами, при этом сияя невыразимым светом и регулярно восходя и заходя. Это были Венера, Марс и Юпитер. На заре человеческой истории люди вряд ли могли невооруженным глазом увидеть Меркурий и Сатурн; это произошло уже потом, когда астрономия получила статус отдельной науки.

Созданная жрецами-астрономами проекция небосвода содержала круг знаков Зодиака, расположенных так, чтобы находиться в диаметральном противостоянии; жрецы учили, что зимний полукруг враждебен по отношению к летнему. Ангелами летнего полукруга правил Царь – Осирис или Ормузд, просвещенный, благой, животворящий и мудрый. Над падшими ангелами, или злыми демонами зимнего полукруга, или дэвами подземного царства страданий и тьмы, также стоял правитель. Египтяне сначала считали им Скорпиона, старшего из зимних знаков Зодиака, находящегося рядом с Весами; потом его сменил Белый Медведь, или Осел, именуемый Тифоном, что означает *«наводнение»,* поскольку в период пребывания Солнца в этом знаке начинались дожди, затапливающие землю. Несколько позже в Персии этим правителем стал Змей, воплощенный в образе Аримана – Первопринципа Зла в зороастрийской религии.

В разные годы Солнце достигает точки равноденствия на экваторе в разные дни. Почему это происходит, отлично известно астрономам, и к изучению именно этой науки мы бы хотели сейчас тебя призвать. Вследствие такого несоответствия стало возможным определить то, что мы теперь называем прецессией равноденствий, ведущей к постоянному перемещению Солнца между знаками Зодиака в день весеннего равноденствия; в свою очередь, это привело к тому, что в наше время знаки Зодиака более не соответствуют созвездиям, хотя за 300 лет до Рождества Христова это еще было именно так; например, Солнце в наши дни может пребывать в *созвездии* Рыб, но в *знаке* Овна.

Годичная прецессия в наше время составляет около 50 секунд, может быть, чуть больше. Период полного обращения равноденствий составляет 25836 лет. Общая прецессия составляет около 30°, то есть один знак, в 2155,6 лет. То есть, входя в наше время в знак Рыб в день весеннего равноденствия, Солнце входит в знак Овна 300 года до н. э. и знак Тельца 2455 года до н. э. А новое деление эклиптики приводит к тому, что нынешний *знак* Тельца в действительности находится в *созвездии* Овна, в то время как *знак* Близнецов – в *созвездии* Тельца. За 4610 лет до Рождества Христова Солнце в день весеннего равноденствия входило в знак Близнецов.

В два описанных нами периода – 300 и 2455 годы до н. э. – и в наши дни соотношение времени вхождения Солнца в различные знаки Зодиака в дни солнцестояний и равноденствий было таково:

	2455 г. до н. э.	
Весеннее равноденствие	Телец	из Овна
Летнее солнцестояние	Лев	из Рака
Осеннее равноденствие	Скорпион	из Весов
Зимнее солнцестояние	Водолей	из Козерога
	300 г. до н. э.	
Весеннее равноденствие	Овен	из Рыб
Летнее солнцестояние	Рак	из Близнецов
Осеннее равноденствие	Весы	из Девы
Зимнее солнцестояние	Козерог	из Стрельца
	1872 г. н. э.	
Весеннее равноденствие	Рыбы	из Водолея
Летнее солнцестояние	Близнецы	из Тельца
Осеннее равноденствие	Дева	из Льва
Зимнее солнцестояние	Стрелец	из Скорпиона

Из сопоставления *знаков* Зодиака с *причинами* их движения и попеременного пребывания Солнца в каждом из них выросло поклонение Солнцу и звездам. «Смотря на солнце, как оно сияет, и на луну, как она величественно шествует,– вопрошает Иов,– прельстился ли я в тайне сердца моего, и целовали ли уста мои руку мою? Это также было бы преступление, подлежащее суду; потому что я отрекся бы тогда от Бога Всевышнего»[2].

Вполне может быть, что мы с вами недалеко ушли от древних в том, что касается мудрости. Например, что нам известно о законе *причин* и *следствий,* кроме того, что одни часто *следуют* за другими?

Так и древние полагали, что если восход Сириуса *предшествует* разливам Нила, то значит, он и *вызывает* их; другие звезды, по той же теории, *вызывали* жару, холод и бури.

Религиозное поклонение зодиакальному быку (Тельцу) имеет очень древнюю историю, причем практически на всей Земле, по крайней мере, во всей Азии, куда оно пришло с полуострова, так и названного его имени[3]; на севере полуострова Индостан и сейчас находится величественная гора Таврия; культ быка распространился оттуда далее на север – в Европу; его признаки наблюдаются также на востоке Африки.

Начало исповеданию этого культа было положено в те незапамятные времена, когда колюр весеннего равноденствия приходился на период пребывания Солнца в районе звезд «головы» Тельца (среди которых можно назвать, например, Альдебаран); именно тогда, как свидетельствуют все величайшие монументы древнего мира, над человечеством воссиял великий свет науки и искусства.

Арабское слово «альдебаран» означает *«первая»,* или *«главная»* звезда, и так она могла быть названа только тогда, когда она *действительно «вела»* за собой все созвездие. Год начинался в то время, когда Солнце входило в знак Тельца, и на это указывает множество древних скульптур, как в Египте, так и в Ассирии, изображающих быка с рогами в виде лунного серпа с солнечным диском между ними; их возводили во время и в честь великих всенародных празднеств, посвященных первому новолунию года; и эти празднества в честь ежегодного вхождения Солнца и Луны в знак Тельца происходили практически по всей Земле.

Давид-псалмопевец возглашал: «Трубите в *новомесячие* трубою, в определенное время, в день праздника нашего; ибо это закон для Израиля, устав от Бога Иаковлева. Он установил это во свидетель-

ство для Иосифа, когда он вышел из земли Египетской, где услышал звуки языка, которого не знал»[4].

Поклонение быку продолжилось и в более поздние времена, даже после того как вследствие прецессии равноденствий колюр весеннего равноденствия сместился в область Овна. В Китае до сих пор существует некий Храм Рогатого Быка, и тому же самому символу поклоняются в Японии и на большей части Индостанского полуострова. Завоевывая Галлию и Испанию, кембрийцы несли перед собой изображение своего бога – медного быка; для них изображение верховного бога-творца в виде быка, своими рогами разбивающего мировое первояйцо, символизировало открытие года Солнцем в знаке Тельца; разбивая скорлупу, он тем самым символически переходил на новую яйцевидную орбиту, разрушая границы прошлой своей орбиты.

Феофил утверждает, что, по древней легенде, Осирис в течение каждого года пятьдесят дней проводил в царстве теней. Ландсер полагает, что эта легенда родилась вследствие наблюдения египетскими и эфиопскими жрецами – на их низких широтах – постепенного несвоевременного нисхождения головных звезд созвездия Волопаса за западный горизонт; сразу, как только это происходило, они начинали рыдать и подавали знак к началу всенародного траура; а как только эти звезды снова восходили на небосклон в период весеннего равноденствия, это становилось сигналом к всеобщей радости и началу религиозных вакханалий.

До того, как колюр весеннего равноденствия переместился в знак Овна, покинув область Альдебарана и Гиад, главными путеводными звездами сабейского года были в течение семи или восьми веков Плеяды. Поэтому на многих монументах древности мы и сейчас видим изображения дисков и полумесяцев, то есть Солнца и Луны, которые последовательно находятся в голове и хвосте зодиакального Быка, а еще немного позже – в голове Овна.

Знак Тельца до сих пор изображается в астрономической эмблематике как ♉, а ведь это явный символ соединения солнечного диска и лунного полумесяца; этот ысимвол пришел к нам из глубины веков, олицетворение соединения в знаке Тельца Солнца и Луны, с которого начинался сабейский астрономический год (у халдеев – сарос), в силу чего этот символ стал символом всего года в целом. На бронзовом изображении быка из Китая луна крепится к его спине посредством небольшого облака, рядом с которым сделан

также фигурный желобок для солнечного диска, крепившегося там в те годы, когда в новолуние совпадали солнечный и лунный циклы. В таком случае в начале года основные звезды пребывали не в *голове* Тельца, а колюр весеннего равноденствия приходился на основные звезды центра этого знака, и течение года в Китае, как и в Ханаане, возглавляли Плеяды.

Соединение диска и полумесяца во всех культурах всегда символизировали совпадение солнечного и лунного циклов; укрепленные на голове зодиакального Быка, они символизировали начало цикла, у халдеев называвшегося саросом, а у греков – метоникой; об этом цикле говорит и Иов как о «сретении в начале года», то есть совпадении орбит Солнца и Луны в начале года, что происходило обычно раз в восемнадцать лет.

На саркофаге Александра Великого этот символ изображен на голове агнца, то есть знака Овна, который в те времена открывал течение года. Точно так же на храмах Нижнего Египта этот знак изображается на голове не быка, а агнца или овцеголового бога, которого греческие мифологи именовали Юпитером Амоном – то есть буквально «Солнцем в Овне».

Если тщательно рассмотреть звезды, входящие в данные созвездия и расположенные вокруг них, мы определенно обнаружим в них нечто, что связывает их с Мистериями древности и с масонством.

Необходимо отметить, что когда Солнце пребывает *в* том или ином созвездии, само это созвездие перестает быть видимо: его можно увидеть только прямо перед рассветом или сразу после заката, и даже тогда – только частично, а вот лучше всего будет видно созвездие, *противоположное* ему. Например, когда Солнце находится в Тельце, то есть когда Телец *заходит за горизонт вместе с* Солнцем, на небо восходит Скорпион, который и бывает видим всю ночь напролет. И если сегодня Солнце восходит и заходит в Тельце, то через полгода Телец будет заходить на восходе Солнца и восходить на его закате, поскольку звезды опережают солнце на два часа ежемесячно.

Давайте мысленно перенесемся в те времена, когда под взором халдейских пастухов и земледельцев Египта и Эфиопии

«...молочно-белый бык с рогами позлащенными
начало положил теченью года...», –

и мы увидим, что Плеяды расположены в области шеи Тельца, а в области его морды – Гиады, по которым греки называли свой се-

зон дождей и главной звездой среди которых является Альдебаран; в то время как с юго-западу от него располагается блистательнейшее из всех созвездий – Орион, на правом плече которого – Бетельгейзе, на левом плече – Беллатрикс, на левой ноге – Ригель, а на поясе – три звезды, именуемые вместе в древности Тремя Царями, а в наше время иногда – Двором и Пристройкой. Орион, по легенде, гнался за Плеядами, и, дабы спасти их от его гнева, Юпитер поместил их на небе, где Орион до сих пор гонится за ними, но без успеха. Они наряду с Арктуром и Поясом Ориона упоминаются в Книге Иова. В мифологии они часто именуются Семью Звездами, причем говорится, что их и *было* изначально семь, хотя сейчас видимыми остались лишь шесть из них.

Плеяды были названы греческим словом, означающим *«плыть под парусами»*. Во все века люди взирали на них в ожидании знамений и пророчеств. Вергилий пишет, что греки дали имена Плеядам, Гиадам и Северной Колеснице: *«Pleiadas, Hyadas, Claramque Lycaonis Arcton»*. А Палинур пишет, что изучал *«Arcturum, pluviasque Hyadas, Geminosque Triones, armatumque auro circumspicit Oriona»*, – то есть «Арктур, и дождливые Гиады, и близнецов Трионов, и Орион с золотой опояской...».

Более двух тысяч лет Телец был предводителем небесного зодиакального воинства, и когда голова его заходила вместе с Солнцем в последних числах мая, на юго-западе в это время восходило созвездие Скорпиона.

Плеяды иногда называли *«vergiliæ»*, то есть Девами Весны, потому что Солнце входило в это созвездие именно в пору цветения. По-сирийски, они назывались *«суккот»*, или *«суккот-бенет»*, каковое слово происходит от халдейского корня со значением *«размышлять»* или *«наблюдать»*.

Гиады – это пять звезд, расположенные в форме буквы V в 11° к юго-востоку от Плеяд. Греки, правда, насчитывали семь звезд. Когда Солнце в период весеннего равноденствия находилось в знаке Тельца, небесный цикл открывал Альдебаран; когда он восходил на Востоке, Овен находился на высоте приблизительно 27°.

Когда он приближался к небесному меридиану, небо представляло собой незабываемое по красе зрелище. Капелла находилась несколько дальше к северу от меридиана, а Орион – еще дальше, на юго-западе. Прокион – звезда в созвездии Малого Пса, – Сириус, Кастор и Поллукс находились приблизительно на середине пути от

горизонта к меридиану. Регул только что взошел над эклиптикой. Дева все еще пребывала за горизонтом. Фомальгот находился на середине пути к меридиану на юго-западе; в это время на северо-западе возносились в небо величественные созвездия Персея, Цефея, Кассиопеи и Андромеды, в то время как Плеяды только что прошли меридиан.

Орион видим во всем поднебесном мире. Воображаемая дуга равноденствий проходит через его центр. Когда на востоке восходил Альдебаран, за ним следовали Трое Царей Ориона; а когда заходил Телец, на востоке восходил Скорпион, от жала которого, по легенде, погиб Орион.

Орион восходил приблизительно в полдень 9-го марта. Его восходу обычно сопутствовали жестокие влажные бури, и для мореходов он стал дурным провозвестником.

В созвездии Волопаса, которое древние греки называли *Lycaon* – от слова *«lukos»,* что значит «волк», а иудеи – Калеб Ануба, т. е. «лающий пес», находится великая звезда Арктур, которая, когда год открывался Тельцом, возвещала пришествие сезона невыносимой жары.

За этим созвездием следовали Близнецы во главе со своими старшими звездами – Кастором и Поллуксом – Диоскурами, кабирами самофракийской религии, покровителями мореплавателей; в то время как к югу от Поллукса находились блистающие звезды Сириус и Прокион – Большой и Малый Псы, а еще дальше на юг находилась звезда Канопус в созвездии Корабль «Арго».

Сириус – это определенно самая большая и самая яркая звезда небосклона. Когда весеннее равноденствие приходилось на главенство знака Тельца, он восходил гелиакически, то есть непосредственно предшествовал Солнцу, когда оно незадолго до летнего солнцестояния – около 21-го июня, за пятнадцать дней до разлития Нила – входило в знак Скорпиона.

Гелиакальное восхождение Канопуса также предвещало разлитие Нила. Прокион предвещал восхождение Сириуса, восходя непосредственно перед ним.

В созвездии Рака нет крупных и значительных звезд. В Зодиаках Эсны и Дендер, как и в большей части астрономического наследия Древнего Египта, знаком этого созвездия был жук (*скарабей*), ставший вследствие этого священным насекомым, символом врат, через которые души нисходят на Землю с небес. В области спины Скарабея находится скопление звезд, раньше именовавшееся *Præ-*

sepe – Ясли, по сторонам от которого располагались две маленькие звезды, называвшиеся *Aselli* – Ослятами.

В созвездии Льва находится сияющая звезда Регул, расположенная прямо на эклиптике, и Денебола – в области хвоста. К юго-востоку от Регула находится еще одна крупная звезда – Сердце Гидры.

Первым подвигом Геракла была охота на Немейского льва. И это первый знак, в который входит Солнце после прохождения точки летнего солнцестояния; после этого оно начинает трудное повторное восхождение.

При вхождении Солнца в этот знак начиналось разлитие Нила, в силу чего этот знак и открывает Зодиаки Дендер, Индии и Египта.

В левой руке Дева (Исида или Церера) держит величественную звезду – Спику (Пояс), – расположенную немного к югу от эклиптики. В правой ее руке – меньшая по размеру звезда Виндемиатрикс; а к северу от Пояса располагается созвездие Волопаса (ее мужа Осириса) с центром в Арктуре.

Первый астрологический декан, согласно указанию Авен Езера, представлен в виде прекрасной девы с ниспадающими волнами волосами, восседающей на престоле с двумя пшеничными колосьями в руке и кормящей грудью младенца. В арабском манускрипте, хранящемся в Королевской Парижской библиотеке, приведены символические изображения всех двенадцати знаков Зодиака. Дева изображена в виде юной девушки с маленьким ребенком, идущим рядом с ней. Дева – это определенно Исида, и ее изображения с младенцем Гором на руках в большинстве древних египетских храмов обычно сопровождались надписью: «Я есмь все, что было, есть и будет, и плод чрева моего – Солнце».

Через девять месяцев после вхождения в знак Девы Солнце доходит до Близнецов. Когда восходит Скорпион, заходит Орион; когда Скорпион достигает меридиана, начинается заход Льва; таким образом, наступает царство Тифона, Осирис умерщвлен и Исида, его сестра и жена, отправляется, рыдая, к его могиле.

Дева и Волопас, гелиакально заходящие в период осеннего равноденствия, передают мир во власть зимних созвездий – Принципа Зла, воплощенного в Змееносце, то есть Змее.

В день зимнего солнцестояния Дева восходила вместе с Солнцем, то есть Солнце (Гор) было у нее на груди.

В созвездии Весов располагаются несколько звезд второй и третьей величины, о которых мы поведем речь дальше. Их называли

Зубен ас-Хамали, Зубен аль-Джемаби, Зубен ак-Раби и Зубен/аль-Губи. Рядом с последней из них находится величественная и злая звезда – Антарес в созвездии Скорпиона.

В созвездии Скорпиона звездой первой величины является Антарес примечательного красного цвета, являющийся одной из четырех великих звезд (остальные три – это Фомальгот в созвездии Кита, Альдебаран – в Тельце, Регул – во Льве), которые отмечали точки равноденствий и солнцестояний, почему на них и обращали такое внимание астрономы. Этот знак иногда изображался в виде змея, а иногда – крокодила, но чаще всего – в виде скорпиона, которого часто можно увидеть на митраических памятниках и в Зодиаке Дендер. Он считался проклятым знаком, и вхождение в него Солнца означало наступление царства Тифона.

В созвездиях Стрельца, Козерога и Водолея нет крупных и значительных звезд.

Рядом с созвездием Рыб располагается величественная звезда Фомальгот. Никакой другой знак Зодиака, по легенде, не обладает столь отрицательным влиянием на земные события. Его считали знаком *насилия* и *смерти*. Ни сирийцы, ни египтяне не ели рыбы из страха и отвращения к ней, и последние, если хотели изобразить иероглифами нечто настолько отвратительное, что о нем и говорить нельзя, рисовали рыбу.

В созвездии Возничего находится величественная звезда Капелла, которая никогда не заходила над Египтом.

Вокруг Северного полюса расположены семь звезд, которые называют Большой Медведицей и изучают практически все народы на протяжении всей истории Земли. Этим звездам с одинаковым почтением поклонялись жрецы Бэла, персидские маги, халдейские пастухи и финикийские мореходы, равно как и астрономы и астрологи Египта. Две из них – Мерак и Дубге – постоянно указывают на Северный полюс.

Финикийцы и египтяне, как пишет Евсевий, первыми обожествили Солнце, Луну и звезды и считали их творцами и разрушителями всего земного. Из Египта распространились по всему миру различные учения о происхождении и нисхождении на Землю богов. Только иудеи стремились проникнуть мыслью за пределы видимых предметов и явлений – к Незримому Творцу. Остальные народы мира видели богов в сияющих в небе созвездиях и планетах, приносили им жертвы, преклонялись пред ними и никогда

не возносились в своих молитвах за пределы видимой небесной тверди.

Халдеи, ханаанеи и сирийцы, среди которых жил Авраам, делали то же самое. Ханаанеи посвящали Солнцу коней и колесницы. Жители Эмесы Финикийской поклонялись ему под именем Элагабала; для жителей Тира Солнце было верховным божеством, почитавшимся под именем Геркулеса. Сирийцы со страхом и обожанием простирались пред созвездием Рыб, изображения которых хранили в своих храмах. Под именем Адониса Солнцу поклонялись в окрестностях горы Ливанской и в Библосе. В Пальмире стоял величественный Храм Солнца, впоследствии разграбленный воинами Аврелиана, который затем восстановил его и заново освятил. Плеядам под именем «Суккот-Бенет» поклонялись вавилонские колонисты, поселившиеся в стране самаритян. Копты поклонялись Сатурну под именем Ремфана. Сирийцы, ассирийцы, финикийцы и ханаанеи поклонялись Юпитеру под именем Бэла, или Ваала, Марсу – под именем Малха, Мелеха, или Молоха, Венере – под именем Ашторет, или Астарты, а Меркурию – под именем Нево.

Санхониафон пишет, что в глубокой древности финикийцы поклонялись Солнцу, которое считали Единым Великим Творцом всего сущего, Богом Небесным, и поклонялись ему под именем Ваал-Самин, то есть *«Царь Небесный»*. Они возводили колонны в честь стихий, в частности, огня и воздуха, или ветра, и поклонялись им; повсюду в Вавилонии процветал сабеизм, то есть поклонение звездам. Арабы, жившие под вечно спокойным и чистым небом, поклонялись Солнцу, Луне и звездам. Абуль-Фараг пишет, что у каждого из двенадцати арабских племен была своя собственная звезда-покровительница. Племя Химьяр поклонялось Солнцу; племя Ценна – Луне; племя Миса находилось под покровительством самой красивой звезды в созвездии Тельца – Альдебарана; племя Тай – Канопуса; племя Кайс – Сириуса; племя Лахмуса Идамуса – Юпитера; племя Асед – Меркурия и т. д.

Сарацины во времена Гераклия поклонялись Венере, которую называли Кабар, то есть «великая»; клятвы они скрепляли, призывая в свидетели Солнце, Луну и звезды. Арабский автор Шахристан пишет, что задолго до его времени у арабов и индийцев были храмы, посвященные семи планетам. Абуль-Фараг пишет, что семь изначальных народов, от которых произошли все остальные народы Земли – персы, халдеи, греки, египтяне, турки, индийцы и

китайцы, – все в начале своей истории были сабеянами, то есть поклонялись звездам. Все они, пишет он, подобно халдеям, молились, обратившись лицом к Северному полюсу, три раза в день: на восходе Солнца, в полдень и на закате, трижды склоняясь пред великим светилом. Они призывали звезды и разумы, обитающие на них, приносили им жертвы и называли звезды и планеты богами. Филон пишет, что халдеи считали звезды высшими судьями мирового порядка, однако не стремились заглянуть за грань видимого мира в поисках незримой великой Первопричины. Они считали Природу великим изначальным Богом, действующим через посредство своих явлений и процессов, например, через Солнце, Луну, планеты и звезды, через последовательную смену времен года и взаимодействие неба и земли. Величайшим сабейским праздником был день весеннего равноденствия, но было и еще пять ежегодных праздников, посвященных пяти меньшим планетам и отмечавшихся в те дни, когда эти планеты входили в зодиакальные знаки, в которых достигали высшей точки своих орбит.

Диодор Сицилийский сообщает, что египтяне в древности поклонялись двум верховным, вечным и предвечным богам – Солнцу и Луне, питавшим, как они полагали, мир, и лишь милостью которых этот мир, собственно, и существует; они полагали, что именно от этих двух великих светил зависят все процессы зарождения жизни и ее развития в природе Земли. Мы уже знаем, что двумя великими богами древнеегипетского пантеона были Осирис и Исида – величайшие агенсы Природы, по одним верованиям, олицетворяемые Небом и Землей, по другим – Солнцем и Луной, – Активный и Пассивный Первопринципы природного действия.

От Порфирия мы узнаем, что Харемон, ученейший египетский жрец, подобно большинству умных и образованных людей своего времени, утверждал, что египтяне полагали своими богами звезды, составляющие Зодиак, в особенности те из них, которые своими восходами и закатами отмечали смену одних его знаков другими, а также далее подразделяли знаки на деканы, управляя каждым из них. Управляющие деканами звезды назывались Могучими Небесными Князьями. Полагая Солнце великим богом, архитектором и правителем мира, они истолковывали не только легенду об Осирисе, но и все остальные свои основополагающие легенды, исходя из появления и исчезновения тех или иных звезд, их восходов и закатов, из фаз Луны, ее роста и упадка, и из путей следования Солн-

ца по небосклону. Особенным значением для них были наполнены разделение времени на две основные части – связанную со светом и связанную с тьмой,– равно как и Нил, его разливы и пересыхания, а также множество иных природных феноменов.

Лукиан пишет, что Апис – священный бык египтян – был земным отображением небесного Быка, то есть Тельца; а Юпитер Амон с бараньими рогами – отображением знака Овна. А Клемент Александрийский уверяет, что четверо священных животных, изображения которых египтяне всегда носили во время торжественных процессий, были символами четырех знаков Зодиака, которые отмечали разделение астрономического года – пути Солнца по небу – на четыре основных сезона, будучи расположены в точках равноденствий и солнцестояний. Они также поклонялись огню, воде и Нилу, который именовали не иначе как Отцом, Предержителем Египта, священным воплощением великого бога Осириса; в своих гимнах они также именовали его богом, увенчанным просом (этот злак в виде *пшента* также увенчивал короны их царей), приносящим людям изобилие. Другие стихии также почитались ими как великие боги, свидетельством чему являются надписи на обелисках, восславляющие великих богов Землю, Воздух, Небо, Солнце, Луну, Ночь и День. И в конце концов, пишет Евсевий, они полагали всю Вселенную единым и великим божеством, состоящим из огромного множества менее значимых богов, являющихся ее составными частями.

Эта вера в небесные полчища была распространена практически во всех частях древней Европы, Малой Азии, а также среди турок, скифов и татар. В древней Персии поклонялись Солнцу (как Митре), а также Луне, Венере, огню, земле, воздуху и воде. Их алтари не были украшены статуями: вместо этого они приносили жертвы Небу и Солнцу на высотах. Они возжигали воскурения на семи древних колоннах – *пиреях* – в честь семи планет и стихий, которые почитали как богов. В Зенд-Авесте содержатся призывы к Митре, звездам, стихиям, деревьям, горам и всем прочим явлениям природы, а также к Небесному Быку, соединяющемуся с Луной, и к семи главным звездам – Таштер, Сатевис, Хафторан и Венант,– к великой звезде Рапитан и прочим звездам и созвездиям, управляющим жизненными процессами на Земле.

Маги, как и большинство древних народов, поклонялись огню как старшей и правящей среди земных стихий и сил. В Индии

поклонялись как божествам рекам Ганге и Инду, а верховным божеством полагалось Солнце. Также индусы поклонялись Луне и вечно поддерживали священный огонь. На Цейлоне также поклонялись Солнцу, Луне и священным планетам; на Суматре – Солнцу (под именем Ири) и Луне (под именем Анда). Китайцы возводили храмы в честь Неба и Земли, гениев воздуха, воды, гор и звезд, морского дракона и планеты Марс.

Знаменитый Лабиринт был построен в честь солнечного бога, и его двенадцать дворцов, как и двенадцать высочайших колонн храма Иеропольского, были испещрены символами двенадцати знаков Зодиака и оккультных свойств стихий, потому что были посвящены двенадцати богам, или гениям-хранителям Зодиака. Очертания пирамиды и обелиска, напоминающие костер, указывают на то, что эти сооружения освящались в честь Солнца и огня. Тимей Локрийский пишет: «В пирамиде угадывается равносторонний треугольник, потому что в ней четыре равных грани и четыре равных угла, и этим она напоминает огонь – самую подвижную и самую тонкую из всех стихий». Пирамиды и обелиски возводились в честь Солнца, о чем свидетельствуют надписи на них, например вот эта, переведенная Гермапионом Египетским и содержащаяся в труде Аммиана Марцеллина: «Аполлон Могучий, сын божий, творец мира, истинный Господь венчанный, владеющий Египтом и наполняющий его славой своей».

Самыми популярными подразделениями небесного свода были деление на семь – по числу основных планет, и на двенадцать – по числу знаков Зодиака, и их можно обнаружить в религиозных церемониях практически всех народов древности. Двенадцать великих богов Египта встречаются буквально повсеместно. Они были позаимствованы греками и римлянами, и последние соотнесли их с двенадцатью знаками Зодиака. Их изображения можно было встретить и в Афинах, где в честь каждого из них было возведено по алтарю, а сами знаки были изображены на росписи портиков. В древней Скандинавии люди верили в существование великого Совета двенадцати богов – *асов,* главным из которых был Один. Японцы также верили в двенадцать богов, подразделяя их вслед за египтянами на два класса – семь древних богов и пять новых; оба эти числа – 7 и 5 – давно известны масонству и высоко почитаются им.

Нет более явного и неоспоримого подтверждения былому вселенскому поклонению звездам на ночном небе, чем расположение

шатров двенадцати колен Израилевых в стане во время пустынного странствия. Древнееврейская традиция приписывает создание легенды Двенадцати колен Иакову. Пустынный Стан был четвероугольным и разделен на шестнадцать частей, причем четыре части, располагавшиеся в центре, были отмечены символами четырех стихий. Четыре стороны и четыре угла четырехугольника, который представлял собой в плане Стан, символизируют четыре созвездия, которые астрологи называют *неподвижными* и пользующимися покровительством четырех Царственных звезд: Регула – во Льве, Альдебарана – в Тельце, Антареса – в Скорпионе, Фомальгота – во рту одной из Рыб, на которую изливает воду Водолей; знак Скорпиона изображался в иудейской геральдической традиции в виде небесного Грифа, или Орла. Остальные знаки украшали стороны и углы четырехугольника, а также его внутреннее пространство и границы частей.

Существует поразительное сходство между чертами и свойствами сыновей Иакова и знаков Зодиака, или планет, правящих в этих знаках.

Рувима отец сравнивает с текучей водой, подвижной и неиссякаемой – следовательно, он соответствует Водолею, символ которого – Человек. Вода, изливаемая Водолеем, течет к Южному полюсу. Это первый из четырех Царственных знаков, восстающих от зимнего солнцестояния.

Лев – символ колена *Иуды,* и Иаков сравнивает его именно с этим животным, созвездие которого служит обителью Солнца; это Лев колена Иудина, пожатием лапы которого (после того как не принесли успеха пожатие Ученика и пожатие Подмастерья, то есть Водолей в день зимнего солнцестояния и Рак – в день весеннего равноденствия) был поднят из могилы Мастер Хурум.

Ефрема, на хоругви которого изображен Небесный Бык, Иаков сравнивает с быком. *Дана,* на хоругви которого изображен Скорпион, – с аспидом, или рогатым змеем, в астрологии аналогичным грифу или орлу; эти птицы часто заменяли на хоругвях Дана рогатого аспида, потому что это пресмыкающееся неизменно вызывало в людях отвращение и отторжение, ибо ассоциировалось с Тифоном и всем злом, которое он несет, в то время как Орел, взлетающий и опускающийся одновременно с восходом и закатом Солнца, таких ассоциаций не вызывал. Таково происхождение широко распространенных в иудаизме, христианстве и масонстве Королевской

Арки изображений четырех животных – льва, быка, человека и орла, – зверей Апокалипсиса, перешедших в образный ряд этой книги из произведения Иезекииля, в видении которого они появлялись окруженные сиянием.

Овен (агнец) – обитель Марса – это вождь небесных воинств и двенадцати зодиакальных знаков, удел *Гада,* и Иаков определяет его как воина и вождя армий.

Рак, в котором находятся звезды, именуемые *Aselli* (Ослятами), – это созвездие и символ колена *Иссахара,* уподобляемого Иаковом ослу.

Козерог, которого в древности изображали с рыбьим хвостом, именуя сыном Нептуна, был изображен на хоругви *Завулона,* о котором Иаков пишет, что обиталище его – на берегу морском.

Стрелец, преследующий в небесах Небесного Волка, является символом колена *Вениамина,* сравниваемого Иаковом с охотником, и именно в этом созвездии древние римляне видели обитель Дианы-охотницы. Дева – обитель Меркурия – изображалась на хоругви колена *Неффалима,* смелость и велеречивость которого Иаков неустанно восхваляет, а ведь оба эти качества являются неотъемлемыми чертами Вестника богов. А о коленах *Симеона* и *Левия* Иаков постоянно упоминает как о двух коленях в одном, а поэтому нет ничего удивительного в том, что они ассоциируются с созвездием Рыб, которые и изображены на их хоругви.

Платон в своей «Республике» подвергает исследованию двенадцать знаков Зодиака и планеты. Одновременно с ним и до него это делали Ликург в древней Спарте и Кекроп – в Афинском городском союзе. Великий древнекитайский законодатель Хань разделил Поднебесную империю на двенадцать территориальных единиц – чу – по числу священных гор. Этруски также подразделяли свое государство на двенадцать областей. Ромул назначил для поддержания порядка в стране двенадцать ликторов. Мы знаем о двенадцати коленах Исмаила и двенадцати учениках Великого Реформатора веры иудеев. В Небесный Иерусалим Апокалипсиса ведут двенадцать врат.

В древнекитайской книге Су Цзин говорится о дворце, состоявшем из четырех покоев, врата которых выходили на четыре стороны света. Восточные врата были посвящены весенним месяцам, Западные – осенним, Южные – летним, а Северные – зимним; в этом дворце Император и его подданные приносили в жертву ягненка –

животное, символизирующее Солнце в период весеннего равноденствия.

У греков театральное шествие хора символизировало перемещение небес и планет в них, а строфа и антистрофа, как свидетельствует Аристоксен, – передвижение звезд. Число 5 было священным для древних китайцев, потому что таково было число небесных планет, за исключением Солнца и Луны. В астрологии священными почитаются числа 12, 7, 30 и 360, а *7* – число планет – было повсюду не менее священно, чем *12* – число знаков Зодиака, месяцев года, циклов зодиакального обращения и секторов подразделения горизонта. Далее, в толковании других градусов, мы несколько более подробно обсудим символическое значение этих чисел и почему древние так чтили их и поклонялись им.

Изображения знаков Зодиака и планет часто встречаются на древних монетах и медалях. На городской печати локрийского Озола был изображен Геспер – то есть планета Венера. На медалях из Антиохии Оронтской – агнец и полумесяц. Также агнцу поклонялись в Сирии, где его почитали самостоятельным богом, разделившим Землю между двенадцатью знаками, влияющими на ход событий, происходящих на ней. На критских монетах изображался Бык Равноденствия, равно как и на монетах Афин и Мамертина. Стрелец изображался на монетах Персии. В древней Индии на монетах чеканили изображения всех двенадцати знаков Зодиака. Скорпион изображался на монетах царства Комагенского, а Козерог – на гербах Зевгмы, Аназорбы и других городов. Практически все знаки Зодиака можно увидеть на монетах времен Антонина.

Практически все народы древности были сведущи в астрологии. В древнем Египте Книгу Астрологии почтительно выносили во время религиозных процессий, в которых также принимали участие четверо священных животных – символы равноденствий и солнцестояний. Эта наука процветала и среди халдеев, а также в Азии и Африке. Когда Александр Великий вторгся в Индию, астрологи Оксидрака пришли к нему, чтобы посвятить в таинства науки планет и звезд. Брамины, с которыми советовался Аполлоний, также поведали ему тайны астрономии в форме священных церемоний поклонения богам, сообщавшим своим жрецам тайны будущего в форме звездных знамений. В древнем Китае считалось, что знание астрологии помогает управлять государством и семьей. А в древней Аравии она считалась матерью всех наук; библиотеки

древнего мира были полны арабских книг, посвященных исследованиям в области этой псевдонауки. Она процветала и в Риме. Гороскоп императора Константина составлял видный ученый Валент. Астрология пользовалась почетом в Средние века, и даже в наши дни ее не забыли и не перестали практиковать. Екатерина Медичи просто обожала ее. С гороскопами постоянно сверял свои поступки Людовик XIV, а знаменитый Казини начинал свою карьеру как астролог.

У древних сабеян были праздники в честь каждой планеты, отмечаемые в тот день, когда та или иная из них достигала точки *восхождения* (то есть определенной точки в определенном знаке Зодиака, которую астрологи постановили считать точкой Восхождения), иначе говоря, точки, в которой эта планета приобретала наибольшую силу и наисильнейшее влияние на природные и прочие жизненные процессы на Земле. Точка восхождения Солнца находится в Овне, потому что именно оттуда оно пробуждает всю Природу и вызывает в ней процессы зарождения новой жизни и ее развития, а поэтому самый торжественный и священный праздник многих народов Земли до нашей эры назначался именно на день вхождения Солнца в этот зодиакальный знак. В Египте он назывался Праздником Огня и Света. Этот же день впоследствии был назван иудеями Пасхой, и именно в этот день заклали священного агнца; персы называли этот праздник Наврузом. В римской традиции предпочтение оказывалось не точке восхождения, а точке *обитания,* и поэтому праздники планет отмечались в дни их пребывания в своих *домах*. Халдеи, которым (а не египтянам) следовали в своих традициях сабеяне, напротив, праздновали дни пребывания планет в точках восхождения. Сатурн считался самой отдаленной от Земли планетой в силу самого продолжительного периода обращения вокруг Солнца, а Луна – ближайшей. За Луной следовали Меркурий и Венера, потом Солнце, а за ним – Марс, Юпитер и Сатурн.

Таким образом, восхождение и нисхождение Неподвижных звезд и их соположение относительно Солнца, их первое появление на небосклоне в обрамлении солнечных лучей отмечали смену эпох, знаменуемых священными празднествами в честь планет, и в соответствии с последовательностью этих эпох составлялись первые календари.

В играх в древнеримских цирках, которые были учреждены в честь Солнца и всех знаков Зодиака, воплощались и принимали

участие Солнце, Луна, планеты, знаки Зодиака, стихии и все наиболее значимые и могущественные силы Природы; форма ипподрома напоминает путь Солнца и Луны по небу; обычно считалось, что колесницу Солнца влечет квадрига разноцветных лошадей, каждая из которых олицетворяет какую-либо стихию. Ипподром был разделен на семь – по числу планет – круговых дорожек, передвижение по которым осуществлялось с востока на запад, аналогично движению Солнца, точно так же, как и во время символических странствий в ложе. Также там бывало изображаемо движение семи Царственных звезд вокруг полюса, равно как и движение Капеллы, которая в силу своего восхода в тот день, когда Солнце достигает Плеяд в Тельце, возвещала начало годичного солнечного цикла.

Пересечение Зодиака орбитами основных планет в точках равноденствий и солнцестояний разделяет год на четыре четко ограниченных периода, и все эти четыре поворотных точки бывали в свое время приняты как начало года в разное время разными народами земли, и даже одними и теми же народами в разные периоды их истории. Многие народы избрали началом года точку весеннего равноденствия, потому что именно тогда день становился длиннее ночи, что символизировало для них победу светлого начала над темным. Другие народы предпочитали летнее солнцестояние – потому что это самый долгий день в году, когда светлый принцип находится на пике славы и могущества. В Египте вступала в действие и другая причина: в этот день начинался разлив Нила, что совпадало с гелиакальным восходом Сириуса. Третьи народы предпочитали осеннее равноденствие, потому что это было время сбора урожая и засевания новых полей, чтобы они приносили урожай в будущем. Четвертые же предпочитали зимнее солнцестояние, потому что именно тогда, в самый короткий день года, ночь начинала убывать, а световой день – увеличиваться, и светлый принцип начинал свое долгое и трудное странствие, которому суждено было увенчаться блистательной победой в день весеннего равноденствия.

Образно говоря, Солнце *умирает,* а потом *воскресает вновь* в день зимнего солнцестояния, и именно в этот день в римских цирках устраивались игры в честь незримого Солнечного бога, которые знаменовали начало нового года по римскому календарю, реформированному Нумой. Макробий пишет, что многие италийские народы также отмечали Новый год в этот день; кроме того, в их хрониках содержатся многочисленные упоминания о росте и убывании

продолжительности светового дня, который уподоблялся ими человеку в четыре периода своей жизни: это был ребенок, народившийся в день зимнего солнцестояния, затем юноша – в день весеннего равноденствия, зрелый муж – в день летнего солнцестояния и старик – в день осеннего равноденствия.

Эту мысль они определенно позаимствовали у египтян, поклонявшихся Солнцу в образе младенца в день зимнего солнцестояния.

Символы тех знаков Зодиака, в которых пребывало Солнце в каждый из этих периодов своего небесного движения, постепенно стали символами самого Солнца в разные периоды его движения. Геркулес носил на плечах львиную шкуру; чело Вакха украшали бычьи рога; еще за 2500 лет до начала новой эры Осенний змей своими кольцами обвивал статую Сераписа, потому что все эти знаки соответствовали основным вехам солнечного цикла. Если в силу прецессии Солнце в эти дни пребывало в других знаках Зодиака, соответственно менялись и его символы. Именно так на челе Юпитера-Амона, то есть Солнца, появились рога Овна. Более на него не изливал свои воды Водолей, его не заключали в урну, подобно богу Канопу, – он пребывал в Авгиевых конюшнях, то есть в обиталище Небесного козла (Козерога). Тогда, в день своего триумфа, он восседал на священного осла в знаке Рака, который в ту пору служил обиталищем Солнца в летний период.

Практически все основные символы Солнца в мифологии различных народов происходят от символов тех созвездий, которые отмечали уход одного светового года и пришествие нового, а также отмечали основные периоды солнечного движения в течение года.

Сначала бык, а потом – баран (именуемый персами также ягненком) считались творцами возрожденной Земли в силу своего союза с Солнцем. Оба этих животных также выступали в роли эмблемы Солнца в период преодоления им зимней тьмы и излечения Природы от всех болезней, потому что именно под сенью этих знаков она ежегодно возрождалась после того, как осенние Змей и Скорпион принесли в нее разрушение, болезни и тьму. Митру изображали восседающим на быке; это же животное было священной эмблемой Осириса; греческий Вакх часто изображался увенчанным бычьими рогами, и даже с бычьими копытами и хвостом.

Созвездия и их движение по небосклону имели также непреходящее значение для пахаря, определявшего по времени их восхода и захода время сбора урожая и зарождения новой растительной

жизни. Капелла – молодая коза Амалфея, чей рог иначе называется Рогом Изобилия и которая пребывает в точке равноденствия в Тельце; а также Плеяды, долгое время служившие вехами смены времен года, которым было посвящено столько мифов и сказок, – эти звезды пользовались в ту эпоху наибольшим вниманием и почитанием.

Древнеримский год изначально также начинался в день весеннего равноденствия. Июль первоначально назывался *Quintilis*, то есть «пятый» месяц, август – *Sextilis*, то есть «шестой» месяц, сентябрь – *September* («седьмой»), октябрь – *October* («восьмой») и т.д. Персы также отмечали Новый год в это время праздником Навруз, когда Солнце входило в знак Овна одновременно с восходом созвездия Персея, названное в честь героя, впервые принесшего на Землю священный небесный огонь[5], которому поклонялись в древнейших храмах в ходе священных церемоний, предназначенных для того, чтобы вызвать в сознании участника или зрителя образ обновленной Природы и торжества Ормузда, солнечного бога, над силами тьмы во главе с принципом Тьмы – Ариманом.

Великий Законодатель народа Израиля установил начало календарного года в месяце нисане, то есть также в период весеннего равноденствия, когда израильтяне покинули Египет, освободились из тягостного плена; в ознаменование этого великого Исхода они с тех пор ежегодно в день весеннего равноденствия едят пасхального агнца. И когда Вакх и его воинство долго блуждали по пустыне в палящем зное, именно Агнец, или Овен, вывел их к прохладным долинам и бьющим живительным ключам кристально чистой воды, омывавшим храм Юпитера-Амона. Ведь для арабов и эфиопов, богом которых в то время был Юпитер-Амон, не было ничего прекраснее и блаженнее тенистой долины, питаемой обильными водными источниками.

Орион, находящийся на одном меридиане с созвездием Тельца, умирает от жала небесного Скорпиона, восходящего, когда заходит Орион; точно так же умирает и бык Митры; и именно среди звезд, сопровождающих осеннее равноденствие, мы находим тех злых гениев, которые вечно воюют с Принципом Света и Добра и отбирают у Солнца и Неба жизненную силу, которой они обычно делятся с Землей.

Весеннее же равноденствие сопровождают звезды, одинаково важные и для пахаря, и для морехода, потому что они управляют

началом навигации и прекращением периода штормов на море. Когда Близнецы бросаются в солнечный огонь (то есть исчезают за линией горизонта), они вместе с Солнцем нисходят в пучину. Эти гении – хранители мореходов, Диоскуры, или главные кабиры самофракийских жрецов, отправились вместе с Ясоном на поиски Золотого руна – небесного Овна, чей утренний восход знаменовал вхождение Солнца в Тельца, в то время как Змееносец-Ясон восходил в тот же вечер одновременно с Диоскурами, в силу чего считался их братом. А Орион, сын Нептуна и главный хранитель бушующих морских глубин, определявший своей волей, когда им бурлить, а когда сохранять спокойствие, восставал сразу за Тельцом, радостно возвещая начало нового астрономического года.

Летнее солнцестояние было не менее важным этапом годичного странствия Солнца по небосклону, чем весеннее равноденствие, особенно для египтян, которые видели в нем не только предел роста светового дня и день наибольшего могущества Солнца, его *максимального* восхождения над Землей, но также и ежегодное начало явления, характерного исключительно для Египта – летнего разлива Нила, который, казалось, во всем следовал на Земле небесным передвижениям Солнца, потому что переполнялся водами и разливался именно тогда, когда дни становились длиннее, а Солнце – поднималось выше всего, а потом уровень воды в Ниле спадал – тоже именно в тот период, когда на спад шел световой день; самый низкий уровень воды в великой реке наблюдался в день зимнего солнцестояния, а самый высокий – в день летнего солнцестояния. Поэтому египтяне полагали, что разливами Нила управляет Солнце, и день вхождения Солнца в точку солнцестояния, когда начинался период разлития Нила, был избран для обозначения начала нового года, который они называли Годом Бога, а также Сотиатического периода, или периода обращения звезды Сотис – Собачьей звезды, которая, восходя утром, отмечала начало этого времени, столь важного для каждого египтянина. Этот год назывался также гелиатическим, или солнечным, или каникулярным[6]. Этот год состоял из трехсот шестидесяти пяти дней, не считая позднейшей вставки, дополнительного дня каждые четыре года, или каждый период протяженностью в четыре раза по триста шестьдесят пять дней – всего 1460 дней, чтобы календарь полностью соответствовал солнечному циклу. Таким образом, большинство народов в древности прибавляли (и прибавляют в наши дни) по одному дню к каж-

дому четвертому году, состоящему изначально из 365 дней; однако египтяне поступали не так: они ничего не прибавляли к обычному году из 365 дней, и таким образом, по истечении периода в 120 лет, то есть 30 раз по 4 года, оказывалось, что календарь отстает от солнечного цикла на 30 дней, или один средний месяц; то есть необходим был еще один месяц для того, чтобы привести астрономический календарь в соответствие с периодом в 120 полных солнечных циклов обращения, по числу действительно прошедших лет. Определенно, начало нового, сто двадцать первого, года не совпадало с днем летнего солнцестояния, на месяц его опережая, поэтому, когда Солнце возвращалось в точку солнцестояния, откуда оно отправилось в путь по небосклону и куда оно неизменно возвращается по окончании каждого цикла, заканчивался введенный египтянами дополнительный, формально – первый, месяц сто двадцать первого года солнечного цикла.

Следовательно, если, в соответствии с этим календарем, каждые 120 лет начало года запаздывает на месяц (30 дней), то по истечении периода в 12 раз по 120 лет (всего 1460 лет), оно возвратится в день летнего солнцестояния, то есть в отправную точку. Солнце к тому времени совершит 1459 обращений, хотя считается 1460, а следовательно, необходимо добавить еще один календарный год. Ведь Солнце завершит 1460 циклов обращения только к концу 1461-го года по 365 дней каждый, хотя каждый цикл обращения в действительности составляет не 365, а 365,25 дней.

Этот период в 1461 год по 365 дней, при котором Солнце открывало и закрывало каждый год в точке летнего солнцестояния при восходе Сириуса в течение 1460 оборотов, назывался в Египте *сотиатическим* периодом, начало которого выпадало на день летнего солнцестояния, когда Солнце сначала пребывало в знаке Льва, потом – Рака, каковому созвездию и принадлежит Сириус – символ всего этого периода. Порфирий пишет, что именно в день летнего солнцестояния, совпадавшего с новолунием и восходом Сета – Собачьей звезды – было установлено начало года, символизировавшее также зарождение жизни на Земле и более того – самой Земли.

Не только Сириус считался провозвестником разливов Нила: также и Водолей, его кувшин и изливающийся из последнего водный поток располагались противоположно зодиакальному знаку, управляющему днем летнего солнцестояния, обители Солнца, и тем самым открывали шествие Ночи по миру, принимая полную Луну

в свои объятия и покоя ее на дне кувшина. Вместе с Водолеем, чуть выше, восходит Пегас, и его копыта практически совмещаются со звездами водного потока, символизируя, что крылатый конь выбивает из скалы живительный источник, из которого, по легенде, пьют воду музы. Созвездия Льва и Пса не только указывали время разливов Нила, но и, как считалось, *вызывали* их, а потому им воздавали божественные почести. Когда Солнце проходило знак Льва, глубина реки практически удваивалась; поэтому древние фонтаны и источники традиционно украшали львиными головами, из пастей которых и текла вода. Созвездие Гидры, восходящее по времени между Сириусом и Львом, словно обвивает нижние части трех знаков Зодиака: голова ее – у Рака, тело – у Девы, хвост – у Весов. Разлив Нила продолжался до тех пор, пока Солнце не проходило всю Гидру.

Непрестанная борьба принципов Света и Тьмы за овладение лунным диском, в которой каждый из них является то победителем, то побежденным, неизменно воспроизводилась на Земле под Солнцем, ежегодно свершающим свой один и тот же путь от одного солнцестояния к другому. Смена лунных фаз так же обожествлялась и мифологизировалась, как периоды обращения Солнца и, соответственно, солнечный, астрономический год, потому что тоже олицетворяла взаимную смену периодов тьмы и света. Все пребывающее выше Луны, пишет Плиний, чисто и наполнено Божественным светом, потому что там заканчивается тень, отбрасываемая Землей, служащая источником вообще всей тьмы этого мира; там заканчивается царство тьмы и ночи; до этой границы существует атмосфера, но по ее пересечении попадаешь в сферу чистого эфира.

Египтяне приписывали Луне творческую энергию Демиурга-Осириса, воссоединявшегося с ней в брачном союзе весной, когда Солнце передавало ей жизнепорождающую энергию, впоследствии рассеиваемую ею вокруг себя в воздухе и всех остальных стихиях. В древней Персии жрецы учили, что Луну оплодотворяет небесный Бык – первый из весенних знаков Зодиака. Во все времена общепризнанным считалось, что Луна обладает огромным влиянием на растительный мир и рождение и рост животных; в наше время вера в это также очень сильна, и влияние это продолжает оставаться таинственным, необъясненным и необъяснимым. Не только астрологи, но и натуралисты вроде Плиния, философы вроде Плутарха и Цицерона, теологи вроде египетских жрецов и метафизики вроде Прокла, – твердо верили во влияние Луны на земную природу.

«Египтяне, – пишет Диодор Сицилийский, – признавали двух великих богов – Солнце и Луну, или Осириса и Исиду, управлявших миром и всеми вещами в нем посредством смены времен года... Такова природа этих богов, что они излучают действенную и плодотворную силу, которой и творится зарождение жизни на Земле; Солнце порождает жар и преобразует свой дух в дуновение ветра; Луна порождает влагу и сухость; оба они обладают властью над воздухом, разделяя ее между собой... За счет этого благотворного влияния все зарождается, растет и процветает. Таким образом, все единое тело земной материальной Природы творится совместным влиянием Солнца и Луны и их пятью основными качествами – принципами духовности, огня, суши, влаги и воздуха».

Точно так же пять первопринципов, или первичных основополагающих свойств, соединяются с Солнцем и Луной и в древнеиндийской теологии. Там они именуются Воздух, Дух, Огонь, Вода и Земля; те же пять основных стихий были приняты за основу теологии древнего Китая. Финикияне, как и египтяне, полагали Солнце, Луну и звезды единственными первопричинами зарождения и разрушения всех вещей.

Луна, как и Солнце, постоянно изменяет маршрут своего следования по небосклону в пределах верхних и нижних знаков Зодиака, и различные фазы ее развития, равно как и ее расположение относительно Солнца, во все времена являлись неисчерпаемым источником притч и мифов.

У каждой планеты есть то, что астрологи называют ее *«домом»* в Зодиаке. Дом Солнца находится во Льве, а дом Луны – в Раке. Каждой планете соответствуют два зодиакальных знака: Меркурию – Близнецы и Дева, Венере – Телец и Весы, Марсу – Овен и Скорпион, Юпитеру – Рыбы и Стрелец, Сатурну – Водолей и Козерог. Это распределение планет по знакам Зодиака также легло в основу многих мифов и легенд, зачастую описывающих и точки предельного восхождения различных планет. Диана Эфесская, воплощение Луны, обычно изображалась с раком на груди, потому что именно в этом знаке находится дом Луны, и по этой же причине львы поддерживали трон Гора – египетского Аполлона, воплощенного Солнца; египтяне считали таврического скарабея посвященным Луне, потому что точка ее предельного восхождения была в Тельце (Taurus), и по этой же причине считалось, что Меркурий преподнес Исиде шлем в виде головы быка.

Далее каждый зодиакальный знак подразделяется на более мелкие сегменты по 10 градусов каждый, именуемые деканами, которых в Зодиаке всего 36 и которые поровну распределены между планетами, соответствующими каждая – одному и тому же количеству деканов, кроме первой, которая, открывая и закрывая пятеричный цикл смены планет, притягивала один дополнительный декан. Это зодиакальное подразделение окончательно оформилось в тот период, когда Овен управлял Весенним равноденствием, а соответственно, пребывающий в Овне Марс открывал серию деканов и потом закрывал ее; планеты затем последовательно сменяли друг друга пять раз подряд в следующем порядке: Марс, Солнце, Венера Меркурий, Луна, Сатурн, Юпитер, снова Марс и т. д. Таким образом, каждому знаку Зодиака соответствуют три планеты, каждая из которых занимает сегмент размером в 10 градусов. Каждый декан управляется своим собственным богом, или гением (всего гениев, следовательно, 36), один из которых, в соответствии с учением халдейских астрологов, спускается на Землю каждые 10 дней и столько же дней пребывает на ней перед тем, как снова вознестись в свою сферу. Такое же деление знаков Зодиака проповедовали в древней Индии, Персии и у некоторых варварских народов, как пишет Авен Эзра. У каждого гения планетарных деканов были собственные имя и свойства. Считалось, что все они оказывают вспомогательное действие при влиянии Солнца и Луны на все вещи этого мира, причем оспаривают друг у друга первенство в этом; священное и таинственное учение об этом влиянии в древности считалось важнейшим из всех наук и искусств; Фирмик пишет, что древние, получившие откровение основ этого учения свыше, не делились им ни с кем, кроме высших посвященных, и даже им его передавали неохотно и с великим страхом, под покровом величайшей тайны, всеми силами стремясь, чтобы эти знания никоим образом не смогли бы стать известны профанам.

С деканами связаны *паранателоны,* то есть звезды *вне* Зодиака, которые восходят и садятся одновременно с 10-градусными подразделениями зодиакальных знаков. Поскольку древние видели в небе только сорок восемь созвездий, из которых 12 составляли Зодиак, очевидно, что существовало тридцать шесть звездных образований паранатального характера по отношению к тридцати шести деканам. Например, при заходе Козерога восходят Сириус и Прокион, или Большой и Малый Псы, которые, таким образом, паранатальны

Козерогу, хотя на небе эти созвездия разделяет достаточно большое расстояние. Восход Рака возвещал заход Северной Короны и восход Большого и Малого Псов – трех паранатальных Раку созвездий.

Во всех мировых астрологических традициях восход и закат звезд связывается с движением Солнца. Всякий стремящийся постичь эти знания древних должен, в первую очередь, усвоить, что движение звезд подразделяется на три типа: космическое, ахроническое и гелиакическое.

Если звезда восходит и заходит в том же градусе или в том же знаке, что и Солнце в тот или иной период, следовательно, она восходит и заходит синхронно с Солнцем, и такое ее движение называется *космическим;* такую звезду невозможно увидеть, потому что она теряется в солнечном излучении. Поэтому для того, чтобы точно определить восход, закат и прочие перемещения *Солнца* по небосклону, необходимо тщательно отслеживать перемещения звезд, восходящих и садящихся прямо перед ним и сразу после него.

Звезда, пребывающая на востоке в начале ночи и на западе – в ее конце, называется перемещающейся *ахронически*. Такая звезда *противостоит* Солнцу; она восходит в конце предвечерних сумерек и заходит при наступлении сумерек предутренних, причем это происходит раз в год со всеми звездами, поскольку Солнце движется от запада к востоку со скоростью в один градус в день относительно остальных звезд.

Если звезда восходит утром, когда ночь кончается, а заходит вечером, говорят, что она движется *гелиакически,* так как Солнце (*Гелиос*) словно обволакивает ее своей эфирной средой. Такая звезда может пропасть на месяц или более, а потом взойти снова, чтобы с каждым днем восходить на час раньше, постепенно выходя из солнечного ореола, а по истечении трехмесячного срока опередить Солнце на шесть часов и, таким образом, восходить в полночь. Звезда движется гелиакически, если она перестает быть видимой над западным горизонтом после заката Солнца, и период такого ее движения начинается, когда перестает быть видимым ее закат на западе. Такие звезды остаются невидимыми вплоть до того момента, когда Солнце настолько перемещается на восток, что больше не затмевает их своим светом, и тогда они появляются на востоке приблизительно за полтора часа до восхода Солнца; это называется их *гелиакическим* восходом. В этот временной интервал также происходят космический восход и закат.

Кроме соотношений между созвездиями и паранателонами, с одной стороны, и домами и точками предельного восхода планет, а также их местоположением в соответствующих домах и деканах, с другой стороны, считалось, что звезды оказывают различное воздействие в периоды восхода и заката – космических, ахронических и гелиакических, а также в разные времена года; все эти различия скрупулезно отражались в древних календарях и ложились в основание многих мифов и аллегорий.

Другим важным признаком подразделения планет на группы было их благое или злое влияние, злая или добрая природа. Персы считали добрыми первые знаки Зодиака, от Овна до Девы включительно, а злыми – последние, от Весов до Рыб включительно. Отсюда и многочисленные легенды о добрых духах и ангелах, или гениях, и злых ангелах, дэвах, падших ангелах, демонах, титанах и гигантах. Также на две группы делились остальные созвездия: по 18 в каждой, или – вместе с зодиакальными созвездиями – по 24.

Таким образом, это было символическое Яйцо, явившееся изо рта невидимого египетского бога Кнефа, в греческих Мистериях известное под названием Орфического Яйца, из которого также вышел Хумон, великий бог корейцев, и египетский Осирис, и Фанес – бог и принцип изначального Света; из которого, по легендам древней Японии, появился весь материальный мир, когда его разбил своими рогами небесный Бык; которое древние греки обычно размещали у подножия статуй Вакха Таврикорна («быкорогого»); это было магическое Яйцо Ормузда, из которого появились Амешаспента и дэвы; обычно легенды и мифы подразумевали разделение этого Яйца на две равные половины, одна из которых содержала в себе порождающий принцип Света и Добра, а вторая – Тьмы и Зла, и влияние на эти половины оказывали, соответственно, созвездия благих духов и созвездия демонов. Весенние созвездия, например, Овен и Телец, Возничий и Капелла, считались благими, в то время как созвездия осенние – Весы, Скорпион, Змей Змееносца и Дракон Гесперид – считались представителями и орудиями Принципа Зла, поскольку неизменно ассоциировались с отрицательным влиянием, которое они оказывали на земную природу осенью и зимой. Зная это, мы с легкостью сумеем объяснить легенды о странствии человеческой души по различным небесным сферам, ее нисхождении на Землю через созвездие Змея и последующем возвращении в Обитель Света через знаки Овна или Тельца.

Животворящая энергия Небес, равно как и воздействие их демиурговой силы достигали пика в день весеннего равноденствия, описываемого практически во всех мифах и легендах, повествующих о победе Света, воплощенного в образах Юпитера, Осириса, Ормузда или Аполлона, над Тьмой. И практически во всех случаях победоносный бог воплощается в быка, барана или агнца. Юпитер отбирает у Тифона свои стрелы-молнии после того, как злой бог завладел ими во время зимнего правления в мире. Потом солнечный бог побеждает извечного своего врага, воплощенного в Змее. И это означает конец зимы, и Солнце снова сияет на небесах, восседающее на быке и сопровождаемое Орионом. Вся Природа радуется его торжеству, повсюду восстанавливаются порядок и гармония вместо повсеместных разрухи и путаницы, которые царили, пока во Вселенной правил мрачный Тифон, а Ариман праздновал победу над Ормуздом.

Древние считали, что Вселенская Душа, направляющая сила Небес и всех сфер их, распространяет свою живительную энергию в основном через Солнце во время прохождения им различных знаков Зодиака, с которыми неразрывно связаны по своему влиянию и их паранателоны, каждый из которых оказывает свое особое воздействие на свойства управляющего Природой великого светила. Действие этой Вселенской Души претворяется в жизнь через движение сфер, а в особенности – Солнца, через его восходы и закаты и их соотношение с движением других звезд в разные периоды их развития. Этими процессами объясняются все метаморфозы Вселенской Души, воплощенной в Юпитере, Вакхе, Вишну, Будде и т. д. и их неотъемлемых свойствах; равно как объясняются ими и обряды поклонения животным, которым посвящали в древности храмы, потому что эти звери считались земными воплощениями небесных зодиакальных знаков, получающими от своих небесных родителей таинственные лучи энергии Вселенской Души.

Все древние почитатели природных сил – теологи, астрологи и поэты, – а также все выдающиеся философы, были убеждены в том, что звезды – это живые и разумные сущности в вечных телах, действенные первопричины всего происходящего на Земле, одушевленные жизненным Первопринципом и наделенные разумом, который сам является лишь частью вселенского разума этого мира; в иерархической структуре и распределении вечных и живых Разумов, то есть богов, ангелов и гениев, мы видим ту же самую основу,

что и в подразделении древними учеными зримой Вселенной и ее частей. Так, например, священное деление на семь и на двенадцать, заимствованное из планетарной и зодиакальной структур, встречается практически у всех народов в пантеонах богов, ангелов и прочих вестников верховной Божественной Силы, правящей и движущей этим миром.

Эти и другие разумы, отождествляемые с теми или иными звездами и созвездиями, в соответствии с учениями древности, управляли всеми силами и вещами в Природе: стихиями, растительным и животным царствами, человеком и всеми его действиями, его добродетелями и пороками, а также вообще всеми проявлениями добра и зла, которые поровну разделены между добрыми и злыми гениями. Страсти души человеческой и болезни человеческого тела – весь человек во всей полноте своих проявлений зависел от Небес и населяющих их гениев, которые присутствовали при его рождении, управляли всей его судьбой, куда бы он ни направлял стопы в течение жизни, а потом принимали в свои объятия его душу, чтобы воссоединить ее с вечным и чистым Светом небесных сфер. И по всему огромному телу материального мира рассеяны мельчайшие частицы Вселенской Души, сообщающей движение всему, что, казалось бы, движется само по себе, дарующей жизнь травам и деревьям, определяющей – в соответствии с великим единым Планом – сроки зарождения и рассеяния их семян; поддерживающей в постоянном движении мировые воды и задающей направление этого их движения; вызывающей ветры, указывающей, куда им дуть, а потом заставляющей их уняться; порождающей океанские бури и потом усмиряющей их; раздувающей пожар вулканов и затем гасящей их; сотрясающей подземными толчками основания высочайших гор и целых континентов, – и все это силами, принадлежащими самой Природе, но неведомыми человеку.

И все эти незримые Разумы, подобно любому воинству, разделены на два огромных полка, марширующие под знаменами Принципов Добра и Зла, Света и Тьмы, иначе именуемых Ормуздом и Ариманом, Осирисом и Тифоном. Принцип Зла является движущей основой грубой материи; он – воплощенный в Аримане и Тифоне – командует воинством злых гениев и дэвов, падших ангелов и злых духов, находящихся в состоянии вечной войны с Принципом Добра, Вечного Света и Славы, то есть Осирисом, Ормуздом, Юпитером, или Дионисом, под знаменами которого собираются Амешаспента,

изеды, ангелы и архангелы; война между ними продолжается в душе каждого человека с момента рождения до момента смерти – всю жизнь.

В наставлении двадцать четвертого градуса ты уже ознакомился с основными событиями легенды об Осирисе и Исиде, и теперь нам осталось лишь рассмотреть астрономические феномены, обращенные в данном случае в форму мифа.

Солнце в день весеннего равноденствия почиталось как плодоносная звезда, изливающая в подлунный мир все силы и все благословение Небес; оно считалось добрым богом, ангелом-хранителем всей земной растительности, привносящим в застоявшуюся земную природу новое действие, заново заставляющим биться огромное сердце Земли, замороженное ветрами зимы; в силу его живительного действия из груди Земли появлялись первые весенние ростки, и в воздухе начинали разливаться весенние ароматы; весна царила в лиственных лесах и покрытых цветами лугах, обещая в должные сроки принести богатый урожай зерна, плодов и пурпурного винограда.

Солнце тогда именовалось Осирисом, божественным супругом Исиды, богом зарождения жизни и благотворителем человечества, изливающим на него и на весь мир все благословения и все божественные силы. Врагом его считался Тифон, его диаметральная противоположность, в соответствии с египетской мифологией, равно как в мифологии персов противником Ормузда – Принципа Добра – считался Ариман.

Диодор Сицилийский пишет, что первые жители Египта и Эфиопии видели в Небесах первопринципы земной жизни, то есть своих великих богов: одного – солнечного – бога Осириса, и другую – лунную – богиню Исиду; и этих богов они считали прародителями жизни на Земле. Евсевий добавляет, что эта вера также исповедовалась финикийцами. Эти великие боги управляли всем в мире. От них все подлунные вещи получали жизненные силы и силы роста в разные периоды своей жизни, соответствующие годичным фазам великих небесных светил.

Считалось, что Осирис и Исида принесли людям цивилизацию, научили их ведению сельского хозяйства, законам, различным искусствам, религиозной вере, научили их строить храмы, даровали им письменность, изобретя буквы, заложили основы астрономии, гимнастики и музыки, – то есть всего, что приносит благо. Осирис

много странствовал, принося цивилизацию в те страны, через которые проходил, и делясь с их жителями различными полезными открытиями. Он возводил города и учил людей обрабатывать землю. Первыми его дарами человечеству были пшеница и вино. Его учение восприняли Европа, Азия и Африка, и даже самые отдаленные области Индии помнят его и почитают одним из величайших своих богов.

Ты помнишь, что брат Осириса Тифон убил великого бога. И тело его он разрубил на множество кусков, которые затем собрала Исида – все, за исключением его детородного органа, который Тифон бросил в реку, оплодотворяющую поля Египта, а там его проглотили рыбы. Остальные части тела Осириса Исида погребла, воздвигнув над ними величественную усыпальницу. После гибели супруга она больше не соединялась ни с кем, но не прекращала наделять своих подданных благословениями Небес. Она лечила немощных, наделяла зрением слепых, исцеляла паралитиков, даже воскрешала мертвых. Она также научила своего сына Гора, или Аполлона, науке божественных откровений и врачеванию.

Так египтяне отображали в мифах действие двух великих светил, которые породили из буйства стихий животных и людей, все материальные вещи, которые рождаются, живут и умирают в неизменном круге материального рождения и смерти в земном мире.

Когда небесный Бык открывал новый год в день весеннего равноденствия, Осирис соединялся с Луной и делился с ней животворящим семенем, которое она изливала в воздух, оплодотворяя принципы Плодородия, в свою очередь, дарующие жизнь всей земной растительности. Апис, изображавшийся в виде быка, являлся живым и осязаемым образом Солнца, или Осириса в его союзе с Луной, или Исидой, в день весеннего равноденствия, совместно с ней производящего всю и всяческую жизнь на Земле. Этот союз Солнца с Луной в день весеннего равноденствия в созвездии Тельца, определил наличие отметины в виде лунного серпа на плече быка Аписа. И плодотворное влияние этих двух светил отражалось в символах, которые в наши дни сочли бы грубыми и непристойными, но в те времена их понимали правильно.

Все благое в Природе проистекает от Осириса: порядок, гармония и благоприятный климат в разные времена года и периоды обращения небесных тел. От Тифона, напротив, проистекают бурлящие страсти и неуправляемые импульсы, побуждающие в человеке

к действию грубую материю: болезни его тела, разрушительные и вредные для него порывы душевных страстей, – равно как и плохая погода, солнечные и лунные затмения. Персы именовали Осириса и Тифона Ормуздом и Ариманом; это были извечные Принципы Добра и Зла, Света и Тьмы, пребывающие в постоянной борьбе за овладение Вселенной.

Осирис воплощал вселенскую жизнепорождающую силу. Эта сила отображалась в особенностях его статуй и в знаке, в котором он пребывал в день весеннего равноденствия. В особенности явно он отражал природный принцип Влажности, служивший порождающей причиной всех вещей в мире; Нил и вообще все воды мира считались проистекающими от него, а ведь без воды в мире не могла бы возникнуть и растительность.

Многие писатели древности подтверждают, что Осирис и Исида являлись воплощениями Солнца и Луны: Диоген Лаэртский, Плутарх, Лукиан, Свида[7], Макробий, Марциан Капелла и другие. Эмблемой Осириса являлось око над скипетром царской власти. Греки именовали Солнце Оком Юпитера и Оком Мира. В наших ложах это Всевидящее Око. Кларийский Оракул именовал его Звездным Царем и Вечным Огнем, порождающим год и времена года, управляющим ветрами и дождями, сменой дня и ночи. Осирис почитался как бог Солнца, обитель которого была среди его лучей, как незримая и вечная Сила, управляющая подлунным миром через свой материальный образ – Солнце.

Осирис – это тот же бог, который почитался также под именами Вакха, Диониса и Сераписа. Серапису приписывалось учреждение порядка и гармонии в материальном мире. Вакх совместно с Церерой (которую Геродот отождествляет с Исидой) распределяет в материальном мире все божественные блага, – и от этих двоих божеств в мире проистекает все благое и прекрасное. Один творит семя и зачатки всего благого и прекрасного; вторая же сохраняет все в должном месте, в соответствии с персидской мифологией, пребывающем в области Луны. В теологии всех древних народов – и египтян, и персов – Луна оказывает непосредственное влияние на Землю, но только если при этом ее оплодотворяет у египтян – Осирис, а у персов – небесный Бык, с которыми она соединяется в день весеннего равноденствия в знаке Тельца, достигнув точки высшего подъема и сильнейшего влияния на земные процессы. Сила Осириса, пишет Плутарх, действует через посредство Луны. Она

по отношению к нему является пассивной первопричиной, а по отношению к Земле – активной первопричиной, и именно Земле она передает жизнепорождающее семя, полученное от него.

Воды Нила в древнем Египте начинали свое движение в день весеннего равноденствия, когда новолуние совпадало с вхождением Солнца в знак Тельца; посему считалось, что Нил получает живительную силу от Солнца в день Равноденствия и обновленной Луны, встречающихся в Тельце. Часто Осирис отождествлялся с Нилом, а Исида – с землей; считалось, что Осирис оказывает на землю влияние и через Луну, и через Нил, – отсюда и миф о поглощении его детородного органа водами этой реки. С другой стороны, Тифон является первопринципом сухости и пустоши, а убиение им Осириса символизирует осеннее возвращение Нила в свое русло, его усыхание.

Повсюду, а не только в Египте, Осирис был богом всех живительных дождей, выпадающих на землю, чтобы оплодотворить ее, а Тифон – богом осенних палящих ветров, штормовых ветров, которые высушивают цветы, кусты и листья на деревьях, коротких морозных дней, – вообще всего вредного Природе, несущего ей гниение и разрушение.

Короче говоря, Тифон служил олицетворением принципа Тьмы и Разрушения, Нижнего мира, порождавшего землетрясения, штормовые передвижения в воздухе, палящую жару, молнию, огненные метеоры, чуму и прочие напасти. Таков был и Ариман древних персов; практически во всех космогонических легендах древнего мира в различных формах описывался его жестокий бунт против Принципа Добра и Света. Осирис же, напротив, посредством внутренних мыслей Исиды о нем, наполняет мир счастьем, чистотой и порядком, за счет чего этот мир и продолжает существовать. По легенде, он погиб в день осеннего равноденствия, когда Телец, то есть Плеяды, появляется на вечернем небосклоне, и воскрес к новой жизни весной, когда вся природа пробуждается и наполняется новой жизненной энергией.

Конечно, эти два зодиакальных знака – Телец и Скорпион – чаще всего фигурируют в мифологической истории Осириса потому, что за 2500 лет до начала новой эры они отмечали равноденствия; а рядом с ними располагались созвездия, которые в дни равноденствий словно ограничивали животворящее влияние Солнца; также следует отметить, что Венера, богиня оплодотворения Земли,

обитает в Тельце, а Луна достигает в этом знаке точки предельного восхождения.

Когда Солнце пребывало в знаке Скорпиона, Осирис утратил свою супругу Исиду, а вместе с ней – животворящую силу, которой, пребывая в Тельце, делился с Землей через Луну. Тифон, чьи руки и ноги изображались в виде ужасных змеев, обитающий на египетской планисфере в Скорпионе, заключил Осириса в ковчег, который бросил в воды Нила под 17-м градусом Скорпиона. Под этим знаком Осирис утратил жизненную и мужскую силу, которые впоследствии возвратил себе весной, снова вступив в союз с Луной. При его вступлении в знак Скорпиона дни становились короче, ночь вступала в свои права, Нил возвращался в границы русла, а деревья на его берегах теряли листву. Поэтому и на памятниках митраического культа Скорпион впивается своим жалом в гениталии небесного Быка Равноденствия, на котором восседает Митра – бог весны и зарождения жизни; на этих же монументах часто можно увидеть изображения двух деревьев: одно из них покрыто молодой листвой, и у его подножия стоит бык и горит факел, а второе увешано созревшими плодами, а около него – скорпион и тоже факел, но уже потухший.

Ормузд или Осирис, благотворный принцип, дарующий миру свет, воплощался в образе Солнца – явного источника света. И Тьма, воплощенная в Аримане или Тифоне, была его естественным противником. Мудрецы Египта описывали вечную и необходимую борьбу этих непримиримых принципов, каждый из которых при очередном перемещении Солнца по небосклону одерживает победу – будь то весной под знаком Тельца или осенью под знаком Скорпиона, как повествуют нам в мифологической истории Осириса Диодор и Синезий; в этой истории также принимают участие воплощенные звезды и созвездия, в частности, Орион, Капелла, Близнецы, Волк, Сириус и Геркулес, чьи восходы и закаты возвещают наступление равноденствий.

Плутарх описывает положение Солнца и Луны на небосклоне в момент убийства Осириса Тифоном. Солнце, уверяет он, пребывало в Скорпионе, куда оно вошло в день осеннего равноденствия. Он добавляет, что Луна была полной и, следовательно, при восходе она находилась в Тельце, восходившем, находясь в противостоянии к Скорпиону, при их с Солнцем закате; таким образом, Луна одна пребывала в то время в Тельце, в котором за полгода до этого

она пребывала в союзе с Осирисом – Солнцем, воспринимая от него вселенское семя новой жизни. В этом знаке Осирис впервые вступил в права владения своим царством добра и света. Этот знак восходил одновременно с Солнцем в день весеннего равноденствия; в течение шести месяцев он пребывал на освещенной полусфере небосклона, предшествуя Солнцу в его небесных перемещениях, пока осенью оно не приближалось к Скорпиону, с которым он находился в противостоянии и, следовательно, садился, когда тот восходил; Скорпион управлял движением Солнца по ночам, когда оно скрывалось за линией горизонта, а сам высоко поднимался над ним в период долгих ночей. Поэтому во главе траурной процессии в ознаменование трагической гибели Осириса несли изображение золотого быка, накрытое черной материей – символом тьмы, в которую погружался знак Осириса на северной стороне небесной полусферы в отсутствие Солнца, находясь во власти Тифона – Принципа Тьмы и Зла.

Нисходя от знака Тельца, Исида, то есть Луна, отправлялась на поиски Осириса через все основные знаки Зодиака, в каждом из которых она последовательно достигала полноты в период между осенним и весенним равноденствиями, – но нигде не находила своего супруга. Давайте последуем за ней в ее аллегорическом странствии.

Осирис был убит своим соперником Тифоном, с которым вступила в заговор Царица Эфиопская, под которой, по мнению Плутарха, подразумеваются осенние ветры. Скорпиону – знаку, в котором пребывало Солнце в момент убийства Осириса, – был паранатален Змей, рептилия, обладающая всеми атрибутами злого гения, то есть Тифона, который в египетской мифологии сам выступал в образе змея. Недалеко от Скорпиона находится и Кассиопея, Царица Эфиопская, чей заход совпадает с нашествием осенних ветров.

Осирис снизошел в царство теней. Там он принял имя Сераписа, то есть Плутона, что одно и то же, и принял в себя его природу. Тогда он пребывал в союзе со Змееносцем, иначе именуемым Эскулапом, чей образ он принимал во время своего нисхождения в низшие знаки Зодиака, где его именовали Плутоном, или Адом.

Когда Исида оплакивала гибель Осириса и во главе траурной процессии выносили изображение золотого быка, укрытого траурным крепом, вся Природа оплакивала гибель лета со всеми его радостями и благами и наступление царства Ночи, спад вод Нила,

которым весенний солнечный Бык даровал плодородие, уход живительных ветров, приносивших дожди, переполнявших водой священную реку, сокращение продолжительности светового дня и зимнее опустошение земли. Телец, находившийся тогда в противостоянии к Солнцу, вступал в черный конус земной тени, в котором обычно происходит полное лунное затмение и который обволакивает небесного Быка на протяжении всего того времени, что он находится над горизонтом.

Тело Осириса в ящике, или ковчеге, было брошено в Нил. Пан и его сатиры нашли ковчежец недалеко от Хеми и, подняв дикий крик и плач, известили всю страну о смерти солнечного бога, повергнув ее в глубокий траур и тревогу. Телец и полная Луна тогда погрузились в темный конус, а под Тельцом протекала небесная Река, обычно именовавшаяся Нилом, как и река земная. Персей, бог земли Хеми, – это и Возничий, идентичный Пану и ведущий за собой козу Айгу, свою жену.

Потом Исида отправилась на поиски тела своего мужа. На пути ей встретились дети, которые видели ковчег с телом и указали, где его искать. В благодарность за эти сведения она наделила детей пророческим даром. Второе полнолуние происходит в знаке Близнецов – небесных покровителей Дидимского оракула, в котором, по легенде, пророчествовал сам Аполлон, бог вообще всех пророчеств.

Затем Исида узнала, что ранее Осирис по ошибке вступил в связь с ее сестрой Нефтидой: об этом ей поведал венок из листьев донника, оставшийся на земле. От этой связи родился ребенок, которого Исида нашла при помощи своих псов и с которым с тех пор не расставалась. Это был Анубис – ее верный страж. Третье полнолуние происходило в Раке, обители Луны. Одновременно с этим знаком восходили корона Ариадны, или Прозерпины (обычно изображавшаяся в виде венка из листьев донника), Прокион и Большой Пес, одна звезда которого именовалась Звездой Исиды, в то время как самому Сириусу в Египте поклонялись под именем Анубиса.

Исида возвратилась в Библос и там уселась у фонтана, где и сидела до тех пор, пока ее не обнаружила служанка царского двора. Исиду убедили пожить при дворе, где она стала кормилицей царского сына. Четвертое полнолуние происходило во Льве, обители Солнца, то есть Адониса, Царя Библосского. Одновременно с этим знаком восходят звезды, составляющие Воду Водолея, а также Цефея – Царя Эфиопского, в частности, Регул, который обычно именуют

Царской звездой. Далее восходит Кассиопея, его жена, Царица Эфиопская, его дочь Андромеда и Персей, его зять, – и все эти созвездия паранатальны как Льву, так и Деве.

Исида кормила царского сына не грудью, а мизинцем, причем только по ночам. Она сожгла все материальные части своего тела, а потом обратилась в ласточку и облетела вокруг одной из колонн царского дворца, выточенной из тамарискового ствола, заключившего в себя в процессе естественного роста ковчег с телом Осириса и до сих пор содержавшего его в себе. Пятое полнолуние происходило в Деве, знаке Исиды; например, Эратосфен так и называет это созвездие Исидой. Оно обычно изображалось в виде женщины, кормящей младенца – то есть сына Исиды, родившегося в период зимнего солнцестояния. Одновременно с этим созвездием восходили Мачта Корабля (Арго) и Ласточка (или Рыба с ласточкиным хвостом), а также часть Персея, зятя Царя Эфиопского.

Исида извлекла ковчег с телом супруга из колонны и отправилась на корабле из Библоса в Бутос вместе со старшим сыном Эфиопского Царя, а там ее уже ждал Анубис, охранявший сына ее Гора; утром ее прибытия река пересохла от сильного ветра, задувшего внезапно. По прибытии она спрятала ковчег в лесу. Тифон, охотясь в лесу на диких вепрей, обнаружил там ковчег, узнал в мертвом теле своего давнего врага и рассек это тело на четырнадцать кусков – по числу дней между полнолунием и новолунием. В каждый из этих дней Луна теряет по частице света, которым она была изначально наполнена. Шестое полнолуние происходило в Весах, которые отделяют от Девы Корабль, Персея – зятя Царя Эфиопского – и Волопаса, по легенде, выкормившего Гора. Река Ориона, который заходит утром, паранатальна Весам, равно как и Большая Медведица, или Вепрь Эриманфский, и Дракон Северного полюса, или знаменитый Пифон, многие свойства которого перешли к Тифону. Все они окружают полную Луну в Весах – последнем из старших зодиакальных знаков, предшествующем первому весеннему новолунию в Тельце, когда Луна снова вступает в союз с Солнцем.

Исида собрала останки Осириса и похоронила их, отдельно освятив его фаллос, изображение которого впоследствии носили во главе праздничной процессии на *Памилии,* то есть праздники весеннего равноденствия, когда отмечалось брачное воссоединение Осириса и Луны. После этого Осирис возвратился из царства теней, чтобы помочь своей супруге Исиде и сыну Гору в борьбе про-

тив сил Тифона. По одной легенде, он возвратился на землю в образе волка, а по другой – коня. Через четырнадцать дней после полнолуния в Весах Луна оказывается в Тельце, где она воссоединяется с Солнцем, чьи свет и тепло на протяжении еще четырнадцати дней накапливаются на ее поверхности вплоть до нового полнолуния. Пребывая в обители вечного света, тепла, порядка и гармонии, она, таким образом, накапливает силы для последующей борьбы с семенами зла, тьмы и порока, которые во время своего зимнего правления успел повсюду в Природе рассеять Тифон. Этот переход Солнца в Тельца, свойства которого оно принимает по возвращении из мира теней, отмечается восходом Волка и Центавра, а также гелиакическим заходом Ориона – Звезды Гора, который должен будет воссоединиться с Солнцем весной, торжествуя победу над Тифоном и его силами тьмы.

В отсутствие Осириса, после того, как она спрятала его тело в лесу, где Тифон нашел его, Исида вступила в связь с вечным врагом своего мужа, и разгневанный на нее Гор за это отнял у нее древнюю диадему, украшавшую ее голову, когда она воссоединилась с мужем перед тем, как тот пошел войной на Тифона; но Меркурий подарил ей взамен шлем в виде головы быка. Потом Гор – великий воин (а именно так всегда описывали Ориона), – вступил в бой с Тифоном, напавшим на его отца в образе Змея, или полярного Дракона, и победил его. У Овидия Аполлон точно так же побеждает вышеупомянутого Пифона, в то время как Ио, очарованная Юпитером, изображается в виде коровы и помещается в знак небесного Быка, где она становится Исидой. Цикл равноденствий заканчивается в тот момент, когда в период весеннего равноденствия Солнце и Луна воссоединяются с Орионом, то есть Гором, пребывающим на небесах чуть ниже Тельца. Луна обновляется и в виде серпа впервые появляется в следующем знаке – Близнецах, обители Меркурия. Тогда Орион в союзе с Солнцем, с которым он восходит одновременно, противостоит своему врагу Скорпиону, пребывающему в вечной тьме, и прогоняет его с небосклона всегда, как только тот пробует взойти над горизонтом на востоке вместе с Солнцем. Дни становятся длиннее, и семена зла со временем полностью исчезают в Природе, и Гор (от *«ор»* – «свет») празднует победу, символизируя последовательностью претворения свойств Осириса вечное обновление Солнца и его животворящую силу в период весеннего равноденствия.

Так соотносятся последовательно сменяющие друг друга астрономические феномены с различными эпизодами легенды об Осирисе и Исиде. Они наглядно демонстрируют нам, в чем состояла ее основа, неизбежно дополненная поэтическими аллегориями, подробностями и отступлениями, отличающими мифологический стиль изложения, столь характерный для поэтического гения Востока.

Не только в этой легенде, но и практически во всех мифологических сводах всех древнейших народов принимают участие бык, агнец, лев и скорпион, или змей,– таким образом, основы веры солнцепоклонников становятся совершенно очевидны. Практически повсеместно, даже в нашем Ордене, сохранились праздники в честь равноденствий и солнцестояний. На потолках наших храмов изображены великие и малые светила небосклона, а наши Великие и Малые Светочи своим числом и расположением также соотносятся с определенными астрономическими явлениями. Во всех церквях и часовнях, равно как и в языческих капищах и пагодах, жертвенник расположен на Востоке, а плющ, обвивающий восточные окна старинных церквей,– это не что иное как Hedera Helix, посвященная Вакху. Даже символ креста имеет астрономическое происхождение, не говоря уже о прочих древних символах в наших ложах.

Ученый автор «Сабейских исследований» Лансер предлагает другую версию легенды об Осирисе, в которой главную роль играет созвездие Волопаса. Лансер отмечает, что поскольку ни одна из звезд не может быть видна одновременно с Солнцем, его действительное положение относительно знаков Зодиака могло быть вычислено сабейскими астрономами только исходя из наблюдений за гелиакическими и ахроническими восходами и закатами звезд. Сабеяне отмечали многие солнечные праздники, часть которых обладала также значением для сельского хозяйства, и сопутствующим зодиакальным знаком практически всех этих празднеств было то восходящее, то заходящее созвездие Мужа, Загонщика Медведей, или Волопаса. Иерофанты полагали звезды этого созвездия явными указателями на истинное положение Солнца на эклиптике в разное время года, и праздники также получили названия в честь исчезновения (*Афании*) Осириса, или Адониса, то есть *Волопаса,* его поисков (*Зетезии*), и так далее.

Периоды обращения определенных звезд и их соответствие весеннему (посевному) и осеннему (урожайному) периодам казались

древним народам, еще не открывшим закон их постепенного изменения, проистекающего от их перемещения по широте и именующегося Законом прецессии равноденствий, неизменными и вечными; и для посвященных, в гораздо большей степени, чем для простого народа, эти периоды обращения были небесными знамениями, от которых зависело не только благополучие, но и само существование человеческого рода на Земле; первыми созвездиями, отмеченными на небосклоне сабейскими астрономами, были *Жрец, Царь, Царица, Пахарь* и *Воин.* Названия этих созвездий чаще других встречаются на сабейских пророческих цилиндрах астрологов. *Царь* – это, в сущности, *Цефей,* или эфиопский *Кефей;* а *Пахарь – Осирис, Вакх, Сабазий, Ной,* или *Волопас.* Этому знаку египтяне были всенародно благодарны, потому что видели, что от Осириса проистекают практически все блага и радости их жизни. Движение звезд созвездия Пахаря указывало последовательность работ, которые необходимо было проводить на земле для сохранения и наиболее плодотворного использования ее ресурсов; поэтому и в Египте, и в Эфиопии их со временем начали почитать как звезды, покровительствующие земному плодородию; именно этим звездам были адресованы молитвы, служение и жертвы набожных сабеян.

Ландсер пишет, что в Волопасе, если считать вплоть до пятой величины, всего двадцать *шесть звезд,* которые последовательно исчезают ахронически за горизонтом, и отсюда пошла легенда о рассечении Тифоном тела Осириса на двадцать шесть кусков. Конечно, в созвездии Волопаса гораздо больше звезд, однако даже на совершенно ясном ночном небосклоне сабейские почитатели Осириса не могли их видеть без телескопа.

Плутарх пишет, что тело Осириса было рассечено на *четырнадцать* кусков; Диодор – что на *двадцать шесть,* а взгляды Ландсера на легенду об Осирисе и Исиде несколько отличаются от традиционно принятых. Вот они.

Ландсер полагает, что Тифон – это, по мысли древних, *океан,* окружающий Землю, в котором по исчезновении за горизонтом тонут все звезды; наверное, для древних это было воплощение Тьмы, которую они именовали Тифоном. По древней легенде, он встретился с Осирисом, когда охотился при лунном свете.

Древняя Сава находилась приблизительно на 15° северной широты, Аксум – приблизительно на 14°, а Западная Сава, или Мероэс, –

к северу от Аксума. Сорок восемь веков назад Альдебаран, ведущая звезда года, достигал на рассвете в день весеннего равноденствия угла подъема над горизонтом в 14°, и этого было для него достаточно, чтобы перестать быть *вспыхивающей звездой,* то есть звездой, становящейся видимой, только выходя из зоны солнечных лучей. Древние отводили звездам первой величины двенадцать дней на то, чтобы выйти из зоны солнечного сияния, и чем дальше на юг, тем сумерки становились короче.

В те времена звездой полюса была не та, которую мы сейчас называем Полярной звездой, а α Дракона, и вообще все звезды восходили и заходили под совершенно иными углами, нежели сейчас. Сконструировав земную сферу с подвижными полюсами, которую можно было вращать по-разному с учетом всех возможных колюров, Ландсер пришел к выводу о том, что в те давние времена на 15° северной широты 26 звезд Волопаса (или 27, считая Арктур) не заходили последовательно и ахронически; вместо этого некоторые из них заходили синхронно по две, а шесть последних – по три; таким образом получается всего *четырнадцать* последовательных заходов светил, что и отражается, по Плутарху, в легенде о рассечении тела Осириса на четырнадцать кусков. Каппа, Йота и Тета этого созвездия, составляющие его поднятую на западе руку, исчезали за горизонтом одновременно последними. Еще пребывая над линией горизонта, они уже переставали быть видны на три или четыре дня, о чем упоминается в некоторых версиях легенды; все это время продолжались *Зетезии,* то есть поиск, и финикийские и иерусалимские женщины продолжали оплакивать Чудо, то есть Таммуза; но впоследствии эти звезды снова появлялись на небе, чуть ниже и восточнее α Дракона.

И в то же самое утро, когда последняя звезда Пахаря, двигаясь ахронически, скрывалась за горизонтом, на востоке гелиакически восходил Альдебаран и становился видим утром, до света дня.

А именно в момент гелиакического восхода Арктура также восходила Повязка Девы. Первый находится близко к центру Пахаря, а вторая – Девы, посему древние вполне могли считать Арктур той частью Осириса, которую Исида не нашла вместе со всеми остальными.

В Дедане и Саве полагали, что между *афанией* (*исчезновением*) этих звезд и гелиакическим восходом Альдебарана проходят тридцать шесть дней. В эти тридцать шесть дней, или сорок, как в Ме-

дине, или чуть больше, как в Библосе и Вавилоне, звезды Пахаря постепенно скрывались за горизонтом во время сумерек (*crepusculum*) – короткого утра этих южных широт. Древние часто наблюдали звезды именно в этот период ухода звезд и возвращения солнечного света.

Таким образом, сорокадневный период после смерти Осириса измерялся, начиная с исчезновения его звезд. Как только из виду исчезала последняя из них, наступал весенний сезон и Солнце восставало во всей своей красе одновременно с сиятельным Альдебараном в Тельце – вожде небесных воинств; и во всех странах древнего Востока это считалось великим праздником, который повсеместно широко отмечался.

Сам Волопас, за исключением звезд χ, ι и δ, не показывался над горизонтом в восточном секторе небосклона ранее, чем через четыре месяца. К тому времени звезды Тельца отклонялись к западу, и гелиакически восходила Дева. На этой широте также заходили звезды Большой Медведицы, которую на Востоке называли Ковчегом Осириса; и последняя из этих звезд – Бенетнаш – незадолго до летнего солнцестояния оказывалась среди звезд головы Льва на восточном горизонте. Примерно через месяц за ней следовал Пахарь во главе с Расом, Мирахом и Арктуром, которые практически одновременно восходят гелиакически.

Таким образом, Волопас восставал на востоке сразу за Виндемиатрикс, точно под мягким воздействием ее лучей; своими ежегодными перемещениями он служил древним народам символом процветания и богатства; в течение первой четверти года он перемещался на восток и достигал верхней точки восхождения вместе с Девой; потом, когда начинали восходить звезды Кувшина Водолея и этот знак открывал ежегодный разлив Нила, он отправлялся в свое западное странствие, предшествуемый Ковчегом Осириса. На древнем Востоке он был символом счастья и вечной радости, в которой пребывала Природа – богиня пассивного плодородия, зарождения новой жизни. Пребывая на северо-западе и склоняясь к линии горизонта в этой его части, он постепенно утрачивал свою мужскую силу; солнечный год шел на убыль, и как только звезды Волопаса скрывались за линией горизонта на западе, Осирис умирал и весь мир оплакивал его гибель.

Астрономы древности видели в звездах практически все символы, почитаемые современным масонством. Сириус сияет в наших

ложах в виде Пламенеющей Звезды. Солнце символизирует точка внутри круга, а Луна и Меркурий, или Анубис, включены в число Великих Светочей ложи. Божественную силу в древности приписывали не только им, но и различным фигурам, образуемым звездами на ночном небосклоне. Именно отсюда пошло почитание чисел и глубокое их изучение. Три Великих Царя Пояса Ориона расположены на прямой линии на равном расстоянии друг от друга: две крайние звезды разделяют 3°, а расстояние между каждыми двумя звездами составляет 1° 30'. И точно так же, как число *3* было и остается основным священным числом степени Ученика, так и основной символической фигурой для древних геометров была прямая линия, которая обладает длиной, но не шириной, которая является, в сущности, вытянутой точкой, которая является эмблемой единства, а значит, и Блага, в то время как прерывистая или ломаная линия символизирует двойственность и Зло. Рядом с вышеупомянутыми звездами Пояса Ориона располагаются Гиады, которых *пять,* – а это число Подмастерья; а еще чуть дальше располагаются Плеяды, которых *семь,* – число Мастера; таким образом, все три священных для масонства, равно как и для пифагорейской философии, числа располагаются в небесах рядом, причем именно там, где среди звезд сияет небесный Бык – символ плодородия и зарождения жизни, и Альдебаран ведет в бой небесные воинства (*цваот*).

Альгениб в Персее и Альмаах и Алгол – в Андромеде составляют прямоугольный треугольник, иллюстрируя 47-ю проблему Эвклида и подвеской Досточтимого Мастера сияя в небе. Денебола во Льве, Арктур – в Волопасе, Повязка – в Деве составляют равносторонний треугольник, вселенский символ Совершенства и Божества в тройственности и единстве Его беспредельных свойств – Мудрости, Силы и Гармонии, или порождающей, поддерживающей и разрушительной Его сил. Трое Царей совместно с Ригелем Ориона составляют три треугольника в одном; а Капелла и Меркалина в Возничем, вместе с Беллатрикс и Бетельгейзе в Орионе, составляют два равнобедренных треугольника в β Тельца, которая равноудалена от обеих звездных пар, без нее составляющих прямоугольный параллелограмм, то есть прямоугольник, столь часто упоминаемый среди символов многих наших градусов.

Юлий Фирмик в своем описании Мистерий древности утверждает: «Эти погребальные ритуалы, ежегодно справляемые по умершему Осирису, имеют физическое обоснование, по мнению их сто-

ронников. Они именуют жизненное семя Осирисом, Землю – Исидой, природный жар – Тифоном, а поскольку плоды Земли прорастают под воздействием природного жара и собираются человеком для пропитания, сим отделяясь от Земли – своей супруги, а затем снова засеваются с приближением зимы, – они и считают их аллегорией гибели Осириса; а когда, при условии правильного землепользования, эти семена снова прорастают в земле и снова приносят плоды, древние полагают это аллегорией воскресения и нового обретения Осириса».

Без сомнения, падение листьев с деревьев и гниение трав осенью считалось древними народами явным результатом воздействия тех сил, которые обращают жизнь в смерть с тем, чтобы впоследствии заново возродить жизнь. Древние видели в этих явлениях знамения смерти всей Природы, равно как появление на земле новой травы, на деревьях – почек и затем листвы, виделось им знамением возрождения жизни; однако все эти признаки были вторичными по отношению к небесным перемещениям Солнца. Именно *его* смерть ритуально оплакивалась народами Востока, а не смерть этих вторичных проявлений его животворящей силы; именно с его смертью и последующим воскресением они связывали небесные перемещения практически всех звезд и планет.

Мы уже упоминали о той связи, которая существует между двенадцатью знаками Зодиака и легендой степени Мастера. Здесь можно привести еще несколько достойных внимания совпадений.

На Мастера Хир-Ома были совершены нападения у Восточных, Западных и Южных врат Храма. Как мы уже знаем, древние называли равноденствия Небесными Вратами, а сирийцы и египтяне считали Рыб (созвездие рядом с Водолеем, одной из звезд которого является Фомальгот) покровительницами насилия и смерти.

Мастер Хир-Ом пролежал в первой могиле семь дней; а во время зимнего солнцестояния длина светового дня остается минимальной и неизменной на протяжении пяти – шести дней. Затем Солнце начинает движение на север, и, как Осирис воскресал к новой жизни в этот период, так и Мастер Хир-Ом воскрес в силу необоримого влияния Льва, ожидавшего его в точке летнего солнцестояния и притягивавшего к себе.

Имена троих убийц Мастера Хир-Ома вполне могут происходить от названий этих трех звезд. Многие годы мы впустую ищем происхождение имен *Юбела, Юбело* и *Юбелум* в древнееврейском и арабском

языках. Однако на этих языках они звучат совершеннейшим абсурдом и не имеют ровным счетом никакого смысла. Впрочем, также такие имена, как *Гибс, Гравелот, Хобген* и прочие упоминаемые в ритуалах Древнего и Принятого Шотландского Устава, не имеют ни корней, ни смысла в каком-либо из известных нам древних языков. Но когда Солнце вследствие прецессии равноденствий пребывало в Весах в день осеннего равноденствия, когда приходил конец царствию в мире Тифона, оно в этом знаке встречалось с тремя звездами, составлявшими треугольник: *Зубен-ас-Хамали* на западе, *Зубен-Хак-Раби* на востоке и *Зубен-аль-Губи* на юге, то есть непосредственно под тропиком Козерога, в области вечной тьмы. Вполне вероятно, что именно искаженные названия этих звезд и стали для нас именами убийц Великого Мастера. В Зубен-Хак-Раби мы видим прототип имени Юбелума Акиропа[8]; в Зубен-аль-Губи – Юбело Гибса; время и безграмотность толкователей и переводчиков могли даже превратить слова «ас-Хамали» в «Гравелот».

Исида, воплощенная Луна, в слезах отправилась на поиски своего супруга. Девять или двенадцать (в зависимости от устава) Подмастерьев в белых запонах отправились на поиски тела Мастера Хир-Ома в легенде степени Мастера: в нашем уставе это Девять Рыцарей Избранников, или Мастера Избранники Девяти. На пути Луны по небосклону расположены девять примечательных звезд, при помощи которых моряки определяют географическое положение своих кораблей: Ариет, Альдебаран, Поллукс, Регул, Повязка Девы, Антарес, Альтаир, Фомальгот и Маркаб. Древние вполне могли полагать, что эти звезды помогали Исиде в ее поисках.

В легенде степени Мастера Йоркского Устава на поиски тела Хир-Ома и его убийц отправились *двенадцать* Подмастерьев. Это число соответствует числу Плеяд и Гиад в Тельце, среди каковых звезд находилось Солнце в тот месяц, когда Свет начинал победное шествие к окончательному торжеству над Тьмой и проводились мистериальные празднества. Мы уже видели, что эти звезды издревле пользовались повышенным вниманием со стороны астрономов и поэтов. Для заблудившегося морехода Плеяды были путеводными звездами; для земледельца – Весенними Девами, вестницами времени цветения и плодоношения.

Поскольку в наше время видны только шесть звезд Плеяд, число 12 могло быть получено в результате установления древними астрономами связи между ними, Альдебараном и пятью наиболее ярки-

ми звездами Гиад, расположенными в той же области небосклона; это Трое Царей в Орионовом поясе и Беллатрикс и Бетельгейзе на плечах Ориона.

«Можешь ли ты, – вопрошает Иов, – связать узел Хима и разрешить узы Кесиль?[9]» И в Книге Амоса мы снова видим, что эти звезды связываются с понятием торжества Света над Тьмой: «Кто сотворил Семизвездие и Орион и претворяет смертную тень в ясное утро[10]...».

По древней масонской легенде, Подмастерьев привела к пещере, где скрывался Абирам, собака. Волопас в древности именовали Калеб Ануба – Лающий Пес, и воплощением его был бог Анубис с собачьей головой, сопровождавший Исиду в ее поисках. В Книге Иова также проводится параллель между Арктуром, одной из звезд Волопаса, ярко-красным, точно в гневе или рвении, и Плеядами с Орионом. Когда Телец открывал солнечный год, Арктур вставал в период зимнего солнцестояния сразу после Солнца, точно искал его, шел по его следам во тьме, и действительно, через шестьдесят дней, они вставали вместе, словно поиски наконец увенчались успехом. Тогда же, то есть в дни зимнего солнцестояния, Орион восходил в полдень, а ночью словно отправлялся на поиски Солнца.

И снова, возвращаясь к описанию вхождения Солнца в период осеннего равноденствия, стоит упомянуть о том, что девять звезд примерно одновременно с Солнцем достигают меридиана; они восстают практически одновременно с заходом Весов, а поэтому кажется, что они преследуют это созвездие. Это Капелла и Менкалина в Возничем, Альдебаран – в Тельце, Беллатрикс, Бетельгейзе, Трое Царей и Ригель – в Орионе. Альдебаран первым проходит меридиан, тем самым оправдывая свой титул *Путеводной* звезды. Никогда на небосклоне более не сходятся в одном месте столько знаменитых и примечательных звезд. Чуть далее к югу с ними соседствует Сириус – Собачья Звезда, которая и привела девятерых Избранников к пещере убийцы Великого Мастера.

Кроме разделения знаков Зодиака на восходящие и нисходящие относительно направления небесных странствий человеческой души – соответственно, от Козерога до Рака и от Рака до Козерога, существовало также и их подразделение по другому немаловажному признаку, на шесть высших и столько же низших знаков: за 2455 лет до нашей эры это были, соответственно, зодиакальные знаки от Тельца до Скорпиона и от Скорпиона до Тельца, а за 300 лет до Рождества Христова – соответственно, от Овна до Весов и от Весов

до Овна. Таким образом, Зодиак подразделялся на Царства Добра и Зла, Света и Тьмы, Ормузда и Аримана (у персов), Осириса и Тифона (у египтян).

По персидскому учению, шестью высшими знаками Зодиака – Овном, Тельцом, Близнецами, Раком, Львом и Девой – руководили шесть первых благих гениев, сотворенных Ормуздом, в то время как шестью остальными – Весами, Скорпионом, Стрельцом, Козерогом, Водолеем и Рыбами – руководили шесть первых злых гениев – дэвов, сотворенных Ариманом. Душа человеческая счастлива, когда пребывает во власти первых шести из этих зодиакальных знаков, и только проходя через период правления седьмого знака, Весов, она начинает ощущать веяние зла. После этого знака она вступает в обитель Тьмы и Зла, в которой правят знаки, соответствующие по времени и следующие за осенним равноденствием; снова в обитель Добра ей суждено попасть, только когда она возвратится под влияние знаков весеннего равноденствия. Весы отбирают у нее внутренние силы, которые впоследствии Овен возвращает ей. Это необходимое и неизменное течение жизни, подтвержденное авторитетом виднейших мудрецов древности и закрепленное существующими до сих пор знаками и эмблемами.

Саллюст Философ, говоря о Празднике Радости, отмечавшемся в день весеннего равноденствия, и о Дне траура в ознаменование поругания Прозерпины – в день осеннего равноденствия, – пишет, что первый из них отмечался в этот день в соответствии со временем возвращения человеческой души к богам, с моментом торжества сил Света над силами Тьмы, дня – над ночью; именно тогда, по его словам, души быстрее всего восходят к своему Первопринципу, а то время, когда Тьма снова торжествует над Светом, благоприятствует нисхождению душ во тьму Тартара.

По этой причине, пишет Фирмик, древние астрологи указывали, что река Стикс протекает в районе восьмого градуса созвездия Весов. Он полагает, что под Стиксом они аллегорически подразумевали Землю.

Император Юлиан дает такое же толкование, только несколько более развернутое. В качестве пояснения, почему царственные Мистерии Цереры и Прозерпины отмечались в день осеннего равноденствия, он приводит довод, что в это время люди более всего опасались злого влияния начинающих побеждать сил Мрака и Ночи на свои души. Таким образом, эти Мистерии были для народов древ-

ности мерой предосторожности и средством обеспечения собственной безопасности на тот период, пока бог Света пребывает в обители Тьмы, на противоположной стороне видимого мира; в период же весеннего равноденствия, продолжает он, опасений были гораздо меньше, потому что тогда бог Света возвращался в видимый мир, *призывал к себе людские души и являл себя как их Спаситель*. Ранее он пространно рассуждает о роли Солнца как собирателя и избавителя человеческих душ в своем лучезарном сиянии. Он пишет об этом, рассуждая о Мистериях Аттиса, погибшего и воскресшего к новой жизни, и о празднике Радости, отмечавшемся на третий день после периода траура по умершему богу; таким образом он поясняет, почему эти празднества проводились в день весеннего равноденствия. Причина, как он полагает, очевидна. Солнце, приближаясь к Земле в период весеннего равноденствия, увеличивает продолжительность светового дня: поэтому это время и видится наиболее подходящим для проведения данных церемоний. Ведь кроме того, что существует очевидная и неразрывная связь между природой богов и субстанцией Света, Солнце также обладает явной притягательной силой, воздействующей на материю, например, его тепло побуждает к росту всю земную растительность и т. д. Так почему бы тогда ему не притягивать точно таким же образом к себе людские души? Следовательно, коль скоро свет аналогичен божественной природе и благоприятствует человеческим душам, стремящимся возвратиться к своему божественному Первоисточнику, Первопринципу, коль скоро свет побеждает тьму в день весеннего равноденствия, удлиняя день в ущерб ночи, и коль скоро Солнце обладает сверхъестественной энергией, которая превыше простой тепловой энергии его лучей, – следовательно, человеческие души, по этой теории, притягиваются солнечным светом. Он не продолжает, однако, эти объяснения, говоря, что все, что кроется за ними далее, не должно принадлежать профанам, а относится к области тайного учения, известного только посвященным в таинства действий Божества, к числу каковых посвященных относится халдейский автор, слова которого Юлиан приводит в своем труде и который был, по его словам, посвящен в Мистерии Света, или Бога Семи Лучей.

Души, происходящие от Первопринципа Света, полагали древние, неразрывно связаны ходом своей жизни здесь, на Земле, с Его небесными путями, а поэтому не могут оставаться безучастными и не испытывать на себе влияния эволюций великого небесного

светила, попеременно то победителя, то побежденного в вечной баталии со Злом.

Это подтверждается анализом многочисленных эмблем и символов, использовавшихся в Мистериях. Одной из этих эмблем и является Змей, отличительный знак данного градуса. В соответствии с космогонией иудеев и гностиков, эта рептилия предопределяет судьбы людских душ. Она была священной эмблемой Мистерий Вакха и Элевсина. Плутон попрал честь Прозерпины, приняв вид Змея; а египетский бог Серапис всегда изображался или восседающим на Змее, или обвитый им. Змей же изображался и на митраических памятниках, а египтяне наделяли его свойствами Тифона. Свившийся кольцами священный василиск с приподнятыми головой и хвостом был священной эмблемой власти фараона. На памятниках древнего Египта их изображалось по два, по сторонам священной крылатой земной сферы. На одной из священных табличек в древней фиванской гробнице изображен бог, пронзающий копьем голову змея. На другой табличке, найденной в Храме Осириса в Филах, изображено древо, с одной стороны которого стоит мужчина, а с другой – женщина, а перед деревом – поднявший голову василиск, увенчанный рогами с диском между ними. Голову Медузы окружали крылатые змеи, которые по отсечении ее головы образовали своими телами священную иерограмму, или священный жреческий шифр орфиков – змеепоклонников. Практически у всех народов древности символ Змея соседствует с изображением сферы или диска.

На небесной сфере прямо над Весами – знаком, через который души нисходят, или совершают падение, на Землю, – находится Змей, крепко схваченный Змееносцем. Голова рептилии находится прямо под Северной Короной, названной Овидием *Либерой,* или *Прозерпиной;* оба эти созвездия восходят сразу за Девой (то есть Исидой), стоящей ногами на восточном горизонте в миг восхода Солнца в день равноденствия. Поскольку Змей простирается над обоими знаками – и Весами, и Скорпионом, – он является вратами нисхождения душ на протяжении всего времени, пока эти знаки управляют осенним равноденствием. Эту идею символизировал змей, которого бросали на грудь посвящаемому в таинства Вакха Саба-Зевса.

О том же говорит и аллегорическая фраза: *«Змей порождает Быка, а Бык – Змея».* В ней говорится о двух противоположных созвездиях, управляющих двумя равноденствиями года, двумя небесны-

ми вратами – восхождения и нисхождения душ, – одни из которых восходят, когда заходят другие. Осенний Змей управляет падением душ, снова воскресающих к жизни под живительным воздействием весеннего Быка, на котором восседал Митра, чьи свойства позже восприняли Вакх-Загревс и египетский Осирис в своих Мистериях, в которых гибель и воскресение души аллегорически представлялись образом умерщвляемого и воскресающего Быка.

Позже воскресающее Солнце приобрело образ *Овна,* или Агнца, и в Мистериях Амона изображалось воскресение душ при прохождении через этот знак после того, как они пали и погибли, пройдя через знак Змея.

Змееносец – это и Эскулап, бог-врачеватель. В Элевсинских Мистериях учили, что это созвездие располагается на восьмом небе, и на восьмой их день отмечали праздник Эскулапа, также именовавшийся Эпидавриями, то есть праздником Змея Эпидавра. Змей была посвящен Эскулапу, а также связан с различными перипетиями мифа о Церере.

Таким образом, возлияние вина на землю во спасение душ и обращение с мольбами к двум небесным вратам – дневным и ночным – были связаны с понятием о восхождении и падении душ.

Церера и Змей, Юпитер Амон и Бык, – все они фигурировали в Мистериях Вакха. Предположим, что Овен – то есть Юпитер Амон, – в котором пребывает заходящее Солнце, находится на Западе; тогда Дева (Церера) окажется на восточном горизонте, а за ней будет непосредственно следовать Корона, то есть Прозерпина. Предположим далее, что заходит знак Тельца; тогда Змей окажется на Востоке, и наоборот. Следовательно, оказывается, что Юпитер Амон, или Солнце в Овне, побуждает Корону следовать за восходящей Девой, а далее следует Змей. Предположим, что, напротив, Солнце находится – в период другого равноденствия – вместе с Весами на Западе в соединении со Змеем под Короной; тогда на Востоке взойдут Телец и Плеяды. Именно так следует толковать все легенды о порождении Быка Змеем и Змея Быком, а также об ужалении Скорпионом гениталий небесного Быка, каковой сюжет часто встречается среди изображений на митраических монументах, а равно и миф о зачатии Церерой ребенка от Зевса после того, как тот бросил ей в грудь гениталии барана.

В Мистериях Вакха Овнорогого иерофанты держали в руках живых змеев и поднимали их над головой с криком «Эва!» или

«Эвое!» – истинным, изначальным родовым именем змеи и названием созвездия, в котором астрономы древней Персии располагали и Еву, и Змея. Арабы называли его *Хеван,* Змееносца – *Хава,* а яркую звезду в его голове – *Рас-аль-Хава.* Использование иерофантами клича *«эва»* или *«эвое»* заставило Клемента Александрийского считать, что таким образом они призывали *Еву,* через которую в этот мир пришло Зло.

В празднествах в честь Вакха также использовали мистическое опахало, обвитое змеями. В Мистериях Исиды василиски обвивали ручки священного сосуда. Орфики держали в своих храмах и кормили священных змеев, которые содержались в специальных ковчегах и ползали между священными хлебами во время справления Мистерий. У римлян змеи содержались при храмах Доброй Богини (Bona Dea) и Эскулапа. В Мистериях Аполлона разыгрывались сцены преследования Латоны змеем Пифоном. В египетских Мистериях змей Тифон преследовал Исиду.

Санхониафон пишет, что Тааут (Таот), толкователь людям воли небес, придавал божественность природе Дракона, или Змея, в чем ему следовали финикийцы и египтяне. В этих рептилиях больше жизни, больше живительной энергии, чем во всех прочих тварях; и эта энергия находит также выражение в молниеносном, огненном их движении без помощи конечностей, что также отличает их от всех прочих тварей. Они способны легко изменять внешний облик и приобретать черты, которых у них ранее не было, перемещаются с огромной энергией и скоростью. Старея, они просто сбрасывают старую кожу, а вместе с ней – и груз прожитой жизни, еще на много лет становясь молодыми и полными сил, при этом даже увеличиваясь в размерах и набирая энергию.

Египетские жрецы также держали ручных змей в своих храмах в Фивах. Таот сам рассуждает об этом в своих исследованиях, посвященных таинствам Змея. В другой своей работе Санхониафон пишет, что Змей бессмертен и перевоплощается сам в себя, а это, по мнению многих теологов, особенно индийских, – неотъемлемое свойство божества. Он также писал, что Змей не умирает никогда, разве только его убить.

Финикийцы называли Змея *Агафодемоном* (добрым духом), а у египтян был бог-змей Кнеф.

По словам Санхониафона, египтяне изображали Змея с головой ястреба – самой быстрокрылой птицы, и в египетских Мистериях

старший иерофант – толкователь священных таинств – пускался в пространные объяснения этого символа, говоря, в частности, что это – священнейшее из всех живых существ, которое светом своих глаз освещало первозданный Космос, а как только закрывало их – повсюду в мире снова наступала тьма. В действительности Змей с головой ястреба, гений Света, или добрый гений, был богом Солнца.

Змею соответствовал иероглиф с фонетическим значением «т» или «дж». Его можно увидеть начертанным на Розеттском камне. Рогатый змей был иероглифическим знаком Божества.

Евсевий пишет, что египтяне изображали мир в виде голубого круга, расписанного языками пламени и с изображением извивающегося змея с головой ястреба. Прокл пишет, что они изображали четыре стороны света в виде креста, а душу мира – Кнефа – в виде змея, обвивающего крест, свернувшись в форме круга.

У Анаксагора мы читаем, со ссылкой на Орфея, что вода и сосуд, ее изливающий, являются первопринципами всего сущего, породившими первое одушевленное существо, змея с двумя головами – львиной и бычьей, – между которыми располагалось изображение бога Геркулеса, или Крона, а от Геркулеса произошло Мировое яйцо, породившее, в свою очередь, небо и землю, разделившись на две полусферы, а из сердцевины этого Яйца появился Фанес – бог в образе Змея.

Египетская богиня *Кен* обычно изображалась стоящей на спине льва и держащей в руках двух змей. Ассирийцы называли эту же богиню *Астартой* или *Ашторет*. *Гера,* которой поклонялись в великом вавилонском храме, правой рукой держала за голову змею, а рядом с изображением *Хеи,* которой также поклонялись там, располагались даже две змеи.

На статуе из Куюнджика изображены два змея на столбах по сторонам от алтаря божественного огня, охраняемого евнухами. На алтаре возжен священный огонь, а к алтарю бородатый человек влечет жертвенного козла.

Змей храма Эпидавра был посвящен *Эскулапу,* богу врачевания, а спустя 462 года после основания города – после эпидемии – перевезен в Рим.

Финикийцы изображали бога *Нома* (*Кнефа* или *Амона-Кнефа*) также в виде Змея. В Египте изображение Солнца, поддерживаемого двумя аспидами, служило священной эмблемой *Горхата* – доброго духа, а изображения змея, обвивающего крылатый земной

шар, венчало двери и окна всех храмов в качестве эмблемы верховного бога. Антипатр Сидонский именует «известным Змеем» *Амона,* а в Фиваиде часто находят мумии рогатых гадюк.

На древних тирских монетах и индийских медалях очень часто можно встретить изображение змеи, обвивающей ствол дерева. *Пифон* – божество-змей – считался прорицателем, а знаменитый треножник Дельфийского оракула был выполнен из золота в виде трехголового змея.

Портики всех египетских храмов увенчаны иерограммой Змея и Круга. Ее также можно обнаружить в убранстве храма Наки-Рустана в Персии, триумфальной арки в китайском Пекине, врат великого храма Чанди-Тива на Яве, городских стен Афин и храма Минервы в Тегее. Мексиканская иерограмма состояла из двух сплетенных змей, обвивающих круг, и каждая держала в пасти по человеческой голове.

На всех буддистских крестах в Ирландии вырезаны изображения змей. Змеи увенчивают и колонны древнего индуистского храма в Бурва-Сангхоре.

В древнем Египте он – вытянутый в длину – был символом божественной Мудрости, а пожирающий свой хвост – символом вечности.

В литургии религии Зороастра Змей был эмблемой Вселенной. В Китае кольцо с двумя змеями по сторонам служило эмблемой мира, поддерживаемого и управляемого мудростью и силой Творца. Вакханцы и вакханки несли во время праздничных процессий змей на руках или обвитыми вокруг шеи.

Змей, обвившийся вокруг Мирового Яйца, был символом, пользовавшимся уважением и у мудрецов Индии и Египта, и у друидов. Он заставлял задуматься об идее сотворения Вселенной. Змей с яйцом в пасти служил символом Вселенной, содержащей в себе зачатки всего развивающегося впоследствии посредством живительного влияния Солнца.

Уникальная способность змей сбрасывать кожу и, казалось бы, возвращать себе тем самым молодость и обеспечивать вечную жизнь, сделала их зримыми символами вечности и бессмертия. Женщины Сирии до сих пор пользуются сброшенной змеиной кожей как талисманом, оберегающим против бесплодия, как это делали поклонники Митры и Саба-Зевса. Порожденные Землей первые учителя людей и преобразователи первобытного мира – фоги,

кекропы, эрихтеи – были наполовину людьми, наполовину змеями. Змей был также хранителем афинского Акрополя. Нахастан – Медный Змей пустыни[11] – стал для древних иудеев целительным и спасительным оберегом. «Будьте, – говорил Христос, – мудры, как змеи, и невинны, как голуби».

Змей также часто выступал в роли символа зла и враждебности. Он является одной из эмблем Шивы-Рудры как силы уничтожения и смерти; по легенде, он был убийцей Аэпита, Идома, Ахемора и Филоктета; в Эддах именно змей подгрызает корни Древа Жизни, а в греческих мифах он жалит в пяту Эвридику. У иудейских авторов он обычно олицетворяет зло, но чаще всего – в индийской и персидской мифологиях. Когда космический Змей Васуки взбивал Мировой Океан, как масло, обвиваясь кольцами вокруг священной горы Мандары, на свет явилась священная Амрита, или Вода Бессмертия; в это же время Змей извергал смертоносный яд, проникающий по всей Вселенной и отравляющий ее всю, однако Вишну[12], проглотив, обезвредил его. Ариман вторгается в обитель Ормузда, приняв змеиный облик; Небесный Бык – эмблема Жизни – ужален им и умирает. Посему неукоснительным обязательством любого верного последователя Зороастра было уничтожать рептилий и прочих нечистых тварей, но особенно – змей. Нравственное и астрономическое значение Змея были тесно связаны между собой. В Зенд-Авесте это соответствие приобрело вид максимы: Ариман, Первопринцип Зла, сотворил Великого Змея Зимы, напавшего на творение Ормузда – этот мир.

Змея, свернувшаяся в кольцо, во все времена являлась символом Времени, и для того, чтобы пояснить, насколько Время питает само себя, египетские жрецы кормили своих змей бычьим жиром в подземном гроте, тем самым ритуально воспроизводя питание Солнца в его зимних подземных чертогах плодородием всего солнечного года. Дракон Зимы преследует Амона, золотого Овна, вплоть до горы Кас. Деву Зодиака жалит в пяту Змей, который восходит прямо вслед за ней одновременно со Скорпионом; и как мед – символ чистоты и духовного очищения – прописывался врачами древности в качестве противоядия, так и пчелы Аристея – эмблемы изобилия Природы – были уничтожены Змеем и возродились к жизни в обители Небесного Быка.

Солнечный бог буквально обречен на конечную победу. Кришна сокрушает голову Змея Калии; Аполлон уничтожает Пифона,

а Геркулес – Лернейскую гидру, чей яд смердел гноем в ноге Филоктета, или Мопса, или Хирона, или Стрельца. Младенец Геркулес уничтожил ядовитых змей, проклятых богами, и, подобно Св. Георгию Английскому и Св. Михаилу Архангелу, воевал с гидрами и драконами.

Народы Востока были убеждены в том, что затмения Солнца и Луны вызываются жестоким демоном в обличии Дракона, или Змея; громкими криками и угрозами они стремились отпугнуть, отогнать его от своих жилищ. Это был и древний Левиафан, или Свернувшийся Змей, обездвиженный властью Иеговы и помещенный на небесном своде в качестве сияющего боевого трофея, и символ вечного Первопринципа Мрака, извечно преследующего Солнце и Луну. Настигая, он обвивает их своими кольцами и мешает светить. Во время последней из индуистских аватар, как в обеих Эддах, этот мир будет уничтожен изрыгающим пламя змеем. Змей управляет световым годом в его конце, когда светило приближается к златому руну Овна; он же охраняет три золотых яблока Гесперид – три времени года – от приближающегося к ним Солнечного бога. Великий Уничтожитель змей в народной мифологии часто вступает со змеями в брачный союз: например, Геркулес и северный Дракон были прародителями народа скифов, – ибо Солнце кажется время от времени то победно восстающим над тьмой, которую олицетворяет Дракон Мрака, то падающим в ее объятия. Северное созвездие Дракона своими изгибами пронизывает Медведицу Зимы, и древние народы считали его опоясанием Вселенной, точно так же, как египтяне изображали Мировое яйцо обвитым Змеем.

Персы именовали Аримана «древним Змеем, лжецом от начала времен, Князем Тьмы, скитальцем обоих миров». Дракон был также широко распространенной эмблемой великих рек; и посему нет ничего удивительного в том, что скотоводческие племена древней Азии и их соседи, великие народы, населявшие наносные луга, почитали Дракона или Рыбу, в то время как окрестные народы использовали дракона для обозначения их самих; а затем они пали под грозными ударами Бога Иудеев, точно Левиафан, пораженный Богом. В греческой мифологии Офион боролся с Кроном, потерпел поражение в этой борьбе и был брошен в свою родную стихию – в море. Здесь он стал Оаннесом, или Драконом, Левиафаном водной половины материального мира, изрыгавшим водные потоки вслед за апокалиптическими женами, чудовищем, стремившимся

уничтожить Гесиону и Андромеду и на время ставшим живой усыпальницей для Геркулеса и Ионы; отчасти он соответствует *Рагаву* из Книги Иова, пораженному и уничтоженному Иеговой.

Весной световой год, или Солнечный бог, снова появляется на небосклоне в образе Митры, или Европы, восседающей на спине быка; однако на другой оконечности Зодиака он восседает на символе водной стихии – крылатом коне Нестора или Посейдона; в то время как Змей, гелиакически восходящий в день осеннего равноденствия и отравляющий своим смертоносным ядом холодное созвездие Стрельца, рассматривается в таком случае как аспид, «жалящий коня в пяту, ездец же назад падет». Тот же самый Змей – Оаннес Афрен, или Мусар Синкелльский – был и Змеем Мидгарда, утопленным Одином в море, который, однако, так вырос в глубинах, что постепенно опутал своими кольцами весь видимый мир.

Эти азиатские символы извечной борьбы Солнечного бога с Драконом Тьмы и Зимы постепенно проникли не только в легенды о сотворении Зодиака, но и в гораздо более замкнутый мир легенд Северной Европы; и Тор, и Один сражаются с драконами, а Аполлон – с Пифоном, огромным чешуйчатым змеем, Ахилл – со Скамандром, а Беллерофон – с Химерой. В апокрифической Книге Эсфири, драконы возвещают «день тьмы и мрака», а Св. Георгий Английский, вероятно, каппадокийский князь, изначально был лишь одним из мифологических «близнецов» Митры. По легенде, Иегова «рассек Рагава и уязвил дракона». Последний из них является не только эмблемой опустошения земли, правителем глубоких океанических вод, но и руководителем заговора небесных бунтовщиков, восставших против Создателя звезд, которые, в соответствии с Книгой Еноха, «восходили не в свое время»; и хвостом своим он опутал треть Небесного Воинства и сбросил на Землю. Иегова «силой Своею разделил море, и главы драконов морских сокрушил». По древним персидским и иудейским легендам, в конце времен, в страшную Зиму этого мира, Дракон в течение некоторого времени будет пользоваться свободой и безнаказанностью, и это время станет для всех людей Земли временем несказанных бедствий; но в конце концов Змей будет пленен или сокрушен Мессией в последней страшной битве; или, если правильно истолковать талмудическую гиперболу о «поедании верными», он будет, подобно Васуки или Ариману, поглощен Первопринципом Добра и окончательно воссоединится с ним.

В вавилонском Храме Бэла рядом с изображением Реи располагались два больших серебряных змея, пишет Диодор, каждый весом около тридцати талантов; и в том же храме было изображение Юноны, в правой руке держащей голову змеи. Греки называли Бэла *Велиаром,* и Гезихий пишет, что слово это означало «дракон» или «змей». В произведении «О Бэле и Драконе» читаем, что в Вавилоне в одном храме держали огромного живого змея, которому поклонялись жители.

Ассирийцы, императоры Константинополя, парфяне, скифы, саксы, китайцы и даны, – все они украшали свои знамена изображением Змея, и в военной добыче, полученной Аврелианом после победы над Зиновией (Зенобией) было знамя *«Persici Dracones»*[13]. Персы изображали Ормузда и Аримана в виде двух змеев, сражающихся за Мировое яйцо. Митру изображали в виде обвитого змеем существа с головой льва и телом человека. У Садра читаем: «Умерщвляя змей, ты следуешь Зенд-Авесте и совершаешь великое благодеяние, ибо сколько их ни убьешь, столько же умертвишь демонов».

Образ Змея, обвившегося вокруг шара или земной сферы, или выходящего из сферы, часто встречается среди изображений на персидских, китайских, египетских и индийских памятниках. Вишну изображался возлежащим на свернувшемся Змее, кольца которого образовали над его головой подобие свода. Махадэва изображается с одной змеей вокруг шеи, другой – в волосах, и двумя змеями, произрастающими из рук. Бхайрава восседает на свернувшемся кольцами змее, голова которого возвышается над головой самого бога. У Парвати змеи вокруг шеи и пояса. Вишну – это Сохраняющий Первопринцип; Махадэва – это Шива, или Первопринцип Зла,[14] Бхайрава – его сын, а Парвати – его супруга. Царя злых демонов в индийской мифологии именуют *Нага* – Царь Змей, в каковом слове мы слышим созвучие с древнееврейским именем *Нахаш* – Змей.

В семистах областях древнего Кашмира люди поклонялись вырезанным из камня изображениям змей; а в Тибете изображение китайского дракона украшало дворец верховного ламы. В Китае дракон во все времена был символом верховной императорской власти, его изображали на государственных печатях, его скульптурные изображения стояли во всех храмах, его рисовали и вырезали на мебели, вышивали на одежде высшей знати. Император носит его изображение как своего рода герб или символ верховной

власти, он изображен на императорских диадеме и скипетре, на всех вазах во дворце правителя. Китайцы верили в то, что некий дракон неописуемой силы и невероятной длины обитает на небесах, в воздухе, в воде и в горах. По легенде, божество Фу Си было с виду как человек, но с драконьим хвостом, – и это сочетание будет более подробно истолковано вам в последующих степенях.

Дракон и змей являются пятым и шестым по счету знаками китайского Зодиака, и индийцы и китайцы верят в то, что при каждом затмении Солнце или Луну пожирает гигантский дракон, или змей, именуемый в Индии *Асути,* который своими кольцами обвивает земную сферу и созвездие Дракона; о том же повествует легенда о «войне в Небесах Михаила и ангелов его с Драконом».

Санхониафон пишет, что Таот учредил среди финикийцев поклонение змеям. Он пишет, что этот бог «освятил для людей весь род драконий и змеиный, и финикийцы, и египтяне в этом следовали его заблуждениям». Таот первым «создал изображение Целуса», то есть придал видимую форму понятию небесного Звездного воинства; наверное, Таот аналогичен древнеегипетскому Тоту. На тирских монетах времен правления Александра часто изображались различные змеи в разном положении – обвивающие деревья, вертикально поднявшиеся перед жертвенниками, сокрушаемые сирийским Геркулесом.

Седьмая буква египетского алфавита – *Зета,* или *«жизнь»,* – была посвящена Тоту и изображалась в виде змеи, стоящей на хвосте, а сам этот бог-врачеватель, аналогичный Эскулапу, изображался опирающимся на суковатую палку, обвитую змеей. Скрижаль Исиды, раскрывающая Мистерии этой богини, сплошь украшена изображениями змей, являющихся ее атрибутами, из которых главным был *Аспид,* изображения которого украшают тиары жрецов Исиды, головы ее статуй и царские венцы фараонов Египта. Серапис часто изображался с телом человека и змеиным хвостом, а иногда рядом с ним изображались два младших бога – один в виде змеи с головой быка, а второй – змеи с испускающей сияние головой льва.

На древнем священном сосуде из Дании, состоящем из нескольких отделений, изображен Змей, нападающий на коленопреклоненного мальчика, преследующий его, уползающий от него, молящий его о чем-то и беседующий с ним. И в связи с этим немедленно вспоминается изображение Солнца в начале светового года в виде мальчика, восседающего на лотосе, а также космогоническая

связь Весеннего Солнца со Змеем Осени, которого оно то преследует, то бежит от него, то сосуществует с ним в относительном мире. Остальные изображения на этом сосуде несомненно относятся к символике Зодиака.

Основанием *треножника* дельфийской пифии служил медный или золотой трехглавый змей, свившийся кольцами, сужавшимися кверху, таким образом составляя коническую колонну, в то время как расположенные в форме треугольника головы служили ей подпорами. Точно такая же колонна была водружена на константинопольском ипподроме основателем города; одна из голов змея была впоследствии, если верить летописи, снесена Мехметом II ударом железной палицы.

Древнего британского бога Ху именовали «Драконом – Правителем Мира», и колесницу его влекли змеи. Служители его назывались *аддерами* – «гадюками». Друид в поэме Талиессина говорит: «Я друид, я *архитектор,* я пророк, я *Змей* (Gnadi)». Колесницу богини Керидвен также влекли змеи.

В элегии об Утере Пендрагоне о древних религиозных таинствах друидов говорится следующее: «Пока в Святилище все усердно призывают *Скользящего Царя,* пред которым бежит *Сиятельный,* на окутанные злом и тьмой гигантские камни; пока Дракон скользит меж священными сосудами с приношениями питья; пока приношения питья хранятся в *златых рогах...»* – и здесь отслеживается нечеткая, но явно таинственная параллель со Змеем Осени, преследующим Солнце на его пути через все знаки Зодиака к небесной Чаше, или Кратеру, а также со «златыми рогами молочно-белого быка», о которых читаем у Вергилия; и далее, через несколько строк, жрец-друид обращается к *Бели,* то есть Бэлу, уже известному нам вавилонскому богу.

Очень часто рядом со Змеем на древних памятниках изображался крест. Змей, обвивший крест, был изображен на знамени царей Египта. Его изображения многократно повторяются на парадной лестнице Храма Осириса в Филах, а на одной из пирамид Гизы изображены два коленопреклоненных человека, воздвигающие крест, обвитый поднявшим голову змеем. Знаменитый *crux ansata* в действительности является крестом, увенчанным свившимся в кольцо змеем, и это, наверное, самая распространенная эмблема на памятниках египетской древности; его на древних изображениях держат в руках практически все боги и жрецы. Памятники Египта

позволяют судить о том, что такой формы были втыкаемые в землю колышки, к которым привязывали молодняк домашнего скота, а именно они со временем стали символом царей этой земли – пастырей человеческого стада.

Тевтонский, или Мальтийский, крест[15], состоящий из дуг, вписанных в круг, часто встречается и на египетских памятниках, символизируя пересечение звездных тропиков и колюров.

Кадуцей в руках у Гермеса, или Меркурия, у Кибелы, Минервы, Анубиса, Геркулеса Огмия, кельтского бога, олицетворяющего созвездие Девы, – это крылатый жезл, оплетенный двумя змеями. Изначально он изображался в виде простого креста, символизировавшего пересечение небесных экватора и центрального меридиана, колюра Равноденствий, а также четыре стихии, произошедшие из единого центра. Этот крест, увенчанный кругом, впоследствии – полумесяцем, начал символизировать Верховного Бога, то есть союз активной зачинающей и пассивной порождающей сил, и именно в силу этого значения он стал атрибутом Тота, или Меркурия. После этого его форма многократно изменялась, его ветви превратились в крылья, а круг или полумесяц – в двух змей, словно вырастающих из вершины жезла и переплетающихся между собой, замыкая окружность так, чтобы головы и шеи составили полумесяц, – именно в этом виде кадуцей изображался в руках Анубиса.

Тройная литера Тау[16] в круге и треугольнике аллегорически символизирует Священное Имя Господне, а также является схематическим изображением Божественной Троицы: Творящей, Сохраняющей и Разрушающей Сил, – а равно и трех Великих Светочей масонства. И если соединить масонский символ точки в центре круга с двумя параллельными линиями по сторонам с одинарным тау-крестом, у нас и получится древнеегипетский символ Тройного Тау.

Крестообразный столбик, увенчанный кругом, применялся в древнем Египте для измерения уровня воды в Ниле во время паводков. Во многих древних алфавитах можно встретить литеры, напоминающие по внешнему виду Тау и Тройное Тау.

В двух окружностях с Тау или Тройным Тау может быть соединен двойной куб, то есть совершенство – Совершенный Камень.

Crux ansata можно увидеть на скульптурных памятниках Хорсабада, на украшениях из слоновой кости из Нимруда (в те времена их носил ассирийский правитель), а также на глиняных цилиндрах более поздней эпохи Ассирийского царства.

Поскольку одна буква Тау символизировала Единого Бога, практически никакого сомнения не может быть в том, что Тройная Тау, происхождение какового символа нам в точности не известно, изначально должна была символизировать тройственность Его властных атрибутов, то есть три масонские Колонны – Мудрость, Силу и Гармонию.

Пророк Иезекииль (IX: 4) говорит: «И сказал ему Господь: пройди посреди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак [Тау][17]». Так приводят данный отрывок Вульгата и некоторые еще более ранние списки Септуагинты. Этот знак *Тау* имел форму креста, использующегося в символике данного градуса, и имел значение *жизни* и *спасения*. Прототипом греческой литеры τ определенно служили самаритянская *«тау»* и эфиопская *«тавви»*, и у Тертуллиана, Оригена и Св. Иеронима читаем, что в древнейшие времена древнееврейская *«тав»* также писалась в форме креста.

В древности знаком *Тау* судьи помечали чело оправданных судом в знак их невиновности. Полководцы приказывали отмечать этим знаком воинов, невредимыми вернувшихся с полей сражений в знак их неуязвимости и Божественного покровительства им.

Тау-крест был священным символом и для друидов. Срубив у дерева лишние ветви, они оставляли его в форме тау-креста, тщательно оберегали и освящали в ходе специальных священнодействий. На стволе дерева они аккуратно вырезали слово «Тау», полагая его Именем Бога. На правой ветви этого креста они вырезали слово «Хесульс», а на левой – «Белен» или «Беленус», в то время как между ними – слово «Тарамис». Так они представляли себе Святую *Троицу*.

Знаку креста определенно оказывали должное почтение народы древних Индии, Египта и Аравии, и это за тысячи лет до пришествия Христа! Повсюду он был священным символом. Индийцы и кельтские друиды строили свои храмы в форме креста, на что явно указывают сохранившиеся до сих пор руины их древних храмов, например в Классернисе, что на острове Льюис в Шотландии. Они представляют собой круг из двенадцати камней: каждой стороне света – Востоку, Югу и Западу – соответствуют по три камня. В центре – изображение Божества, в то время как к Северной части ведет дорожка, проложенная между двумя рядами по девятнадцать камней, и с еще одним – при входе. Огромная пагода в Бенаресе также

имеет в плане крест, равно как и древний священный грот друидов в ирландском Нью Грендже.

Тот же символ держала в руках и статуя Осириса в древнем Риме, равно как и статуи Исиды и Цереры, а мистериальные пещеры высокого посвящения устраивались в форме этой же фигуры, с пирамидой над *«sacellum»*, то есть центром, Святая Святых.

Изображения крестов можно встретить и на камнях Храма Сераписа в Александрии, и множество тау-крестов – на статуях Алабастиона и Эсны в Египте. На монетах часто изображалась эмблема египетского бога Кнефа – крест в круге.

Crux ansata был священной эмблемой Осириса, и его царский жезл оканчивался именно этим изображением. Также он был эмблемой Гермеса, священнейшим из иероглифов, который считали обладающим таинственными силами и добродетелями, чудотворным амулетом.

Священную литеру Тау часто держат в руках мумии, обнаруживаемые между передними лапами Сфинкса на священной дороге из Луксора в Карнак. В виде литеры Тау каббалисты изображали число 10, Число Совершенства, определяющее Небеса, а также пифагорейский Тетрактис – Неизрекаемое Имя Господне. Изображения тау-крестов также можно встретить на камнях фронтона Храма Аменофиса III в Фивах. Этот фараон правил именно в то время, когда израильтяне завоевали Ханаан. Египетские жрецы выносили этот крест во время всех священных процессий.

Тертуллиан, сам будучи посвященным, сообщает, что знак Тау наносили на лоб всем инициированным в Мистерии Митры.

Одинарная Тау символизировала жизнь, поэтому, если она заключалась в круг, то начинала символизировать Жизнь Вечную.

При помазании на царство, в знак посвящения в Высшие Мистерии и допущения к верховной светской власти, на уста царя налагали знак Тау.

В древнеиндийских Мистериях тау-крест под именем «тилак» рисовался на теле кандидата в знак отделения того от всех остальных людей после посвящения в священные Мистерии.

На вертикальной Таблице Царей, обнаруженной в древнем Нимруде, запечатлены имена тринадцати Великих Богов (среди которых есть Яу и Бэл), причем каждое из их имен начинается крестообразным клинописным знаком.

Знак креста появляется также на древней финикийской медали, обнаруженной среди руин древней Сити, на буддистском обелиске

недалеко от Ферна, что в Россшире, на буддистских круглых башнях Ирландии и на поражающем воображение обелиске того же времени в Форресе, что в Шотландии.

На стенах храма в нубийском городе Калабче изображены три царственные фигуры, каждая из которых держит в руках *crux ansata*.

Как и подземный митраический храм в ирландском Нью Грендже, пагоды Бенареса и Матуры в плане имеют крест. Возведенные во времена незапамятные, до сих пор стоят буддистские кресты в Клонмакнойсе, Фингласе и Килкуллене в Ирландии. Где только ни обнаруживают буддистские памятники – в Индии, на Цейлоне или в Ирландии, – повсюду встречается знак креста, потому что, по легенде, Будда, или Будд, был распят на нем.

Все планеты, известные народам древности, обозначались в виде таинственных крестов, так или иначе связанных с теми или иными солнечными или лунными символами: Сатурн – крестом над полумесяцем, Юпитер – крестом под полумесяцем, Марс – крестом на окружности, Венера – крестом под окружностью, Меркурий – крестом, заключенным в окружность и полумесяц.

Солнцестояния в знаках Рака и Козерога были Вратами Небесными и двумя Геркулесовыми столпами, за которые Солнце не удалялось никогда; и в наших ложах они до сих пор представлены в виде колонн Яхин и Боаз, а также в виде двух параллельных линий по сторонам от точки внутри круга – эмблемы Солнца между тропиками Рака и Козерога.

Пламенеющая Звезда в наших ложах, как мы уже говорили, олицетворяет Сириус, то есть Анубиса, или Меркурия, Хранителя и Водителя Душ. Наши древние английские братья также почитали ее символом Солнца. В древнейших наставлениях читаем: «Пламенеющая Звезда, или Слава, в центре повествует нам о великом светиле – Солнце, освещающем Землю и своим благотворным влиянием дарующем жителям ее благословение». В тех же наставлениях говорится, что она является эмблемой осмотрительности (Prudence). Само латинское слово *«prudentia»* означает в своем первичном, более широком, смысле *«предвидение»,* и соответственно, величественный символ Пламенеющей Звезды изначально имел значение всеведения, – то есть, в сущности, Всевидящего Ока, каковым для народов древности было Солнце.

Даже кинжал, символ Избранников Девяти, использовался в древнейших Мистериях Митры; жрецы красили его лезвие в чер-

ный цвет, а рукоятку – в белый, тем самым донося до учеников мысль о существовании Первопринципов Света и Тьмы.

Исида, или Церера, как сообщает Эратосфен, была мифологическим воплощением созвездия Девы, которая испокон веков изображалась в виде женщины со снопом злаков в руках. Разнообразные эмблемы, соответствующие ей, по описанию, данному Апулеем: и две змеи по бокам, и золотая ваза с ручкой, обвитой змеей, и животные, следовавшие за ней в священной процессии – медведь, обезьяна и пегас, – символизируют созвездия, которые восстают одновременно с Девой, когда она в день весеннего равноденствия оказывается у Восточных небесных Врат в сиянии лучей полнолуния.

Чаша, освященная и Мистериями Исиды, и Элевсинскими Мистериями, в действительности была созвездием Чаши, или Кратера. Священный сосуд Мистерий Исиды имеет свое небесное отражение. Олимпийская хламида, в которую облачался посвященный, представляла собой прекрасную ризу, усыпанную изображениями змей и других животных, а под ней было еще двенадцать священных облачений, в которые кандидата одевали в святилище в ознаменование небесного пути двенадцати знаков Зодиака, в то время как предшествующие посвящению семь его погружений в море символизировали семь сфер, через которые проходит душа, дабы обрести положенное ей пристанище в нижнем мире в человеческом теле.

В течение трех последних веков перед пришествием Христианской эры Небесная Дева занимала в гороскопе как раз Восточные врата, через которые проходили, восходя над горизонтом, и Солнце, и Луна в дни обоих равноденствий. Она также занимала эти врата в полночь в день зимнего солнцестояния, то есть именно в тот миг, когда начинался световой год. Таким образом, она оказывалась неразрывно связанной с течением года, сменой его времен, с Солнцем и Луной, с ночью и днем и с основными событиями на протяжении всего года. В дни равноденствий праздновались Великие и Малые Мистерии Цереры. Когда людские души нисходили, минуя знак Весов, в то время как Солнце пребывало в вышеупомянутой точке, прямо перед ним восходила Дева; она пребывала у Врат Дня и открывала их приближающемуся Солнцу. Ее сияющая звезда – Повязка Девы, а также Арктур в Волопасе, возвещали его приближение. Когда же Солнце возвращалось в точку весеннего равноденствия в момент зарождения новых душ, Дева снова оказывалась тут как тут и открывала шествие знаков Зодиака по ночному небосклону;

именно среди ее звезд оказывалась полная Луна нового месяца года. Она поочередно приветствовала день и ночь в те дни, когда их продолжительность начинала уменьшаться; она же вела человеческие души до самых врат Ада. Проходя через зодиакальные знаки, они вместе пересекали Стикс приблизительно в области восьмого градуса Весов. Именно Дева была знаменитой Сивиллой, посвятившей Энея в таинства подземного мира.

Особенности расположения на небосклоне созвездия Девы позволили ему войти практически во все мировые легенды и мифы природного цикла, в различных формах и под различными именами. Часто она принимает имя Исиды, или полной Луны, которая в день весеннего равноденствия пребывает или в союзе с Девой, или у ее ног. Меркурий (или Анубис), дом и точка восхождения которого находятся в Деве, во всех священных легендах и мифах выступает в роли спутника Исиды, и без его совета она ничего старается не предпринимать.

Связь между таинственными посвятительными ритуалами и эмблемами, с одной стороны, и небесными телами и мироустройством – с другой стороны, становится еще более очевидной для нас при изучении Мистерий Митры, которому поклонялись как солнечному богу в Малой Азии, Каппадокии, Армении и Персии, а затем – со времен Суллы – и в Риме. Это следует из имеющегося у нас описания посвятительного митраического грота, в символике которого нашли отражение два основных процесса небесного движения: движение планет и движение звезд, – а также созвездия, восемь волшебных врат, или сфер, и стихии. Так, например, на известном памятнике этой религии, обнаруженном в Риме, были изображены Змей, или Гидра, подо Львом (как они и расположены на небосклоне), Небесный Пес, Бык, Скорпион, семь планет (представленные семью жертвенниками), Солнце, Луна и несколько символов Света, Тьмы и их чередования в течение года, а также их поочередного правления миром по шесть месяцев в течение года.

Мистерии Аттиса праздновались, когда Солнце входило в знак Овна; одной из основных их эмблем был агнец у подножия срубаемого древа.

Таким образом, если и не вся правда, то значительная ее часть состоит в том, что небесный пантеон древних народов во всем многообразии имен и легендарных символических форм являлся совокупностью множества в основе своей бессознательных аллегорий

основных физических, природных феноменов, в основном, движения небесных тел. Сиятельные изображения Божества – водителя Небесного воинства Иеговы – стояли во главе настоящей теократии, управлявшей древним миром; и люди Золотого века, несшие в физических чертах своего облика неразрывную связь с Небесами и имевшие возможность постоянно наблюдать за тем, как сиятельные высшие Правители приносят Земле то зиму, то лето, можно с некоторым поэтическим допущением сказать, жили в постоянном прямом общении с небесами и, как и древнеиудейские патриархи, лицезрели Господа лицом к лицу. Тогда боги сами насаждали религиозную веру среди людей: Оаннес (Оэ, или Водолей) восстал из Красного моря, чтобы поведать истину вавилонянам; тогда же Бык принес семена истинного знания в Индию и на Крит; в это же время небесные Светочи, воплощенные в образах Либера и Цереры, насадили виноградники на холмах Беотии и даровали Элевсину золотой сноп. Сыны Человеческие в некотором смысле были связаны родственными или брачными узами с Сынами Божьими, приветствовавшими зарю Творения; и титанический небесный свод с его бесчисленными звездами вполне мог превратиться в возбужденном воображении одинокого халдейского странника в разумную, одухотворенную обитель, в гигантскую лестницу, по которой сиятельные ангелы восходят и нисходят между небом и землей. Со временем изначальные Откровения стерлись из памяти людей; люди стали поклоняться тварям, а не Творцу; а поскольку они все еще верили в то, что все земное пребывает в неразрывной связи со всем небесным за счет уз всемирной гармонии и сопереживания, они собрали в единый свод астрологию, астрономию и религию. На протяжении многих веков блуждая в потемках этого заблуждения, они в конце концов перестали рассматривать звезды и внешние проявления Природы как богов; напротив, обратившись к таинствам микрокосма, то есть более узкому миру человеческой личности, они вновь обрели понимание Истинного Творца и Управителя Вселенной, однако все равно для Его описания пользовались старинными притчами, символами и аллегориями, посредством которых стремились сохранить в памяти потомков, между тем скрыв от непосвященных, великие истины, стершиеся из памяти большинства людей мира.

В писаниях древней Иудеи термин «Небесное воинство» включает в себя не только вестников и исполнителей воли Иеговы, но и

небесные светила; звезды, которые на Востоке во все века считали одухотворенными и разумными, определяющими удачу или несчастье человека, отождествлялись с более явными и материальными образами ангелов, исполняющих волю Господа и неразрывно связанных своими небесными силами и могуществом со всеми силами и могуществом земных людей. В Книге Иова, например, отождествляются Сыны Господни и утренние звезды: они также соединяют свои голоса в единый хор, поющий хвалу Всевышнему; и те и другие, способны радоваться; и те и другие окутаны сиянием; и те и другие бывают нечисты или несовершенны пред Господом. В состав Элохим в разные времена входили не только оставшиеся в наследство древним иудеям языческие божества окрестных народов, но также и Небесные воинства, в поэтической форме воспетые пастухами безлюдной пустыни – то как Стан воинов, то как огненные колесницы, то как крылатые вестники Господни, восходящие и нисходящие между небом и землею, дабы сообщать Божественную Волю человечеству.

«Предвечный, – говорится в толковании на Книгу Бытия „Берешит Рабба", – призвал Авраама и род его из обители звезд; по природе своей, народ Израиля был служителем звезд, порожденным их волей, как и язычники; однако, обретя Закон на горе Синайской, он обрел свободу от этого позорного служения». Точно такая же легенда бытовала и у арабов. Пророк Амос явно утверждает в своей книге, что народ Израиля в пустыне поклонялся не Иегове, а Молоху – звездному богу, аналогичному Сатурну[18]. Боги Эл и Иегова были не только планетарными или солнечными богами. Однако их символика, как и символика всех прочих богов того времени, находилась в пределах природной и человеческой эмблематики. Астрологическая природа иногда приписывается даже Иегове. Он описывается восседающим на вершине Вселенной, повелевающим Небесными воинствами, число и состав которых Он знает досконально. Звезды – это Его Сыны и Его глаза, пронизывающие своим взглядом весь мир и наблюдающие за всеми деяниями людей. То есть ангелы – это, в сущности, изначально звезды и планеты. В соответствии с фарисейской традицией, равно как и с фразеологией Нового Завета, Небесное воинство отождествляется с воинством ангелов, разделенным на полки и когорты под командованием воображаемых командиров: Массалота, Легиона, Картора Гистры и пр., причем каждый Гистра командовал 365000 мириадов звезд. Семеро

Духов, пребывающих пред престолом Господним, о которых пишут некоторые иудейские авторы, определенно являются прямыми потомками персидских Амешаспента, то есть изначально – семью планетарными Разумами, которые символизировали семь ветвей семисвечника, явленного Моисею на Господней горе. Считалось, что на своем небесном пути звезды непрестанно воюют с Сисерой. Небо всегда описывалось как правитель Земли, управляющий ею посредством знаков и откровений, данных в астрологических символах, в которых более всего знали толк вавилоняне и египтяне.

Иудейские авторы полагали, что у каждого народа есть свой ангел-хранитель и своя звезда. Один из предводителей Небесных воинств, изначально – Сам Иегова в образе Солнца в зените, надзирающего и управляющего всеми явлениями в Природе, а впоследствии – один из ангелов или второстепенных планетарных гениев персидской или вавилонской мифологии,– считался покровителем и защитником своего народа, «князем, стоящим за детей народа твоего». Все войны и ссоры на Земле сопровождались также войнами и ссорами на Небесах, и никакой народ не удостаивался посещения Самим Иеговой без предварительного очищения и совершенствования его ангела-хранителя.

Падшие ангелы также именовались звездами, и первое обращение к теме войны между духовными сущностями в ранней иудейской мифологии – а именно упоминание о том, что Рагав и его соратники были побеждены, как титаны в битве с богами в мифологии греческой,– свидетельствует о видении восставших против Бога духов как неотъемлемой составляющей видимых Небес, где «высшие из Вышних» наказуемы пленением и закованием в цепи, ибо лишь один Господь всесилен и справедлив. Господь «силой Своей волнует море… волей Своей уничтожил Рагава… дуновением Своим очищает лице Небес… рукой Своею поразил свившегося Змея… Господь, Бог твой не отвратит гнева Своего, пред ним склоняются воины Рагавовы…»[19].

Именем «Рагав» практически повсюду в Писании обозначается морское чудовище, очевидно, аналогичное драконам и змеям практически всех мифологий древних народов, извечных соперников и противников Небес, демонов солнечных и лунных затмений, в брюхе которых, часто именуемом чревом Ада, провели три дня Геркулес и Иона, в конце концов спасшись оттуда, но совершенно облысев (то есть – аллегорически говоря – утратив исходящие от

них лучи сияния). Кесиль, воинственный титан Орион, в Книге Иова представленный как покусившийся на единовластие Небес бунтарь, обычно отождествляется с Нином, или Нимвродом, легендарным основателем Ниневии (Града Рыбы), великим охотником, «убивавшим львов и леопардов пред Господом». «Воины Рагавовы» – это, скорее всего, те самые «высшие из Вышних», Кесилим, или созвездия, из Книги Исайи, Небесные воинства или Небесные силы, среди которых были и бунтари, и ослушники.

«Я видел, – пишет Псевдо-Енох, – семь звезд, подобных семи сияющим горам и духам, призывающим меня. И сказал мне ангел: место сие до скончания Неба и Земли станет темницею звездам и Воинствам Небесным. Это звезды, преступившие Волю Господню до того, как пришло их время; и не вышли в предначертанное им время; и был Он разгневан, и связал их здесь, пока не придет время искупления их вины в год, который неведом». И далее: «Эти семь звезд преступили повеления Всевышнего Бога, и они связаны здесь, пока не окончится число дней их вины»[20].

Иудейские и ранние христианские авторы достаточно снисходительно относились к религиозному поклонению Солнцу и стихиям. Юстин Мученик и Клемент Александрийский признают, например, что Бог поместил звезды на небе для того, чтобы как бы «узаконить» поклонение им язычников и тем самым сохранить почтительное отношение к небесам и истинной природной религии во всем мире. Так родилась некая промежуточная вера между язычеством и христианством, которое своими эмблемами и ритуалами свидетельствует о связи с религией поклонения небесному своду и его явлениям. Рождество Христово было возвещено яркой звездой, взошедшей на Востоке; само Его Рождество отмечалось в самый короткий день года по Юлианскому календарю, именно в тот день, когда в Персии и Египте праздновали новое обретение тела Ормузда и Осириса. Тогда хвалебные песни Небесного воинства, неизменно сопровождающего Солнце, окружали в этот весенний день Творения Его колыбель, место Его рождения, или, как пишет Игнатий, «звезду света невыразимого, сияющую в небе и разрушающую силы волховские и узы порока, ибо явился Сам Бог в облике человеческом для обновления Жизни Вечной».

Однако как велико ни было бы число вещей и явлений, помогавших в развитии понимания истинного Бога и случайно занимавших в сознании людей принадлежащее Ему место, тем самым подменяя

поклонение Творцу поклонением тварям Его, или, в духовном смысле, частям тела и отдельным органам глобального организма Вселенной, – все равно основополагающим оставалось понятие единства. Понятие Единого Бога, творческого, производительного и правящего миром Единства, с самого начала времен царило в умах людей; и этот монотеизм первичной эпохи существования человечества превращает все последующие эпохи его существования, кроме нынешней, в эпохи либо развития этой монотеистической идеи, либо ее упадка и повального отступничества. Повсюду, во всех религиях народов древности, встречается понятие Единого Верховного Божества. Амон или Осирис царят над множеством богов древнего Египта; Пан пением своей свирели управляет движением созвездий, а Зевс руководит их священной процессией в соответствии с астрологической теологией пифагорейцев. «Среди всего множества разнообразных мнений по всем прочим вопросам, – пишет Максим Тирский, – весь мир един во мнении, что существует Единый Царь и Отец всего на свете».

Повсеместно сильна вера в существование Единой Верховной Силы – Зевса, или Деуса, Махадэвы, или Адидэвы, – которая одна управляет всем порядком во Вселенной. Среди тысяч богов Индии все равно не теряется мысль о Божественном Единстве; и Предвечный Юпитер (Jove), которому персы поклонялись задолго до Ксенофана и Анаксагора, видится совершенно самодостаточным и независимым от планетарных и стихийных духов, равно как и «Широчайший», или «Великая Душа», о котором говорится в Ведах.

Однако кажущаяся простота веры патриархов совершенно не исключает использование ими символов и аллегорических иносказаний. Разум никогда удовлетворяется простым осознанием чувства. Чувство всегда стремится обрести конкретную внешнюю форму и прочность посредством *превращения* в идею. Даже те идеи, которые находятся вне пределов досягаемости всех человеческих чувств и представлений, как, например, все идеи о Боге, требуют посредничества чувств для своего выражения и последующей передачи. Отсюда и все внешние символы и ритуальные формы, составляющие внешнюю сторону практически всех мировых религий: это средства выражения религиозного ощущения, которое по сути повсюду *одно и то же,* это пустые стремления выразить внешними средствами, *нарисовать* для одного человека идею, существующую в уме другого человека и не могущую быть выраженной иначе,

особенно посредством привычных слов и выражений человеческого языка, все слова и выражения которого наполнены чувственным содержанием. А поэтому идея – изначально единая для всех и вся – приобрела бесчисленные и неизмеримо разнообразные выражения и воплощения, приведшие к образованию всех многочисленных вер и религиозных конфессий.

Любое религиозное выражение сводится к символизму, потому что мы способны описать лишь то, что видим, а истинный объект религии незрим. Символы были первым средством дидактического наставления, и во все времена, и по сей день они и все прочие религиозные формы различались и различаются в соответствии с внешними обстоятельствами и воображением создающих их людей, а также в соответствии с различным уровнем образования, умственного развития и внутренней культуры последних. Предложить глазу другого зримый символ собственной мысли – отнюдь не значит сообщить ему значение, которое этот символ имеет для тебя самого. Посему впоследствии философы добавляли к этим зримым символам толкования, нацеленные на восприятие посредством слуха, которое может быть более четким и определенным, однако менее объективным, явным и оказывающим на слушателя гораздо меньшее впечатление, чем нарисованные или скульптурные образы, которые философы презирали. Из этих толкований постепенно выросли многочисленные повествования, значение и смысл которых со временем были совершенно утрачены. А потом и эти повествования были забыты, и философия свелась к совокупности определений и формул, язык которых был новым этапом развития символического языка, стремившегося с тех пор перетолковать и выразить совершенно невыразимые идеи и понятия. Ибо самое абстрактное выражение понятия Бога, доступное человеческому языку, есть всего лишь *знак,* или *символ,* совершенно неведомого предмета, и оно не более правдиво и адекватно, чем, например, имена «Осирис» или «Вишну», – только менее чувственно и выразительно. Сказать, что Он есть *Дух,* значит лишь заявить о том, что Он нематериален. А вот *что именно* есть дух, мы в состоянии только попытаться определить, подобно древним, прибегая к неким сублимированным понятиям опять же материального характера, например, «Свет», «Огонь» или «Эфир».

Никакой символ Божества не может быть достаточно надежным и долговечным, кроме как в самом относительном, или нравствен-

ном, смысле. Мы не в состоянии возвысить слова, обладающие только чувственным смыслом, *над* чувствами. Называть Его *Силой, Властью* или *Разумом* – значит заниматься самообманом, пытаясь внушить самим себе, что мы используем в этом случае слова, исполненные для нас значения и смысла, в то время как все совершенно не так, или, по крайней мере, они обладают для нас тем же самым смыслом, что древнейшие зримые символы – для древнейших народов мира. Называть Его *Властителем, Отцом, Великим Архитектором Вселенной, Временем, Необъятностью, Началом и Концом, Чей Лик обращен во все стороны, Источником жизни и смерти* – значит предлагать другим людям смутные очертания идей, не менее смутных для нас самих, потому что на протяжении всех веков человеческой истории люди впустую стремились выразить их и так и не выразили. Можно спорить о том, насколько нам удалось передать или сформировать в собственном сознании хотя бы отчасти более четкое и определенное, истинное и адекватное понятие Бога, принимая во внимание все наши метафизические предрассудки и логические тонкости, чем грубым древним народам, которые делали попытки путем аллегоризации выразить Его свойства в виде символов огня, света, Солнца и звезд, лотоса и скарабея, – и все эти эмблемы относились к одному и тому же понятию, изначально невыразимому средствами человеческого мышления.

Древний человек осознавал Божественное Присутствие во многочисленных и разнообразных формах, не теряя между тем веры в Его Единство и Верховенство. Незримый Бог, с одной из Своих бесчисленных сторон зримый и явленный, тем не менее, не переставал для них быть Богом. Он являл Себя в вечернем бризе Эдемского сада, в вихре Синайской пустыни, в камнях Вефиля; Он являл себя в пламени грома среди недвижимых скал, которым поклонялись в древней Аравии. Для древнего человека Образ Господень был во всем, что превосходило его самого совершенством. Он видел Иегову, как и Осириса и Бэла, в Солнце и звездах, которые были для древних Его детьми, Его глазами, «которые пронизывали весь мир и наблюдали за святой землей Палестины с начала года до его конца». Он был для древних священным огнем на горе Синайской и в пылающем кусте, – Кем Он и остается в наше время и для парсов, и для пуритан, и для язычников.

Символизм естественным путем впоследствии усложнялся, и все силы небесные должны были воспроизводиться на Земле,

и начинала виться причудливая сеть притч и вымысла, которую людской разум, лишенный достаточных и адекватных средств толкования, так и не сумел расплести и распутать. Иудейский теизм сам вылился в излишний символизм и поклонение рукотворным образам, к чему вечно тяготели все религии мира. Мы уже рассмотрели символику Скинии, Храма и Ковчега. Иудейское жречество мирилось не только с использованием ритуальных сосудов, облачений и статуй херувимов, священных колонн и серафимов, но и с созданием зримых изображений Самого Иеговы, даже без использования поэтического языка аллегорий.

«Среди Адитьев, – говорит Кришна в „Бхагавадгите“, – я Вишну; среди звезд – Солнце; среди вод я – океан; средь горных кряжей я – Гималаи; и средь гор я – Меру». Псалмы и Книга Исайи также полнятся попытками сообщить людскому разуму понятие Бога посредством приписывания Ему чувственных свойств. Там Он восседает на облаках и скачет на крыльях ветра. Небо – Его дворец, и изо рта Его вылетают молнии. Человек не способен поклоняться чистой абстракции. Он нуждается в некоей зримой форме, в которую он воплотит свои представления, на которую направит свое обожание. Если он не лепит себе из глины, не высекает из камня и не рисует зримых изображений, он создает в уме незримые, возможно, совершенно неадекватные и неправедные.

Ужасные, чудовищные образы, сотворенные разумом Востока, произошли от стремления людей воплотить Бесконечное, передать их в сознание другого человека посредством многочисленных (ибо индивидуально неадекватных) символов понятие о Божественных свойствах. Наверное, нам следует признаться себе в том, что мы делаем то же самое, создавая столь же несуразные образы, если судить по меркам нашего собственного сознания, если только один раз попытаться проанализировать и четко осознать бесконечные и неизмеримые свойства, которые мы склонны приписывать Божеству, – даже Его неизмеримые Справедливость, Его Милосердие и Любовь.

Здесь мы вполне оправданно можем прибегнуть к словам Максима Тирского: «Если в стремлении обрести некое, пусть и несовершенное представление о Вселенском Отце, Безымянном Законодателе, люди прибегают к помощи слов и имен, к серебру или злату, к растениям или животным, к горным вершинам или бурным речным потокам, – каждое из этих явлений описывая при помощи Имени Бога, или с любовью и нежностью возлюбленного

страстно приникая к любому малейшему воспоминанию о возлюбленной, – зачем тогда нам сводить вселенскую символическую практику – действительно необходимую, потому что разум нуждается в воображении, ибо одно оно способно сподвигнуть его на деятельность какого-либо рода, – к одному лишь скучному стандарту формальной правильности? Позвольте только образу достойно исполнять его сверхзадачу – и тут же Божественная идея четко и ясно возникнет пред вашим мысленным взором; если это реализуется где бы то ни было – в работах Фидия, в поэзии Гомера, в египетских иероглифах или в искусстве Персии, – нам не следует придираться к внешним различиям или сетовать на кажущуюся плодотворность иноземных вер, – *коль скоро нами все равно обретается великое и единственно существенное понимание того,* что люди сотворены, дабы помнить, понимать и любить».

Определенно, когда люди считали Свет и Огонь духовными сущностями, изначально отдельными и превыше всего смертного и материального; когда они считали, что Солнце, Луна, звезды и планеты сотворены из иной, более тонкой материи и сами являются высочайшими и тонкими таинственными Разумами, бесконечно превосходящими человека, живыми Сущностями, одаренными могущественными силами и обладающими огромным влиянием на все сущее, эти стихии и небесные тела, используемые для описания и определения Бога, передавали им гораздо более полное и адекватное представление о Боге, чем нам теперь, коль скоро нам в наши дни отлично известен огонь и стихии воды и воздуха, небесные светила и все вещи безжизненного мира, окружающего нас и подобного нашему. Вполне вероятно, что они передавали древним народам идеи, не менее адекватные, чем мы получаем в наше время из одних лишь *слов,* посредством которых мы стремимся и надеемся аллегоризировать и затенить неизрекаемые таинства и неисчислимые Божественные свойства.

Конечно, правда то, что с символизмом связаны определенные опасности, перевешивающие иногда его преимущества и приносимую им пользу, а также преподают человечеству жестокий урок, позволяющий избегать столь же жестокого урока, могущего быть преподанным человеческой речью. Воображение, призванное на помощь разуму, или стремится занять его место, или оставляет его совершенно беспомощным, неспособным прорваться сквозь сплетенную воображением паутину. Имена, присвоенные тем или

иным вещам, путаются в сознании людей с самими этими вещами; средства путаются с целями; толкование и средства толкования – с его объектом; символы приобретают собственный характер, становятся независимыми в качестве образов или понятий. Несмотря на то, что такой путь познания Бога вполне мог быть и неизбежным, он крайне опасен, и на этом пути, как пишет Плутарх, «многие, поставив символ на место символизируемой идеи, впали в забавное заблуждение, в то время как другие, избежав этой ошибки, впали в другую, не менее опасную, а именно, в смертоносное неверие и безбожие».

Все великие реформаторы религии боролись с этим злом, глубоко осознавая интеллектуальную заразу, исходящую от неправильного восприятия Верховного Существа; все они считали своим личным Богом существо, явно отличное от всех богов древних, заблуждавшихся, по их мнению, мыслителей; Его Именем они уничтожали символы и изображения, украшавшие Его же храмы. Однако от их внимания ускользнуло то, что способны они лишь заменить относительно верным образом те предрассудки, которые сумели обнаружить, и заместить грубый символизм лишь отчасти более чистым. Всякий человек бессознательно поклоняется творениям своего собственного разума, поскольку всякий символизм, равно как и всякий язык, разделяет субъективность идей, которые отражает. Эпитеты, применяемые нами к Господу, вызывают пред нашим мысленным взором только зримые или осознаваемые образы. Средства или формы выражения религиозного чувства, составляющие религиозное восприятие, несовершенны и постоянно прогрессируют; каждый термин и каждый символ определяют часть истины, всегда оставаясь подвластными изменениям и улучшениям, всегда могущие быть заменены иным термином и иным символом, более точными и более многоохватными.

Идолопоклонство имеет в своем основании смешение символа с объектом аллегоризации, замену материальным объектом поклонения во духе, произошедшую после того, как человечеству стал доступен высокий спиритуализм, злонамеренное замещение высшего символа низшим, чувственное и совершенно неадекватное представление о Боге; любая вера и любое представление о Боге являются языческими, идолопоклонческими, если они несовершенны, если они тщатся заместить временной, несовершенной идеей чертог Сокрытой Сущности, Которая познаваема толь-

ко лишь отчасти и в силу этого может почитаться даже самыми просвещенными из своих поклонников только в соответствии с их ограниченными способностями к восприятию и представлениями о Ее совершенстве.

Как и вера в Бога, вера в бессмертие души вполне естественна для человека; она скорее в принципе родственна самосознанию человека, чем является догмой, бытующей у того или иного народа в то или иное время. Она придает человеческой природе бессмертие и как бы уравновешивает ее противоречия и аномалии; она придает человеку сил в его слабости и совершенствует его в природном несовершенстве; она одна дарует адекватную цель и надежду его энергии и силам и достоинство – его предприятиям. Она неотъемлема от веры в единый бесконечный Дух, потому что исключительно через уверенность в достоинствах разума мы способны воспринимать ценность проявлений Бессмертия во Вселенной.

Усилить и, насколько возможно, распространить эту надежду, – вот в чем была первенствующая идея и цель мудрости древних, будь она выражена в форме поэзии или философии, а посему и Мистерий, и масонства. Жизнь, произрастающая из смерти, есть великое таинство, символизм которого представлен множеством разнообразных форм. Для свидетельства об этих величайших дарах, превосходящих все дары воображения, была ограблена Природа, воистину свидетельствами которой и выводами из которой они являлись. Эти свидетельства легко обнаружить. Их можно найти, например, в оливе и лотосе, в вечнозеленом мирте *мистов* и на могиле Полидора, в смертном, но возрождающемся к жизни Змее, в восхитительной бабочке, выходящей из куколки мерзкой гусеницы, в феномене зарождения жизни, в восходах и закатах Солнца и звезд, в нарождении новой Луны и ее старении и во сне – «Малых Мистериях Смерти».

Рассказы о рождении Аполлона от Латоны или о смерти героев, вроде Главка, воскрешающие в сознании пещеры, являлись природными аллегориями чередования жизни и смерти, изменений, необходимых для сохранения ее девственной чистоты в общей сложности ее действий, совокупностью которых является вселенское спокойствие, одинаково отрицающее людские предрассудки и отчаяние. Типичная кончина бога Природы – Осириса, Аттиса, Адониса, Хирама – была глубоким, но утешительным таинством; целительные силы Орфея были неразрывно связаны с его кончиной;

и его мощи – высоко почитаемые свидетельства его победоносности и животворящей силы – часто бывали, по божественному стечению обстоятельств, захоронены в обителях его бессмертных «близнецов».

В своих учениях о бессмертии души греческие философы лишь с большей степенью уверенности утверждали истины, независимо бытовавшие среди них задолго до этого в символах и аллегориях. Египет и Эфиопия в этом отношении учились у Индии, где, как и повсюду, происхождение этого учения считалось неизвестным настолько же, насколько и происхождение самого человека. Изложение этого учения можно обрести в устах самого Кришны в «Бхагавадгите»: «Сам я никогда не пребывал в небытие, и не ты, и не князья земные, и никогда мы не канем в небытие… Душа не есть вещь, о которой человек может говорить, она была, она есть и пребудет вовеки, потому что она есть вещь нерожденная; она предвечна, неизменна, вечна и неуничтожима этой природной оболочкой…»

В соответствии с догмами античности, формы жизни – это всего лишь ряд временных очистительных пристанищ души, через которые Божественный Первопринцип возвращается ввысь, к Своему первоисточнику. Опьяневшие от дионисийской чаши и обманутые отражениями в зеркалах природного бытия, души – эти кусочки, или искры, Вселенского Разума – позабыли о своем небесном происхождении и пали в ту оболочку, которую занимают ныне. Самый простой тип нисхождения душ в подземный мир был создан древними по образу нисхождения Солнца и звезд из верхнего в нижнее полушарие. Когда дух прибывал к вратам империи Диониса, бога этого мира, в место обмана и перемен, он терял свою сущность и окутывался материальной оболочкой; и если отдельные материальные тела бывали сравниваемы с одеяниями, то весь мир в таком случае рассматривался как одеяние Вселенского Духа. Тело также сравнивалось древними с вазой, или урной, вместилищем духа, а весь мир воспринимался как огромная чаша – вместилище нисходящего в него Божества. Другой образ, не менее древний, чем священные пещеры магов и пророчества Иезекииля, описывал мир как пещеру, освещенную неверным тусклым светом, где тени кажутся реальными предметами и где души забывают о своем небесном происхождении в соответствии со своей увлеченностью соблазнами материального мира. Другой образ свидетельствует, что период воплощения души в материальном теле отмеряется именно

тогда, когда ее восхождения учащаются, и воздушная стихия тогда приобретает вид более грубой – водной.

Однако когда пар оседает в воду, она, в свою очередь, снова порождает пар, поднимающийся к Небесам и снова поющий им хвалу. Если наше смертное земное существование является смертью духа, смерть наша тогда оказывается возрождением к новой жизни; и как физические тела проходят путь возвышения из земли в воду, из воды – в воздух, из воздуха – в огонь, так и человек может возвыситься в героя, а из героя – в бога. В ходе непрерывного природного круговорота душа, дабы возвратить себе утраченное величие, должна пройти несколько перерождений и испытаний. Сценой этим великим испытаниям служит Великое святилище Посвящения – весь мир; проводят эти испытания сами стихии, а Дионис – Верховный правитель Природы, или Сама воплощенная чувственная Природа,– это Великий Арбитр Мистерий, проводник душ, которые он наделяет телом, а затем лишает его. Он есть Солнце, освободитель стихий, и посредничество его между богами и людьми обычно претворялось в те же образы, что родились в головах авторов учения о Зодиаке как пути восхождения и нисхождения душ через врата Рака и Козерога.

Он считался не только Творцом Вселенной, но и стражем, освободителем и Спасителем души. Вступив в этот мир в окружении вспышек молний и громовых раскатов, он стал Спасителем, которому поклонялись адепты Мистерий Фив, снимающим с Земли оковы зимы, управляющим ночными передвижениями звездных сонмов и круговоротом небес в течение астрономического года. Его эмблематика неизмерима и предназначена для того, чтобы заполнить практически все существующие ниши в символизме зодиакальных элементов: он был и Небесным Быком, и Львом, и Овном, и Осенним Козлом, и Змеем,– короче говоря, он был многоликим божеством, воплощенным проявлением Божественной Воли, всем во многих формах, многообразием астрономического года, бренной жизнью в неисчислимых формах, изначально пребывающей превыше всего, однако изменяющейся в соответствии со временами года и постепенно приходящей к неизменному упадку.

Он является посредником и покровителем человека, он свидетельствует пред Вселенским Незримым Разумом за персонифицированный человеческий дух, великим Совершенствователем которого он также является, и он же подвергает этот дух испытаниям

Великого Упокоения, сначала посредством буйства неукротимых стихий, попеременно то жгущих солнечным огнем, то поливающих дождями мировых вод, «всех испытаний бессмертной Природы», а затем – посредством символического мистериального посвящения. В его руках – не только Чаша зарождения жизни, но и Чаша инициатической мудрости, обладающая противоположным действием по отношению к первой, то есть заставляющая душу человеческую сбросить оковы материального существования и возжелать возвращения к своему Первоисточнику. Первая из этих чаш – воистину Чаша Забвения, в то время как вторая – это Кувшин Водолея, осушаемый возвращающимся в этот мир духом, Солнцем в день зимнего равноденствия, – это символ обмена земных впечатлений и опыта на вновь обретенные воспоминания об опыте славного и счастливого предсуществования. Вода питает и очищает, а посему кувшин, из которого она изливается, считался достойной эмблемой Божества, например, Осириса-Каноба, который живой водой оплодотворял почву Египта, а также эмблемой Надежды, веселящей и освещающей обитель мертвых.

Второе рождение Диониса, как и воскресение Осириса и Аттиса из мертвых, восстание Хурума из гроба, – это архетипы духовного возрождения человека. У Психеи (души), как и у Ариадны, – двое возлюбленных, земной и бессмертный. Ее бессмертный жених – это Дионис, Эрос-Пан орфиков, постепенно возвышающийся до небес за счет совершенствования своих ума и духа, превращающийся из воплощения чувственности в факелоносца на свадьбах богов, в Божественную Волю, вызвавшую к жизни весь этот материальный мир, пробудившую душу человека от стигийского транса и возвысившую ее от Земли до Небес.

Таким образом, научные теории философов древности, сокрытые и растолкованные в Мистериях, относительно происхождения души, ее падения, временного пребывания на Земле и последующего возвращения к Первоисточнику, – это не просто плоды сухих абстрактных размышлений над Природой мира сего и неразумными существами, наполняющими ее. Это не просто пустые рассуждения о мироустройстве, упорядоченности земного бытия и о душе, а скорее, это размышления над средствами и способами достижения величайшей из целей – совершенствования души, а также – в качестве неизбежного и необходимого следствия – о нравственности и обществе. Для них эта Земля была не домом для души, а местом ее

изгнания. В Небесах истинный дом души, и там ее родина. Именно к Небесам она должна постоянно обращаться мысленным взором. Человек – это не земное растение. Корни его – в Небесах. Душа утратила крылья и ныне притянута к Земле оковами материи. Но она способна возвратить себе крылья, если очистится от влияния материи и начнет путешествие домой, ввысь.

Материя для них была, как и для Св. Павла, первопринципом всех страстей, препятствующих правлению Разума, уводящих в сторону от цели человеческие мысли, пятнающих чистоту души; но Мистерии учили тому, как ослабить влияние материи на душу посвященного и возвратить ей былое природное величие. И дабы стертые из нее грязные пятна страстей не возвратились бы в нее по смерти физического тела, в Мистериях использовались разного рода очистительные церемонии, посты, умерщвление плоти, искупительные жертвы, практики воздержания и наконец – посвящение. Многие из этих практик изначально были чисто символическими, например, от посвящаемых требовали материальных символов нравственной чистоты, однако впоследствии эти знаки стали считаться настоящими первопричинами чистоты.

Воздействие посвящения на человека считалось тем же, что и воздействие занятий философией: очищение души от страстей, ослабление власти тела над Божественной составляющей человека, дарование ему еще во время земного существования способности счастливого ожидания возвышенного состояния, в которое он перейдет однажды, видения еще при земной жизни величественных богов загробного мира. Поэтому Прокл и другие неоплатоники учили, что «Мистерии и посвящения позволяли духу покинуть материальный мир и воссоединиться с богами; они рассеивали нависшие над адептами тени невежества лучами божественного сияния». Таковы были сладкие плоды посвящения в последний градус Мистериальных наук: посвященный видел Природу во всей полноте ее источников и разнообразных проявлений, ему становились ведомы первопричины всех вещей и истинное бытие.

Цицерон пишет, что душа должна постоянно упражняться в добродетели, если она желает скорого возвращения к своему Истоку. В годы своего пленения в материальном теле она должна постоянно стремиться освободиться из него посредством размышления о возвышенных, божественных вещах, каковое размышление позволяет со временем освободиться от чувств и в конечном итоге от самого

физического тела. Те же, кто остается в плену материи, постоянно подчиняются воле своих страстей и преступают священные законы религии и общества, сумеют вознестись на Небеса только после продолжительного очищения в ходе нескольких перерождений на протяжении многих веков.

От кандидата на посвящение требовалось полное очищение от страстей, освобождение от оков материи и чувств и последующая практика созерцания Божества, то есть неосязаемого и неизменного Света, являющегося первопричиной и источником всех и всяческих вещей в Природе. «Мы должны,– пишет Порфирий,– освободиться от всего чувственного, дабы душа оказалась в состоянии легко воссоединиться с Богом и счастливо обитать с Ним рядом». «Великая задача посвящения,– пишет Иерокл,– в том, чтобы возвратить душе понятие об истинных благе и красоте, ознакомить ее с ними и обучить упражнению в них; избавить души от боли, страхов и тягот пребывания в материальном мире, от оков материи, от мрака земных застенков; облегчить и ускорить их возвращения к радостям Небесного бытия на Счастливых островах,– то есть возвратить им изначальные облик и состояние. Посему когда приходит смертный час, душа, освобожденная от своего материального облика, оставляет позади наследие Земли и легко возносится в свою звездную обитель, дабы возвратить себе свое изначальное состояние, и настолько приближается к Божественному эталону, насколько это вообще способна сделать человеческая душа».

Плутарх уподобляет Исиду знанию, а Тифона – невежеству, затмевающему свет священного учения, обычно озаряющий и оплодотворяющий душу истинного посвященного. Никакой божественный дар, пишет он, так не ценен, как знание Истины, знание природы богов, насколько его позволяет нам постигнуть ограниченность нашей собственной природы и нашего собственного разума. Валентиниане называли посвящение Светом. Пселл пишет, что посвященный становится эпоптом, когда его допускают к лицезрению Божественного Света. Клемент Александрийский, наставляя новопосвященного в Мистерии Вакха, говорит, что до посвящения тот был слеп, как Тиресий, а потом приглашает его узреть Христа, Который воссияет пред взором посвященного ярче Солнца. Он восклицает: «О таинства, воистину священные! О Свет пречистый! Стоит воссиять факелу дадука, Небеса и Сам Бог являются взору моему! Я – посвященный, я стал святым!» Вот в чем древние виде-

ли истинную цель посвящения: обрести очищение и воочию узреть верный и четкий образ Божества, знание о Котором и было истинным Светом Мистерий. Этот Свет обещали посвященному адепты Самофракийских Мистерий после того, как он обретет истинное очищение и будет при этом справедлив. Клемент пишет, что посредством крещения души *просвещаются* и приближаются к *чистому свету,* к которому не способны примешаться никакие тени, никакие аспекты материальности. Посему посвященный, обретший титул эпопта, именовался также Зрячим. «Слава вновь рожденному Свету!» – восклицали посвященные в Мистерии Вакха.

Таково было воздействие полной инициации. Она освещала душу Божественными лучами и становилась для нее, так сказать, оком, озирающим поля Истины, как писал Пифагор; в ходе мистериальных странствий душа возносится над телом, на время преодолевая его влияние, и погружается в себя самое, преисполнясь Божеством и всеми силами стремясь уподобиться Ему.

Ослабляя таким образом воздействие страстей и чувств на душу, освобождая ее из этого тягостного рабства, постоянно упражняясь в добродетели – на практике и в мыслях, – наши древние собратья стремились достичь такого уровня совершенства, который позволил бы им претендовать на возвращение в Божественную обитель. Да не будут наши цели как масонов ниже этой! Мы пользуемся теми же символами, что и они; мы учим тем же священным и неизменным истинам, что и они: мы наставляем в бытии разумного Бога и в бессмертии человеческой души. Если же некоторые аспекты их учения о душе видятся нам граничащими с абсурдом, давайте просто сравним их с традиционными представлениями нашего современного мира на этот счет… и мудро промолчим. Иногда действительно кажется, что они путали символ и понятие, которое он символизирует, поклонялись *знаку,* должному только отражать Божество. Но давайте поразмыслим о наших собственных несовершенных представлениях о Боге, о том, как мы поклоняемся идеям и образам, созданным и оформленным в нашем собственном разуме, а не Самому Богу; и если нас тянет ухмыльнуться при мысли о значении, придававшемся древними постам и ритуальным очищениям, – давайте снова помолчим и поразмыслим над тем, не сохранилась ли в людской природе эта самая слабость по сей день, служа основанием для многочисленных церемоний и ритуалов, которые всеми признаны в качестве *активных* средств спасения души.

И еще давайте вспомним слова древнего автора, которыми мы и закончим эту лекцию: «Хорошо стоять на берегу и наблюдать за судами, носимыми по воле волн; хорошо стоять у бойницы замка и наблюдать за кровавой битвой в отдалении; но никакая радость не сравнится со счастием пребывания на пьедестале Истины (горы непокоримой, воздух над коией всегда чист и небо – безоблачно) и наблюдения за ошибками и заблуждениями людей во мгле и беспорядке суетного бытия у его подножия; *а посему да будет такой взгляд всегда исполнен сострадания, а не пышущей гордыни.* Именно Небеса заставляют земной разум человека развиваться за счет милосердия, находить успокоение в Божественном Провидении и следовать путями Истины».

Prince of Mercy, or Scottish Trinitarian 26

Князь Милостивый, или Шотландский Рыцарь Троицы

Пребывая во тьме, ты слышал глас великого Прошлого, повторявший тебе основы древнейших учений Истины. Никто не имеет права оспаривать мысли того масона-христианина, который видит за образами Кришны и Сосиоша, Митры и Осириса Божественное Слово, ставшее, как он верует, Сыном Человеческим и принявшее крестную смерть ради Спасения падшего людского рода. Не обладает и *он* сам правом оспаривать веру других в то, что это Слово, Слово Любимого Ученика, Которое было в начале у Бога и через Которое все начало быть, воплощено в Логосе Платона или в Слове Воплощенной Мысли, или в Первой Эманации Света, или в Совершенном Разуме Великого, Безмолвного, Верховного, Несотворенного Божества, в Которое верят и Которому поклоняются все народы без исключения.

Мы не отметаем никакую истину. Мы не допускаем никаких высказываний, которые могли бы счесть богохульными какие-либо народы или представители каких-либо конфессий. Мы не пытаемся внушить магометанину, что важнее всего для него – вера в Бога Единого, а был ли Магомет Его пророком – не суть важно. Мы не пытаемся внушить иудею, что Мессия, прихода которого он с трепетом ожидает, родился в Вифлееме почти две тысячи лет назад и что он – еретик, ибо в это не верит. И точно так же мы не пытаемся внушить истинно верующему христианину, что Иисус Назарянин был таким же человеком, как мы с вами, или что история Его страстей есть не что иное, как изложение одного из вариантов древнейшей

в мире легенды. Поступать описанным выше образом – значит, нарушать границы наших прав и полномочий. Масонство не принадлежит какому-либо отдельному временному отрезку, оно превыше времени; оно также не принадлежит какой-либо отдельной религии, ибо находит великие Истины во всех религиях мира.

Для каждого масона существует Бог – Единый, Верховный, Бесконечный в Своих Милости, Мудрости, Провидении, Справедливости и Снисхождении; это Творец, Управитель и Хранитель всего сущего. Каким образом и посредством каких именно сил Он творит и действует, каким именно образом Он воплощается и являет Себя, масонство не учит, оставляя это право религиям и конфессиональным учениям.

Для каждого масона человеческая душа бессмертна. Проистекает ли она от Бога, впоследствии возвращаясь к Нему, в какой именно форме она существует после смерти физического человеческого тела, – каждому судить самому. Масонство было создано не для того, чтобы рассуждать об этих материях.

Для каждого масона Мудрость, или Разум, Сила, или Власть, и Гармония, или Соразмерность и Красота, – суть Троица Божественных свойств. Масонство не занимается философскими тонкостями описания этих свойств, равно как и не пытается делать выводов относительно реальности предполагаемого существования мифических существ, являющихся материальными воплощениями этих свойств, – будь то христианская Троица или какая-либо иная реальность огромного значения и огромной же важности.

Для каждого масона беспредельные Милость и Справедливость Бога определенно гарантируют полное уничтожение Зла в конце времен, свержение его с престола и торжественное воцарение Добра, Истины и Красоты навечно. Масонство учит тому, во что само нерушимо верует и что доподлинно знает, а именно что зло, боль и горе существуют в мире лишь в качестве составных частей мудрого и милостивого Плана, все части которого сводятся воедино и действуют совместно во имя достижения величайшей цели Божественного Провидения – Совершенства. Достаточно ли аргументированно и подробно разъяснено существование в мире зла в той или иной религии, воплощается ли оно в образе Тифона – Великого Змея, Аримана с его воинствами злых духов, гигантов или титанов, пошедших войной на небесных богов, двух сосуществующих Первопринципов – Добра и Зла, искушений Сатаной и грехопаде-

ния человека, Локи и змея Фенрира[1], – судить не масонству, да оно и не утруждает себя суждениями по данному вопросу. Не его дело и судить о том, как и каким образом осуществится величайшая победа Света, Добра и Истины над Тьмой, Злом и Заблуждениями; не его дело судить о том, явился ли Спаситель, с нетерпением ожидаемый всеми народами Земли, в Иудее, или Ему лишь суждено еще прийти.

Масонство почитает всех без исключения великих преобразователей религиозной веры. В Моисее – великом Законодателе иудеев, в Конфуции и Зороастре, в Иисусе Назарянине и в великом арабском Иконоборце оно видит Великих Учителей Нравственности и Достославных Преобразователей, если не больше: оно позволяет каждому из своих братьев приписывать любому из них любые высшие, даже Божественные, свойства, в соответствии с его верой и понятиями об Истине.

Посему масонство не отметает никакую истину и не наставляет в отрицании какой-либо веры, если только эта вера не унижает высоких масонских представлений о Божестве, не опускает Его до уровня человека со всеми страстями его, не отрицает высокого предназначения человека в этом и ином мирах, не старается опорочить Верховного Бога в Его Милосердии и Благе, не пытается разрушить великие колонны, служащие опорами Масонского Ордена – Веру, Надежду и Милосердие, – и не проповедует безнравственность и ниспровержение долга брата по отношению к нашему Ордену.

Масонство – это действительно система религиозного поклонения, система, объединяющая в себе всех цивилизованных людей, ибо оно не стремится объяснить или догматически определить великие таинства, которые превыше наших несовершенных способностей к пониманию, превыше нашего человеческого разума. Масонство верует в Бога и надеется; вера его – детская; оно отрицает всяческую гордыню. Оно не обнажает меч, дабы заставить прочих принять свою веру или наслаждаться теми же упованиями, что и оно. Масонство терпеливо *ждет* нисхождения на его адептов понимания таинств Природы и Бога этой Природы.

Величайшие во Вселенной таинства непрерывно свершаются вокруг нас; они настолько привычны и обычны для нас, что мы никогда не замечаем их, мы привыкли не думать о них, не размышлять над ними. Мудрецы рассказывают нам о *законах,* управляющих движением сфер по гигантским дугам вокруг незримых

титанических осей, проносящихся с немыслимой скоростью по беспредельному Космосу, в то время как мы сами – мельчайшие, почти невидимые атомы, крошечные частицы этой неизмеримой Вселенной, – сидим здесь в пустой горделивой убежденности, что все-все сотворено только и исключительно для *нас*. Мудрецы повествуют нам о центробежных и центростремительных *силах*, о силах притяжения и отталкивания, – в этих и иных звучных терминах, изобретенных для того, чтобы скрыть *незнание* их значения. Во Вселенной существуют и иные силы, не подвергающиеся описанию терминами механики.

Возьмите два маленьких семечка, совершенно одинаковых по виду, и два таких же, но больших. Передайте их многомудрому пандиту научного мира – химику. Он расскажет вам о сжатии воздуха в полостях семян, об их дыхании, о том, как они питаются фосфором и углеродом, щелочами и силексом. Он разрежет их, рассмотрит под микроскопом, будет терзать и мучить всеми известными ему способами. В конечном счете, он представит вам немножко сахара, немножко волокна, немножко воды, углерода, калия, натрия и тому подобного, – какая разница, чего именно...

А потом мы зароем такие же семена в землю, и Солнце будет греть их своими лучами, и теплый дождь будет омывать их, – и они прорастут тонкими нежно-зелеными побегами. Какое же это чудо – их рост! Какое же чудо – сила, мощь, *способность* маленького и тонкого побега, который может срезать одним движением жвал самая крошечная, практически невидимая невооруженному глазу гусеница, забирать из земли, воздуха и воды элементы, которые человек так тщательно исследовал, переписал и систематизировал, для того, чтобы расти, набираться сил и неуклонно подниматься навстречу небу!

Одно из семян вырастает в тонкий хрупкий стебелек, мягкий на ощупь, как, например, обычная трава; другое превращается в куст с жесткой древесиной, ощетинившийся шипами и способный противостоять порывам жестокого ветра; третье – в тонкое стройное деревце, способное замерзнуть насмерть при первом дуновении зимней стужи и угнетенное более сильными деревьями в густом лесу, не видящее из-под их нависших крон солнечных лучей; четвертое же спустя несколько лет распростирает узловатые руки-сучья далеко во все стороны и не боится ни стужи, ни льда, ни снега, месяцами лежащего на его ветвях.

Но что это? Мы сами видим, как из грязной бурой почвы, из прозрачного невидимого воздуха и все еще прозрачной, но уже мутноватой дождевой воды семена извлекли *цвет* – четыре разных оттенка зеленого, в которые окрашиваются по весне всем нам отлично знакомые деревья, кусты и сама земля. Чуть позже появляются цветы: яркие розовые бутоны, огненные сияющие гвоздики, скромно розовеющие лепестки яблоневого цвета, ослепительная белизна ветвей апельсинового дерева… Откуда же у цветов и листвы *цвет?* Каким образом, путем каких химических реакций растения извлекают *его* из углерода, фосфора и извести? Разве есть чудо чудеснее получения чего-либо из ничего?

Цветы распускаются. Вдохните чарующие *ароматы:* каждый из них совершенен, все вместе они удивительны. *Откуда* они? Какое сочетание кислот и щелочей способен составить химик в своей лаборатории, дабы воспроизвести *их?*

И наконец появляются плоды – румяное яблоко и золотой апельсин. Разрежьте их и раскройте! Как различны между собой их строение и сама текстура! *Вкус* каждого из них отличен от всех других плодов, равно как и *аромат,* который также отличается и от аромата его же собственных цветков и цветков других плодовых растений. Откуда этот вкус и этот новый аромат? Ведь все эти растения с различным ароматом и различным вкусом вскормлены одной и той же почвой, одними и теми же воздухом и водой.

Разве проблема происхождения мысли, воли и восприятия всех природных явлений человеком более значительна, чем вопрос, откуда приходят цвет, запах и вкус цветов и плодов?

И вот что еще важно: в каждом плоде мы видим новые семена, и каждое из них наделено теми же самыми удивительными способностями к воспроизводству, каждое содержит те же самые поразительные *силы,* которые заставят его развиваться в новое растение. Это силы, живущие в зернышке пшеницы, обнаруженном в полосах материи, в которую была завернута недавно обнаруженная древнеегипетская мумия; это силы, о происхождении и действии которых современная наука, современная человеческая мысль имеет не больше представления, чем о природе, помыслах и деяниях Господа. Что *мы* можем знать о Природе и как *мы* можем понимать силы и способы действия человеческой души, если вне нашего понимания остаются зеленеющая листва, перламутровые лепестки цветов и золото апельсинового плода?

Мы просто пытаемся скрыть собственное невежество за непроницаемой словесной пеленой, а слова зачастую являются не чем иным, как лишенным всякого смысла сочетанием звуков. Что такое центробежная сила? Это *склонность* к движению в определенном направлении! А какая же, в таком случае, внешняя *сила* приводит к этой склонности?

Какая сила заставляет стрелку компаса неизменно указывать на Север? Какая сила заставляет мышцы поднять руку, когда воля приказывает ей подняться? Откуда происходит сама *воля?* Появляется ли она из ничего, то есть является ли она первопричиной, – или все же следствием? Подумайте, ведь это тоже необъяснимо, как необъяснимо для нас Творение или бытие и самопорождение Бога.

Кто сможет объяснить нам страсти, капризы, гнев, память, привязанности крошечного крапивника, самосознание и мечты дворового пса, способности слона к логическому рассуждению, поражающие воображение страсти, инстинкты, общественное устройство и самоуправление, «государственную политику», взаимный обмен мыслями и чувствами у пчел и муравьев?

Разве кто-либо сумел объяснить нам при помощи всех возможных красочных сравнений и длинных-длинных наукообразных фраз, каким именно образом тепло поступает к нам от Солнца, а свет – от далеких звезд, освещая нам путь именно сейчас, в то время как отправился он от своего источника к Земле еще в те времена, когда халдеи только начинали возводить Вавилонскую башню? Как образ некоего постороннего объекта поступает на сетчатку глаза и отражается на ней, и как, будучи там, этот нематериальный, призрачный образ в конечном итоге, взаимодействуя с мозгом, превращается в то, что мы называем чудесным словом «зрение»? Каким образом тончайшие, незримые атмосферные волны играют на бубнах наших ушных перепонок, претворяя в жизнь не менее поразительное явление слуха; как они заставляют нас ощущать и различать рев торнадо, громовые раскаты, могучий глас океана, стрекот кузнечика, сладчайшие мелодичные переливы неповторимых трелей малиновки или пересмешника, волшебные звуки скрипки Паганини?

Тайной для нас остаются наши собственные чувства. Мы – тайна для самих себя. Философия не способна научить нас ничему относительно *природы* наших собственных ощущений и восприятий, нашего сознания, происхождения наших мыслей, – только *словам*

и ничему, кроме слов. Никакие усилия, сколь долго они бы ни длились, не способны даровать человеку сознание своей собственной личности, отдельной от его тела и его же разума. Мы истощаем себя бесплодными стараниями познать самих себя и, в конце концов, перестаем к этому стремиться, осознавая безрезультатность всех усилий. Назовите мне того, кто сумел за всю историю человечества достаточно внятно разъяснить, как именно отражение света от постороннего объекта попадает в глаз, звуки, им издаваемые, – в ухо, неразличимые глазом частицы запаха – в ноздри, а вкус – на нёбо, и как все это потом проникает в нервы, а через них – в мозг человека!

Что мы знаем о материи? До сих пор есть люди, вообще сомневающиеся в ее существовании. Философы учат, что обычные чувства позволяют нам познать только *свойства* материи: цвет, протяженность, плотность и пр. – но не *ее самое,* не материю, которая только может быть плотной, длинной, черной или белой, – а может и не быть такой. Точно так же мы знаем только *свойства* души: мысль и восприятие, – а не саму душу, которая способна мыслить и чувствовать.

Какие же чудесные тайны скрыты от нас в тепле и свете, существующих неведомым нам образом в пределах, неизмеримо узких по сравнению с Беспредельностью, за которыми во все стороны простирается бескрайнее пространство, невообразимая и непроницаемая тьма, непостижимый вселенский холод! Помыслите только о великой Силе, существование Которой просто необходимо для поддержания постоянного тепла и света в центральной точке этой Беспредельности, для Которой полуночная земная тьма и холод арктических льдов – ничто. Господь вездесущ.

А как волшебно воздействие тепла и холода на текучую субстанцию, которую мы называем водой! Какие величественные тайны хранят каждая снежинка, каждый кристаллик льда! Как поразительно их превращение в облака прозрачного невидимого пара, поднимающегося от поверхности мирового океана и достигающего скрытых за облачной дымкой горных вершин!

Какое огромное количество природных чудес и загадок открыла для нас химия! Подумайте только, что будь отменен хотя бы на минуту хотя бы один-единственный природный закон: притяжения и отталкивания, сохранения вещества, например, – весь материальный мир на этой, как нам кажется, несокрушимой и вечной Земле, в единстве ее гранитных глыб и природных алмазов, золотых жил

и серебряных залежей, траппа и порфира, угольных шахт и нас самих со всеми нашими костями и мышцами, немедленно разрушится и превратится – вместе со всеми солнцами и звездами, со всей Вселенной Господней – в незримый тончайший пар, состоящий из крошечных частиц-атомов, рассеянных в необозримом Космосе; исчезнут, перестанут существовать тепло и свет, – если только Сам Господь не является, как считали древние персы, Вечным Светом и Неугасимым Огнем.

Как величественны все тайны Господней Вселенной! Как *можем* мы с нашими ограниченными способностями к восприятию и постижению Истины рассчитывать познать их во всей полноте? Беспредельное ПРОСТРАНСТВО, простирающееся от нас во все стороны; беспредельное ВРЕМЯ без начала и конца и мы сами, ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, в центре всего этого. Существуют бесчисленные солнца, лишь одно из которых становится тем *меньше* для нас, чем в более мощный телескоп мы его рассматриваем; каждое из них окружено освещаемыми им мирами; они настолько удалены от нас, что их свету никогда не суждено до нас долететь; бесконечно они перемещаются в вечности, в то время как свет того солнца, которое, как нам *кажется*, мы видим, летел к нам на протяжении более чем пятидесяти веков. Наш мир постоянно вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца, а само Солнце вместе с нашим миром, в свою очередь, вращается вокруг некоей центральной оси, вместе со всеми прочими солнцами и звездами, со всеми мирами, с непостижимой скоростью проносящимися по бескрайнему Космосу; и вот, в каждой капле воды, которую мы пьем, в каждой крошке пищи, которую мы едим, в воздухе, в земле, в океане обитают мириады крошечных существ, невидимых для нашего невооруженного глаза, вообще непостижимой для нас миниатюрности, которые обладают, тем не менее, строгой организацией, которые живут, едят, *возможно*, чувствуют и обладают самосознанием, памятью и инстинктами.

Таковы лишь некоторые из тайн Господней Вселенной. И тем не менее, мы, чья жизнь и жизнь чьего мира является лишь едва заметной точкой в Бесконечности, мы, питающие микроорганизмы внутри своего тела и питающиеся сами растительностью своего мира, желаем познать, как Бог сотворил весь этот мир, стремимся познать Его свойства, Его силы, Его воплощения, образ Его бытия и действий, желаем познать суть Плана, лежащего в основании всех явлений и процессов, Плана столь же разумного и мудрого, сколь

Сам Господь; мы стремимся познать законы, посредством которых Он правит Своей Вселенной, желаем *узреть* Его и *говорить* с Ним с глазу на глаз как с равным себе, мы пытаемся не *верить,* объясняя это для себя тем, что не хотим верить в то, чего не *понимаем*…

Он повелел нам возлюбить друг друга, возлюбить ближнего, как самого себя, а мы начинаем спорить с Ним, возражать Ему, ненавидеть и убивать друг друга, – все это потому лишь, что оказались не в состоянии прийти к общему мнению относительно Его Сущности, Его свойств: был ли Он рожден человеком, мужчиной Он был или женщиной, был ли Он распят на кресте, *един* ли Дух Святой природой с Богом Отцом, или же природа их только *схожа,* может ли быть дряхлый полоумный старик Наместником Господа на Земле, является ли та или иная группа людей избранной Господом для вечного спасения, в то время как все остальные люди обречены на проклятие и вечный Ад, вечно ли длится наказание грешников после физической смерти, – и все эти разногласия заставляют нас заливать мир кровью, опустошать целые области, превращать плодородные земли в пустыню. В конечном счете на протяжении уже многих веков вся Земля из-за непрекращающихся религиозных войн, бессмысленного кровопролития является вращающимся вокруг Солнца паровым котлом, кипящим людскими страданиями, кровью, пролитой в братоубийственных войнах во имя победы одного религиозного мнения над другим таким же; и эта бойня непрерывно вносит заразу во все вены Земли, превращает ее в пугало и посмешище для всех ее сестер во Вселенной.

Будь все люди Земли масонами, повинуйся они всем своим сердцем гуманному учению нашего Ордена, наш мир был бы Раем; но сейчас нетерпимость и злоба делают его сущим Адом. Ибо вот в чем вера истинного масона: ВЕРУЙ в беспредельное Милосердие Господне, в Его Мудрость и Справедливость; надейся на окончательную победу Добра над Злом, на торжество Совершенной Гармонии в конечном результате всех согласий и разногласий во Вселенной; будь милосерден, как милосерден Господь, ко всем заблуждениям, неверию, ошибкам и проступкам людей, ибо все люди – братья.

НАСТАВЛЕНИЕ

Первый Страж: Брат Второй Страж, принадлежишь ли ты к числу Князей Милостивых?

Второй Страж: Я видел Лучезарную Дельту и СВЯЩЕННЫЕ ИМЕНА, начертанные на ней; я, подобно тебе, принадлежу к числу

Рыцарей Эмет и состою в Тройственном Союзе, знак коего мы все на себе несем.

Вопрос: Каково первое слово, начертанное на Священной Дельте?

Ответ: Неизрекаемое Имя Господне, истинный смысл коего известен лишь Рыцарям Эмет.

В.·. Что означают для нас три стороны Священной Дельты?

О.·. Для нас и для всех Братьев Вольных Каменщиков они означают три великих свойства, или действия, Божественной Сущности: Мудрость, или мыслительную и промыслительную Силу, коей в те времена, когда ничего не было, кроме Самого Господа, были порождены и сформированы Замысел и План сотворения сей Вселенной; собственно Силу, или действенную и творческую Силу, коей Вселенная была сотворена в соответствии с Планом и Замыслом, созданными Мудростью, чрез кою Вселенная, звезды и солнца, и миры, и свет, и жизнь, и люди, и ангелы, и все живые существа стали быть; и Гармонию, или сохраняющую и предержащую Силу, порядок и красоту, поддерживающие Вселенную в неизменном состоянии и составляющие собой ее великий Закон Гармонии, Движения, Соответствия и Развития; – иначе говоря, Мудрость, *замыслившую* План, Силу, *претворившую* его, и Гармонию, *поддерживающую* его, – то есть масонскую Троицу, три Силы единой Сущности; три колонны, поддерживающие Вселенную – физическую, интеллектуальную и духовную, – служащую прообразом и символом каждой масонской ложи; в то же время для масона-христианина они воплощают Троицу Небесную – Отца, Слово и Святого Духа, Которые суть Трое в Одном.

В.·. Что означают три греческие буквы – Йота, Эта и Сигма (I.·. H.·. Σ.·.) – начертанные на Священной Дельте?

О.·. Они означают три из Имен Верховного Бога, почитавшегося сирийцами, финикиянами и иудеями: Яхве (יהוה) – *Бытие в Себе,* Эль (אל) – *Бог Природы,* или *Душа Вселенной,* и Шаддай (שדי) – *Верховная Сила.* Также три из шести главных Божественных свойств, известных каббалистам: Мудрость (Йе), у египтян – *Разум* (Νους), у платоников – *Слово* (Λόγος), у гностиков – *Мудрость* (Σοφία); Величие (Эль), символизируемое головой Льва; и Победу, или Славу (Саваоф), которые суть колонны Яхин и Боаз, поддерживающие портик масонского Храма. Для масона-христианина это первые три буквы Имени Сына Божьего, умершего на кресте во имя Избавления человечества.

В.·. Каков первый из трех Союзов, в котором мы состоим?

О.·. Это союз Завета Господа с Ноем, когда Он сказал: «...не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся... Вот, Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякой душею живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными; поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли... вот знамение завета, который Я поставляю между Мною и между вами, и между всякой душею живою, которая с вами, в роды навсегда; Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею... вот знамение завета, который Я поставил между Мною и между всякою плотию, которая на земле»[2].

В.·. Каков второй из трех Союзов, в котором мы состоим?

О.·. Это союз Завета Господа с Авраамом, когда Он сказал: «Я Бог Всемогущий... поставлю завет мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя... Я – вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов... и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя, и поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя. И дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное»[3].

В.·. Каков третий Союз?

О.·. Это союз Завета Господа со всем человечеством через пророков Его, когда Он сказал: «И придут народы к свету твоему, и цари – к восходящему над тобой сиянию... и сотворю новое небо и землю новую... Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны – светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой – славою твоею... И придет Искупитель Сиона и сынов Иакова, обратившихся от нечестия... И вот, завет Мой с ними... Дух Мой, Который на тебе, и слова Мои, которые вложил Я в уста твои, не отступят от уст твоих и от уст потомства твоего... отныне и до века»[4].

В.·. Каков знак сего Тройственного Союза?

О∴ Тройной Треугольник.

В∴ Что еще воплощает сей знак?

О∴ Тройственность Божественных свойств, а также тройственную природу человека: Жизненный принцип, Силу разума и Душу – бессмертную эманацию Господа.

В∴ Какова первая великая истина священных Мистерий?

О∴ Никто и никогда не лицезрел Господа. Он – Единый, Предвечный, Всемогущий, Всеведущий, беспредельно справедливый, милостивый и милосердный, исполненный сострадания Творец и Предержитель всех вещей, Источник Света и Жизни, сосуществующий со Временем и Пространством, мыслящий и мыслию Своею сотворивший Вселенную и все живое в ней, и души людей; Он один постоянен, в то время как все остальное постоянно изменяется.

В∴ Какова вторая великая истина священных Мистерий?

О∴ Душа человека бессмертна; она не есть следствие развития, действия или организации образов материальных действий, или последствие череды явлений или восприятий, но бытие, единое и осознающее себя, дух живой, искра Предвечного Высшего Единого Света, вошедшая в материальное тело и пребывающая в нем, покидающая это тело в миг физической смерти и возвращающаяся к Господу, даровавшему ее, не исчезающая, как дым, и не умирающая в миг физической смерти материального тела, не могущая быть уничтожена, но пребывающая вечно и обладающая собственным разумом и собственной действенной силой, даже во время пребывания во Господе, до вселения в материальное тело человека.

В∴ Какова третья великая истина масонства?

О∴ Сила, направляющая человека по пути праведности и удерживающая его от преступления, не только старше людских городов и возведших их народов, но она существовала и существует одновременно с Верховным Единым Богом, надзирающим и правящим небом и землей. Посему и Тарквиний преступил сей Вечный Закон, хотя в годы его правления в Риме могло и не быть писаных законов, предусматривавших наказания за творимые им злодейства. Ибо Первопринцип, указующий нам пути праведности и предостерегающий от совершения порочных деяний, проистекает из самой природы вещей. Он не стал законом, когда был впервые записан; он ниоткуда не произошел, но существовал всегда и одновременно с Верховным Единым Божественным Разумом. Посему исполнение веления добродетели не становится конечным итогом; и также до-

стославные деяния добродетели должны вызываться глубоко укоренившимися принципами, побуждениями и причинами, чтобы воистину стать достославными и добродетельными.

В.·. Какова четвертая великая истина масонства?

О.·. Нравственные истины так же абсолютны, как истины метафизические. Даже Бог не способен заставить следствия проявляться в отсутствие причин, а явления – в отсутствие материи. Точно так же не может Он обратить в грех и порок нашу верность однажды данному слову, любовь к Истине, смирение страстей. Принципы нравственности являются аксиомами, как законы геометрии. Нравственные законы отражают взаимоотношения, проистекающие из самой природы вещей; они не были сотворены Богом, а сосуществуют в веках с Ним и в Нем. Их вечное существование не зависит от Его Воли. Истина и Справедливость – это части Его Сущности. Мы обязаны следовать этим Его законам не потому, что они бренны, а Господь – всемогущ. Нас можно заставить повиноваться сильнейшему, но мы не обязаны это делать, с нравственной точки зрения. Господь есть Первопринцип Нравственности, но отнюдь не по одному лишь велению Своей Воли, которая, взятая отдельно от всех прочих Его свойств, не является ни справедливой, ни несправедливой. Добро есть выражение Его Воли постольку, поскольку сама Его Воля является выражением вечной, абсолютной, никем не сотворенной справедливости, существующей *во* Господе, но не сотворенной Его Волей, кою она, однако, воплощает и провозглашает, воплощаясь в наших душах в понятие Добра. Он даровал нам Закон Истины и Справедливости; но не единой Его Волей сей закон был сотворен и утвержден. Справедливость внутренне и изначально сосуществует с Его Волей, потому что является неотъемлемой составляющей Его Мудрости и Его Разума, в силу самой Его Природы и Его Сущности.

В.·. Какова пятая великая истина масонства?

О.·. Существует вечное и изначальное разграничение между Добром и Злом, между тем, что справедливо и что несправедливо; и с этим разграничением каждое обладающее разумом и личной свободой выбора существо соотносит абсолютное обязательство следовать добру и справедливости. Человек – существо разумное и свободное; свободное – потому что он осознает, что его долгом является, что его долгом *стало* неизменное следование истине и справедливости, а посему у него непременно должна быть власть

так поступать, что подразумевает также наличие у него и власти так *не* поступать; человек способен осознавать различия между добром и злом, справедливостью и несправедливостью, а также приносить сопровождающие это осознание обязательства; он способен естественным образом исполнять эти обязательства вне зависимости от каких бы то ни было общественных договоров или, возможно, писаных или устных законов общества; он способен также сопротивляться искушению побуждением следовать путем зла и несправедливости; он способен неукоснительно следовать священному Закону Предвечной Справедливости.

Человеком управляет не неумолимый рок, не неизменная судьба; он свободен выбирать между путями Добра и Зла; справедливость и право, благо и красота суть природные Свойства Бога, как и Его беспредельность, а посему они являются и законами поведения человека; мы осознаем свою свободу выбора, продолжительность и взаимосвязанность всех аспектов своего существования в этом мире, а также обладаем самосознанием как личности; обо всем этом нам свидетельствуют явления одной и той же природы; и если мы ставим под сомнение *одно,* не может для нас остаться неоспоримой истиной и все *остальное,* и вообще всё в таком случае теряет для нас вещественность и реальность; свободу своей воли и своих поступков мы в состоянии отрицать только при условии отрицания реальности вообще всего окружающего, а тем самым мы отрицали бы также и Всемогущего Господа.

В.∴ Какова шестая великая истина масонства?

О.∴ Она в том, что необходимость следовать путем нравственной истины есть также и наша *обязанность.* Нравственные истины, необходимые для соблюдения, с точки зрения разума, обязательны, с точки зрения воли. Нравственный долг, как и нравственная истина, лежащая в его основании, является *абсолютным.* Как необходимые истины не могут быть более или менее необходимыми, так и долг не может быть более или менее обязательным для исполнения. Однако существует градация обязанностей в зависимости от их важности; но не существует градации долга в целом. Не бывает так, чтобы мы были *отчасти* обязаны или *почти* обязаны поступать так и не иначе. Мы или *полностью* обязаны, или никак не обязаны. Если существует какой-либо путь к отступлению от исполнения долга, – этот долг перестает существовать вообще. А если долг носит абсолютный характер, он неизменен и

всеобщ. Если долг сегодня иной, чем был вчера или будет завтра, если для *меня* он иной, чем для кого-либо *другого,* он меняет свой характер, превращаясь во временное и подверженное изменениям обязательство. В этом основа нравственности. Любое деяние, совершаемое против нравственности и справедливости, заслуживает подавления силой и наказания сразу по совершении, как в присутствие, так и в отсутствие какого бы то ни было писаного закона или устного договора; человеку свойственна способность с самого рождения различать достойные и недостойные деяния, справедливость и несправедливость, достоинство и порок; он изначально чувствует, даже в отсутствие какого-либо писаного закона или устного договора, без дополнительного обучения или наставления, что плохо, если порок вознаграждается или просто остается безнаказанным, или если добродетель карается или остается невознагражденной; также человек способен осознать, что, поскольку Господь беспредельно справедлив и благ, неизменным и обязательным для исполнения законом является то, что наказание всегда должно постигать грех, потому что оно является его необходимым и неизбежным следствием, а не просто навязанной свыше волей возмездия.

В∴ Какова седьмая великая истина масонства?

О∴ Неизменный Божественный Закон налагает на нас обязательство не только уважать абсолютные права наших ближних и быть справедливыми, но и творить добро, быть милосердными и подчиняться зову самых чистых и человеколюбивых инстинктов нашей души. Милосердие есть также неизменный закон, ибо душа наша не может успокоиться и смириться со страданиями несчастных и обездоленных. Оно состоит в том, чтобы *давать* другому то, чего он не имеет права *требовать* по законам общества и нравственности. Быть милосердными – закон для нас. Мы Databases Дародатели Господних сокровищ. Однако это обязательство не настолько однозначно и неизменно, как долг *справедливости*. Милосердие не знает ни правил, ни границ. Оно превыше всех обязательств. Красота его – в абсолютной свободе его творения. «...Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога; кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь... если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга»[5]. Быть тесно связанными друг с другом узами братской любви; помогать страждущим; быть щедрыми, снисходительными

и гостеприимными; не платить злом за зло; радоваться чужому благополучию и сокрушаться о неудачах и страданиях ближнего своего; мирно сосуществовать со всеми людьми Земли и платить добром за все нанесенные обиды и оскорбления, – вот высшие требования Нравственного Закона, в котором от начала времен наставляет своих посвященных масонство.

В∴ Какова восьмая великая истина масонства?

О∴ Вселенной Господней управляют законы движения и гармонии. Нам суждено видеть только отдельные явления и происшествия, и связи между ними наши слабые способности к восприятию и наше слабое зрение не способны постигнуть; для нас незримы тончайшие нити, которые превращают в гармонию кажущиеся несовместимыми явления. Зло – лишь видимость, а в действительности все вещи в мире суть благо и совершенство. Ибо боль и горе, преследования и тяготы, лишения и страдания, болезни и сама смерть суть лишь единственные средства претворения и проявления в мире истинной добродетели. Без них, без порока и заблуждений, без гнева и беззакония (поскольку никакое следствие не может появиться без соответствующей причины), не могут возникнуть ни терпение в годину страданий и преследований, ни благоразумие в трудные годы, ни умеренность, дабы избежать влияния страстей, ни отвага при встрече с опасностью, ни истина, которая не может молчать даже под угрозой смерти, ни любовь, готовая смириться и с ответной неблагодарностью, ни милосердие к страждущим и униженным, ни всепрощение и всеотпущение грехов и провинностей, ни терпимость к ошибочным убеждениям, ни снисходительность к побуждениям и поступкам ближних, ни патриотизм, ни героизм, ни самоотречение, ни щедрость. Ни эти, никакие другие добродетели не существовали бы тогда, и даже названия их не были бы известны человеку; а немногие оставшиеся положительные качества утратили бы право называться добродетелями, ибо жизнь в таком случае была бы однообразна, скучна, низменна и фактически означала бы смерть для человечества, потому что в ней не могли бы проявляться высшие устремления души его; человеку суждено было бы вечно пребывать в безделии и праздности, оставаться всего лишь бесполезным придатком великой Природы, вместо того, чтобы, как сейчас, оказаться сильным, отважным воином, ведущим вечный бой с мрачными легионами Зла и многочисленными трудностями жизненного пути.

В∴ Какова девятая великая истина масонства?

О∴ Великое изначальное учение данного градуса состоит в утверждении того факта, что Господни Мудрость, Справедливость и Милосердие одинаково беспредельны и совершенны и ни в чем не противоречат друг другу; напротив, они составляют Великую Совершенную Троицу Божественных свойств – три и вместе с тем одно, три в одном; что поскольку закон воздаяния абсолютен, никакое благое деяние не может остаться невознагражденным и никакое деяние порочное не может оставаться безнаказанным; что Господь столь же справедлив, сколь благ; что в мире постоянно вновь и вновь повторяется старая история, и жестокость и преступность, преследования, тирания и несправедливость процветают, они счастливы, удачливы и самодостаточны, они царят и правят, они наслаждаются всеми радостями милосердия и снисходительности Господних, в то время как добродетель и благо пребывают в плену несчастий, нищеты, лишений, они гниют в тюрьмах, умирают от голода и холода, становятся рабами жестокой тирании, орудиями и жертвами отвратительных власть предержащих злодеев; что весь этот мир, не существуй некая реальность превыше него и за его пределами, превратился бы в одну большую сцену, где разыгрывается трагедия несправедливости и зла, а Сам Господь непременно доказал бы полное Свое пренебрежение собственным великим законом Воздаяния. Отсюда следует, что существует иная реальность, иная жизнь, в которой исправлены все эти недостатки. Также учение сего градуса состоит в том, что все силы человеческой души стремятся к бесконечности, что человек обладает необоримым врожденным инстинктом стремления к бессмертию, а все человечество – вселенской надеждой на иную жизнь, о чем явно свидетельствуют все людские религии, вся поэзия, все традиции; ибо человек – не сирота; у него есть Отец, и этот Отец всегда рядом; и настанет день победного торжества Света и Истины, Добра и Справедливости, а Тьма и Порок, Зло и Заблуждения будут повержены во прах и совершенно уничтожены, чтобы никогда более не воскреснуть; что вся Вселенная исполнена высшей гармонии, в соответствии с которой, согласно всем верам всех народов Земли, глубоко укоренившимся в сердцах людей еще на заре существования человеческого рода, Свет в конце концов обязательно побеждает Тьму, а Первопринцип Добра – Первопринцип Зла; что мириады душ, проистекшие от Бога и претерпевшие очищение в борьбе со

злом в материальном, земном мире, в конце концов снова возвратятся к совершенству близ престола Господня, противостоять Чьим законам более никто и никогда будет не в состоянии.

В.:. Каков великий урок, преподанный нам как масонам в этом градусе?

О.:. Он состоит в том, что все добрые люди Земли стремятся в эту обитель Истины и Света, абсолютного Совершенства; и коль скоро существует обязательный для всех без исключения закон претворения людского тела в прах и тьму, существует также и другой закон, не менее абсолютный и не менее могущественный, предусматривающий перемещение их душ в обитель Счастья и Славы, истинного Совершенства – к престолу Предвечного Отца. Образно говоря, колеса движения Вселенной не имеют обратного хода. Все в мире стремится к Вечности. С самого начала времен непрерывный и неумолимый поток влечет души человеческие к беспредельному и предвечному Океану. Небеса же непрерывно присваивают все природные свойства, совместимые с их высшей природой, включая и останки земных существ; они обогащаются за счет всего чистого, вечного, богодухновенного, не оставляя погребальному костру ничего, кроме грубой материи, которая, сгорая, выделяет зловоние, в то время как все благие качества и черты умершего собираются, отделяются от осколков материальной природы земного мира и переносятся в Град Вечный. Да не останется никакой масон безучастным к гласу, призывающему его туда! Будем же посвящать свою жизнь изучению того, чья родина – в Небесах, а не вещей мирских, которым недолго суждено оставаться живыми и зримыми; да не удовлетворимся мы материальным миром, которому суждено вскоре исчезнуть, но приуготовимся к вечному пребыванию в Обители Света. Все в нас самих, все окружающее нас неизменно напоминает нам о скорой смерти, все наставляет нас в том, что смерть – не конец жизни, что необходимо готовиться к жизни в мире ином и искренне молить Господа нашего о даровании нам сил, о благословении и вспомоществовании в ведении беспрерывной войны с нашими страстями и низменными устремлениями во имя исполнения нашего высшего предназначения. Если наши устремления и наше предназначение совпадут, если мы решим все же следовать тем путем, который Сам Господь сотворил для нас как единственный и неизбежный, – нам будет принадлежать всё; жизнь исполнится смыслом, и смерть утратит свое жало.

В∴ Каковы символы очищения, делающего нас совершенными Каменщиками?

О∴ Омовение чистой водой, или крещение, ибо омовение тела есть символ очищения души, а также ибо омовением тело оздоровляется, и так же добродетель излечивает душу, в то время как грех и порок для души – те же болезни; помазание, или освящение елеем, ибо им мы выделяемся из всех людей и отдаемся служению и проповеди Красоты, Истины и Блага; и белые одежды, которые суть символ чистоты, искренности и истины.

В∴ Каков для нас главный символ Искупления и возрождения человека к Жизни Вечной?

О∴ Братская вечеря – трапеза хлеба, который насыщает, и вина, которое освежает и веселит, вечеря, предвещающая то великое время, когда все человечество станет единым гармоничным братством равных, вечеря, наставляющая нас в следующих великих истинах: что коль скоро материя постоянно изменяется, но, тем не менее, ни единый атом не исчезает в ней бесследно, – значит, и гораздо более возвышенная и разумная человеческая душа продолжает существовать за гробом; что миллионы наших собратьев-людей, умерших за все время истории человеческого рода до нас, обладают полным и неоспоримым правом собственности на те частицы, из которых состоят наши материальные тела; что материя постоянно претерпевает изменения, варьируя взаимное расположение своих мельчайших частиц; что тела всех людей прошлых времен, допотопных и послепотопных патриархов, царей и простых людей всех веков и всех народов, превратились в природные стихии и элементы и разнеслись по воле ветра по всем странам и континентам материального мира; что эти элементы постоянно взаимодействуют друг с другом и составляют новые причудливые сочетания, входя, в частности, и в наши тела и души, создавая, таким образом, нерушимые связи между людьми всех времен и всех народов. Следовательно, в хлебе, который мы едим за вечерей, и в вине, которое мы пьем, вполне могут содержаться как неотъемлемые составляющие те самые частицы, которые в свое время составляли материальные тела Платона, Моисея, Конфуция, Сократа или Иисуса Назарянина. Мы едим и пьем тела умерших – в самом прямом и буквальном смысле; нет в нашем теле ни единого атома, на владение которым параллельно с нашей душой не могла бы предъявить права какая-либо другая душа. Также сей градус наставляет нас в неисчерпаемом и

беспредельном Милосердии Господа, посылающего нам пору посевной и пору сбора урожая, каждую – в свое время; Его властью благодатный дождь изливает свои воды и Солнце дарит свой свет одинаково и праведникам и грешникам, и добрым, и злым, уравнивая нас в правах на получение Его Всевышнего Благословения, наделяя нас Милостью Его и ничего не прося у нас взамен. Ибо не поместил Он ангелов Своих на какие-то башни всемирного поклонения Себе, чтобы они регулярно призывали человека молиться и приносить жертвы Всемогущему; Он одаривает нас благословением Своим молча, как тихий, но верный друг, приходящий ночью, чтобы оставить свои дары у дверей друга, дабы тот обнаружил их утром, а сам уходит и не ждет, когда ему скажут спасибо, и не прекращает свои благодеяния, видя в ответ лишь неблагодарность. Посему хлеб и вино, которые мы вкушаем, учат нас тому, что наши материальные тела суть не более «мы», чем, например, дома, в которых мы живем, или одежда, которую мы носим; а вот душа каждого из нас и есть «я» – единое, неизменное, совершенное и бессмертное воплощение Бога, предназначение которого – в назначенное время возвратиться обратно к Богу и навечно обрести счастье у Его престола, в то время как материальное тело в назначенное время разложится, растворится, возвратится в породившие его стихии и направит все свои частицы на службу вечного и неизменного вселенского перерождения. Для наших братьев-иудеев эта вечеря является также и Песахом (иудейской Пасхой), для братьев-христиан – это Тайная вечеря Иисуса с Его учениками, когда во время пасхальной трапезы Он преломил лепешку и передал апостолам со словами: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое», – и чашу вина – со словами: «Сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов»[6], – таким образом возвещая полное духовное единство между Собою и верными Его учению, и крестная смерть Его стала Спасением человеков.

История масонства – это история философии. Масоны не пытаются представить себя некими наставниками рода человеческого; но хотя породила и сохранила Мистерии таинственная Азия, именно европейское и американское масонство упорядочило их учения, духовные наставления и ритуал, сформулировало нравственные уроки, которые может извлечь из них современное людское общество. Пускай оно и несколько упростило их и сжало внешне, оно все же положило конец неразумному почитанию многочисленных мис-

териальных аллегорий в виде пантеонов бесчисленные языческих божеств и само по себе превратилось в науку.

Никто не будет спорить с тем, что Христос учил высшей нравственности. «Любите друг друга, прощайте преследующих вас и обижающих вас, будьте чисты сердцем, тихи и скромны, незлобивы; не накапливайте богатства земные, но стремитесь к благам Небесным; повинуйтесь законным властям, над вами поставленным; будьте как дети, ибо тем спасетесь, ведь им принадлежит Царствие Небесное; прощайте кающихся; не бросайте камня в грешника, если сами не без греха; творите ближним своим то, что желаете, чтобы творили вам самим», – это не просто пустые теологические поучения, а суть простого и возвышенного Его учения.

Ранние христиане шли по стопам Великого Учителя. Первые проповедники Его учения и не помышляли о духовном главенстве. Проникшись Его словами о том, что среди последователей Его должен быть некто старший, обязанный служить самоотверженнее всех и быть слугой всем остальным, они и были скромны, придерживались умеренности во всем, творили милосердие, и они знали, как передать этот дух, это учение о внутреннем, духовном человеке подвластным им церквам. Изначально эти церкви были просто добровольными собраниями всех христиан, живших в той или иной местности. Каждому из этих первых христиан была свойственна чистая и строгая нравственность в сочетании с истинным религиозным рвением, которая вызывала удивление и уважение даже у их преследователей. У них все было общее: собственность, радости и горести. Они собирались в ночной тиши для совместных молитв и получения наставлений в вере. Встречи их завершались совместными трапезами Братской любви – братскими вечерями, на которых все социальные различия, все чины и материальные блага отступали пред лицем единого для всех Бога. Единственной их целью было сделать людей лучше, возвратив их к простой народной вере, в основе которой лежит вселенская нравственность, заставив их отвернуться от залитых жертвенной кровью алтарей многочисленных кровожадных богов. Так христианство пыталось изменить мир, повинуясь воле своего Учителя. Женщине оно даровало равноправие, позволяя занимать определенное положение в обществе, сопряженное с определенным влиянием; оно упорядочило семейную жизнь; позволяя рабам принимать участие в братских трапезах, оно постепенно позволяло человечеству хотя бы

отчасти приподнять ярмо рабства, под которым оно стонало на протяжении многих веков.

Таково было учение Христа в его первозданной чистоте, в Его собственном изложении; это была истинная изначальная народная религия, основы которой в незапамятные времена были сообщены патриархам Самим Господом. Это не была новая религия; это было возвращение людям древнейшей из всех вер, истинная и совершенная нравственность масонства, нравственность любой религии, любой философии.

На заре христианства в него посвящали, как и в языческие Мистерии. Неофитов принимали только при соблюдении определенных условий. Дабы во всей полноте познать новое учение, они должны были пройти три степени посвящения. Все члены общины подразделялись на три группы: *слушатели, катехумены* и *верные*. Слушатели были новообращенными, которых путем наставлений и определенных религиозных церемоний готовили к усвоению истин христианской веры. Отчасти эти истины сообщали *катехуменам,* которые впоследствии после ряда очистительных обрядов подвергались крещению, то есть *теогенетическому* посвящению (посвящению Божественного рождения, рождения свыше); но лишь *верные* посвящались во все великие таинства новой веры – таинства воплощения, рождества, страстей и воскресения Христа. Эти таинства и отправление религиозных обрядов, в особенности Евхаристии, хранились в полной и совершенной тайне от непосвященных. Христианские Мистерии подразделялись, так же как и языческие, на Великие и Малые. Малые также назывались литургией (мессой) оглашенных, а Великие – литургией (мессой) верных. Празднества Мистерий Митры также именовались *мессами,* и церемонии их практически ничем не отличались от христианских. В них можно было в той или иной форме найти практически все таинства современной Католической церкви, включая конфирмацию. Жрецы Митры обещали посвященным в свои таинства избавление от греха посредством исповеди и крещения, а также повествовали о жизни после смерти, исполненной счастья или, напротив, горя и страданий. Посвященные преломляли и ели хлеб – символ Воскресения. Крещение новорожденных, последнее помазание (соборование), исповедь и покаяние, – все это содержалось в Мистериях Митры. Кандидата подвергали очищению своеобразным крещением: на лоб его елеем наносили знак, и он приносил некую клятву на хлебе и воде.

В годы преследований первые христиане скрывались в обширных катакомбах, протянувшихся во все стороны под великим Римом; считается, что они этрусского происхождения. Там, среди хитросплетений подземного лабиринта, среди глубоких пещер, тайных гротов, часовен и могил, преследуемые властями беглецы находили надежное убежище, и там же они проводили таинственные церемонии мистериального посвящения.

Василидиане (христианская секта, появившаяся вскоре после времени Апостолов) также практиковали Мистерии, в основе которых лежали легенды древнего Египта. Солнце для них было воплощением Осириса, Луна – Исиды, созвездие Скорпиона – Тифона; они носили на шее камни с вырезанными на них этими символами, а также различные другие амулеты и талисманы, которые считали предохраняющими от напастей и бед; среди них особенно выделялись изображения пламенеющей звезды и змея. Василидиане взяли эти символы из мифологии Персии и Аравии; они вручались каждому новопосвященному.

Ириней сообщает, что у симониан – приверженцев одной из первых гностических сект – также было особое жречество и свои Мистерии.

Тертуллиан пишет, что валентиниане – одна из самых знаменитых гностических школ – воспроизводили, или, скорее, искажали пародией обряды Элевсинских таинств. Ириней в нескольких своих произведениях упоминает о мистериальных таинствах маркожнитов, а Ориген – о таких же ритуалах офитов; вообще нет и не может быть никакого сомнения в том, что мистериальное посвящение было неотъемлемой частью ритуала подавляющего большинства гностических сект. Все они утверждали, что владеют тайным знанием, обретенным непосредственно от Иисуса Христа, отличным от учения Евангелий и Апостольских посланий и превосходящим это учение, являющееся, по их утверждению, лишь внешней, экзотерической стороной Благой Вести. Свое тайное учение они передавали лишь избранным. Например, в довольно многочисленной секте василидиан вряд ли даже один из тысячи владел им во всей полноте, пишет Ириней. Этих немногих именовали *избранниками* (εκλεκτοί – эклектами), или людьми не от мира сего (ξένοι εν κόσμω – ксенокосмами). У василидиан было, по крайней мере, три степени посвящения: соответственно, *материальная, разумная* и *духовная,* а также их Мистерии подразделялись на Великие и Малые. Число достигших высшей степени посвящения было крайне мало.

Важнейшей из их религиозных церемоний было крещение, а потому главный праздник отмечался 10 января – в день Крещения Господня по календарю этой секты.

Также они практиковали очищение наложением рук и тайные вечери, служившие для них символом пришествия в конце времен Божественной Мудрости, Которая дарует им Жизнь Вечную и познание природы всех вещей и обладание ими (πλήρωμα – плерому).

Их церемонии имели больше общих черт с христианскими, чем с греческими, однако они многое взяли в ритуальной практике Востока, в особенности Египта; они действительно наставляли своих новопосвященных в изначальных религиозных истинах, однако перемежали их многочисленными древними заблуждениями и предрассудками языческого происхождения.

Клемент Александрийский пишет, что в секте поддерживалась строгая дисциплина в отношении обязательного сокрытия (*occultatio*) определенных церемоний и обязательств.

Дабы избежать преследований, первые христиане были вынуждены прибегать к многочисленным предосторожностям, проводить собрания верных (*Общины Веры*) в потаенных местах под покровом ночи. На время собраний они выставляли у дверей охрану, которая должна была защитить их от вторжения неверных и профанов, от притворяющихся посвященными и от правительственных шпионов, которые могли привести за собой стражу. В миру они разговаривали с использованием аллегорий и иносказаний, чтобы наушники и те же шпионы ничего не поняли из их слов; также меж ними были избранники, посвященные во внутреннее Братство, в особый Орден, членам которого были ведомы таинства и посвятительные церемонии, которые они не имели права раскрывать и даже обсуждать ни с кем, кроме посвященных в них братьев. Этих избранников называли *братьями, верными, старостами церковных таинств (Stewards[7] of Mysteries), надзирателями, посвященными в тайну* или АРХИТЕКТОРАМИ.

В книге *«Иерархия»*, приписываемой Св. Дионисию Ареопагиту, первому епископу Афинскому, указывается, что священная традиция предусматривала разделение на три степени, или градуса, посвящения: *очищение, посвящение* и *исполнение,* или *завершение;* также там говорится, что в церемонию посвящения обязательно включался ритуал *возвращения зрения*.

Апостолические уложения, приписываемые Клементу, епископу Римскому, гласят в той части, где описывается устройство древней христианской церкви: «Сии уложения не могут быть сообщены никому в силу таинств, в них содержащихся». Также там говорится об обязанности дьякона[8] охранять двери зала собрания, дабы не допустить в него непосвященных во время благословения. На *остиариев*[9] также была возложена обязанность охранять врата храма и призывать собравшихся к молитве, а также при приближении опасности подавать собравшимся условный знак, чтобы они успели скрыться. В Мистериях этих могли принимать участие только *верные,* и никто посторонний не мог присутствовать на их праздновании.

Тертуллиан, умерший примерно в 216 г. по Р. Х., пишет в *«Апологии»:* «К религиозным таинствам не может быть допущен никто без предварительного принесения обязательства хранить тайну. Мы призываем в свидетели Фракийские и Элевсинские Мистерии, и мы тем паче связаны обязательством соблюдать эти предосторожности, чем более мы убеждены в том, что, нарушая его, мы призываем на себя не только гнев Небес, но и страшные опасности, сулимые ненавистью людской. Разве посторонние не предадут нас? Они судят о нас по слухам и наветам. Прочь отсюда, профаны! Не место вам в Храме священных Мистерий!»

Клемент, епископ Александрийский, родившийся примерно в 191 г. по Р. Х., пишет в своих *«Основах»* (Stromata), что не может раскрыть сути Мистерий, потому что в таком случае он бы, как в древней пословице, вложил бы меч в руки ребенка. Вообще же он часто сравнивает тайное учение ранних христиан с языческими Мистериями, особенно в том, что касается строгости хранения тайны посвящения.

Когда бы первые христиане ни оказывались в окружении незнакомцев, непосвященных, которых также называли *профанами,* они никогда не обсуждали свои таинства, но намекали на них друг другу при помощи словесных символов и условных паролей, иносказаний, общаясь напрямую – от разума к разуму.

Ориген, родившийся в 134 или 135 г. по Р. Х., возражая Цельсу, полагавшему, что у христиан никогда не было тайного учения, писал: «То, что основополагающие и важнейшие учения и принципы христианства изучаются и преподаются совершенно открыто, не позволяет утверждать, что нет в нем и иного учения, потаенного, ибо у христианства много общего с учениями философов, в наставлениях

которых были как экзотерические, так и эзотерические стороны; достаточно сказать, что это верно в отношении философской школы Пифагора».

Ранняя христианская церковь пользовалась следующей формулировкой в ходе свершения религиозных таинств: «Изыдите, профаны! Пусть удалятся неофиты и все не обретшие должного посвящения!»

Архелай, епископ Каскарский, что в Месопотамии, оставивший письменные свидетельства своих диспутов с манихеями в 278 г., писал: «Таинства сии церковь ныне готова сообщить тому лишь, кто был посвящен в приуготовительную ступень. Язычникам их не толкуют вовсе; не толкуют их открыто и на собраниях неофитов, – но лишь скрыто и иносказательно, дабы присутствующие на сем собрании Верные, обладающие знанием, лишь еще углубили его, а им не обладающие не сочли себя обделенными или обиженными».

Кирилл, епископ Иерусалимский, родившийся в 315 г. и умерший в 386 г., писал в своем *«Катехизисе»:* «Господь говорил с совместно внимавшими Ему притчами, а потом лишь ученикам Своим толковал притчи и иносказания, которыми говорил с прочими. Сияние славы предназначено для тех лишь, кто ранее был просвещен, но лишь тьма суждена неверующим и невеждам. Так и церковь раскрывает таинства свои тем лишь, кто превзошел звание неофита, с профанами же говорим мы словами, смысл коих темен для них».

Св. Василий, великий епископ Цесарийский, родившийся в 326 г. и умерший приблизительно в 376 г., пишет: «Мы наставляем в учении, дошедшем до нас через писания и поучения апостолов, скрывая его в таинствах устной традиции; ибо есть многое, что было передано нам из древних времен, минуя писаное слово, дабы простецы, познав внешнее наше учение и в совершенстве узнав постулаты его, не утратили к нему должного почтения… О сем не дозволено размышлять непосвященным, и как же тогда сие записать и доверить бумаге, и позволить ей ходить меж простым людом?»

Св. Григорий Назианзин, епископ Константинопольский, писал в 379 г. по р. х.: «Вы услышали о таинствах столько, сколько можно было сказать о них прилюдно; остальное будет вам сообщено тайно, с тем, чтобы вы это хранили в сердце своем… Таинства наши не для разглашения посторонним».

Св. Амвросий, архиепископ Миланский, родившийся в 340 г. и умерший в 393 г., пишет в своем произведении *«О Мистериях»*

(De Mysteriis): «Все таинства должны быть сохранены в тайне, хранимые молчанием верных, дабы не разгласили их неразумно для слуха профанов... Не всем дано право размышлять о глубинах наших таинств... ибо не должны они быть увидены теми, кому не дозволено их видеть, и не должны быть обретены теми, кому не дано их усвоить». В другом своем труде он добавляет: «Грешит против Господа тот, кто открывает недостойному доверенные ему тайны. Опасность здесь не только в насилии над истиною, но и вообще в раскрытии истины тем, от кого она должна быть, напротив, тщательно оберегаема... Не мечите бисер перед свиньями! Всякое таинство в тайне и должно пребывать, в сокрытии молчанием, дабы неосмотрительно не было раскрыто слуху профана. Храните же тайну, дабы неосмотрительно не предать ее!»

Св. Августин, епископ Гиппонский, родившийся в 347 г. и умерший в 430 г., пишет в одном из посланий: «Отпустив неофитов, лишь вас оставили мы своими слушателями, ибо, помимо того, что принадлежит по праву всем христианам одинаково, намерены мы сообщить вам и высшие таинства, коие никто не волен слышать – лишь те, кто милостию господина[10] своего сочтены достойными их... Учить им открыто значило бы предать их». Далее он говорит о Ковчеге Завета и о том, что он воплощает Мистерию, или таинство Господне, осененное крылами херувимов, или славой, и восславленное этим таинственным покровом.

Св. Хризостом и Св. Августин упоминают в своих трудах посвящение более пятидесяти раз. Св. Амвросий определенно пишет для посвященных, и «посвящение» у него означает не просто крещение или допущение к церковной службе, а именно инициацию в Мистерии. Прошедшим крещение и мистериальное посвящение открывались все таинства новой религии, остававшиеся секретом для неофитов, которые лишь могли слушать чтение Писания и общие теологические рассуждения, где тщательно обходились места, ведомые только прошедшим высшее посвящение. По окончании молитв и общих церемоний неофиты обычно удалялись.

Хризостом, епископ Константинопольский, родившийся 354 г. и умерший в 417 г., пишет: «Хочу говорить открыто, но не могу, потому что среди нас есть непосвященные. А посему прибегу к иносказанию и буду говорить с потаенным смыслом... Когда справляем священные таинства, прежде удаляем всех непосвященных и закрываем двери». Далее он пишет о приветствии посвященного,

которое «проходило в полном молчании, потому что запрещено являть это пред профанами». Палладий в жизнеописании Хризостома отмечает с великим гневом, что когда против епископа возмутились его враги, они с боем проникли в *penetralia*[11], где, не будучи посвященными, узрели нечто, не предназначенное для их глаз; Хризостом также сам упоминает об этом происшествии в послании Папе Иннокентию.

Св. Кирилл Александрийский, рукоположенный в епископский сан в 412 г. и умерший в 444 г., пишет в 7-й Книге против Юлиана: «Таинства сии столь возвышенны и столь глубоки, что лишь просвещенный способен понять их. Посему не буду говорить о том, что в них прекрасного, дабы не раскрыть их непосвященным. Я не преступлю запрета предавать святое на поругание нечестивым и метать бисер пред теми, кто не способен оценить его... Я бы сказал гораздо больше, не опасайся я быть услышанным непосвященными, ибо люди склонны порицать то, что не в силах понять. И невежды, не понимая слабости ума своего, осуждают то, что должны были бы почитать».

Феодорит, епископ Кирский, что в Сирии, родился в 393 г. и был рукоположен в 420 г. В одном из трех своих диалогов, названных «Неизменными», он так обращается к *Ортодоксу:* «Если желаешь, отвечай мне иносказанием и со скрытым смыслом, ибо, возможно, нас окружают не посвященные в таинства». А в предисловии к Книге Иезекииля, прослеживая тайное учение до его истоков на заре христианской эры, он пишет: «Таинства сии столь царственны, что хранить их мы должны со строжайшими предосторожностями».

Минукий Феликс, видный римский законник, живший около 212 г., писал в защиту христианства: «Многие из них [христиан] узнают друг друга по знакам и символам (*notis et insignibus*) и дружатся меж собою, еще не познакомившись».

Латинским словом *тессера* изначально называли квадратный кусочек дерева или камня, обычно использовавшийся для составления мозаик, позднее – табличку с письменами, а еще позднее – игральную кость или бабку. Чаще всего *тессерой* пользовались в войсках, где на ней запечатлевали пароль на день или на более продолжительный срок, так что постепенно само слово *«тессера»* приобрело значение «пароль». Существовала также *tessera hospitalis*[12], представлявшая собой тот же кусочек дерева или камня, но разломленный надвое в знак дружбы и братства. Каждый

из заключивших дружеский союз, принеся в этом клятву Юпитеру, сохранял один из получившихся кусочков. Сломать тессеру означало разорвать союз. Первые христиане пользовались тессерой как своим отличительным знаком, паролем дружбы и братства. На ней они писали слово Ιχθύς – «рыба», являвшееся аббревиатурой словосочетания Ιησούς Χριστός Θεού Υιός Σωτήρ – «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель».

Св. Августин в трактате *«О вере и символах»* (De Fide et Symbolis) пишет: «Это вера, передаваемая новопосвященным в нескольких словах, хранится ими в символах; эти несколько слов известны всем Верным, они суть, что, веруя, следует повиноваться, повинуясь – жить праведно, живя праведно – очищать сердце, а очистив сердце – постигать то, во что веруешь».

Максим Таврин пишет: «Тессера есть знак, по которому отличишь верного от профана».

В голубом масонстве *три* градуса; кроме того, в дополнение к двум словам из двух слогов каждое, воплощающим двойственность, в нем используется и третье – трехсложное – проходное слово. Существовали первые трое Великих Мастеров – двое Царей и Хир-Ом, Архитектор. Кандидат обретает вход в Храм тремя стуками в его двери; тремя же стуками призываются братья к труду. В Символической ложе трое главных Офицеров, три светоча на алтаре, в Храме трое врат – на Востоке, Западе и Юге. Три светоча воплощают три великих светила – Солнце, Луну и Меркурий, то есть Осириса, Исиду и Гора, Отца, Мать и Дитя, Мудрость, Силу и Красоту, Хохму, Бину и Даат, Гедулу, Гебуру и Тиферет. Кандидат совершает три символических странствия по ложе во время церемонии посвящения; убийц Мастера Хирама было трое, и пал он от трех ударов, нанесенных ему, пока он пытался найти выход из Храма, поочередно у каждых из трех его врат. Впоследствии попытки поднять его из гроба предпринимались троекратно. Храм разделен на три части, а пролеты винтовой лестницы включают в себя, соответственно, три, пять и семь ступеней. Орудия труда Мастера – мел, уголь и глиняный сосуд; в Символической ложе присутствуют три движимых и три недвижимых сокровища. Среди масонских символов часто встречается треугольник; две параллельные линии по сторонам круга вверху соединены между собой, подобно колоннам Яхин и Боаз, символизируя Равновесие, лежащее в основе великой Мистерии Природы.

Постоянное упоминание числа три в нашем Ордене отнюдь не случайно и исполнено великого смысла; это же число является основополагающим символом многих античных философий.

Древнеегипетские боги подразделялись на троицы, причем каждый третий бог бывал порожден первыми двоими. Таким образом составлены Фиванская троица: Амон, Маат и Хонсу; Филийская троица: Осирис, Исида и Гор; Элефантино-Катарактская троица: Нефертум, Сешат и Анук.

Осирис, Исида и Гор – это Отец, Мать и Сын, последний из которых есть Свет, Душа Мира, Протогон, или Первенец.

Некоторые исследователи указывают, что эта троица считалась состоящей из Духа, или *активного* Первопринципа порождающей, творческой силы, Материи, *пассивного* Первопринципа этой силы, и Вселенной – порождения взаимодействия этих Первопринципов.

Также в древнем Египте поклонялись другой троице, состоявшей из Амона-Ра – Творца, Осириса-Ра – Дарователя плодородия, и Гора-Ра – Гасителя светочей, – которые воплощались, соответственно, летом, осенью и весной. У египтян было всего три времени года, и поэтому в Храмах наших трое врат; в силу различных свойств и проявлений Солнца в разное время года египтяне признавали три различных формы проявления своих богов.

Финикийская троица состояла из Улома, Хусоры и Яйца, из которого появилась на свет Вселенная.

Халдейская троица состояла из Бэла (персидского Зервана Ахерона), Ормузда и Аримана, причем и Добрый, и Злой Первопринципы проистекают от единого всеобщего Отца и своим извечным противостоянием и равновесием, достигающимся путем попеременного торжества одного из них над другим, поддерживают гармонию во Вселенной. Каждый из них торжествует победу и правит миром в течение некоего периода времени, чтобы затем отдать власть другому, – и так будет продолжаться до тех пор, пока Первопринцип Зла не потерпит окончательное поражение и сам не станет силой Добра.

Халдейские и персидские зороастрийские рукописи гласят, что в этой религии существовала и еще одна священная троица – Огонь, Свет и Эфир.

Орфей почитал священную троицу, состоявшую из Пана, Урана и Крона. Корри же пишет, что орфическая троица включала в себя Метиду, Пана и Эрикапея – Волю, Свет, или Любовь, и Жизнь.

Акусилай возражает ему, говоря, что в нее входили Метида, Эрос и Эфир – соответственно, Воля, Любовь и Эфир. Ферекид Сиросский утверждает, что она состояла из Огня, Воды и Воздуха, или Духа. В первых двух стихиях мы с легкостью узнаем Осириса и Исиду – Солнце и Нил.

Первые три из персидских Амешаспента – это БАМАН, или Господь Света, Ардибегест, или Господь Огня, и Шаривар, или Господь Сияния, – что возвращает нас к Каббале.

Плутарх пишет: «Наилучшая, божественная природа состоит из трех частей: разумной (то есть существующей в разуме постольку, поскольку существует сам разум) и материальной – το Νοητός и Ύλη – а третья часть происходит от первых двух, и греки называют ее Космосом; Платон же называет первую, разумную часть Идеей, Образцом, или Отцом, а материальную – Матерью, Повитухой и Местом Рождения, дитя же первых двух он называет Первенцем, или Генезом».

В одном из пифагорейских писаний сказано: «Посему прежде, нежели было сотворено небо, существовали Идея и Материя, и бог Демиург («работник», или «орудие»), бог Идеи. Он сотворил мир из материи, перворожденный, совершенный, обладавший душой и разумом, и придал ему божественные свойства».

Платон говорит о Мысли – Отце, Изначальной Материи – Матери и Космосе – Сыне, порожденном двумя Первопринципами. Космос для него – это Вселенная в определенных границах.

Для поздних платоников божественная троица состояла из Силы, Разума и Духа. Филон приводит троицу Санхониафона в следующем виде: Огонь, Свет и Пламя, – которые суть порождения Геноса, однако это скорее александрийская, чем финикийская идея.

Аврелий пишет, что Демиург, или Творец, обладает тройственной природой и три его разума суть трое Царей: Сущий, Владеющий и Зрящий. Первый существует сам по себе, второй существует в первом, содержа в себе, или владея, универсалиями всех вещей в мире, как существующих, так и грядущих, в то время как третий взирает на Вселенную и творит его образ в мире разума и идей, тем самым творя новую, интеллектуальную Вселенную, отдельное бытие. Третий существует во втором, а второй – в первом.

Древнейшее учение о Троице, вне всякого сомнения, принадлежит браминам. Предвечная Высшая Сущность, именуемая ПАРАБРАХМАНОМ, БРАХМАНОМ, или ПАРАТМОЙ, путем самосозерцания

произвела на свет Вселенную, а потом впервые явилась в ней в образе Брахмы, или *Производительной* силы, Вишну, или *Поддерживающей* жизнь силы, и Шивы, *Разрушающей,* или *Обновляющей* силы. Таковы были три способа проявления в материальном мире высшей предвечной сущности, однако вскоре люди начали считать их тремя разными божествами, совокупности которых дали имя Тримурти, то есть «Троица».

Персы усвоили индийское учение о трех первопринципах жизни и преобразовали его в доктрину Первопринципа Жизни, воплощенного в Солнце, и Первопринципа Смерти, воплощенного в холоде и тьме, существующих в своем духовном мире, параллельном миру материальному, где извечная борьба света с тьмою воплощается в противостояние между жизнью и смертью, каковая борьба, в свою очередь, является лишь одной из фаз глобального конфликта между Первопринципами Добра и Зла, отраженного в легенде об Ормузде и Аримане. Мидийский религиозный реформатор Митра был после физической смерти обожествлен, и ему были приданы свойства Солнца; в его жизнеописании поэтически описываются различные астрономические явления и процессы; точно таким же образом индийцами создавалась легенда о Будде.

Эфиопы и абиссинцы превратили индийскую Тримурти в собственную мифологическую троицу: Неф-Амон, Пта и Нейт – бог Творец, атрибутом которого являлся агнец, Материя, или первопочва, символизируемая шаром или яйцом, и Мысль, или Свет, содержащий в себе зачатки всего сущего,– и все они были лишь воплощениями единой изначальной Сущности, Единого Бога (Атума), рассматриваемого в единстве трех своих проявлений: *творческой силы, блага* и *мудрости*. Вскоре были придуманы и другие божества, и в их числе – Осирис, воплощенный в Солнце, и Исида, его супруга, воплощенная в Луне или Земле, Тифон, его брат, Первопринцип Зла и Тьмы, сын Осириса и Исиды[13]. Впоследствии троица – Осирис, Исида и Гор – возглавила пантеон древнего Египта.

Древние этруски (народ, пришедший в Италию из Ретийских, то есть Западных и Центральных, Альп, оставивший следы своего пребывания на этом пути и говоривший на языке, до сих пор не поддающемся расшифровке специалистами) признавали существование Единого Верховного Бога; однако они пользовались изображениями различных Его свойств и строили храмы во славу этих свойств. В каждом этрусском городе стоял огромный всенародный

храм трех основных Божественных свойств – Силы, Богатства и Мудрости – то есть *Тины, Тальны* и *Минервы*. Под одной крышей они поклонялись Единому Богу, существовавшему в виде Троицы; та же самая ситуация наблюдалась в древнем Египте, где также почитался один лишь Верховный Бог, но в виде Троицы, каждый из элементов которой имел собственное имя, к тому же варьировавшееся в зависимости от области страны. В каждом этрусском городе почиталось столько богов, имелось столько городских врат и храмов, сколько желали его жители, но обязательно было наличия трех главных врат и храма Трех Божественных Свойств, если только население города почитало законы Тага (или Таута, или Тота). В современной Италии избежали разрушения только одни этрусские врата – Порта-дель-Чирко в Вольтерре, и они увенчаны тремя головами, воплощающими тройственность Божественных свойств – одна на замковом камне надвратной арки и по одной – на боковых колоннах.

Буддистские ученые пишут, что индийский бог Шакья, на Цейлоне именуемый Гаутамой, в Индии за Гангой – Сомонакодомом, а в Китае – Цзи Цзя, или Фо, в действительности представляет собой троицу (Триратна), состоящую из Будды, Дхармы и Сангхи – *Разума, Закона* и *Союза*, или *Гармонии*.

Китайские сабеяне представляли себе Единое Божество в виде тройственного союза Шан Ти, или *Верховного Правителя*, Тянь, или *Неба*, и Дао, или *Вселенского Верховного Разума*, или *Основы Веры*. Они полагали, что Первопринцип Хаоса, беспредельная тишь, неизмеримая пустота, лишенная зримой формы, одинокая, неизменная, беспредельная, двигающаяся кругами в ничем не ограниченном пространстве, постоянная и не способная к каким бы то ни было переменам, будучи воплощенной в Первопринципе Истины, произвела на свет все сущее под воздействием Дао, Первопринципа Веры, породившего единицу. Единица породила диаду, диада – триаду, то есть троицу, а троица породила все сущее.

Славяне-венеды изображали Троицу в виде трех голов своего божества Триглава, а пруссы – в виде триединого бога, состоявшего из Перкунаса, Поклуса и Потримпоса, соответственно, божеств *Света* и *Грома, Ада* и *Земли* с ее плодами и живыми тварями; скандинавы же изображали ее в виде Одина, Фреи и Тора.

В Каббале, древнеиудейской философской традиции, Беспредельный Верховный Бог, пребывающий за границей человеческого

разумного познания, не имеющий имени, формы и пределов, представлен в виде развивающегося Самого, Который для того, чтобы осуществить Творение, самоограничился и претворился в десять «истечений», или эманаций, воплощений, лучей, то есть СЕФИРОТ. Первой из этих сефирот в мире Ацилут, то есть в Самом Боге, была КЕТЕР, или *Венец,* под которой мы понимаем Божественную Волю, или Силу. Затем к ней присоединились ХОХМА и БИНА, обычно толкуемые как, соответственно, Мудрость и Разум, или Отец и Мать. ХОХМА – это активная *Энергия,* или *Мощь* Бога, посредством которой Он сотворил внутри Себя Разум, или Мышление; БИНА же – это пассивная, *потенциальная Мощь,* из которой – по воле активной Силы – проистекает Разум. Этот Разум именуется ДААТ; это Слово, или Логос, Платона и гностиков, *неизрекаемое* Слово, существующее *в* Самом Боге. Отсюда происходит и христианская Троица: Отец, Мать (или Святой Дух) и Сын (или Слово).

Другая троица состояла из четвертой сефиры – ГЕДУЛЫ, или ХЕСЕД (*Милость,* или *Милосердие*), также именуемой Отцом (*Аба*), пятой сефиры – ГЕБУРЫ (*Суровость,* или *Правосудие*), также именуемой МАТЕРЬЮ (*Има*), и шестой сефиры – ТИФЕРЕТ (*Красота,* или *Гармония*), также именуемой Сыном, или Отпрыском. В *«Зогаре»* сказано: «Всё происходит в согласии с Таинством Равновесия», – то есть равновесия противоположностей; таким образом, из пребывающих в равновесии Беспредельной Милости и Беспредельной Справедливости проистекает совершенная Гармония Вселенной. Из пребывающих в равновесии Беспредельной, но беззаконной Силы и Беспредельной Мудрости проистекает также Красота, или Гармония, иначе именуемая Сыном, Отпрыском, или Итогом, – то есть Слово, или выраженная Мысль Господа. В беспредельной Божественной Сущности Мощь и Правосудие, или Суровость, суть одно, равно как и Мудрость и Милость, или Милосердие.

Филон Александрийский пишет, что Верховная Сущность, Изначальный Свет, или Архетип Света, соединяется с Мудростью (Σοφία), Матерью Творения, тем самым создавая внутри Себя прототипы всех вещей в мире, а затем воздействует на Вселенную при помощи СЛОВА (Λόγος), пребывающего в Боге и являющегося местом, где обретаются в постоянном развитии все силы и свойства Бога, – это учение он определенно позаимствовал у Платона.

Симон Волхв и его ученики учили, что Верховное Существо, или Средина Света, в начале времен произвело три пары соединенных

между собой сущностей обоих полов (Συζυγίας – «сизигий»), положивших начало всему сущему в мире: Разум и Творческое Мышление; Речь и Мысль; Расчет и Рефлексию (Νους и Επίνοια, Φωνή и Έννοια, Λογισμός и Ενθύμησης), – от которых произошла Мудрость (Эннойя) – Матерь всего сущего.

Другие ученики Симона, а вместе с ними и большинство гностиков, приняв и подвергнув некоторым изменениям это учение, писали, что Плерома (Πλήρωμα), то есть Полнота Верховных Разумов во главе с Верховным Божеством, состоит из восьми разнополых эонов (Αιώνες), которые суть Глубина и Молчание, Дух и Истина, Слово и Жизнь, Человек и Церковь (Βυθός и Σιγή, Πνεύμα и Αλήθεια, Λόγος и Ζωή, Άνθρωπος и Εκκλησία).

Бардезан, чье учение в течение долгого времени исповедовали сирийские христиане, учил, что Неведомый Отец, счастливо пребывающий в Полноте Своих Жизни и Совершенства, вначале сотворил Себе Спутницу (Σύζυγος – «сизигу»), которую поместил в небесном Раю, чтобы она впоследствии родила от Него Христа, Сына Бога Живого, что означает, если отбросить в сторону поэтические иносказания, что Предвечный в полной тиши Своих размышлений зачал и породил Мысль о Своем воплощении в существе, являющемся образом Его Сына; что за Сыном последовала его Сестра и Супруга, или Дух Святой, и что вместе они породили разнополых духов четырех стихий – Майо и Йабсего, Нуро и Рухо, затем – семь пар духов Таинств, небо, землю и все сущее; затем – семерых духов, управляющих семью планетами, двенадцать духов, управляющих созвездиями Зодиака, и тридцать шесть планетарных разумов, именуемых дьяконами, или вестниками, – в то время как Святой Дух (*София Ахамот*), одновременно являющийся Святым Разумом и Душой физического мира, перешел из Плеромы в материальный мир, чтобы оплакивать там свое падение до тех пор, пока Христос, бывший супруг, не придет к в сиянии Божественного Света и Любви и не наставит ее на путь очищения, дабы она воссоединилась с ним в нерушимом союзе, как в начале времен.

Христианский гностик Василид учил, что от Верховного Существа проистекают семь эманаций: Первенец, Мысль, Слово, Рефлексия, Мудрость, Мощь и Праведность (Πρωτόγονος, Νους, Λόγος, Φρόνησης, Σοφία, Δύναμης и Δικαιοσύνη); от них, в свою очередь, проистекают другие разумы, общее число которых достигает трехсот шестидесяти пяти; все вместе они составляют Полноту Божественных

Проявлений, или бога Абраксаса, Мысль (или Разум – Νους) которого соединилась с разумом человека по имени Иисус, слуги и вестника (διάκονος – «диаконос») человеков, во время его крещения в реке Иордан; однако Божественный Разум не претерпевал его страстей; ученики Василида утверждали, что Божественный Разум лишь на время принимал человеческий облик, а распят был Симон Киринеянин, который впоследствии и воскрес, чтобы вознестись на небо.

Василид полагал, что из сокрытого Бога, царящего в мире эманаций, пребывающего превыше всех определений и понятий (Ο ακατονόμαστος, άρρητος), проистекают семь живых, самодостаточных и неизменно активных гипотетических сущностей:

	Первичные – Разумные Силы	
Нус	Νους	Ум
Логос	Λόγος	Разум
Фронезис	Φρόνησης	Мыслительная способность
София	Σοφία	Мудрость
	Вторичная – Активная, или Деятельная Сила	
Динамис	Δύναμης	Сила, исполняющая веления Мудрости
	Третичные – Нравственные Свойства	
Дикайосуне	Δικαιοσύνη	Святость, или Нравственное Совершенство
Эйрене	Ειρήνη	Внутреннее Спокойствие

Эти семь сил (Δυνάμεις) вместе с первичной Субстанцией, из которой они проистекли, в соответствии с этой теорией, образуют Πρώτη Όγδοας – Первую Октаву, корень и основу всего и всякого бытия. Отсюда духовное бытие продолжает развиваться, порождая внутри самого себя многочисленные уровни и подуровни бытия, причем каждый производный, низший, уровень является своеобразным отпечатком, архетипом непосредственно предшествующего ему по значению уровня. Таким образом, сотворяются 365 таких уровней, или областей, и все они отражены в таинственном слове Αβραξας (Абраксас).

Слово Αβραξας традиционно толкуется исходя из числового значения составляющих его греческих букв: α – 1, β – 2, ρ – 100, α – 1, ξ – 60, α – 1, ς – 200, – итого получается действительно 365, каковое число воплощает весь мир эманаций, то есть продуктов развития Верховного Бога.

В соответствии с теологической системой Василида, Свет, Жизнь, Душа и Благо противостоят Тьме, Смерти, Материи и Злу на протяжении всего времени существования Вселенной.

Гностики полагали, что Бог является неизменным, непостижимым и изначальным источником всего и всяческого совершенства; неизмеримая Бездна (Βυθός – Вифос), по мнению Валентина, превосходит все человеческие возможности к определению и ограничению; о ней, собственно, ничего нельзя сказать определенно; это и ακατονόμαστος (Акатономастос) Василида, и ών (Он) Филона. Непосредственное происхождение конечных вещей материального мира из этой непостижимой Божественной Сущности остается не вполне ясным. Со стороны Бога, начало жизни было положено самоограничением: это был первый переход сокрытого Божества в область проявлений; отсюда проистекают все дальнейшие проявления саморазвития Божественной Сущности. Из этого первого звена животворящей цепи развиваются сначала многочисленные силы, или свойства, Божественной Сущности, сокрытые вплоть до этого первого мига проявления в бездонной пропасти Его Сущности. Каждое из этих свойств представляет собой всю полноту Божественной Сущности, но лишь в одном из ее аспектов; а посему к каждому из них может во всей полноте применяться определение Бога. Эти Божественные свойства развиваются совершенно самостоятельно и становятся первоосновами, или первопринципами, всего жизненного развития. Жизнь, содержащаяся в них, самостоятельно развивается далее и обеспечивает собственное воплощенное существование, однако ее последовательные проявления оказываются претворенными на все более низких уровнях; духи становятся тем слабее, чем более они удаляются от первого звена жизненной цепи.

Первое жизненное проявление они называли πρώτη κατάληψης εαυτού («протэ каталепсис эоту») или πρώτον καταληπτών του Θεού («протон каталептон тон Тео»); на личностном уровне эти понятия претворялись в *Нус* (νους) и *Логос* (λόγος).

Среди александрийских гностиков преобладало учение об Уле (ύλη). Это понятие означает все мертвое, невещественное, грань между всеми внешними факторами и развитием жизни в его постепенности и последовательности, постоянным развитием Совершенства по пути нисхождения в несовершенство. Уле (ύλη) также воплощается в различных образах: иногда в образе Тьмы, существующей параллельно со Светом; иногда в образе Пустоты (κένωμα, κενών – Кенома, или Кенон), существующей параллельно с Полнотой (Плеромой) Божественного Света; иногда в образе тьмы,

неизменно сопутствующей свету; иногда в образе Хаоса, или стоячих темных всепоглощающих вод. Эта материя, по своей природе, мертва и неспособна ни к чему стремиться; ей чужда всякая жизнь; она не стремится и не может стремиться к Богу. Точно так же и эманации Божественного Бытия (Божественные сущности, самостоятельно развивающиеся из первого воплощения) ослабевают по мере удаления от Первопричины; и по мере того, как их связь с Божественным Бытием становится тем менее прочной, чем более они удаляются от первого звена в цепи воплощений, в конце концов эта эволюция приводит к образованию несовершенного, ущербного продукта, который, не будучи в состоянии сохранить и восстановить связь с Божественным Бытием, ниспадает из Мира Эонов в мир материального хаоса; или, в соответствии с несколько иным толкованием того же понятия (как, например, у офитов и Бардезана), капли Полноты Божественного Бытия падают в беспредельную бездну. Там безжизненная материя обретает жизнь посредством соединения с жизненным Первопринципом, Которого жаждала все это время. Однако в то же время Сам Божественный Первопринцип теряет абсолютную чистоту, смешиваясь с хаотической материей. Бытие затем множится и ширится. Возникает новая, второстепенная, ущербная жизнь; соответственно, возникает основа для сотворения нового мира, и начинается его творение, происходящее за пределами мира эманаций. Но, с другой стороны, поскольку хаотический материальный принцип обрел жизнь, теперь возникает новая, более четко очерченная и более активная богоборческая природная сила – совершенно негативная, слепая, упрямо сопротивляющаяся всему и всяческому Божественному влиянию; из духа Уле, таким образом, то есть из Пневмы Уликон (πνεύμα υλικών), происходят Сатана, злые духи и порочные люди, ни у кого из которых нет разума, способного воспринять нравственные принципы или принципы разумной воли; ими правят лишь слепые страсти. В их душах вечно длится та самая борьба, которую предусматривали основополагающие принципы платонической философии, то есть борьба между душой, управляемой Божественным Разумом (Нус) и душой, активно сопротивляющейся Разуму, между Пронойей (πρόνοια) и Анаге (αναγη) – Божественным и Природным принципами.

Сирийские гностики признавали существование активного, бурлящего Царства Зла, или Тьмы, ведущего постоянную войну

с Царством Света, постепенно перемешиваясь с ним и тем самым творя Свет во Тьме, Божество в дьявольском начале.

Даже среди платоников бытовало убеждение, что параллельно с организованной инертной материей, лежащей в основании телесного мира, с самого начала времен существует слепая и не подчиненная никаким законам движущая сила, лишенная Бога душа, являющаяся изначальным принципом активного движения материи. По мере того, как неорганическая материя творческой энергией Бога организовывалась в материальный мир, точно той же волей в бурлящую и неразумную эту душу вселялись понятия закона и порядка. Таким образом, хаос Уле превратился в организованный материальный мир, а слепая душа – в разумный принцип, вселенскую Душу, одухотворяющую всю Вселенную. Как от последней проистекает вся разумная и духовная жизнь человечества, так от первой проистекает все неразумное, все подчиненное слепым страстям и капризам, включая всех злых духов.

Все гностики соглашались между собой в одном: все они верили в существование мира, эманирующего исключительно от Бога в Его непрерывном саморазвитии, сотворенного исключительно из Божественного Бытия, мира, который совершенно отличен и никак не соприкасается с миром, сотворенным творческой энергией Бога из первичной предвечной материи. Они были уверены, что упорядочил низшую материю и превратил ее в материальный мир не Отец высшего мира эманаций, а Демиург (Δημιουργός), существо того же происхождения, что и сотворенная и произведенная им на свет и им же управляемая Вселенная, пребывающая на неизмеримо низшем уровне по отношению к Вселенной, сотворенной Отцом.

Некоторые же из гностиков, выдвигая на первый план идеи некоторых александрийских иудейских сект, утверждали, что Всевышний Творец сотворил этот мир и все вещи в нем не Сам, а через Своих духов-посланников, то есть ангелов. Над всеми этими ангелами был поставлен один – старший, удерживавший все нити правления в своих руках, а потому и именовавшийся Архитектором, или Правителем Мира. Этого Демиурга они уподобляли творящему и оживляющему Вселенскому Принципу Платона и его учеников – Дейтерос Теос, или Теос Генетос (δεύτερος Θεός, Θεός γενητός), – вечно стремящемуся, в соответствии с учением Платона («Тимей»), воплотить Идею Божественного Разума в мире бренном и преходящем (в противовес Миру Вечному). Этот ангел являлся

законным представителем Всевышнего Бога на низшей стадии Творения материального мира; он действовал не самостоятельно, а лишь по воле и предписаниям Всевышнего Бога, точно так же, как творческая Идея платоников творила все вещи в мире в соответствии с идеями и планами Верховного Разума (Нус): ό εστί ζώον παράδειγμα (парадигма воплощенного бытия Божественного Разума).

Однако эти идеи превосходили своей возвышенностью его сущность; он был не в состоянии осознать их; он был лишь их бессмысленным орудием, а посему не мог понять масштабов и значения всей выполняемой им работы. В качестве орудия, управляемого высшими идеями, он раскрывал более возвышенные истины, чем оказывался в состоянии сам постичь. Гностики полагали, что основная масса иудеев признавала откровениями истинного Бога лишь отраженные в Ветхом Завете откровения ангелов Его, в то время как Сам Верховный и Единый Истинный Бог *никогда и ничем не открывается* человеку в чувственном мире. Они противопоставляли тип архетипу, символ – идее. Иудеи же, по их мнению, никогда не возносились в вере выше Демиурга, которого принимали за Самого Всевышнего Бога. Однако жившие среди них просвещенные и высокодуховные люди знали или, по крайней мере, *прозревали* идеи, сокрытые внутри иудейской веры; им удавалось вознестись мыслями выше Демиурга, к познанию Всевышнего Бога, Которого они научились почитать. Это были так называемые терапевты (θεραπευτεί).

Другие гностики, не причислявшие себя к последователям Моисеевой веры, самостоятельно сформировавшие для себя понятия восточного гнозиса, считали Демиурга вообще существом враждебным Всевышнему Богу. Он и ангелы его, несмотря на их конечную природу, стремятся обособиться и утвердиться в своей самостоятельности; они не терпят никакой посторонней власти в своем мире. Если нечто обладающее более высокой природой, проникает в их мир, они стремятся пленить его и заключить в тюрьму плоти в материальном мире, дабы оно никогда не возносилось более над их низменными принципами. Скорее всего, в этой системе царство Демиурга и его ангелов соответствовало царству обманчивых звездных духов, лишающих человека присущей ему свободы, уводя его в сторону от пути праведности посредством многочисленных обманов и насилия, утверждающих свою тиранию над всеми вещами материального мира. Соответственно, в сабейской кар-

тине мира семь планетарных и двенадцать зодиакальных звездных духов, происшедших от неупорядоченных связей обманутого Фетахила и Духа Тьмы, играют важнейшую роль во всем, что творится в мире во имя Зла. Демиург – это ограниченное и все вокруг ограничивающее существо, горделивое, завистливое и мстительное, постоянно проявляющее эти свои черты в Ветхом Завете, вдохновленном именно Демиургом, как учили гностики. Все относящееся к Демиургу они полагали ущербным и порочным, вопреки изложенному в Ветхом Завете понятию Всевышнего Бога. Против воли Демиурга и его власти в этом мире, по их мнению, постоянно восставала Уле; она сбрасывала с себя ярмо его власти и разрушала все сотворенное им. То же самое ограниченное и завистливое существо, тиран земного мира, по их мнению, проявлялось в материальной Природе. Гностики полагали, что оно постоянно стремится ограничить цикл рождения и смерти и изничтожить семена Жизни, рассеянные в мире Всевышним Нематериальным Богом, никак не связанным с миром чувственных проявлений. Именно этому Непостижимому Богу, писали гностики, поклонялись посвященные в Мистерии древности и некоторые просвещенные люди в позднейшие времена.

Евангелие от Иоанна является величайшим свидетельством полемики первых христиан с гностиками, различные секты которых во имя разрешения великих проблем бытия: сотворения материального мира нематериальным Существом, грехопадения человека, Воплощения, Избавления и Очищения духовного существа, именуемого человеком, – признавали существование череды проистекающих друг от друга многочисленных разумов, взаимодействующих между собой в духовной сфере; они называли их разыми именами: *Началом, Словом, Единым Порожденным, Жизнью, Светом* и *Духом* (Ἀρχή, Λόγος, Μονογενής, Ζωή, Φως, Πνεύμα – Архе, Логос, Моногенес, Зоэ, Фос, Пневма). Св. Иоанн в самом начале своего Евангелия утверждает, что это был Иисус Христос, существовавший в начале, Который и был Словом, Которое было у Бога и от Которого все стало быть, что Он был Единым Порожденным, Жизнью и Светом, что это Он рассеивает среди людей Дух Святой, дарует им Божественную Жизнь и Свет.

Таким образом, Плерома (Πλήρωμα), то есть Полнота, была любимым понятием всех гностиков; эонами же ее они почитали Истину и Милость. Симониане же, докеты и другие гностики учили,

что эон Христос Иисус никогда в действительности не был облачен в человеческое тело, но это была только видимость. Св. Иоанн же возражает им, что Слово действительно стало плотью и жило среди людей, и что в Нем были и Плерома, и Истина, и Милость.

В соответствии с учением Валентина, выросшего среди христиан Александрии, Бог является Совершенным Существом, Бездной (Βυθός), не постижимой ни для какого человеческого разума, ибо ничей взор не способен достигнуть неизмеримых высот, где пребывает Его престол, и никакое сознание не способно постигнуть беспредельность и вечность Его Бытия. Он существовал всегда; Он есть Отец и Начало всего (Προπάτορ, Προαρχή – Пропатор, Проархе); Он пребудет вечно и не постареет ни на миг. Развитие Его совершенных свойств привело к образованию материального мира. Проведя неисчислимые тысячелетия в бездействии и молчании, Он затем проявил Себя в Своей Мысли – источнике всех Своих проявлений, в которой воплотились зачатки всех творений Его. Бытия, проистекшие от Его Бытия, от Его Мысли (Έννοια – Эннойя), именуются Харис (Χαρις) – Милость, или Радость, – и Сиге, или Арретон (Σιγή, Άρρητων) – Молчание, или Неизрекаемость. Первым же проявлением Божественной Мысли был Нус, Разум – первый из эонов, то есть начало всех вещей, первое откровение Бога, иначе говоря, Первый и Единственный Порожденный (Моногенес); вторым ее проявлением была спутница Нуса Истина (Αλητεία – Алэтейа). Их воплощениями стали Слово (Логос) и Жизнь (Зоэ), а воплощениями последних – Человек и Церковь (Антропос и Экклесия); от этих двух сущностей, в свою очередь, проистекли еще двенадцать низших сущностей, шесть из которых – это Надежда, Вера, Милосердие, Разум, Счастье и Мудрость, или, по-древнееврейски, *Кестен, Кина, Амфе, Вананим, Тэдеш* и *Убина*[14]. Гармония эонов, стремящихся познать Изначального Бога и воссоединиться с Ним, была нарушена, и для того, чтобы восстановить ее и обрести Спасение, Разум (Нус) породил Христа и спутника Его – Духа Святого; Христу же суждено возвратить эоны к изначальным счастью и гармонии. Для этого, в сущности, и был сотворен эон Иисус, рожденный от Девы, с Которым при крещении соединился Христос и Который вместе со Своей спутницей Софией-Ахамот спас и избавил от греха мир.

Маркониты учили, что Всевышний Бог произвел на свет Логос, или Полноту эонов; первый изданным Им звук был слогом, состоявшим из четырех звуков, каждый из которых обрел сущность; вто-

рой Его слог состоял также из четырех звуков; третий – из десяти; четвертый – из двенадцати; всего звуков было тридцать, и вместе они составляют Плерому.

Валентиниане и прочие гностики различали три уровня бытия: (1) божественные зачатки жизни, по своей природе, возвышенные над материей и родственные Софии – Мировой Душе и Плероме, иначе говоря, духовные сущности (φύσεις πνευματικοί); (2) сущности, проистекающие из материальной жизни, отделенные от сущностей первого рода смешением с Уле, то есть психические (душевные) сущности (φύσεις ψυχικοί), с которых начинается бытие нового порядка, отражение Высшего Разума и Божественной Системы на более низком уровне; (3) небожественная, вещественная (хилическая) природа, сопротивляющаяся всякому совершенствованию, стремящаяся только к уничтожению, то есть природа слепых страстей и низменных устремлений.

Природа духовных (пневматиков – πνευματικοί) состоит в постоянных взаимоотношениях с Богом (ομοούσιων των Θεών), а следовательно, в неразрывном союзе и нерушимом единстве с Ним (ουσία ενική μονοείδες).

Сущность душевных (психики – ψυχικοί) состоит в разделении единого целого на многочисленные составные части, в множественности, подчиненной, тем не менее, высшему Единству и позволяющей ему управлять собой, сначала бессознательно, потом – сознательно.

Сущность вещественных (хиликов – υλικοί), управляемой Сатаной, состоит в диаметральной противоположности единству; она содержит в себе начала дробления и разрушения; ей противна сама идея взаимодействия и единения, а также ей свойственно стремление к уничтожению любых проявлений единения, к распространению повсюду своих разрушительных принципов и вообще разрушению всего и вся. Эта сущность не способна творить, она не положительна; напротив, она отрицательна и способна лишь разрушать и разлагать сотворенное.

Марком, учеником Валентина, была в мельчайших подробностях разработана идея Λόγος του όντος (Логос то Онтос) – Слова, в Котором воплощается в материальном мире скрытая Божественная Сущность; весь сотворенный мир, по его мнению, является постоянным произнесением Неизрекаемого. Путь, следуя которому зачатки Божественной Жизни (σπέρματα πνευματικά), сокрытые в эонах,

постоянно воплощаются и обретают сущность и бытие, рассматривается им через разложение нескольких *имен* Неизрекаемого на изначальные *звуки*. *Эхо* Плеромы проникает в Уле и становится основополагающим принципом Творения на более низком уровне.

Одна из формул «пневматического крещения» гностиков предстает перед нами в следующем виде: «Именем, сокрытым от всех божеств и всех сил [Демиурга]», «Имя Истины (Алэтейи, самопроявления Вифоса), Иисусом Назарянином распростертое над светом Христа, есть Христос Живой, пришедший чрез Дух Святой спасти ангелов, есть Имя, чрез которое все вещи обретают Совершенство». Затем кандидат говорил: «Я установлен и спасен; в душе моей спасен я из мира сего и из всех вещей его Именем יהוה, Который избавил Душу Иисуса Христом Живым». Все собравшиеся отвечали: «Мир [или Спасение] всем, на ком пребывает Святое Имя Его!».

Мальчик Дионис, разорванный, по вакхической легенде, на куски титанами, почитался манихеями воплощением души, поглощенной силами Тьмы, то есть Божественной Жизнью, уничтоженной материей, частью сиятельной сущности первочеловека (πρώτος ἄνθρωπος – Протос Антропос Мани, πράων ἄνθρωπος – Праон Антропос валентиниан, Адам Кадмон каббалистов и Кайоморт Зенд-Авесты), поглощенной силами тьмы, Мировой Душою, смешавшейся с материей, семенем Божественной Жизни, упавшим в материю для того, чтобы развиваться там по пути очищения.

Гнозис Карпократа и сына его Эпифана состоял в познании Единой Изначальной Сущности, высшего единства, от которого проистекли все прочие сущности и в которое они стремятся возвратиться. Конечные духи, правящие некоторыми областями Земли, извечно противостоят этому вселенскому стремлению к единению, и именно от их влияния, их законов и планов происходят все препятствия законному единению, лежащему в основе мировой природы, которая сама по себе является материальным воплощением высшего Единства. Кроме того, эти духи стремятся вечно удерживать в подчинении души людей, которые, происходя из нематериального высшего Единства, обладая частью Его неизменной природы, тем не менее совершили падение в материю и обрели там земные тела, в которые были заключены только для того, чтобы они не сумели возвратиться к своему небесному Центру и тем самым вечно поддерживали круг материальных перевоплощений. Именно эти конечные духи породили большинство религий

разных народов Земли. Однако души, хранящие память о своем предыдущем, внематериальном бытии, вечно стремятся ввысь, к созерцанию Всевышнего Единства, и в конце концов достигают такой возвышенности порывов, такой свободы и такого покоя, что более ничто не способно им воспрепятствовать или ограничить их в вознесении превыше всех народных верований и богов. В качестве примеров такого рода вышеупомянутые мыслители приводят Пифагора, Платона, Аристотеля и Христа. Они не видели различий между Христом и прочими великими мужами всех времен и народов. Напротив, они полагали, что каждая душа, достигшая высшего уровня самосозерцания и покоя, способна сравниться с Его душой.

Офиты в основу своей веры положили понятие Верховного Существа, в течение продолжительного времени бывшего неведомым человеческому роду и остающегося таковым до сих пор для подавляющего большинства людей; это Бифос, или Бездна, источник Света, породивший также Адама Кадмона, первого человека, сотворенного Демиургом, однако обретшего совершенство от Верховного Бога, Который одарил его Духом (Пневма). Первой эманацией Мысли Верховного Бога (Эннойя) был образ Вселенной, сложившийся в Божественном Разуме. Эта мысль, называемая Молчанием (Сиге), произвела Дух (Пневма), который является матерью всего живого, и Божественную Мудрость. Параллельно с этими изначальными формами духовного бытия существовала материя (воды, тьма, бездна и хаос), вечная, как Духовный Первопринцип. Бифос и Его Мысль, соединившись с Мудростью, оплодотворили материю Божественным Светом, и она произвела на свет совершенного человека и несовершенное существо – *Христа* и вторичную мудрость, *Софию-Ахамот,* которая, пав в хаос, осталась плененной им, ослабла и утратила все знания о Высшей Мудрости, породившей ее. Сообщив хаосу движение, она породила Иалдаваофа, Демиурга, орудие материального Творения, а затем возвратилась на своем место в иерархии бытия. Иалдаваоф сотворил ангела по образу и подобию своему; тот сотворил другого ангела, и так далее, вплоть до шестого образа Демиурга; все семеро были *отражениями* друг друга, но, тем не менее, отличались друг от друга и обитали в семи различных областях. Звали шестерых ангелов вторичного порождения Йао, Саваоф, Адонай, Элохи, Орай и Астафай. Иалдаваоф, дабы обрести независимость от матери и представить себя Верховным Богом, сотворил мир и человека по своему образу и подобию; тогда

мать переместила Духовный Первопринцип из него в сотворенного им человека; поэтому противостояние Демиурга и его матери, света и тьмы, добра и зла оказалось заключено в человеке; образ же Иалдаваофа, спроецированный на материю, стал духом-Змеем, Сатаной, Злым Разумом. Ева, сотворенная Иалдаваофом, родила от его сыновей детей, также ставших его ангелами. Тогда София отняла у человека духовный свет, и мир был оставлен на милость Злого Первопринципа; и так продолжалось до тех пор, пока Дух, побужденный к этому велением Мудрости, не вдохновил Верховное Существо спасти мир, послав в него Христа. Вопреки своей воле исполняя волю матери, Иалдаваоф сделал так, чтобы Иисус родился от Девы, и тогда Небесный Спаситель, соединившись со Своей сестрой Мудростью, сошел на Землю через обители семи ангелов, в каждой из которых он представал не как Он Сам, а как вождь ангельских воинств, а затем снизошел на Иисуса, не разрывая при этом связи со своей сестрой, во время крещения в Иордане. Иалдаваоф, видя, что Иисус разрушает его царство и уничтожает его религию, сделал так, что иудеи возненавидели Христа и распяли Его; однако прежде, чем это произошло, Христос и Мудрость разъединились с телом Иисуса и вознеслись в небесную обитель. Они воскресили Иисуса и даровали Ему новое, эфирное тело, в котором Он на протяжении полутора лет продолжал оставаться на Земле. Получив от Мудрости совершенное Знание (гносис), Он передал его Своим немногочисленным апостолам, а затем вознесся в промежуточную обитель, пристанище Иалдаваофа, где и ныне – незаметно для последнего – пребывает от него по правую руку, забирая из-под его власти людские души Света, очищенные от скверны Христом. Когда ничто в духовном мире более не будет подвластно Иалдаваофу, Спасение будет завершено, и произойдет конец света, а все сущее возвратится в свой источник, в Свет, в Полноту.

Татиан принимал теорию эманаций, эонов, существования Бога, слишком возвышенного, чтобы позволить Себе быть познаваемым, однако проявляющегося через творимые Им вторичные Разумы. Первым из этих Разумов был Его Дух (Пневма), то есть Сам Бог, Бог Мыслящий, в уме Своем творящий Вселенную. Вторым было Слово (Логос) – уже не просто Мысль, или Понятие, но Творящая Речь, воплощение Божественной природы, проистекающее, однако, от Его Мысли, или Духа, Первый Порожденный, творец зримого мира. Это и была его Троица – Отец, Дух и Слово.

Элексаиты принимали гностическое положение о семи духах, но называли их несколько иначе: Небо, Вода, Дух, Святой Ангел Молитвы, Масло, Соль и Земля.

Докеты исповедовали теорию человеческой природы Иисуса Христа, наиболее часто встречающуюся среди гностиков. Они считали разумы высшего мира слишком чистыми и слишком противными материи, чтобы желать соединиться с нею; поэтому они считали, что Христос, разум первого рода, явившись в земном мире, не обретал материальных черт, или, по крайней мере, воспользовался материей лишь как внешней оболочкой.

Ноэт называл Сына первым Высказыванием Отца, Словом; но не Словом-в-Себе, Разумом, никак не связанным с плотью, настоящим Сыном,– а Словом, Которое есть Первый Порожденный, то есть светом, проистекающим из Света, водой, проистекающей из своего Источника, лучом, исходящим от Солнца.

Павел Самосатский учил, что Иисус Христос был сыном Иосифа и Марии, а Слово, Мудрость, или Разум Бога – Нус гностиков – соединился с ним, так что Он стал одновременно и Сыном Божьим, и Богом.

Арий называл Спасителя первым из творений, не проистекшим от Бога, а действительно сотворенным Божественной Волей до начала времен. В соответствии с учением Церкви, Христос обладает единой природой с Богом, в то время как некоторые ересиархи учили, что Его природа едина с природой человека. Арий же проповедовал единство Его природы и с Богом, и с человеком. Решив сотворить род человеческий, Бог сотворил Сущность, Которую назвал Словом, Сыном, Мудростью (Логос, Иос, София), дабы чрез Него породить человеческий род. Слово – это и Ормузд Зороастра, и Эйн-Соф Каббалы, и Нус Платона и Филона, и София, или Демиург, гностиков. Арий различал Низшую Мудрость, дочь, и Высшую Мудрость, пребывающую в Боге и являющуюся неотъемлемым свойством Его природы, неспособную быть переданной никакой Божьей твари. Эта Высшая Мудрость, чрез которую был сотворен Сын, передалась Ему, а посему Сам Он получил право именоваться Словом и Сыном.

Мани, основатель манихейской секты, живший среди персидских магов и неизменно пользовавшийся среди них большим уважением, усвоил некоторые аспекты учения Скифиана, каббалиста и иудейского гностика апостольских времен, а также Бардезана и

Гармония, в свою очередь, позаимствовавших свои доктрины из зороастризма, христианства и гностицизма. Он утверждал, что является Параклетом, или Утешителем (в значении «Учитель»), Божественным орудием, но при этом не орудием Святого Духа. Он открывает свое *«Основополагающее послание»* (Epistola Fundamenti) следующими словами: «Мани, апостол Иисуса Христа, избранник Бога-Отца, слушай слова Спасения, проистекающие из истока живого и вечного». Главной идеей его учения стал пантеизм, заимствованный из религий Индии и, в меньшей степени, Китая, состоящий в убеждении, что все происходящее в мире – от Бога, а посему все в мире есть Бог. Все души равны между собой, и Бог присутствует во всем: в людях, в животных и растениях. Существуют два бога – Бог Добра и Бог Зла, и каждый из них независим от другого, самодостаточен, вечен и царствует в своем собственном царстве; по самой природе своей, они враждебны друг другу. Злой Бог, Сатана, является правителем только материального мира. Добрый Бог, наоборот, есть Высший, Истинный Бог, в то время как его противник царит и правит лишь там и тем, что противно Истинному Богу, и в конце времен он потерпит окончательное поражение и сдастся на милость Всевышнего Бога-победителя. Вечно и истинно лишь царствие Света, и царствие это представляет собой непрерывную цепь воплощений, связанных между собой Верховным Существом, эманациями Которого они и являются; все они представляют собой лишь Его Самого, но под разными именами, избранными для окончательной победы Добра над Злом. В каждом из членов Его сокрыты тысячи неизрекаемых сокровищ. Совершенный в Своей Славе, непостижимый в Своем Величии, Отец присоединил к Себе многие счастливые и славные эоны, точное число и силы которых не представляется возможным определить. Это Бесконечность Бесконечных Божественных Свойств Спинозы. Двенадцать старших эонов возглавили остальные и стали гениями двенадцати созвездий Зодиака, которые Мани именует «Оламим». Сатана, правитель Империи Зла, также повелевает воинством злых эонов, или демонов, проистекших из его сущности, являющихся более или менее точными его образами, но разрозненными и несогласными друг с другом. Междоусобная война случайно привела некоторых из них в Обитель Света, и они, обрадовавшись, решили покорить ее. Но Правитель Царствия Небесного сотворил некую силу, которую разместил на границах своего царства для защиты

Своих эонов и противостояния силам Зла. Это была Матерь Жизни, Мировая Душа, эманация Божественной Сущности, слишком тонкая, чтобы входить в какой бы то ни было контакт с материей. Она осталась в высших сферах, но перед этим произвела на свет Сына, Первочеловека (Кайоморта Зенд-Авесты, Адама Кадмона Каббалы, Протоантропа гностиков и Гивил-Зива сабеян), который начал войну со Злом, но в пылу битвы утратил часть своего облачения, своего Света, своего Сына, а также множество людских душ, рожденных в Свете, но растерзанных силами Тьмы. И тогда Бог отправил ему на помощь Дух Живой, или Сына Первочеловеческого (Υἱός Ανθρώπου) – Иисуса Христа. Матерь Жизни, основополагающий принцип Божественной Жизни, и Первочеловек, изначальное Существо, в котором воплотилась Божественная Жизнь, слишком чисты, чтобы вступать в какие бы то ни было связи с Царством Тьмы. Сын Человеческий или Мировая Душа, попав во Тьму, оказываются ее пленниками, однако, в конце концов смягчают и исправляют ее порочную и жестокую природу. Дух же Божий, возвратив Первочеловека в его изначальную обитель, в Царство Света, возвышает над миром ту часть Небесной Души, которая не была замарана пребыванием в Царстве Тьмы. Оказавшись в обители Солнца и Луны, эта чистая душа, Сын Человеческий, Спаситель, или Христос, трудится во имя того, чтобы спасти и присоединить к Себе ту часть Света Души Первочеловека, которая рассеяна в материи, а как только это произойдет, настанет конец света. Дабы возвратить себе лучи Света, все еще пребывающие среди эонов и вечно стремящиеся освободиться и вернуться к Истоку, Князь Тьмы собрал их в одной точке и сотворил Адама, душа которого была Божественным Светом, проистекшим от эонов, а тело – материей, так что он оказался принадлежащим к обоим царствам – Света и Тьмы. Дабы Дух в самом начале не вырвался из тенет Тьмы, демоны запретили Адаму есть плоды Древа Познания Добра и Зла, ибо в противном случае он осознал бы, где заканчивается Царство Тьмы и начинается Царство Света. Тот повиновался, но тогда явился ангел Света, который побудил его преступить этот запрет и тем самым дал ему в руки орудие борьбы со Злом; тогда демоны сотворили Еву, ввергшую Адама в грех чувственности, которая ослабила его и снова ввергла в тенета материи. И это с тех пор повторяется с каждым человеком, приходящим в мир.

Дабы спасти человеческую душу, объятую Тьмой, Первопринцип Света, или Солнечный гений, решил спасти Разумный Мир,

прототипом которого Он Сам является, а для этого воплотился среди людей. Свет засветил во тьме, и тьма не объяла его, как пишет Св. Иоанн. Свет не мог соединиться с Тьмой. Он лишь *принял вид* человека во плоти и имя Христа и Мессии, но для того лишь, чтобы слова Его и Сам Он были поняты иудеями. И Свет сделал свое дело, отвратив иудеев от поклонения Первопринципу Зла, а язычников – от почитания его демонов. Но Князь Царства Тьмы сделал так, что иудеи распяли Его. Однако умер Он на кресте лишь телесно, и смерть Его указала всем людским душам пример и путь их Избавления. Христос-человек исчез, и на Его месте появился крест из света, а Глас с небес произнес: «Крест светлый сей есть Слово, Христос, Врата, Радость, Хлеб, Солнце, Воскресение, Иисус, Отец, Дух, Жизнь, Истина и Милость».

В соответствии с учением присциллиан, существуют два основных Первопринципа: Божественный и Первичной Материи, или Тьмы, – причем они оба вечны. Сатана – сын и повелитель материи; вторичные ангелы и демоны – также порождения материи. Сатана сотворил видимый мир и правит им. Но душа человеческая проистекла от Бога и сущностью своей едина с Богом. Соблазненная злыми духами, она вынуждена претерпевать воплощения в различные тела до тех пор, пока, очистившись и перестроившись, она не вознесется к Богу и не наполнится силой Его Света. Силы Зла держат человека в плену, словно в долговой яме, и дабы он мог выбраться из нее, Избавитель, Христос Спаситель, пришел в этот мир и принял крестные страсти и смерть, таким образом заплатив все долги человека. Его душа, как и души всех людей, была едина своей сущностью с Богом, была воплощением Божественного Первопринципа, но ей не суждено было переселиться в другое человеческое тело; она была нерожденной, подобно Самому Богу, то есть она была Самим Богом, только в другой форме.

Бессмысленно далее перечислять всевозможные причуды человеческого ума, стремящегося познать Незримое. Наверное, нам следует остановиться здесь, потому что далее пришлось бы рассуждать о трехстах шестидесяти пяти эманациях Изначального Света (Фира, Феро, или Явар) по учению мандеев. Вернемся к простой и возвышенной вере масонства.

Таковы были представления некоторых философских школ древности о Боге; и если брать наставление данного градуса в совокупности с теми наставлениями, которые ты получил в предыдущих

градусах, наверняка в твоем сознании сложится достаточно полная картина того времени и идей, будораживших тогда человеческий разум. С незапамятных времен и до сих пор те, кто решил взять на себя тяжкий труд объяснения величайшего таинства Сотворения материальной Вселенной нематериальным Богом, размещали между Богом и Вселенной, а также между Богом и человеком разнообразные воплощения, или эманации, или орудия, или персонифицированных посредников Всевышнего Единого Господа, сосуществующего со временем и соотнесенного с пространством.

Практически все народы древнего Востока верили, что Всевышний Бог не творил ни Земли, ни человека Сам. Первая глава и первые три стиха второй главы Книги Бытия приписывают творение, или, скорее, *формацию, составление* материального мира из уже существующей, хотя и неупорядоченной материи, не Яхве, а Элохим, которые были хорошо известны финикийцам как второстепенные божества, силы или воплощения. Другой отрывок Писания приписывает акт Творения Яхве-Элохим[15], в то время как Св. Иоанн приписывает его Логосу, то есть Слову, утверждая в то же время, что этим Словом, как и Светом, и Жизнью, был Христос – другая эманация Великого Изначального Бога, Которому приписывали Творение Вселенной другие религии.

Абсолютное Бытие, совершенно не материальное, абсолютно непостижимо для наших чувств; это первопричина без следствий, которая никогда не могла не существовать, но существовала всегда в необъятности вечности с тех самых времен, когда еще вообще ничего не было, кроме времени и пространства. Это совершенно непостижимо для наших чувств, а потому не попадает в сферу наших понятий. Ум человеческий истощил и изморил себя пустыми размышлениями о Его сущности, Его природе и Его свойствах, но оказалось, что и в конце пути он не стал мудрее, чем в его начале, ни на йоту. Не в состоянии постичь нематериальное, мы словно оказываемся в утлой лодке в бурном море, стоит нам лишь на миг покинуть область материи. Но тем не менее, мы знаем, что *существуют* Силы, Власти, Причины, которые *не* материальны по своей природе. Мы даем им какие-то имена, названия, однако *каковы* в действительности их свойства и какова их сущность, мы не знаем и не способны узнать.

Однако из этого, к счастью, не следует, что мы не можем *верить* и даже *познавать* то, что не способны *объяснить* сами себе и что

выше нашего бытового понимания. Если бы мы веровали только в то, что наш ограниченный интеллект способен усвоить, понять, измерить, о чем он сможет создать четкое и ясное представление, вряд ли мы вообще верили бы во что-нибудь. Чувства не могут быть для нас единственными орудиями постижения возвышенных истин.

Самая большая наша трудность состоит в том, что язык наш не способен адекватно передавать идеи, потому что слова нашего языка суть отражения *вещей*, то есть являются образами того, что вещественно, материально. Произнеся слово *«эманация»*, мы непроизвольно обращаемся мыслями к чему-то материальному, *проистекающему от* чего-то другого, что также материально; и если мы *отвергаем* идею материальности, в понятии «эманация» для нас не останется ничего, кроме признака невещественности. Само слово «вещь» заставляет наше сознание обратиться к вещам, знакомым нам, постижимым, воспринимаемым нашими чувствами. Стоит нам отвергнуть идею материальности, понятие «вещь» предстает перед нами как *«отсутствие* вещи», как полная невещественность, постигнуть которую посредством своих чувств мы не в состоянии. *«Существование»* и *«бытие»* – это термины, обладающие для нас тем же самым оттенком материальности; и стоит нам заговорить о *«силе»* или *«власти»*, как тут же сознание представляет нашему мысленному взору нечто материальное, воздействующее на нечто другое, не менее материальное. Отвергните эту материальность – и понятия «сила» и «власть», лишенные физических признаков, кажутся нам такими же невещественными, как тени, пляшущие на стене, которые суть скорее *отсутствие* света, а не самодостаточные явления, которые существуют сами; точно так же дух для нас – это просто то, что *не материя*.

Бесконечное время и беспредельное пространство – это две первичные идеи. Для себя мы формулируем их так: присоединяем материальное тело к материальному телу, и так до бесконечности, пока хватает воображения. Но за последним из таким образом присоединенных нами одно к другому материальных тел все равно остается неизмеримо огромное, ничем не заполненное, пустое и безмерное пространство. Оно безгранично потому, что пусто. Затем мы присоединяем реальное событие к реальному событию, снова и снова повторяем этот процесс, выстраивая события в длиннейшую цепочку, но все равно за пределами этой цепочки – в ее начале и конце – продолжает оставаться беспредельное время, в котором не

было и не будет никаких событий, и оно также беспредельно потому, что пусто.

Посему рассмотренные нами две идеи – бесконечного времени и беспредельного пространства – по всей видимости *включают* в себя идеи предельности и конечности материи и реальных событий. Мы не способны постичь идею *бесконечности* и *беспредельности* миров и событий в них; мы способны только постигнуть *неопределенность* их числа; ибо, стремясь постигнуть их *бесконечность,* мы постоянно, несмотря на все усилия, сталкиваемся с мыслью о том, что должно существовать некое *пространство,* в котором *нет* миров, и *время,* в котором *нет* событий.

Мы не в состоянии постигнуть, каким образом Земля, проносящаяся ежегодно по Космосу сотни и сотни миллионов миль много миллионов лет подряд, тем не менее, продолжает оставаться *в центре мироздания;* равно как и то, каким образом мы сами, человеческий род, прожив на Земле миллионы и миллионы лет много миллионов раз подряд, продолжаем оставаться в центре вечности; и все равно во все стороны от нас расходится неизмеримое и необъятное пустое пространство; и все равно впереди и позади у нас безмерное, ничем не ограниченное время; понять это – означает для нас признать, что и мир недвижим, и мы не жили вовсе.

Точно так же мы не в силах понять, как и почему сколь угодно длинная череда миров и вселенных, составленных вместе, ничуть не длиннее сколь угодно длинной цепочки мельчайших атомов; как и почему бескрайняя череда столетий ничуть не более продолжительна, чем бескрайняя череда секунд; обе эти цепочки не имеют начала и конца, а посему в каждой из них не больше и не меньше составляющих частей, чем в другой.

Равно как не в состоянии мы и составить в своем уме хотя бы какое-то представление о том, что *нематериально.* Да, мы пользуемся этим словом, однако оно означает для нас только и исключительно отсутствие, или отрицание, материальности; и если отринуть материальность, то останутся только бескрайние и ничем не ограниченные пространство и время.

Мы не способны осознать существование следствия без соответствующей причины. Нам остается только верить в то, что, если проследить сколь угодно длинную цепочку причинно-следственных связей, она не может *не* оказаться *конечной;* в итоге мы обязательно придем к *чему-то,* что не является следствием чего-то иного, но

наоборот, является первопричиной; пускай так, но все равно само это понятие остается для нас непостижимым. Сознание наше отказывается принимать идею бытия-*в-себе;* существования без начала. Точно так же растущий на голове волос не способен постигнуть идею бессмертия разума, в соответствии с научными изысканиями, находящегося всего в одном дюйме от его корня.

Не нужно далеко ходить, чтобы обнаружить великие тайны; мы не имеем морального права сомневаться в существовании Великой Первопричины, не являющейся следствием чего-то иного, потому только, что оказались не в состоянии постигнуть ее, потому лишь, что слова нашего языка оказались не способны адекватно передать эту идею.

Давайте потрем иголку о кусочек железной руды, долгие столетия пролежавшей в земле темной инертной массой. Стали определенно что-то передается от железа (мы назвали бы это *качеством, силой* или *мощью*), а мы потом укрепляем нашу иглу на вертикальном штыре. Смотрите! Один из концов иголки, влекомый неведомой нам силой, повернулся в направлении севера, где столь же неведомая нам сила на протяжении неисчислимых дней и веков удерживает магнитный полюс и будет удерживать его там, сколько бы ни существовал наш мир, и это будет так, куда бы мы ни пошли со своей иголкой, какие бы океаны и континенты ни оказались между ее намагниченным концом и собственно полюсом. И эта сила, неизменно действующая на протяжении веков, указывающая мореходу верный курс посреди бурного океана, когда звезды уже много дней скрыты тучами, спасает корабли от крушения, семьи мореходов – от горя утраты кормильца, вообще всех людей, судьба которых, равно как и многие общественные процессы в их странах, зависят от жизни находящихся на борту. Не будь этой силы, Наполеон вряд ли нашел бы дорогу во французский порт, возвращаясь из Египетского похода, а Нельсон не дожил бы до победы при Трафальгаре. Люди назвали эту силу *магнетизмом* и на этом посчитали свой долг выполненным: мы, мол, объяснили это явление. Но в действительности они просто дали новое *имя* явлению, оставшемуся таким же непонятным, как раньше, чтобы *скрыть* сами от себя свое невежество. Что же это за волшебная сила? Это реально существующая, неоспоримо вещественная, *активная* сила, известная нам и зримая для нас. Но какова ее *суть,* как именно она действует, нам неведомо, равно как неведомы нам сущность и образ действия Творческой Мысли и Слова Господних.

И вот еще: что это такое, что мы называем *гальванизмом* или *электричеством,* что проистекает от взаимодействия капли кислоты с двумя металлами, а в конечном итоге – при помощи небольшого магнита – огибает земной шар за считанные секунды, перенося с континента на континент *мысли,* управляющие бытием как отдельных людей, так и целых народов? Сознание наше не сформировало еще такого определения материи, под которое подпадало бы электричество, и какое бы название мы ни присвоили этому феномену, мы оказываемся все равно не в состоянии понять его суть. Да, это действительно сила, как мысль и воля. И всё, больше мы ничего не знаем.

Что представляет собой сила *гравитации,* заставляющая все сущее на Земле стремиться к единому центру? Каким образом ей удается простирать незримые свои длани в глубины Космоса, к хаотично перемещающимся там метеорам, крепко хватать их и с силой притягивать к земной поверхности? Да, это действительно *сила.* И всё, больше мы ничего не знаем.

Что представляет собой *тепло,* играющее столь важную роль в мировой экономике? Что это за *калории,* которые незримо существуют повсюду, внутри нас, вне нас во всем мире, порожденные сгоранием под огромным давлением и скоростным движением частиц? Вещество ли это, материя, дух, или нематериальная сила, или состояние материи?

А что такое *свет?* В книгах написано, что это *вещество, материя,* прилетающая к нам с Солнца и звезд, каждый луч которой при помощи призматического стекла можно разделить на семь цветов радуги, и каждый цвет обладает четко очерченным кругом статических и динамических характеристик. Но если это *вещество,* то какова его сущность? И какая такая сила содержится в нем, что заставляет его переноситься на мириады и мириады миль и долетать до нас через десятки тысяч лет после того, как оно оставило родную звезду?

Все силы представляют для нас тайну. Охладите до очень низкой температуры каплю воды, заключенную в железный шар – и увидите, как под действием льда шар расколется. Поместите немного того же, казалось бы, мягкого и податливого вещества в герметически запаянный металлический цилиндр, который не сумели бы разорвать ни Энкелад, ни сам Тифон, а потом нагрейте до достаточно высокой температуры – и увидите, как под воздействием водяного пара цилиндр разнесет на атомы. Тонкий и слабый корень

растения, такой слабый и такой тонкий, что, казалось бы, самое незначительное воздействие может убить его, пробивает себе дорогу в глубинах твердой каменистой почвы с энергией и мощью, совершенно непостижимыми для нас. Что же за необоримые силы заключены в семени, пускающем корень, и в капле воды?

Что такое сама жизнь во всем многообразии ее поражающих воображение энергий, например, той, которая поддерживает в нас тепло и препятствует разложению наших тел, которые в ее отсутствие столь быстро распались бы на составляющие их элементы, сама жизнь, это вечное и необъяснимое чудо, сущность и образ действия которого всегда ложились в основу мировых религий и философий? Неужели все объемистые диссертации, посвященные ее объяснению, суть всего лишь игра ничего не значащих и маловразумительных слов?

Ничего удивительного нет в том, что древние персы полагали, что Жизнь и Свет суть одно, что и та, и другой проистекают от Всевышнего Бога, Который есть Архетип Света. Ничего удивительного нет также и в том, что в невежестве своем они поклонялись Солнцу. Бог вдохнул в человека дух жизни – не материю, а Собственную эманацию, не Свое *творение,* не вещественную сущность, а *силу,* подобную Своей Мысли; и Свет этим великим и мудрым древним философам также виделся не сотворенным и не материальным явлением, а эманацией Бога, бессмертной и неразрушимой, как Он Сам.

А что такое РЕАЛЬНОСТЬ? Сны, пока снятся нам, не менее реальны для нас, чем события, происходящие в окружающем мире. Так же, как и в реальной жизни, во сне мы видим, слышим, чувствуем, действуем, испытываем радость и страдаем от боли. События и ощущения целого года во сне сжимаются до нескольких секунд, и некогда приснившийся сон иногда вспоминается так же живо и ярко, как действительно имевшие место события.

Философы убеждают нас в том, что нам недоступно познание *вещества* и лишь его *свойства* могут быть нами изучены; что, глядя на нечто, что принято называть куском мрамора, мы воспринимаем только то, что видим нечто протяженное в пространстве, твердое, окрашенное, тяжелое и т. д., – но не сущность *предмета,* обладающего данными свойствами. Но разве могут свойства существовать вне сущности? Они не вещи, а лишь их признаки. Не существует таких *вещей,* или *сущностей,* как вес, твердость или цвет, которые существовали бы сами по себе, не будучи соотнесенными с какой-

либо вещью, перемещающейся в пространстве относительно других вещей. Действительно, свойства – это не вещи.

Таким образом, мысль, воля и восприятие – это не сама душа, а ее *свойства;* и *сама* душа непостижима для нас, потому что мы способны постичь только ее *свойства,* проявления. Равно как не способны мы и постигнуть Бога, – но только Его Мудрость, Силу, Величие, Истину и остальные неотъемлемые свойства.

Однако нам доподлинно известно, что существуют материя – в Природе, душа – в нашем теле и Бог – во Вселенной.

Возьмем к примеру свойства души. Я точно знаю, что я существую и что я та же самая личность, которой я был двадцать лет назад. Я так же точно знаю, что мое тело не есть я сам, что даже если отрубить мне обе руки, я останусь той же самой *личностью,* которую я привык считать и называть «я», во всей ее полноте и неизменности, той же личностью, что и раньше, что и всегда. Однако даже путем самых серьезных и самых глубоких размышлений я не могу постигнуть суть своей личности, этого своего «я»: где именно в моем теле оно располагается, является ли оно некоей точкой или имеет протяженность и объем. И у меня нет никакой возможности доподлинно выяснить это. Я существую, желаю, мыслю и воспринимаю. И *всё,* более мне ничего не известно. Далее, предположим, что у меня родилась возвышенная и достойная мысль. Что такое эта мысль? Это не материя и не дух. Это не вещь, а *сила.* Я наношу на бумагу определенные значки, принятые среди людей для *отображения* мыслей. В *значках,* которые я черчу, нет никакой силы, никакой добродетели, но и сила, и добродетель содержатся в мыслях, которые я передаю другим людям посредством этих значков. Я умру, но мысль моя продолжит жить. Она – сила. Она воздействует на умы людей, будит в них радость жизни, патриотизм, управляет их поведением, определяет их судьбы, распоряжается их жизнью и смертью. Слова, произносимые мной, – это всего лишь условная последовательность определенных звуков человеческой речи, общественным договором между людьми предназначенных для передачи друг другу неосязаемых, нематериальных, вечных мыслей. То, что мысль способна существовать хотя бы в течение мига после появления на свет, свидетельствует в пользу того, что она вообще бессмертна, ибо что в природе способно уничтожить ее? Сказанное слово, представляющее собой всего лишь определенную последовательность звуков речи, может раствориться в воздухе, а испещренная

условными значками бумага может сгореть, порваться, исчезнуть,– но мысль пребудет вечно.

Следовательно, человеческая мысль определенно является настоящей сущностью, и силой, и властью, способными воздействовать на материю и управлять ею, равно как и сознанием. Разве не является существование Бога, Который есть нематериальная Душа Вселенной, Чья Мысль, воплощенная или не воплощенная в Его Слове, есть беспредельная Сила творения и порождения жизни, сохранения и уничтожения, столь же постижимым, сколь постижимо существование души, мысли, отдельной от души, силы и способности этой мысли изменять судьбы и влиять на бытие человечества?

Однако нам неведомо, откуда приходит эта мысль и какова ее сущность. Она – это не мы сами. Мы не способны оформить ее, сформулировать, описать. Она не является нашим порождением или орудием. Кажется, что она совершенно самопроизвольно возникает в наших душах, превращая эти души в орудие своего проявления в материальном мире. Она приходит к нам, как странник, ищущий в наших душах пристанища.

Точно так же мы не в состоянии объяснить природу собственной воли. Волеизъявление, как и мысль, кажется нам самопроизвольным, следствием без видимой причины. Обстоятельства *провоцируют* его, служат *поводом* для его появления, но никак не *производят* его. Оно появляется в душе, как мысль, как родниковая вода, вырывающаяся из-под земли. Материальное ли это проявление души, переносящее во внешний мир то, что втайне происходит *внутри* нее, или же эманация души во внешний мир, свободно действующая в нем, то есть самостоятельная сущность, независимая сила? Незнание – наша судьба. Ясно, что воля воздействует на души окружающих, определяет судьбы как отдельных людей, так и целых народов, направляет их действия, но, тем не менее, она не материальна, незрима, и предначертанные ею законы всего лишь сообщают другим душам, что происходит в одной конкретной душе.

Посему Бог является тайной лишь в той степени, в какой является тайной вообще все окружающее нас и мы сами для себя. Мы осознаем, что где-то должна существовать Первопричина. Ее свойства, искусственно отделенные от Ее сущности не представляются реальными. Как цвет и протяженность, вес и плотность не существуют вне вещей, как отдельные и самодостаточные духовные, или нематериальные, сущности, так и благо, мудрость, справедливость,

милосердие и милость Бога не могут существовать независимо (пусть человек и придумал для себя божеств, воплощающих эти свойства); это всего лишь *свойства,* всего лишь *прилагательные* при Едином Всевышнем Существительном. Мы знаем, что Он благ, верен, справедлив, мудр, милостив и милосерден и в этих и всех прочих Своих свойствах совершенен и беспределен, ибо мы осознаем, что есть некие законы, управляющие нами просто в силу существующей природы вещей, в отсутствие каковых Вселенная не смогла бы существовать и даже возникли бы непреодолимые препятствия для самого бытия Бога. Эти законы едины своей *сущностью* с Ним, и существование их столь же необходимо, сколь Его существование.

Он есть Живая, Мыслящая, Разумная Душа Вселенной, то есть Неизменный и Постоянный Сущий (Εστως – Эстос) Симона Волхва, Единый Вечно Сущий (Το Ον – То Он) Платона, противопоставленный постоянно меняющемуся потоку творения и разрушения, то есть бытия *вещей, генезиса.*

И как мысль души, проистекающая *из* души, обретает видимость и слышимость в форме слов, так и Мысль Бога, проистекающая от Него, становящаяся бессмертной, *как* Он Сам, сразу по появлении, но бывшая бессмертной и *до* того, поскольку вечно пребывала *в* Боге, претворяется в материальном мире в Слово, являющееся ее эманацией и средством творения материальной, умственной и духовной Вселенной, которая, как Сам Бог, никогда, собственно, не *начинала* существовать.

Вот в чем *главная* идея религиозных учений всех народов древности: Бог есть Всемогущий Отец и источник Всего Сущего; Его Мысль *зачала* в себе Вселенную и *пожелала* ее сотворить; Его Слово явилось *произнесением* Его Мысли и тем самым – Творцом, или Демиургом, в котором были и Свет, и Жизнь, и это были Свет и Жизнь Вселенной.

Однако Слово не *прекратило* существование после акта Творения, и, пустив в действиие великую машину, задав направление и законы ее движения, рождения и жизни, перемен и смерти, Оно не умерло и не погрузилось в удовлетворенное бездействие.

Ибо Мысль Господа живет, и она бессмертна. Воплощенная в Слове, она не только *сотворила,* но и *сохраняет* этот мир. Она управляет Вселенной и направляет ее развитие, развитие всех миров, всех сфер, все действия человеческого рода, всех одушевленных

и неодушевленных существ. Ее голос звучит в душе каждого живущего на Земле человека. Звезды, Земля, воды, деревья, вселенский глас Природы, бури и лавины, рев моря и глухое рычание водопада, хриплые раскаты грома и тихий шепот ручья, птичье пение, голос любви, человеческая речь, – все это лишь отдельные буквы алфавита, посредством которого Она являет себя людям, сообщая им Волю и Законы Бога – Души Вселенной. И посему совершенно верно, что «Слово стало плотию и обитало с нами»[16].

Бог, Неведомый Отец (Πατήρ Ἄγνωστος – Патер Агностос), известный нам лишь по Своим свойствам, Абсолютное «Я Есмь»; Мысль Бога (Эннойя); Слово (Логос), проявление и выражение Мысли, – вот она, масонская Троица: Вселенская Душа, Мысль *в* Душе и Слово, или Мысль явленная; три в одном – священное сокровище Шотландского Рыцаря Троицы.

Здесь масонская традиция требует прерваться, чтобы позволить посвященному самостоятельно поразмыслить над великой истиной так, как ему самому видится наиболее достойным и эффективным, в зависимости от его религиозных, философских и нравственных убеждений. Масонство не собирается выступать в роли непререкаемого арбитра его суждений. Оно молчаливо наблюдает со стороны, как каждый посвященный самостоятельно раскладывает по полочкам своего сознания представления о Боге и материи, о воплощениях Божественных свойств и эманаций, в соответствии с указаниями собственных разума, образования, убеждений и капризов.

Идуист скажет вам, что первым триединым богом была троица Парабрахман–Брахман–Паратман, воплощенная в Брахме, Вишну и Шиве, соответственно, *Творце, Предержителе* и *Разрушителе*.

Египтянин сказал бы, что это была троица Амон-Ра–Нейт–Пта, то есть *Творец, Материя* и *Мысль,* или *Свет;* персидский маг упомянул бы троицу Трех Сил Ормузда, Источников *Света, Огня* и *Воды;* буддист – господа Шакью, являющегося в действительности троицей Будда–Дхарма–Сангха (*Разум, Закон* и *Союз,* или *Гармония*); китайский сабеянин – свою троицу Шан Ти (Верховный Правитель)–Тянь (Небо)–Дао (Вселенский Высший Разум и Первопринцип всех вещей), которая произвела на свет единицу, единица – пару, пара – троицу, а троица – все сущее.

Славянин-венед видит принцип тройственности Высшей Силы воплощенным в трех головах своего бога Триглава; древний прусс говорит о своем собственном тройственном боге Перкунас–

Поклус–Потримпос, соответственно, Свет или Гром, Ад и Земля. Древний скандинав указал бы на Одина, Фрею и Тора, а древний этруск – на Тину, Тальну и Минерву – *Силу, Изобилие* и *Мудрость*.

Платон пишет о *Высшем Благе, Разуме,* или *Мысли,* и о *Духе,* или *Душе,* в то время как Филон – об *Архетипе Света, Мудрости* (София) и *Слове* (Логос), а каббалисты – о троичном принципе в иерархии сефирот.

Ученики Симона Волхва и многочисленные гностические секты стараются всячески запутать нас, жонглируя понятиями *эонов, эманаций, сил, высшей* и *низшей мудростей, Иалдаваофа, Адама Кадмона* и даже трехсот шестидесяти пяти эманаций мандеистов…

Набожный христианин верует в то, что Слово пребывало в бренном теле Иисуса Назарянина и претерпело мучительную крестную смерть, что Дух Святой излился на апостолов и ныне опекает всякую истинно христианскую душу…

В то время как все эти религиозные конфессии и секты утверждают свое исключительное право на обладание абсолютной Истиной, масонство придерживается своего древнего учения и не стремится более ни к чему… Бог – Един; Мысль Его, выраженная в Его Слове, сотворила Вселенную и ныне поддерживает ее существование посредством Вечного Закона, который есть также выражение Божественной Мысли; душа человеческая, вдохновленная в материальное тело Богом, бессмертна и вечна, как Сама Божественная Мысль; она обладает свободой творить зло или осмысленно вступить на путь творения добра; она ответственна за свои поступки и наказуема за свои грехи; всякое зло, все страдания, вся несправедливость в мире временны, все они нарушают свойственную Вселенной гармонию, но в свое время, когда Ему это будет угодно, все они растворятся в величественном и гармоничном аккорде вселенской симфонии, когда Истина, Любовь, Мир и Счастье безраздельно воцарятся под величественным сводом небес среди звезд и миров и во всех людских и ангельских душах.

27

Knight Commander of the Temple

Рыцарь Командор Храма

Это первый из действительно рыцарских градусов Древнего и Принятого Шотландского Устава. В реестре степеней он занимает место между 26-м и последним из Философских градусов с той целью, чтобы, нарушив их неразрывную последовательность, несколько оживить ее, дабы она не казалась посвященным излишне скучной и утомительной, а также для того, чтобы напомнить масону, что помимо проникновения в тонкости и хитросплетения религиозных верований и философские абстракции, истинный Вольный Каменщик также ни на секунду не должен прерывать исполнение своего долга активной жизни и вечной борьбы со злом. Истинный масон – это не только моралист и философ, но и воин, наследник тех средневековых рыцарей, которые на груди носили крест, а на поясе – меч, и были вечными воинами – защитниками Доблести, Верности и Долга.

Времена и условия жизни подвержены постоянным изменениям, но добродетель и долг остаются неизменными. Зло, с которым рыцарям надлежит неустанно бороться, постоянно развивается, приобретает все новые формы, бесконечно множится.

В наше время истина и верность так же необходимы, как и в годы Фридриха Барбароссы.

Ведение религиозных войн против неверных, присмотр за ранеными и больными в госпиталях Святой Земли, – эти обязанности рыцарей в наши дни отпали; однако обязанности, подобные этим, необходимо продолжать исполнять, пусть и в других формах и другими средствами.

Беззащитная дева больше не может оказаться безответной жертвой жестокого барона или злобного грабителя с большой дороги; но невинность и чистота все еще нуждаются в защите.

Война более является чуть ли не единственной возможной формой существования человеческого общества, и для большинства современных людей пустыми словами звучат клятвы не отступать пред лицом вооруженного врага, даже ценой собственной жизни; однако это святое обязательство все равно лежит на плечах всех людей Земли.

Истина – в словах, обязательствах и деловых предприятиях – в наше время встречается гораздо реже, чем во времена рыцарства. Ложь стала для большинства людей разменной монетой и подлежит свободному хождению и обмену, наравне с самыми стабильными и уважаемыми валютами; ведь она обладает неопровержимой и высокой ценой. Она действительно стала великим пороком этого века – она сама и сестра ее бесчестность. Во имя приобретения политического капитала многие люди готовы на словах принять какие угодно убеждения. У барной стойки, с соборной кафедры, в зале суда люди приводят аргументы в опровержение собственных ранее заявленных убеждений, при помощи того, что они называют *логикой,* доказывая, к радости и удовлетворению окружающих, утверждения, в которые сами не верят. Бесчестность и двойная мораль дорогого стоят для своих носителей, гораздо дороже, чем земельные наделы, приносящие немалый ежегодный доход; ведь мерилом ценности мнения или принципа служит ныне не *истина,* как в былые времена, а только и исключительно материальная *выгода,* могущая быть из них извлеченной.

Великой сеятельницей лжи является пресса. Оклеветать политического противника, представить в ложном свете все сказанное им, а если это не представляется возможным, придумать за него и напечатать то, чего он *не* говорил вовсе, обнародовать и пустить в оборот самые оскорбительные вымышленные обвинения против него, все сделать только ради того, чтобы нанести ему поражение на выборах, – все эти приемы стали для нас настолько привычными, что не вызывают даже простого удивления или возражения. Что уж говорить об отвращении и осуждении!

Были времена, когда рыцарь скорее погиб бы, чем нарушил данное им слово или солгал. Целью Рыцаря Командора Храма должно стать возрождение этого истинного духа рыцарства; он посвящает

себя старинному рыцарскому служению – Религии Истины. Ничем он не имеет права запятнать свою совесть: ни принятием мнения или точки зрения, которые не отвечают высшим нравственным законам, того лишь ради, чтобы не быть осужденным общественным мнением, или ради обретения каких-либо материальных или духовных благ; ни клеветой, даже на заклятого врага; ни искажением или перевиранием слов или действий другого человека; ни ложью, даже ради доказательства своей правоты. Как в стенах Капитула, так и в профанском мире, он должен говорить только правду, *всю* правду, не больше и не меньше, – или не говорить вообще.

Рыцарь Командор Храма обязан стать настоящим оплотом, защитником всех невинных и чистых, а также немощных стариков; он должен неустанно бороться с грубым насилием со стороны тех, кто порочнее убийц тела, кто прибегает ко всяческим искусным ухищрениям, стремясь умертвить человеческую душу, а также с нищетой и бесправием, столь часто заставляющими столь многих продавать свои невинность и честь, чтобы купить еды.

Ни в какой другой век человеческой истории не было лучшей, чем ныне, возможности проявить все возвышенные добродетели и высший героизм, всегда отличавшие истинно религиозные военные Ордена во дни их молодости, то есть до того, как богатство и власть нравственно разложили их и лишили благодати.

Когда смертоносная эпидемия проносится по оживленному городу, разнося гибель через воздух, которым одинаково дышат все жители; когда живых остается так мало, что их сил уже не хватает на то, чтобы хоронить мертвых, – большинство сохранивших здоровье в панике бегут из города, чтобы потом, когда эпидемия закончится, вернуться и снова поселиться в нем среди всеобщего уважения и собственного богатства. Но не умер еще древний рыцарский дух беспристрастности, презрения к смерти и самопожертвования: он продолжает жить в сердцах немногих достойных. Всегда и всюду находятся несколько человек, которые неизменно и неусыпно стоят на посту, чтобы грудью встретить и отвратить грядущую опасность, не ради денег, не ради почестей, не ради своих только семьи и собственности, но внемля зову простой человечности и велению долга. Они ухаживают за больными, вдыхая отравленные больничные миазмы. Они разыскивают еще живых в заразных бараках и грязных трущобах. С женской нежностью они смягчают страдания умирающих, привнося хотя бы мутный, едва заметный лучик

света в окружающую их уже погребальную атмосферу. Они отдают последний долг умершим и не ищут никакой иной награды, кроме одобрения со стороны собственной совести.

Это истинные рыцари нашего времени, и вместе с ними – отважный капитан терпящего крушение судна, стоящий на борту, все глубже и глубже погружающемся в бездонную пучину, до тех самых пор, пока последняя шлюпка, по самую ватерлинию загруженная пассажирами и экипажем, не отвалит от кормы, а потом, не дрогнув ни единым мускулом на лице, уходящий вместе с кораблем в таинственные глубины вечного покоя; вместе с ними – и лоцман, отважно стоящий у кормила судна, ведя его через смертоносные рифы в бурю, когда лицо его захлестывают ледяные волны и жалящие порывы морозного ветра; вместе с ними – и пожарный, поднимающийся вверх по пылающей стене и бросающийся прямо в бушующий огонь, чтобы спасти жизнь или собственность тех, кто не может воззвать к нему на основании кровной, родственной, близкой или даже просто приятельской связи; и огромное множество подобных им, – все люди, которые, приняв на себя обязательство исполнять тот или иной долг, заняв тот или иной пост, нерушимо стоят на нем, дабы, если нужно, умереть, но не оставить его; они точно так же, как и все мы, торжественно поклялись никогда не отступать пред лицом врага.

Исполнению этого священного долга и подобным героическим деяниям ты отныне посвятил всего себя, брат мой, став Рыцарем Командором Храма. Воин Истины и Веры! Защитник Чистоты и Невинности! Победитель болезней и страданий! Утешитель болящих и могильщик умерших! Рыцарь, предпочитающий смерть измене Долгу! Добро пожаловать в наш Орден!

Приложение

Альберт Пайк

Смысл Масонства[1]

Вредоносные последствия расколов и споров внутри масонского Ордена, разногласий и зависти между представителями различных масонских Уставов

Именно данной теме, братья, я хотел бы посвятить сегодняшнее свое выступление перед вами. Некоторые братья, принимающие близко к сердцу интересы масонского Братства, посчитали возможным и необходимым, чтобы кто-то высказался на сей счет, дабы устранить успевшее сложиться в обществе неверное представление, укрепить единство и гармонию среди самих масонов и убедить общество в целом в том, что его процветание и прогресс в некоторой степени зависят от процветания и прогресса масонства. Эти братья посчитали, что этим кем-то должен быть я, и несмотря на то, что лично мне не очень хочется говорить на эту тему, принятое мной торжественное обязательство Вольного Каменщика отрезает мне пути к отступлению, заставляя принести свои личные пристрастия и предрассудки в жертву велению долга. Не нуждается в отдельных доказательствах положение, что в Масонском Ордене, как и в любом другом ордене, любом другом обществе – сколь мало и незначительно оно ни было бы, – внутренние разногласия, борьба за обладание властью, зависть и взаимные упреки не могут не быть вредны, не могут не замедлять его рост и развитие, не отвращать от него тех, кто с надеждой постучался бы в его двери, пребывай оно в мире с самим собой; не могут не уменьшать и, в конечном счете, не уничтожать приносимую им обществу пользу. Будь это все, что я имел вам сказать, на этом пришлось бы и закончить свое выступление.

Но мы-то с вами, братья мои, не считаем, что это всё. Мы полагаем, что высшие интересы общества, в котором мы живем, и,

возможно, общества в гораздо более общем и обширном значении слова, то есть интересы страны и всего человечества в целом неизмеримо страдают от того же, от чего страдает масонство. Мы полагаем, что мир за пределами наших Храмов глубоко заинтересован в поддержании или восстановлении мира и гармонии в этих стенах; что каждый масон, поощряющий или по природным лености и бесстрастности допускающий в своем присутствии разногласия и ссоры в стенах, отделенных от остального мира покровом наших таинств, есть враг – враг не только Масонского Ордена, но и всего мира, его процветания и развития.

Действительно, мир в целом, государственные деятели и предприниматели, не привыкли придавать особенное значение мирным деяниям, активной деятельности и тихому, но постоянному влиянию, оказываемому на них масонством. Некоторые даже дурно думают об Ордене; для других его достойные устремления становятся поводом для насмешек и издевательств; в то время как в общем и целом общественное мнение сходится на том, что это довольно безобидное и неопасное общество, достойное всяческой похвалы за его благотворительные предприятия, за деяния братской взаимопомощи, – однако в общем мало полезное для окружающего мира; мир полагает, что церемонии наши слишком уж вольны, что тайны наши пусты, а мы лишь притворяемся обладающими какими-то истинными тайнами, что наши звания и отличительные титулы смехотворны, что наши разногласия суть всего лишь детские споры о том, «кому водить» в игре в самолично присвоенные титулы и пустые чины, достойные только грустных улыбок мрачных «общественных обвинителей» и грубых насмешек злых остряков.

Нельзя отрицать, что все же существуют некоторые основания для таких предположений: например, чрезмерное и неразумное рвение некоторых неосмотрительных братьев, которые стремятся искусственно возвести историю масонства к тем временам, когда Адам был его Великим Мастером в саду Эдемском, которые самозабвенно предаются сочинению новых традиций и легенд; которые тщатся окутать пеленой таинственности избитые азбучные истины, давно известные всему просвещенному миру и буквально лежащие на поверхности; которые пытаются предложить новые толкования известных символов, несостоятельность каковых толкований легко может доказать любой ученый, а элементарную глу-

пость и нелепость – увидеть любой мало-мальски образованный человек; также таким основанием может являться пустопорожнее бряцание звучными титулами и красочными регалиями; но хуже и страшнее всего – злобные, ожесточенные ссоры внутри Ордена, сопровождаемые горькими словами в адрес братьев, грязными наветами и звучными «разоблачениями», превращающими в ложь былые клятвы в братской верности и вообще все торжественные обязательства,– в то время как сам предмет спора, в большинстве случаев, видится всему окружающему миру незначительным, мелочным, надуманным. Действительно ли общество заинтересовано в мире и прогрессе масонства? Имеет ли окружающий мир моральное право требовать, чтобы в Храмах наших царила гармония? Может ли этот вопрос вообще волновать общество? Насколько важны и серьезны интересы, которые мы в безумии частных разногласий необдуманно ставим под угрозу? И как же нам восстановить и поддерживать мир и гармонию?

Вот об этих вопросах и просили меня подумать. Однако для того, чтобы найти на них ответ, в первую очередь, необходимо определить, что же такое масонство, каковы его цели и какими средствами надеется оно добиться этих целей.

Благосостояние любого народа, как и любого человека, есть понятие трехстороннее, включающее в себя благосостояние физическое, нравственное и интеллектуальное. И никакой народ не может быть совершенно стабилен и неизменен ни физически, ни нравственно, ни интеллектуально. Любой народ постоянно или прогрессирует или деградирует; и как при попытке вскарабкаться на отвесный ледяной склон, чтобы продвинуться вперед и вверх, необходимо постоянно применять усилия, а чтобы скатиться вниз, достаточно просто остановиться.

Счастье и процветание народа состоит в постоянном продвижении вперед и вверх по всем трем путям – физическому, нравственному и интеллектуальному – одновременно; ибо недалек день падения того народа, который – даже при колоссальных успехах его интеллекта, при невероятных достижениях его гения, даже при постоянном физическом развитии и совершенствовании материального положения,– если нравственное развитие его отстает от физического и интеллектуального; без своей третьей составляющей первые два выполненных условия не могут привести великий народ к совершенству – его высшему предназначению. Отсюда,

звание благодетеля общества заслуживает тот его институт, который – посредством продуманных благотворительных акций и постоянной взаимопомощи – отчасти снижает общий невероятно высокий уровень незащищенности и нищеты, снимая тем самым с общества часть тягостного бремени нужды бездомных и бедных его классов, потому что таким образом он помогает народу развиваться физически. И в еще большей степени заслуживает он это звание, если к тому же постоянно и неизменно строго требует от своих членов верного следования велениям общественного долга по отношению к своим собратьям как отдельно взятым людям (что отвечает упованиям высшей, чистейшей нравственности), если он выступает в роли могучего провозвестника и стража общественных законов и блюстителем нравственных принципов великого Учителя, прочитавшего народам Нагорную проповедь, – ибо только так сможет этот институт способствовать нравственному развитию народа. И в еще гораздо большей степени заслуживает он это звание, если его посвященные искренне направляют свои силы на служение интересам общества; если они являются верными воинами Свободы, Равенства и Братства, и в то же время – законных властей, общественного порядка и общественных законов, составленных народными представителями во имя всенародного блага с тем, чтобы весь же народ повиновался им, – ибо так он сможет еще более способствовать нравственному развитию народа.

И в дополнение ко всему и превыше всего, этот институт должен стремиться развивать людей интеллектуально, наставляя всех входящих под свод его Храмов в глубочайших Истинах философии, в учениях мудрецов всех времен и народов; в разумном понимании Бога и Вселенной, Им сотворенной, законов, ею управляющих, истинном предназначении человека, в дарованной ему свободе действий, в его достоинстве и высоком происхождении. Я говорю здесь только о том, чему учит масонство; я не собираюсь здесь голословно утверждать, что учению его посвященные в Орден не следуют во всей должной полноте, неразумно принижая его значение и совершенство, что часто бывает следствием недостаточно почтительного их отношения к религии. Теории, мысли и намерения любого живого земного человека всегда гораздо чище и лучше его реальных поступков, – и, может быть, к счастью, ведь одним из величайших даров Провидения человеку и неоспоримейшим доказательством бытия и милости Божьих является такое положение вещей, когда и

самый порочный, и самый праведный из людей всегда имеют к чему стремиться, идеал, пример для подражания, нечто настолько совершенное, что им никогда его не достичь, как бы они ни старались, как бы ни рвались ввысь.

В свое время было отлично и крайне справедливо сказано, что даже лицемерие есть невольное уважение, выказываемое добродетели пороком. Если масоны живут не в соответствии с учением их Ордена, это доказывает лишь, что они – люди, и как все прочие люди, они слабы всеми слабостями человеческой природы, что в непрерывной борьбе со своими страстями и превозмогая жизненные перипетии, одинаковые, впрочем, для всех, они, возможно, чаще других терпят поражения. Если учение масонства есть благо, оно просто не может не оказывать на них положительного влияния, а потому не может преподаваться им без всякой пользы. Семена Истины не бывают посеяны впустую; даже если они отданы на волю ветра, Господь сделает так, чтобы они упали на почву и пустили там корни. Интересоваться смыслом масонства – не значит только изучать его историю, историю его предшественников, подсчитывать число его братьев и лож, но, во-первых и в-главных, исследовать его нравственное учение, его философию.

Именно исследованием данных вопросов и поставил я себе цель заняться, однако поскольку влияние масонства на внешний мир зависит, вне всякого сомнения, от масштаба распространения Ордена, от количества его активных членов и о постоянстве и неизменности его деятельности, я определенно обязан сказать несколько слов и об этом. Если бы масонский Орден был эфемерным образованием давно минувших дней, которому не суждено уже влиять на умы грядущих поколений, если бы он был организацией, объединяющей в своих рядах граждан только одной страны или только одного вероисповедания, если бы количество его членов было мало, что определенно ограничивало бы его возможности к творению добра или зла, не имело бы практически никакого смысла и возможное исследование глубин его нравственного учения и его философии. Но наш Орден не эфемерен и не преходящ. Я не собираюсь утверждать, что он действительно является современником Ноя и Еноха, что собрания лож проходили в священных стенах Храма Иерусалимского, даже что Орден образовался во времена Крестовых походов. Мне вполне достаточно утверждения, что происхождение его скрыто прекрасной и таинственной пеленой глубокой древности.

Современный араб встраивает во вновь возводимые стены своего грубоватого жилища камни, из которых слагались стены величественных дворцов Вавилона в то время, когда пророчествовал Иезекииль и Даниил толковал царские сновидения; камни, вырубленные в каменоломнях древними этрусками задолго до того, как Ромул умертвил своего брата и возвел первые стены Рима, все еще можно обнаружить в современной кладке римских палаццо; и точно так же в наших ритуалах, свидетельствуя об их древнейшем происхождении, встречаются слова, ныне незнакомые никому, первичное значение которых всеми было давно позабыто и лишь недавно начало снова раскрываться перед некоторыми из нас. Исторические хроники нашего Ордена свидетельствуют, что он существовал в Англии и Шотландии в XVII в. и проник во Францию в 1721 г., то есть 137 лет назад. Уже к 1787 г. он успел распространиться практически во всех европейских государствах, в Ост- и Вест-Индиях и даже в Турции; приблизительный подсчет позволил утверждать, что в то время в мире было уже 3217 лож, в которых состояло, по крайней мере, 200000 братьев. Соединенные Штаты пребывали тогда в младенчестве и территориально представляли собой узкую полоску атлантического побережья, но даже и там – включая Канаду – было учреждено 85 лож.

Ныне, когда наше государство включает в себя 31 штат и столичный округ Колумбия, на его территории активно действуют шесть Великих Лож, в целом объединяющие почти 4200 отдельных символических лож, и это если не считать объединения дополнительных градусов всех Уставов, и в них состоят не менее 140000 братьев. В любой христианской стране мира чуть ли ни на каждом углу стоят Храмы нашего Ордена, и даже в Турции, Индии и Персии магометанин с почтением склоняется в молитве пред нашим алтарем. В Англии, Франции, Шотландии, Ирландии, Германии и Швейцарии, Орден процветает и ежедневно совершенствуется. Несмотря на проклятия папства и пытки инквизиции, наши масонские братья все еще есть в Испании и других странах, пребывающих в тени папского престола, и когда в Неаполе им стало небезопасно собираться на земле, они стали проводить собрания лож в открытом море при свете огней города и Мессинского маяка: настоящее звездное небо служит потолком их ложе, когда они сходятся на трех лодках на фарватере и бросают якоря так, чтобы лодки стояли треугольником, и из его центра беспрепятственно возносилось к небесам сла-

достное воскурение масонской молитвы. Величайшие, мудрейшие и лучшие из людей всех стран и всех времен, и в древности, и ныне, восхищались сим великим Орденом и со рвением искали возможность принять участие в его возвышенных трудах. Государственные деятели, воины, ученые, юристы, поэты, художники, торговцы, механики и рабочие, по крайней мере, в течение ста тридцати семи лет «встречались в ложе на уровне и расходились по наугольнику». Масонами были Пол Джонс, Лафайет и Вашингтон; Франклин с Лаландом сидели рядом в той самой ложе, в которой в таком же, как у них, запоне ранее сидел Гельвеций. Практически всем великим маршалам и генералам Наполеоновской армии, включая троих королей – Мюрата, Жозефа Бонапарта и Бернадота, – были ведомы таинственные числа, и они прославили Французский и Шотландский Уставы. Естественные науки подарили масонству Ласепеда[2], живопись – Горация Верне, музыка – Мейербера, сценическое искусство – Тальма, юриспруденция – Филиппа Дюпена, его не менее блистательного старшего брата и Одилона-Барро.

Во всех странах мира масонство объединяло неисчислимо многих значительных деятелей науки, искусства и культуры, их так много, что просто не имеет смысла перечислять их всех именно сегодня. В нашей стране его посвященные занимают высокие посты в общественной и государственной структуре, держат в своих руках кормило государственной власти, заседают в Государственном, Оборонном департаментах, Департаменте Внутренних дел и других министерствах, в Верховном суде, представляют наше государство в других странах мира. В Европе они основали множество общедоступных библиотек, бесплатных школ, учредили премии за героизм и выдающиеся достижения и заслуги перед обществом и своей страной, они учреждают дома призрения для престарелых и обделенных судьбой масонов и их родственников, насыщают страждущих, одевают раздетых, защищают униженных и оскорбленных. В нашей стране Братство с гордостью следует тем же путем. Оно учреждает школы и академии, и его пять тысяч двести лож являются центрами, откуда во все стороны лучами света проистекает благотворительность, наградой за которую служат отправляемые нам благодарственные письма вдов и слезные молитвы за нас несчастных сирот. Превыше всех прочих, возвышаясь над ними великим маяком над водами, стоит ложа «Вспоможение Луизианы» (the Louisiana Relief Lodge), достойнейшая из масонских

организаций, широко раскрывающая двери своего вспоможения болящим, нищим, бесприютным странникам, тем самым принося честь и славу масонскому Ордену и всей своей стране.

На этом я завершу свой краткий обзор истории Ордена, его предшественников, численности и ее статистики. Его вполне достаточно для доказательства непреходящего значения Ордена для нашего общества, для нашего Содружества и для всего мира, а посему можно перейти к рассмотрению вопроса нравственных и философских уроков, в которых наставляет своих посвященных этот великий, вечный и широко распространенный по Земле Орден. Какова же, в сущности своей, масонская нравственность? Слушайте – и услышите. Масонство наставляет своего кандидата: «Будь доволен! Не сравнивай свое положение с положением тех немногих, что выше тебя, но с положением тех многих тысяч, с кем ты ни за какие блага мира не согласился бы поменяться местами. Солдат не должен считать, что ему не повезло в жизни, если в битвах он был менее успешен, чем Александр Великий или Веллингтон; никому не пристало считать себя несчастным, если он не обладает капиталами Ротшильда; пусть лучше первый радуется, что ему не пришлось пасть так низко, как сотням полководцев, в свое время бежавших конно и пеше под ударами наполеоновских армий; второй же пусть считает себя счастливчиком потому только, что он не всеми отверженный нищий, промозглым вечером протягивающий прохожим потрепанную шляпу в надежде на милостыню. Наверняка многие богаче и удачливее нас; но так же очевидно и то, что многие тысячи пребывают в беспросветном отчаянии и нищете по сравнению с нами». Однако удовлетворенность масона жизнью ни в коем случае не должна быть удовлетворенностью самолюбования, замкнутой в себе и лишенной всякого сочувствия и сострадания к своему ближнему.

В мире есть и всегда пребудет зло, за которое предстоит и надлежит простить, страдания, которые предстоит и надлежит утешить, нужда – чтобы утолить ее, удобные случаи – чтобы творить милосердие и благотворительность. А всякий сидящий посреди всех ужасов и страданий этого мира, возможно, находя наибольшее удовлетворение в сравнении своего благополучия с голодом, нищетой и несчастьями окружающих, совсем не доволен, – он просто бесчувствен и жесток. Нет грустнее вида на Земле, чем ленивый, праздный и расточительный, или жестокосердный и алчный,

человек, к которому напрасно вопиет нужда его ближнего, для кого кажется иностранным язык человеческого страдания. Человек, чей поспешный и необдуманный гнев влечет за собою насилие, преступление, и вполовину не достоин жизни. Это неверный и нечистый на руку раб, посланный своим господином раздавать милостыню и всю ее присвоивший себе и растративший на свои увеселения. Истинный Вольный Каменщик должен быть и должен иметь право на то, чтобы быть довольным собой, но может он стать таковым только, если он живет не только для себя самого, но и для ближних своих. «Милосердие,– пишет древний автор,– есть великий проток для истечения Божьего благословения роду людскому, ибо настолько бываем мы сами прощены от грехов наших, насколько мы прощаем ближнему нашему. Таков закон всех наших чаяний и мерило наших устремлений в этом мире, и в день Гнева и последнего Суда великий и окончательный приговор роду человеческому будет произнесен в соответствии с розданной нами милостыней и прочим сотворенным нами благом. Господь Сам есть Любовь, и всякое милосердие, пребывающее внутри нас, в нашей природе, есть обетование Божественной Природы».

Эти принципы масонство стремится воплощать на практике, и именно следования им оно ожидает от всех своих кандидатов и учеников. Масонство наставляет их словами великого римлянина: «Никогда человек не бывает так близок к Богу, как когда он творит благо другому человеку. Служить и творить добро как можно более многим,– нет и не будет в твоей судьбе ничего более благого и достойного, чем это мочь, и ничего более желательного для тебя самого, чем этого хотеть». Если у ложи недостаточно средств для того, чтобы вложить их в основание академии или училища, она все равно может что-то предпринять в рамках средств, которыми располагает. Она может дать хорошее образование бедному мальчику или бедной девочке – ребенку своего нуждающегося Брата.

Никогда не следует забывать, что в каждом бедном и брошенном ребенке, который кажется навечно осужденным на тенета порока и невежества, может быть, дремлют добродетели и мудрость Сократа, ум Бэкона или Боссюэ, гений Шекспира, способность облагодетельствовать человечество, подобно Вашингтону; а значит, ложа, сделавшая это, вытащившая его из болота, в которое он был брошен отнюдь не по своей воле, и даровавшая ему свет разума и развития, вполне может оказаться прямым и непосредственным

носителем того самого благословения, которое даровал мальчику из Метца доктор Иоганн Фауст, что она в таком случае сможет и далее нести свободу и Знания своей стране, определять и изменять судьбы своего народа, вписывать новые главы в историю мира. Ибо мы никогда не знаем, насколько важно то, что мы делаем. Дочери фараона вряд ли было ведомо, как она повлияет на судьбы мира и какими именно будут великие последствия того простого и человечного ее поступка, когда она решила взять из колыбели, несомой неспешным течением Нила мимо ее дома, младенца, сына еврейки, и воспитать его так, как будто он был ее собственный сын.

Сколь часто простой жест милосердия, ровным счетом ничего не стоивший тому, кто его сделал, даровал миру великого художника, музыканта или изобретателя! Сколь часто такой жест выращивал из трущобного оборванца благодетеля своего народа! От сколь мелких и незначительных случайностей, на которые, в противном случае, ровным счетом никто и никогда не обратил бы внимание, зависели судьбы величайших завоевателей этой планеты! Никто и никогда не видел скрижалей, на которых начертан был бы закон, позволяющий со всей определенностью вычислить объем блага, вызванного к жизни одним лишь добрым поступком. Скромная лепта вдовицы может не только быть ценнее богатых жертвоприношений вельможи, но и привести к гораздо большим преобразованиям в судьбах мира.

Там, где существует рабство, масонство учит хозяев быть гуманными, улучшать условия жизни и труда своих рабов, поддерживать твердую, но не жестокую дисциплину; тому же оно учит мастера в отношении его учеников; работодателя – будь то в шахте, на фабрике, в мастерской – оно учит рассудительности и опять же гуманности в отношении тех, кто трудится на него, зарабатывая на кусок хлеба своими руками, для кого безработица означает голодную смерть, а труд на измор – смерть от лихорадки и изнурения. Оно наставляет работников в верности, трудолюбии и точности, равно как и в дисциплине и должном повиновении всем, в отношениях с кем это необходимо; но вместе с тем оно наставляет и работодателей в том, что каждый мужчина и каждая женщина, ищущие работу, имеют право получить эту работу; что те, кто не в состоянии трудиться в силу болезни или немощи, потери конечности или важного телесного органа, в силу старости или чрезмерной молодости, имеют право на пищу, одежду и кров для защиты от буйства

стихий; что смертный грех перед масонским Орденом и пред Богом совершает тот, кто закрывает свою фабрику или мастерскую, кто закрывает шахту, когда она перестает приносить ему ожидаемую прибыль, тем самым обрекая на голод рабочих и их семьи, или кто снижает заработную плату своих работников настолько, что им и их семьям перестает хватать на еду, одежду и кров, или кто заставляет их работать до изнурения, проливая пот, слезы и кровь, за те крохи, которые он горделиво именует их заработной платой; что долг его как масонского брата, наоборот, состоит в том, чтобы предоставлять постоянную работу тем, кто иначе погиб бы от голода и холода или же вступил бы на путь воровства и грабежа; что работникам ему следует платить достойную заработную плату, пусть даже это сократит его ежегодную прибыль, пусть даже это заставит уменьшиться его капиталы, – ибо Господь для того даровал ему богатство, чтобы он был Databaseм...

Великодушный человек не будет чересчур тщательно следить за тем, чтобы отдать не больше, чем брал; наоборот, он предпочитает, чтобы весы великодушия всегда оставались наклоненными в его сторону. Тот, кто до последнего гроша получил плату за все свои добрые дела и мысли, подобен жалкому моту, пустившему по ветру родовое поместье и теперь плачущему над пустой чековой книжкой. Тот, кто платит мне неблагодарностью за сотворенное мной ему добро, отнюдь не уменьшает, а наоборот, увеличивает мое благосостояние; и тот, кто не может воздать добром за добро, нищ, вне зависимости от характера этой нищеты, то есть беден ли он деньгами, душой, сердцем или умом. Если в нашем представлении богат тот, кто вложил в какое-то предприятие большие деньги, чье богатство состоит в массе облигаций, которые принуждают других людей платить ему деньги, то несомненно еще богаче тот, кто многим оказал услугу или просто много творил добро. Кроме умеренной суммы на личные расходы, богатый человек ежегодно вкладывает свои средства, а то, что он не использует таким образом, очень уместным кажется мне уподобить неизрасходованным нами запасам доброты и хороших поступков.

Праздность гибельна для живого человека. Ибо праздный человек столь же бесполезен для Господа и прочих людей, сколь бесполезен для них мертвый, которого не касаются изменения и нужды мира; такой человек живет только ради того, чтобы терять время

и пользоваться плодами земли. Точно клоп, точно волк, когда приходит его время, он умирает и исчезает с лица Земли, превращаясь вскоре в ничто. Он не пашет и не тянет ярмо пахаря; что бы он ни делал, все или бесполезно или нацелено во зло.

Каждый человек в состоянии сделать многое, если он не празден; для каждого человека широка дорога к добродетели, если его не заставят свернуть с нее дурная привычка или преступление; каждый читающий мудрые книги, если его разум открыт для них, обретет в результате колоссальные знания.

Св. Амвросий и, по его примеру, Блаженный Августин разделяли каждый день на три *терции* по признаку вида занятости: восемь часов они определяли на удовлетворение природных нужд и отдых; восемь часов – на благотворительность, оказание помощи другим, помощь им в их делах, избавление их от неприятностей, исправление их ошибок, спасение их от грехов, поучение их в невежестве, ведение дел в своей епархии; восемь часов – на молитву и самообразование.

В двадцать лет мы склонны думать, что жизнь неизмеримо длинна, по сравнению с тем, что нам за это время следует сделать и чему научиться, что непреодолимая пропасть лежит между возрастами нашим и наших дедов. Позже, лет в шестьдесят, если судьба судила нам дожить до этих лет, – хорошо это или плохо, с нашей личной точки зрения, – то есть к тому времени, когда мы уже потратили с пользой или впустую достаточно много времени, мы на мгновение задумываемся, оглянувшись назад, на пройденный нами путь, потом вперед, – соизмеряя и пытаясь уравновесить оставшееся время с оставшимися возможностями, – и зачастую с ужасом осознаем, что невероятно огромное количество времени было потрачено нами впустую. Затем мы, или наше сознание, педантично вычитаем из всего времени прожитой жизни те часы, которые мы провели во сне; затем – часы работы, тяжелого труда, когда мутноватая поверхность нашего разума не бывала поколеблена ни единой глубокой мыслью; потом – те дни, которые мы рады были бы в свое время просто выбросить из жизни, поскольку они стояли между нами и какой-то воображаемой или реальной целью, столь вожделенной и страстно желанной; затем – часы или дни, еще хуже, нежели потраченные впустую, то есть ушедшие на удовлетворение низменных страстей и причуд или потраченные на бесполезное и безрезультатное учение; и со вздохом мы признаем, что и за половину

этого времени, но проведенного с пользой, мы смогли бы узнать и сделать гораздо больше, нежели мы *в действительности* узнали и сделали за сорок лет своей зрелости.

Узнавать и делать – вот в чем состоит работа души в этом мире. Душа растет точно так же, как дерево. Как дерево вбирает в себя углерод из воздуха, росу, капли дождя, свет, те вещества, которые его корни высасывают из земли, преобразуя их в ходе таинственных процессов своей внутренней биохимии в живицу и лыко, в древесину и ткань листа, цветок и плод, в цвет и запах, – точно так же и душа вбирает в себя знания, преобразуя их путем Божественных алхимических изменений в свою субстанцию, и растет внутренне, изнутри наружу, со все возрастающей силой, подобной той силе, что заключена в прорастающем пшеничном зерне.

У души, как и у тела, есть собственные чувства, которые можно культивировать, развивать, углублять, утончать по мере того, как она вырастает сама; и тот, кто не в состоянии по достоинству оценить прекрасную картину или статую, чудесное стихотворение, гармонию, героический замысел, справедливое действие, тот, для кого мудрость философии всего лишь глупости и болтовня, значащая гораздо менее, нежели цены на хлопок или уголь, или только способ добраться до высокого государственного поста, – тот живет лишь на уровне обыденности и лишь бессмысленно гордится низменностью *чувств* своей души, которая есть низменность и ничтожество *самой* души.

Бесчестно брать что-либо у другого, не отдавая той же мерой. Игрок, выигрывающий деньги у своего ближнего, бесчестен. Среди масонов не может быть споров на деньги и азартных игр; ибо ни один честный человек не может желать даром получить то, что принадлежит другому. Торговец, продающий некачественный товар по высокой цене, биржевой спекулянт, наполняющий кошелек во дни несчастий и крахов других, бесчестны и лишены совести, они низменны и недостойны бессмертия.

Истинным желанием каждого Совершенного Мастера должно стать *так* жить и действовать, чтобы, когда ему придет время отойти в мир иной, он смог сказать, – а его совесть подтвердить, – что никто на Земле не стал беднее от того, что он стал богаче; что все, что у него есть, он честно заработал. И никто из людей не может предстать пред Господом и утверждать, что по праву равенства, утвержденному Им в Его владениях, этот дом, в котором мы умираем, эта

земля, которую мы распределяем между нашими наследниками, эти деньги, которые обогащают тех, кто остается жить и носит при этом наше имя, – все это принадлежит нам, а не Ему, ибо мы в этом мире – всего лишь арендаторы и попечители. Ибо не может вызывать сомнений та истина, что Господь справедлив и что Он сурово дает нам понять, каковы наши права и обязанности, и каждому, кого мы обесчестили, каждому, от которого мы получили прибыль, бесчестно не возместив его затрат, Он воздаст щедрой рукой.

Следите за собой, чтобы не получить в свое владение того, что вам не принадлежит! Ибо если вы сделаете так, значит, присвоите себе то, что по Господнему суду, принадлежит другому, таким образом оказавшись несправедливыми по отношению к нему; и будь то, что вы приобрели, богатство или звание, влияние, слава или любовь, вам придется возместить все до самого конца.

Обязанности масона как просто честного человека ясны и понятны. Это честность в соблюдении договора, верность своему слову, уважение чужих интересов и соответствие слова и дела. Просто не лгите, ни в большом, ни в малом, ни в причине, ни в следствии, ни на словах, ни на деле; то есть не говорите того, что ложно, и не делайте этого; не скрывайте истины; и пусть вашим мерилом добра и зла будут интересы тех, с кем вы имеете дело; ибо тот, кто говорит продавцу или покупателю пусть даже истину, но в той форме, которой тот не в состоянии понять, – все равно вор и лжец. Совершенный мастер отвергает все то, что может ввести в заблуждение, точно так же, как и то, что лживо по своей сути.

Пусть устанавливаемые вами цены находятся в том равновесии мер добра и зла, которое установлено по разумению и по призыву души самых мудрых и милосердных людей, сведущих в той или иной области производства или услуг; а прибыли пусть будут равны прибылям прочих честных коммерсантов вашего уровня в ваших условиях.

В отношениях с другими людьми не делайте *всего* того, что могли бы сделать по закону; оставляйте что-то и на собственное усмотрение; и поскольку и при продаже, и при покупке сохраняется определенный коридор прибыли, не отнимайте последний грош, действительно ли он последний, или вы просто так считаете; пусть даже по закону вы и имеете право это сделать; ибо пусть это и законно, это не всегда безопасно; ведь тот, кто на этот год забрал себе все то, что принадлежит ему по закону, на следующий год может

подвергнуться искушению забрать и по закону ему не принадлежащее.

Никто из людей да не станет в бедности более жесток и настойчив в требованиях; он должен терпеливо, скромно, честно и спокойно поручить свою собственность Господу, следовать Его путями и возложить на Него заботу об успехе.

Не задерживайте плату поденщикам, ибо задержка ее на любой срок противоречит справедливости и милосердию, она бьет их по лицу до крови и слез; платите им точно по договору или же по необходимости.

Свято держите слово и выполняйте все условия заключенного договора, пусть они и не в вашу пользу, пусть позже вы и обнаружили, что другие условия были бы вам более удобны; и пусть ни единый ваш поступок во время действия договора не будет следствием вашей реакции на какое-то событие, произошедшее после его заключения. Не позволяйте ничему заставить вас нарушить ваше обещание, если только оно не было незаконными или невыполнимым; то есть если вы, давая его, в силу своей природы или положения в обществе, находились во власти другого лица; или если оно несовместимо с вашим благополучием и бесполезно для прочих; или если срок его возможного выполнения истек.

Пусть никто и никогда не берет денег за то, чего не может или не в состоянии сделать, то есть выполнить в срок, с пользой и легко. Пусть никто и никогда не берет на себя те функции, которые в состоянии выполнить только Бог или Бог и Государство, ибо это противоречило бы и справедливости, и милосердию.

Если кто-то является для нас худшим человеком, нежели все прочие, – показываем ли мы это своими делами или только своими намерениями, – это противоречит законам равенства, справедливости и милосердия. В этом случае мы делаем другому то, чего не сделали бы себе; мы богатеем на развалинах чужой судьбы.

Не умер еще древний рыцарский дух беспристрастности, презрения к смерти и самопожертвования: он продолжает жить в сердцах немногих достойных. Всегда и повсюду находится несколько человек, которые неизменно и неусыпно стоят на своих постах, чтобы грудью встретить и отвратить грядущую опасность, не ради денег, не ради почестей, не ради своих только семьи и собственности, – но внемля зову простой человечности и велению долга. Они ухаживают за больными, вдыхая отравленные больничные миазмы. Они

разыскивают еще живых в заразных бараках и грязных трущобах. С женской нежностью они смягчают страдания умирающих, привнося хотя бы мутный, едва заметный лучик света в окружающую их уже погребальную атмосферу. Они отдают последний долг умершим, – и не ищут никакой иной награды, кроме одобрения со стороны собственной совести.

Это истинные рыцари нашего времени; они – и отважный капитан терпящего крушение судна, стоящий на борту, все глубже и глубже погружающемся в бездонную пучину, до тех самых пор, пока последняя шлюпка, по самую ватерлинию загруженная пассажирами и экипажем, не отвалит от кормы, а потом, не дрогнув ни единым мускулом на лице, уходящий вместе с кораблем в таинственные глубины вечного покоя; они – и лоцман, отважно стоящий у кормила судна, ведя его через смертоносные рифы в бурю, когда лицо его захлестывают ледяные волны и жалящие порывы морозного ветра; они – и пожарный, поднимающийся вверх по пылающей стене и бросающийся прямо в бушующий огонь, чтобы спасти жизнь или собственность тех, кто не может воззвать к нему на основании кровной, родственной, близкой или даже просто приятельской связи; они – и огромное множество подобных им, – все люди, которые, приняв на себя обязательство исполнять тот или иной долг, заняв тот или иной пост, нерушимо стоят на нем, дабы, если нужно, умереть, но не оставить его; они точно так же, как и все мы, торжественно поклялись никогда не отступать пред лицом врага.

Мир возводит памятники великим патриотам. Четверо великих государственных деятелей, способствовавших торжеству правосудия, изваянные из камня, ныне молчаливыми глашатаями всенародного стремления к справедливости взирают на французских законодателей, входящих в зал собраний. С каким почтением мы сами взираем на мраморные черты Джея и Маршалла, спокойно взирающих ныне на живых заседателей Верховного суда Соединенных Штатов! Сколь величественный памятник себе возвел Вашингтон в сердце Америки, да и всего мира, не потому, что мечтал о неосуществимой, идеальной справедливости, но потому, что вечно стремился к претворению в жизнь справедливости, практической и реальной!

Только необходимость и соображения наибольшего блага наибольшего возможного числа людей могут пересекаться и вступать

в противоречие с идеалом торжества абсолютной справедливости. Государство не должно, не имеет права усиливать сильных, ослабляя слабых, поддерживать капитал, душа налогами труд. Сильный и могущественный ни при каких обстоятельствах не может требовать себе исключительного права на ту или иную разработку или найм рабочей силы; государственные деятели обязаны, принимая решение, учитывать не только соображения осмотрительности и нужд сегодняшнего дня, но и обязательное соблюдение приближенной к идеалу справедливости; о справедливости никогда не следует забывать, даже отстаивая свои интересы; политическая мораль никогда не должна приноситься в жертву политической экономике; не следует предпочитать национальное благосостояние национальной организации на основе закона справедливости и истины.

В самом общем смысле, ограничения, наложенные на человека в его действиях теми, кто сам себе присвоил права хранителей общественной нравственности, совершенно необоснованны. Мало того, зачастую место этих ограничений должна была занять похвала, и наоборот, когда похвала незаслуженна, она всегда несправедлива.

Какого духа исполнены те, кто без зазрения совести может приписать ближнему своему любой грех, любую степень падения? Будь их душа возвышенна и достойна, будь они просто человечны, и не жестокосердны, они вместо этого помогли бы ему устранить причины его заблуждения и ошибки, вместе с ним пролили бы слезы над свершенным. Природа сыграла с человеческим телом отвратительную шутку, наделив его порочной душой, которая добавляет новых пороков к тем, которые существуют во внешней Природе и которые и так терпеть уже нет никаких сил. Если масон слышит о каком-либо человеке, что репутация его пала в глазах общественного мнения, он должен приложить все усилия к тому, чтобы помочь несчастному в его горе, а не стараться уронить его достоинство еще ниже. Наслаивать клевету за клеветой на имени человека уже опороченного – это все равно что снова и снова бить железным прутом и так исполосованного бичами человека; каждому нормальному человеку с человеческим сердцем в груди такое видится бесчеловечным и недостойным.

У каждого сотворившего беззаконие и совершившего ошибку человека почти всегда есть тихий родной дом, уютный очаг, любящая жена и невинные дети, которые наверняка не подозревают

о его прошлых заблуждениях и недостойных поступках – прошлых и давно оплаканных и искупленных; и даже если они знают о его недостойном поведении, они тем больше любят его, ибо, будучи человеком, он грешил, а будучи образом и подобием Божьим, он раскаялся. Но мысль о том, что каждый удар, нанесенный такому человеку, отзовется обжигающей болью в сердцах жены и нежных дочерей, не останавливает руку продажного журналиста; он снова и снова наносит удары в их трепетные, невинные, нежные груди, несмотря на их крики и мольбы о пощаде; а потом он отправляется в город, эту артерию общественной жизни, ходит там с высоко поднятой головой и требует к себе почтения, требует себе похвал и уважения за свой «рыцарский подвиг» – за удар кинжалом в невинное любящее сердце, не способное защищаться.

Если ты поставишь себе целью познать, что такое ложь и клевета, тебе не составит труда найти ее в сердцах недостойных людей. Лицемерие – это та трава, которая чаще всего произрастает на навозных кучах. Именно в этой почве оно пускает свои глубокие корни и выстреливает вверх ядовитые побеги. Долг наш состоит в том, чтобы быть скромными и хранить собственное достоинство в отношениях с теми, кто стоит выше нас на общественной лестнице; с равными нам надлежит быть вежливыми; с теми же, кто является в обществе по отношению к нам нижестоящими, необходимо постоянно помнить о великодушии. Нет большего лицемерия, чем постоянно указывать своим ближним на их ошибки, не понимая и не желая при этом понимать их побудительные мотивы и цели их поступков, делая своей профессией очернение заслуживающих славы. Нанести оскорбление лицу, занимающему общественный пост, – это все равно что подстрелить старшего самца в стаде оленей: даже если он не истечет кровью от раны, его забьют насмерть остальные самцы для того, чтобы занять его место.

Работа шпиона во все времена считалась низкой и порочной, но чем, скажите, отличается от нее работа редакторов большинства печатных изданий, которые – за редким исключением – поставили перед собой задачу неустанно шпионить за нравственностью и действиями окружающих? Их злонамеренность придает силы их зрению, и они используют эту силу для того, чтобы находить у окружающих все новые и новые ошибки, приписывая им преступные намерения даже в тех случаях, когда в действительности устремления были самыми достойными. Подобно крокодилам, они под-

нимают со дна кучи ила, в которых оскальзываются и оступаются те, чьими живыми и трепетными плотью и кровью они потом с радостью насыщаются. Они выставляют грехи окружающих на обозрение всего мира, а добродетели прячут глубоко под землю, чтобы никто их никогда не увидел. Если им не удается кого-то обвинить на основе доказательств, они это делают на основе предположений, а если невозможно предоставить последние, они их просто выдумывают, как Господь сотворил мир – из ничего, – и все только ради того, чтобы очернить репутацию человека; и они отлично знают, что любой лжи толпа поверит скорее, чем ее последующим опровержениям, как бы тщательно обоснованны они ни были; что ложь летит на орлиных крыльях, а ее опровержение улиткой тащится вслед, и второму никогда не догнать первую. Да уж, наверное, самой «нравственности» журналистики претит мысль о том, что опровержение может и должно появиться на том же самом месте, где появилась ложь, вызвавшая его. Но даже если такое случается, изначальная ложь все равно продолжает жить в сердцах и умах слишком многих людей, и клевета надолго занимает место истины.

Этот век, в гораздо большей степени, чем все предыдущие, есть век лжи. В свое время малейшее подозрение общественного деятеля в сокрытии истины могло привести к полной утрате им репутации и потере поста; в наше же время среди политиков, представляющих разнообразные противоборствующие партии, становится редкой и практически никем не используемой добродетелью хоть раз в жизни сказать правду своему народу. Ложь превратилась в обычное орудие политической борьбы, используемое во время всех кампаний и общественных потрясений, и цена ее тем больше, чем она полезнее в данный исторический момент, чем она прибыльнее; ложь хранят, ее целенаправленно производят, ею торгуют; существует настоящий рынок лжи, как существует рынок свинца и серы, хотя она гораздо смертоноснее и опаснее их, вместе взятых.

Взвесь люди повнимательнее прегрешения человеческого рода, они поостереглись бы осуждать ближнего своего. Невежество дарует критиканству гораздо более длинный язык, чем может даровать знание. Умный знает, глупый – говорит. Столь частые в последнее время кампании очернения – всего лишь плоды жестокого рассудка; самые жесткие суждения о ближних выносят те, кто не в состоянии оценить и осудить сам себя; только дар самооценки придает вес суждению о других. Даже если нам ведомы пороки

окружающих, добродетель наша скорее будет выражаться в желании сокрыть их, нежели придать общественному порицанию, если, конечно, сам носитель порока не воспримет это как комплимент, как побуждение к дальнейшему следованию путями греха. И нет греха более тяжкого, чем превратиться в очернителя достойного человека.

Проповедуя Свободу, Равенство и Братство, масонство учит тому, что человек обретет их, лишь доказав, что достоин их, а докажет он это, лишь обретя нравственную силу, разум и просвещение. Масонство не заключает никаких заговоров, не замышляет никаких переворотов. Оно не жаждет незрелых революций; оно не побуждает никакой народ выступать против законно учрежденной власти; однако, следуя старинной истине, заключающейся в том, что свобода приходит лишь к народу, готовому ее обрести, оно также принимает и следствие из этой аксиомы: необходимо *готовить* народы к обретению самоуправления.

Ложа, как известно, должна поддерживаться тремя великими колоннами,

Мудростью, Силой и Красотой, представленными Мастером, Первым и Вторым Стражами, и сказано, что именно они являются колоннами, поддерживающими ложу, «потому что Мудрость, Сила и Красота являют собой совершенство во всем, и ничто не может существовать без них». Три колонны Древнего Храма заменяются на три новые колонны, значение которых уже было тебе разъяснено: это Вера (в Бога, в человечество и в самого себя), Надежда (на победу над злом, на развитие человечества и на Жизнь Грядущую) и Милосердие (вспомоществование людям и снисходительность к их заблуждениям и провинностям). Быть надежным, надеяться самому и быть снисходительным, – вот в наш век эгоизма, плохого и низкого мнения о человеческой природе, суровых и несправедливых суждений самые важные масонские добродетели и истинные подпоры каждого масонского Храма. Это, в сущности, те же самые колонны Первого Иерусалимского Храма, только сменившие имена. Ибо только тот мудр, кто милосерден в своих суждениях о других; только тот силен, кто не оставляет надежды; и нет большей красоты, чем вера в Бога, наших ближних и самих себя.

Масонство – это действие, а не инертность. Оно требует от своих посвященных *работы,* активной и честной, во славу их братьев, их страны, всего человечества. Оно покровительствует преследу-

емым, оно умиротворяет и утешает униженных и притесняемых. Оно видит для себя более высокую честь в том, чтобы быть оружием преобразований и прогресса, чем в почитании всех привилегий и титулов, которые может даровать общество. Оно защищает простых людей во всем, что касается самых возвышенных интересов человечества в целом. Ему ненавистны неограниченная мощь и узурпированная власть. Оно исполнено жалости к обездоленным, страдающим, беспокойным; оно надеется и стремится возвысить невежественных, падших и обесчещенных.

Масонство никогда не ставило перед собой цели участвовать в заговорах против существующего социального устройства. Оно не является фанатичным пророком или проповедником какой-либо религии или философской теории; никогда оно не заявляло о своей враждебности царям земным. Оно является апостолом свободы, равенства и братства; но оно никогда не брало на себя роли первосвященника республиканства или конституционной монархии. Оно не поддерживает никаких связей ни с единой сектой философов, мечтателей и теоретиков. Оно не признает своими законными братьями никого из тех, кто покушается на социальное устройство и существующий общественный порядок, а также законную власть, равно как и тех, кто предлагает лишить умирающих такого средства душевного успокоения, как религия. Оно существует отдельно от всех сект и всех религий, оно тихо и уединенно существует, исполненное своих собственных славы и достоинства, при любом гражданском правлении.

Оно не поощряет анархию и вседозволенность, и никакая жажда славы или странные надежды на пришедшие из глубин веков озарения не заставляют его желать и стремиться к идеальной, утопической свободе. Оно учит лишь тому, что праведная жизни и умеренное поведение – это путь к политической свободе, а потому оно является воином, сражающимся в первых рядах борьбы за святость законов и свободу совести.

Оно признает истинным, что при составлении законов и управлении их соблюдением в обществе необходимость должна сочетаться с абстрактными положениями права и идеальной справедливостью. А в действительности всеми деяниями человека управляет одна необходимость. Масонство признает, что если некий человек, или сколь угодно большая или малая группа людей, столь неразумны, столь низменны, столь неспособны к самоуправлению, находятся

столь ниже общепризнанных человеческих стандартов на древе эволюции, что вряд ли им стоит доверять великую привилегию именоваться гражданами общества, – великий закон Необходимости – во имя сохранения мира и спокойствия в сообществе и стране – требует, чтобы они оставались под управлением и присмотром обладающих более высоко развитым разумом и высшей мудростью. Оно полагает, что Господня Воля в нужное время и в нужном месте, по Его усмотрению, Сама исполнит необходимое и добьется исполнения предназначенного; и оно готово ждать того мига, когда для него эта Воля откроет путь к свершению его собственного предназначения творить добро.

Наш брат граф де Ферниг сказал, обращаясь к братьям Центральной Великой Ложи Шотландского Устава для Франции в 1843 г.: «Масонство Шотландского Устава обязано укреплять человека, существо бренное и слабое. Оно обязано возвышать его, не меняя при этом кардинально его природу, но не позволяя ему и впадать в грех. Оно отвергает догмат об отмирании чувств, равно как и философию чистого сенсуализма. Оно почитает труды как Зенона, так и Эпикура. Оно исповедует веру в Великого Архитектора Вселенной, в бессмертие души, в необходимость смирять человеческие страсти и управлять ими, дабы превратить их в добродетели». В этих словах – суть нашего учения. На этом фундаменте Верховный Совет собирается возвести сияющий Храм для всех мудрецов и праведников всех стран и всех религиозных конфессий. Однако для того, чтобы осуществить все это, мы должны увериться в том, что никакое усилие не пропадет втуне, что всякая помощь в исполнении этого долга важна для нас. Все мы – элементы единого вселенского Целого.

Наш священный долг состоит в том, чтобы уважать все формы поклонения Господу, все возможные политические и религиозные взгляды; никогда не осуждать и ни в чем не обвинять никакие религиозные воззрения; не искать в брате прозелита для своей религии и довольствоваться, если он верует в то же, во что веровал Сократ: он почитал Творца, религию добрых дел и признавал Господне благословение; почитать всех людей своими братьями; помогать всем, кто попал в беду; с радостью ставить интересы Ордена превыше своих собственных; сделать правилом всей жизни своей: благие мысли, благие слова, благие дела; ставить мудреца превыше воина, дворянина и даже князя; видеть в мудрецах своих наставников; следить, чтобы убеждения всегда соответствовали делам, пропове-

ди – образу жизни; сделать еще одним девизом на всю жизнь фразу: *«Делай что должен – и будь что будет!»*

Зная неспешность, с которой Господь производит все великие перемены на Земле, он не может и не должен надеяться посеять семена и собрать урожай в течение одной своей земной жизни. Неизбежная судьба и высочайшее предназначение великих праведников мира сего, за редкими исключениями, состоит в том, чтобы сеять семена, всходы которых пожнут их далекие потомки. Творящий добро только ради того, чтобы быть за это вознагражденным, материальными ли благами, благодарностью ли, славой ли, – подобен ростовщику, отдающему деньги в долг, чтобы потом ему их вернули с процентами. А вот если «награда» за благие деяния состоит в клевете, насмешках, общественном порицании, ненависти или, в лучшем случае, тупом безразличии или холодной неблагодарности, – то это естественно, а посему не беда, ибо наверняка найдется хоть один человек, которому хватит ума оценить благое дело и поблагодарить и восславить благодетеля человечества, не сразу – так потом. Он останется в веках, будет великое и таинственное Будущее помнить его имя или забудет навеки.

Сеять, чтобы другие сжали, трудиться ради тех, кто будет населять Землю спустя века после нашей смерти, творить ради будущего, тем самым продлевая свою собственную жизнь, царить в умах еще не родившихся людей, благословлять дарами Истины, Свободы и Света тех, кто так никогда и не узнает имени дарителя, не заботиться о внешнем блеске усыпальницы своего бренного праха, – вот предназначение истинного масона и вообще любого праведного человека.

Весь мир – это огромная республика, в которой каждое государство – отдельная семья, а каждый человек – ребенок в ней. Масонство, ни в коей мере не требуя от своих посвященных отклонения от многочисленных и разнообразных обязанностей, которые налагает на них деление мира на государства, тем не менее, стремится к созданию новой нации, которая, состоя из граждан всех стран мира, всех народов, будет связана воедино узами просвещения, нравственности и добродетели.

Изначально филантропическое, философское и прогрессивное общество, масонство основой своего учения почитает твердую веру в существование Бога и Его Провидение, в бессмертие души; своей целью – распространение нравственной, политической, философ-

ской и религиозной Истины, а также практику всех существующих добродетелей. Во все времена его девизом было: *«Свобода. Равенство. Братство»* – при условии конституционной власти*, закона, дисциплины и повиновения законной власти,* – то есть *правительства,* а не *анархии*.

Но масонство не является ни политической партией, ни религиозной сектой. Оно принимает к себе представителей всех политических партий и всех религиозных конфессий, чтобы составить из них одно общее братское объединение. Оно признает высокое предназначение человека и то, что он достоин той степени свободы, которой заслуживает; масонству неведомы факторы, которые могут сделать одного человека ниже другого, кроме невежества, подлости и злости, а также оно признает необходимость подчинения высшей воле законной власти.

Нравственность древних, закон Моисея и Христа – это и наша нравственность. Мы признаем всех учителей нравственности, всех великих ее реформаторов своими братьями в этом великом труде. Орел для нас является символом свободы, циркуль – равенства, пеликан – человеколюбия, а наш Орден – братства. Труды во славу этого – с верой, надеждой и милосердием – это наше оружие, и мы намерены терпеливо ожидать окончательного триумфа Добра и полного проявления Слова Господня. Мы признаем всех посвященных своими братьями. Мы не принадлежим ни к какой из известных религий или философских школ. В каждой религии есть Истина, в каждой присутствует чистая Нравственность. И посему любая религия наставляет в масонских Истинах, которые мы все почитаем; всех великих реформаторов нравственности и учителей человечества мы также почитаем и восхищаемся ими.

Масонство – не религия. Всякий пытающийся превратить его в религиозную секту обезличивает и вылущивает его сущность. Индуист, иудей, магометанин, католик и протестант, каждый исповедуя свою собственную веру, основанную на законах, особенностях региона и времени появления, и дальше должен исповедовать ее, и только ее одну; ибо общественные и священные законы, приспособленные к особенностям, обычаям и предрассудкам того или иного народа, были порождены людьми.

Но масонство наставляет в том, что оно сумело сохранить сквозь века, – в началах истинной, примитивной, древнейшей веры, пронизывающих и лежащих в основании любой веры. Она существо-

вала всегда и содержала в себе Истину, и только последующие поколения покрывали ее наслоениями предрассудков и ложных догм. Простые истины, которым учил Избавитель, вскоре оказывались искаженными, и уже первым последователям новой религии они преподавались первыми адептами в искаженном виде. Масонство – это вселенская нравственность, вполне подходящая для всех обитателей Вселенной, вне зависимости от места, где они живут, и веры, которую они исповедуют. Оно никогда не наставляло никого ни в какой религиозной доктрине – только повествовало об основах веры, необходимых для самого выживания и существования человечества; и всякий стремившийся направить его по пути бессмысленной мести, политического действия, иезуитства, всего лишь превращал его в нечто совершенно иное, лишал масонство самой его сути и делал иной, новой организацией, отвечающей его и только его низменным целям, лишенной чистого масонского духа и истинной природы.

Атеизм состоит в отрицании бытия всякого бога, реальности каких бы то ни было идей Бога. Он вообще отрицает существование некоего бытия, силы или сущности, являющейся Первопричиной и Провидением Вселенной, всякого существа, всякой вещи или души, духа, *намеренно и разумно* производящих гармонию, порядок и красоту в мире и обладающих свойством неизменно активного действия. Следовательно, настоящий атеист должен отрицать существование всякого порядка, закона и гармонии бытия, любого более или менее неизменного образа действий в материальном мире, ибо человек в силу своей природы не в силах (как бы он ни притворялся, что ему это доступно) вообразить существование всего этого вне некоего внешнего Разума, непостижимого никакими иными средствами, кроме созерцания вышеупомянутых гармонии и порядка, причем «Разум» здесь – это только одно из «имен» корня всех непостижимых причин.

Истинный атеист не может не отрицать существование Божественных свойств, Разума Вселенной или Разума *во* Вселенной, самопорожденного Провидения и Провидения вообще. Он в силу необходимости должен отрицать любое Существо, которое было бы Первопричиной конечных вещей материального мира, которое обладало бы собственными волей, властью и силой, мудростью, справедливостью, любовью, верностью себе и своей природе. Он должен отрицать существование *всякого* плана во Вселенной и

в какой бы то ни было ее части. Он должен полагать материю или вечной и самопорожденной, что абсурдно, или что она все же вызвана к жизни неким Разумом или, по крайней мере, Первопричиной, – а следовательно, признать существование Бога. Вне всякого сомнения, нам недоступно понимание того, *как именно* появилась материя, как именно она *начала быть* в пространстве, в котором ее ранее не было, как вообще не было ничего, кроме Бога. Но также вне всякого сомнения, мы не можем вообразить ее вечной и *несотворенной*. Полагать, что она вечна и не обладает мыслью и волей, что ее отдельные формы (семя, камень, дерево, человек, Солнечная система) появились самостоятельно, а не по какому-либо заранее сотворенному плану, по воле «случайности» или «причудливой группировки атомов», атомов материи, не обладающей, в силу вышесказанного, мыслью и волей, полагать, что в ней отсутствуют всякий план, всякая мысль, цель, разум, – абсурдно. Это означает отнюдь не *отрицать* существование того, что мы понимаем под терминами «разум», «план» и «цель», «Провидение», а просто настаивать на том, что эти слова обладают иным значением, нежели то, которое в разное время приписывали им практически все народы Земли; это означает подразумевать существование некоей неизвестной сущности, для которой человек еще не придумал *имени,* потому что не мог ее себе представить. Или «плана» никогда не существовало вовсе, а само это слово лишено всякого смысла, или Вселенная существует в соответствии с этим Планом. Это *слово* никогда не могло означать никакую иную *вещь,* кроме самого факта существования Вселенной. Точно так же и со словами «цель» и «Провидение». Они или не значат вовсе ничего, или значат только то, что доказывает своим существованием Вселенная.

Разве это может удовлетворить инстинктивную жажду бессмертия в душе человека, побуждающую нас вечно неудержимо стремиться присоединиться после смерти к нашим родным и близким, ушедшим раньше нас, ко всему человечеству, к радостям Жизни Вечной? Разве это может удовлетворить нашу извечную жажду вечности и приближения к Великой Первопричине всех вещей и познанию Ее?

Человек никогда не мог смириться с мыслью об отсутствии некоего Разума, который мыслил бы *за* него, устанавливал бы нерушимые законы бытия и следил бы за их неукоснительным соблюдением, некоего Сердца, которое любило бы и сострадало бы всем

тем, кого некому любить и кому некому сострадать в этом мире, некоей Воли, которая управляла бы Вселенной и направляла народы мира по пути мудрости, справедливости и любви. История – слава Богу, мы точно знаем это, – не является случайным совпадением событий, а Природа – случайной группировкой атомов. Мы не можем поверить в то, что в Природе не существует Плана и цели, которые управляли бы всеми и всяческими событиями, что все произошло ниоткуда и идет в никуда, что все красота, мудрость, привязанность, справедливость, нравственность этого мира являются случайностями и вполне может завтра перестать быть.

Разум атеиста повсюду находит только материю, но не Первопричину и Провидческий Разум; его нравственное чувство не находит нигде уравновешивающей Воли, красоты нравственного бытия, Сознания, по справедливости утверждающего повсюду нерушимый закон праведности, Порядка или духовного Предвидения, – лишь материальные Судьбу и Случайность.

Никакой человек не бывал, да и не мог быть, удовлетворен такой картиной мира. Свидетельства Бытия Божьего настолько прочно укоренены во всей Природе, так плотно вплетены в саму ткань человеческой души, что атеизму так никогда и не суждено было превратиться в настоящую религию, пусть он иногда и присваивал себе вид более или менее стройной теории. Религия естественна для человека. Он инстинктивно обращается к Богу, полагается на Него, почитает Его. В небесной математике, уравнения которой начертаны огненными буквами на небосклоне, он видит закон, порядок, красоту и беспредельную гармонию; в этике микроскопического народца, населяющего муравейник, он видит то же самое; во всей живой и неживой природе его взору предстают свидетельства существования Плана, Воли, Разума, – то есть Бога, благого и милостивого, любящего, мудрого и снисходительного в силу Своего ничем не ограниченного могущества.

Бог, в соответствии с масонской верой, есть *Беспредельная Истина, Беспредельная Красота* и *Беспредельное Благо*. Он есть Святая Святых, Творец Нравственного Закона как основания Свободы, Справедливости и Милосердия, Определитель Наград и Наказаний. Такой Бог совершенно не является абстракцией: это свободная и разумная *личность*. Он сотворил нас по образу и подобию Своему; от Него мы получили закон, управляющий нашими судьбами; Его суда над собой мы ожидаем. Именно Его любовь вдохновляет нас на

наши милосердные деяния; именно Его справедливость управляет *нашим* правосудием, правосудием нашего общества и справедливостью наших законов. Мы постоянно напоминаем сами себе, что Он бесконечен, иначе мы неизбежно со временем унизили бы Его; вообще, Его все равно что не существовало бы для нас, не создай Он Своего образа и подобия в нас самих, в виде наших души и разума.

У *всех* древних народов были общее для всех понятие о Боге и единая религия, предназначенная для просвещенных, образованных и разумных избранных; для простого же народа религии были другие. И народ Израиля не был здесь исключением. Таковы были понятия простого народа о Боге, а первосвященники или сами думали так же, или считали, что для народа и этого достаточно и что ничего менять и не стоит, или же общий уровень развития интеллекта в то время в принципе не позволял развить какие-либо иные понятия о Всемогущем.

Но эти понятия не были понятиями немногих просвещенных и образованных представителей народа Израиля. Определенно, именно они обладали истинным *знанием* природы и свойств Бога, как и избранные других народов – Зороастр, Мани, Конфуций, Сократ и Платон. Но их учение о Боге было эзотерическим: они не передавали его всем подряд, избирая для этого самых достойных, с их точки зрения, людей, а само посвящение в эти таинства происходило так же, как в Индии и Египте, Персии и Финикии, Греции и Самофракии в ходе Великих Мистерий.

Система передачи этого знания, равно как и других таинств, многие из которых, возможно, были со временем утрачены, посвященным именовалась по-разному, а в наше время мы знаем ее под названием «масонство», или «вольное каменщичество». В определенной степени, это знание состояло в постижении *Утраченного Слова,* которое открывалось Великим, Избранным, Совершенным и Верховным Масонам.

Для образованных и просвещенных Избранников всех времен и народов Верховный, Самодостаточный, Предвечный, Всемогущий, Всеведущий, Бесконечно Милосердный, Благой, Сочувствующий Творец и Предержитель Вселенной был един, каким именем Его ни называли бы. Имя Его было не чем иным, как символическим иероглифом Его природы и свойств. Имя Эль означало Его отдаленность от человека, пребывание *над* человеком, Его *недоступность;* Имена Бэл и Бала – Его *силу;* Элохим – Его неограниченные *воз-*

можности; Йеху – *предсуществование* и *творение* всего сущего. Ни одно из этих Имен, которыми пользовались на древнем Востоке, не описывало Его беспредельную Любовь и всеохватную Милость. Как Мелех, или Малх, Он был всемогущим *правителем,* обладателем всеподчиняющей Божественной безответственной *Воли;* как Адонай – единоправным *правителем* этого мира, его *господином;* как Эль-Шаддай – могущественным *разрушителем.*

Передача истинного знания о Божественной природе была основной задачей мистериального посвящения. Именно через Мистерии Хурум-Царь и Хурум-Мастер обрели знание этих таинств, именно через них это знание было передано и Моисею с Пифагором.

Превыше всего, истинный масон должен со скромностью и почтением преклонять колени пред Великим Архитектором Вселенной, ни в коем случае не позволять себе усомниться в Его неисчерпаемой Мудрости, не пытаться применить свое собственное убогое понимание того, что правильно, а что – нет, к Его Провидению и Его делам, не торопиться изучать таинства бесконечной Божественной Сущности и Его непроницаемые для смертных планы на будущее, а равно и великую непостижимую Природу, которую ему также не дано никогда понять и объяснить полностью.

Да бежит он прочь от всех этих пустопорожних философствований, тщащихся объяснить все и вся и отказывающихся раз и навсегда признать существование Бога, единого и отдельного от Вселенной, которая есть всего лишь творение Его; признающих только Природу своим богом и только ей поклоняющихся; отрицающих Божественный Дух и ограничивающих человеческое познание только данными, полученными посредством наших пяти телесных чувств; они путем логических построений и бессмысленной словесной софистики пытаются заставить такого явного, живого, любящего и наставляющего Бога уйти в тень нереальности и абстракции, превратиться в очередную логическую формулу.

БОГ ЖИВ И ВЕЧЕН

Не успел еще состариться материальный мир, как Истина стерлась из душ человеческих. Человек спросил себя: *«Кто я? Откуда я? Как я появился? Куда я иду?»* И душа его, обратившись внутрь себя, силилась осознать, является ли это самоосознание, это внутреннее «я» чисто материальным; она мыслила и размышляла о своих страстях и привязанностях: являются ли они всего лишь следствиями тех

или иных сочетаний чисто материальных факторов, является ли она сама чисто материальным фактором или же материей в оболочке нематериального Духа… Она стремилась своими мыслями все дальше, желая постигнуть путем самоизучения, является ли дух самостоятельной сущностью, обладающей ничем не ограниченным во времени бытием, или же микроскопической частицей Великого Вселенского Первопринципа, присутствующей одновременно во всем бескрайнем пространстве, во всей Вселенной в виде волн, подобно свету и теплу… И все дальше и дальше заходила она в своих размышлениях, и все больше погружалась в непроницаемую чащу заблуждений, порождая пустые и лишенные всякого смысла философские теории, она блуждала в потемках материализма, сенсуализма, впустую била крыльями в вакууме абстрактных умствований и идеализма.

Не успели еще первые в мире дубы породить первую в мире свежую листву, человек утратил уже совершенное знание о Едином Истинном Боге, Древнем Абсолютном Бытии, Беспредельном Разуме и Высшем Уме; человек отправился в бесцельное странствие вдаль от берегов, посреди бурного океана догадок и умопостроений. Душа истощила себя бесплодными попытками понять, является ли Вселенная всего лишь случайным сочетанием атомов, или наоборот, творением Беспредельной, Несотворенной Мудрости; является ли Бог концентрированной нематериальностью, а Вселенная – нематериальностью, протяженной в пространстве, или же Он есть персонифицированное бытие, Всесильное, Вечное, Верховное Бытие, волей Своей управляющее материей, или же это бытие, всего лишь заставляющее материю повиноваться единожды установленным и вечным, неизменным и всеобщим законам тварного мира, бытие, для Которого, Беспредельного и Вечного, вообще не существует таких понятий, как время и пространство. Своим ограниченным умом и несовершенным зрением люди стремились проникнуть к самому источнику бытия, дабы объяснить сами себе происхождение и существование Зла, Боли и Горя; но это лишь заводило их еще глубже в мрачные дебри заблуждений, где им суждено было заблудиться и пропасть навечно; более для них не существовало Бога – лишь глухая бездушная Вселенная, наполненная лишенными для них смысла эмблемами и символами, окружала их.

Внешнее и внутреннее физическое зло неизменно связано с целью своего существования, каковая цель состоит в торжестве нрав-

ственного закона в материальном мире, вне зависимости от последствий, в твердом уповании на то, что подвергающаяся в этой жизни унижению добродетель будет вознаграждена в Жизни Грядущей. Нравственный закон обладает собственными властью и разумом. Он никак не зависит от неизменно сопутствующего ему закона воздаяния и не лежит в его основе. Однако, несмотря на то, что закон воздаяния не является и не должен являться определяющим принципом добродетельного деяния, он здесь совпадает с нравственным законом, ибо предоставляет добродетели законные основания для успокоения и надежды.

Нравственность есть признание своего долга и необходимости исполнять его, вне зависимости от возможных последствий этого.

Религия есть признание своего долга и его неизменной гармонии с благом, гармонии, которая в силу необходимости должна реализовываться в Жизни Грядущей через справедливость и всемогущество Бога.

Религия столь же истинна, сколь истинна нравственность, ибо, признавая нравственность, необходимо признавать и все ее следствия.

Все нравственное бытие укладывается в два слова, идеально сочетающиеся между собой: *долг* и *надежда*.

Никакое деяние Божественного Провидения, никакое людское страдание, никакие тяготы не являются знаками Его гнева; никакие признаки не могут указывать на то, что Бог якобы зол на нас. Он не способен гневаться; Он настолько же выше этих приземленных чувств, насколько далекие звезды выше земли. Плохие люди умирают не потому, что Бог их не любит. Они умирают потому, что смерть для них лучше всего; коль скоро они так плохи, лучше всего им пребывать в объятиях непостижимо благого и доброго Бога, чем где бы то ни было еще.

ТАИНСТВА ВЕЛИКОЙ ГОСПОДНЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Как можем мы – с нашими ограниченными способностями к восприятию и постижению Истины – рассчитывать познать их во всей полноте? Беспредельное *пространство,* простирающееся от нас во все стороны; беспредельное *время* без начала и конца, – и *мы сами, здесь и сейчас,* в центре всего этого. Существуют бесчисленные солнца, лишь одно из которых становится тем меньше для нас, чем в более мощный телескоп мы его рассматриваем; каждое окруженное освещаемыми им мирами; настолько удаленные от нас, что их

свету никогда не суждено до нас долететь; бесконечно перемещающиеся в вечности, в то время как свет того солнца, которое, как нам кажется, мы видим, летел к нам на протяжении более чем пятнадцати веков. Наш мир постоянно вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца; а само Солнце вместе с нашим миром, в свою очередь, вращается вокруг некоей центральной оси, вместе со всеми прочими солнцами и звездами, со всеми мирами, с непостижимой скоростью проносящимися по бескрайнему Космосу; и вот, в каждой капле воды, которую мы пьем, в каждой крошке пищи, которую мы едим, в воздухе, в земле, в океане обитают мириады крошечных существ, невидимых для нашего невооруженного глаза, вообще непостижимой для нас миниатюрности, которые обладают, тем не менее, строгой организацией, которые живут, едят, *возможно,* чувствуют и обладают самосознанием, памятью и инстинктами.

Таковы лишь некоторые из тайн Господней Вселенной. И тем не менее, мы, чья жизнь и жизнь чьего мира является лишь едва заметной точкой в Бесконечности, мы, питающие микроорганизмы внутри своего тела и питающиеся сами растительностью своего мира, желаем познать, как Бог сотворил весь этот мир, стремимся познать Его свойства, Его силы, Его воплощения, образ Его бытия и действий; желаем познать суть Плана, лежащего в основании всех явлений и процессов, Плана столь же разумного и мудрого, сколь Сам Господь; стремимся познать законы, посредством которых Он правит Своей Вселенной; желаем *узреть* Его и *говорить* с Ним с глазу на глаз как с равным себе, мы пытаемся *не верить,* объясняя это для себя тем, что не хотим верить в то, чего *не понимаем*…

Он повелел нам возлюбить друг друга, возлюбить ближнего, как самого себя; а мы начинаем спорить с Ним, возражать Ему, ненавидеть и убивать друг друга, – все это потому лишь, что оказались не в состоянии прийти к общему мнению относительно Его Сущности, Его свойств: был ли Он рожден человеком, мужчиной Он был или женщиной, был ли Он распят на кресте, един ли Дух Святой природой с Богом Отцом, или же природа их только *схожа,* может ли быть дряхлый полоумный старик Наместником Господа на Земле, является ли та или иная группа людей избранной Господом для вечного спасения, в то время как все остальные люди обречены на проклятие и вечный Ад, вечно ли длится наказание грешников после физической смерти, – и все эти разногласия заставляют нас заливать мир кровью, опустошать целые области, превращать пло-

дородные земли в пустыню. В конечном счете на протяжении уже многих веков вся Земля – из-за непрекращающихся религиозных войн, бессмысленного кровопролития – является вращающимся вокруг Солнца паровым котлом, кипящим людскими страданиями, кровью, пролитой в братоубийственных войнах во имя победы одного религиозного мнения над другим таким же; и эта бойня непрерывно вносит заразу во все вены Земли, превращает ее в пугало и посмешище для всех ее сестер во Вселенной.

Будь все люди Земли масонами, повинуйся они всем своим сердцем гуманному учению нашего Ордена, наш мир был бы Раем; но сейчас нетерпимость и злоба делают его сущим Адом. Ибо вот в чем вера истинного масона: *веруй* в беспредельное Милосердие Господне, в Его Мудрость и Справедливость; *надейся* на окончательную победу Добра над Злом, на торжество Совершенной Гармонии в конечном результате всех согласий и разногласий во Вселенной; *будь милосерден,* как милосерден Господь, ко всем заблуждениям, неверию, ошибкам и проступкам людей, ибо все люди – братья.

1858

Примечания переводчика

ВЕЛИКИЙ ПОНТИФИК

1 Совладелец типографии И. Гутенберга в 1448–1455 гг., фактически вытеснивший из дела самого первопечатника и присвоивший себе изобретенный им шрифт и всю славу. При нем как главе типографии и вышла первая 42-страничная Библия. В течение продолжительного времени, вплоть до конца XIX в. многие источники именно его указывали первопечатником.

РЫЦАРЬ ЦАРСТВЕННОЙ СЕКИРЫ

1 Трудиться – значит молиться (*лат.*).

2 1 Послание Иоанна, IV: 12.

НАЧАЛЬНИК СКИНИИ

1 Имеется в виду латинский глагол *initio* – «начинать».

2 Торжественное шествие, ритуальная процессия.

3 Бытие, XLI: 43–45. Именам «Цапанат-Паанах», «Ашанат» и «Потай-Паран» в тексте Синодального перевода Библии соответствуют «Цафнаф-Панеах», «Асенефа» и «Потифер». У автора неточность: в Библии действительно указано, что Потифер был жрецом, но в Оне Египетском, то есть Илиополе (Гелиополе), в то время как Иерополь – совершенно другой город. Кроме того, автор смешивает образы Амона-Ра, солнечного бога, и Атума.

4 Бытие, XLIV: 15.

5 Исход, II: 18–21, III: 1. Примечательно, что имя тестя Моисея в главе II Книги Исхода приводится как «Рагуил», а в главе III – как «Иофор»,

каковое имя имеет в виду и автор. Однако в Библии говорится, что Иофор был «священником Мадиамским», а не египетским, из Она.

КНЯЗЬ СКИНИИ

1 Древнееврейское слово צפעני (цафанай) означает «змей».
2 От лат. *nocta* – «ночь».
3 От Иоанна, IX: 1–3. Дословно: «И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии».
4 Вариант Йоркского Устава, практиковавшийся в США в XIX в. В настоящее время практикуется во всех штатах США, в Канаде и некоторых странах Европы с тенденцией к полному слиянию с современным Реформированным Йоркским Уставом.
5 Имеются в виду английские названия дней недели, то есть Saturday – суббота, день Сатурна, и Sunday – воскресенье, день Солнца.
6 Делаемое Пайком отождествление Шивы с Ариманом совершенно некорректно. См. ниже.
7 Так в оригинале. Однако подразумевается, скорее всего, не Сита, супруга Рамы, а Сати, первая жена Шивы.
8 «Современный устав», один из французских масонских уставов высших степеней.

РЫЦАРЬ МЕДНОГО ЗМЕЯ

1 Местность в современном Ираке, где в 1860–1864 гг. археолог Ормузд Рассам проводил раскопки, приведшие к обнаружению дворцов и улиц древней Ниневии.
2 Иов, XXXI: 26–28
3 Имеется в виду Крымский полуостров – Таврия, Таврида.
4 Псалом LXXX: 4–6. У автора неточность: это псалом Асафа.
5 Так у автора. Определенно вывод основан на ошибочной посылке, смешении элементов мифов о Персее и Прометее.
6 От лат. *canis* – «собака».
7 Византийский словарь X в. В прошлом историки полагали, что слово «Свида», или «Суда», означает имя его автора, но в настоящее время признано, что автор лексикона неизвестен. Возможно, что в его создании участвовало несколько составителей.
8 Так у автора: в литературе чаще встречаются варианты «Акирор» и «Акир».

9 Хим – Плеяды, Кесиль – Орион. Иов, XXXVIII: 31.
10 Амос, V: 8. Семизвездие – Плеяды. Выделение автора.
11 Или «нахашан», от др.-евр. נחש – змея.
12 Так у автора. В действительности, яд был проглочен Шивой, отчего шея его посинела, и его стали звать Нилакантхой.
13 Персидских Драконов (*лат.*).
14 Приводимое Пайком описание не соответствует действительности. Шива (вернее, Рудра) как один из трех богов олицетворяет силу разрушения, но никак не принцип зла. Само имя «Шива» означает «Благой» и применяется по отношению ко Всевышнему. Парвати – энергия (*шакти*) Шивы. Бхайрава – ипостась самого Шивы, представляющая Его экстатическую силу.
15 В наше время основные классификации форм креста различают понятия тевтонского (состоящего из четырех т-образных ветвей), мальтийского (состоящего из четырех стреловидных ветвей, сходящихся острыми концами), египетского (*crux ansata,* тау-креста, увенчанного кольцом или кругом) и дугового (или тамплиерского) крестов.
16 Греческая буква (Т).
17 У автора: «and mark the letter Tau upon the foreheads». Однако полностью цитата приводится в тексте перевода в соответствии с русским Синодальным переводом Библии, в котором слова «Тау» нет, равно как нет его и в наиболее распространенных во времена А. Пайка английских текстах Священного Писания в версиях Уиклиффа и Авторизованной (Библия Короля Иакова), в которых используется сочетание «mark the sign». Автор чаще пользуется латинской Вульгатой, в которой содержится прямое указание: «et signa thau super frontes virorum».
18 Амос, V: 26: «Вы носили скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана…»
19 Иов, XXVI–XXVIII.
20 Неизвестно, какой именно из известных на данное время четырех вариантов Книги Еноха имеет в виду автор. Автора он именует Псевдо-Енохом, скорее всего, в силу апокрифического характера самого труда, поскольку это имя в таком контексте встречается, например, у Гиббона. Цитата практически идентична эфиопскому варианту Книги Еноха (IV: 21) в немецком переводе Диллмана (русский перевод – протоиер. проф. А. В. Смирнов, «Книга Еноха: апокрифы», «Азбука». С-Пб, 2000.), однако имеет и некоторые отличия,

в частности, в данном русском варианте Енох беседует с ангелом, названным по имени – Уриил. Вполне допустимо использование автором именно этого варианта как наиболее широко распространенного и в его время, и в наше, однако с присущим ему несколько вольным обращением с цитируемым текстом.

князь милостивый

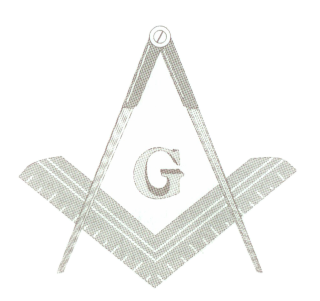
1 В мифологической литературе Фенрир чаще фигурирует в образе волка.
2 Бытие, VIII: 21–22, IX: 9–13, 17.
3 Бытие, XVII: 1–2, 6–7.
4 Исайя, LIX: 20–21, LX: 3, 14, 19–20.
5 1 Послание Иоанна, IV: 7–8, 11.
6 От Матфея, XXVI: 26–27.
7 Автор имеет в виду аллюзию на название или составную часть названий нескольких офицерских должностей в ложах Английского Изначального и некоторых других масонских Уставов – «Стюард».
8 Автор имеет в виду аллюзию на название масонской офицерской должности – «Эксперт», по-английски – «Deacon».
9 Название офицерской должности Привратника в некоторых степенях нескольких масонских Уставов и Орденов.
10 В оригинале – важный для автора термин «Master».
11 Внутреннее помещение, святилище (*лат.*).
12 Тессера гостеприимства (*лат.*).
13 Так у автора.
14 В последнем случае автор, скорее всего, принимает за часть слова древнееврейский союз «и» - букву «вав» (ו), читающуюся как «в» или «у». Таким образом, имеется в виду Мудрость – Бина.
15 «Сущность», или «Он Сам»; воплощениями Его являются Элохим.
16 От Иоанна, I: 14.

смысл масонства

1 Программное выступление перед собранием братьев Великой Ложи штата Луизиана.
2 Бернар-Жермен-Этьен Ласепед (Lacépède) (1756–1825) – французский герпентолог и ихтиолог, последователь Бюффона, более или менее последовательный сторонник эволюционистского учения.

Официальный сайт Великой Ложи России:

mason.ru

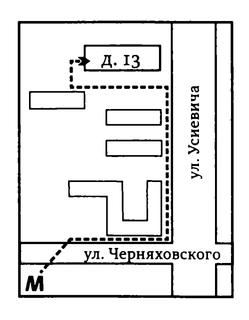

www.ganga.ru

ganga@ganga.ru

Оптовые партии книг издательств «Ганга», «Открытый Мир», К. Кравчука, Института Трансперсональной Психологии и др. по издательским ценам можно приобрести по адресу:

ул. Усиевича, д. 13
(м. «Аэропорт», первый вагон из центра, вывеска на доме «Салон „Белль“», вход со двора с торца здания, дверь без вывески, полуподвал).

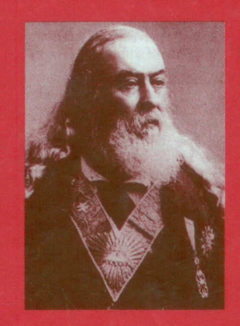

Тел./факс: (495) 151 0971
E-mail отдела продаж: real@ganga.ru

Приглашаем к сотрудничеству книготорговые организации и распространителей эзотерической литературы.
Возможны обмены на книги других издательств.
Берем книги на реализацию.

Отдельные экземпляры можно заказать по почте или через интернет-магазин «Омстор».
www.omstore.ru

Для получения бесплатного каталога вышлите конверт с обратным адресом и наклеенной маркой по адресу:
129323, Москва, а/я 1, «Книга-почтой».

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» является основополагающим трудом по истории и философии масонства как посвятительного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк – один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава. Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень. «Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исиды до современных Пайку неотамплиеров. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

